Рус. Старина
№ 6.
1889 г.

...ская
...арина
...89 г.

Центральная Рабочая
Библиотека
Профессиональных Союзов.

Центральная Рабочая
библиотека-читальня
Московского Совета
профессиональных Союзов

РУССКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМѢСЯЧНОЕ

ИСТОРИЧЕСКОЕ ИЗДАНІЕ.

Годъ двадцатый. ІЮНЬ. 1889 годъ.

Книга на дом не выдается.

СОДЕРЖАНІЕ.

I. Графъ Готлобъ-Куртъ-Генрихъ Тотлебенъ въ 1715—1763 гг. Гл. IV и V. Сообщ. Г. К. Рѣпинскій 513

II. Жизнь Андрея Болотова, описанная имъ самимъ для своихъ потомковъ. 1799 и 1800 гг. . . 535

III. Дневникъ Александра Васильевича Никитенко, 1828—1829 гг. . . 577

IV. Михаилъ Кирилловичъ Бобровскій, 1784—1848 гг. Историко-біографическій очеркъ. (Оконч.). Состав. П. О. Бобровскій. 599

V. Студенческія исторіи въ Казанскомъ университетѣ, 1861 г. Сообщ. проф. Н. А. Ѳирсовъ . 623

VI. Графъ Николай Ивановичъ Евдокимовъ, 1804—1873. Гл. V. . 641

VII. Воспоминанія художника В. В. Верещагина: Алексѣй Ивановичъ Шадринъ, разсказъ странника-богомольца 661

VIII. Къ новѣйшей исторіи монастырей, записка архимандрита Игнатія Малышева, 1869 г. . . . 683

IX. Княгиня Жанета (Іоанна) Антоновна Ловичъ, супруга цесаревича Константина Павловича. Сообщ. П. П. Исаевичъ 707

X. Россія на Черномъ морѣ и въ Палестинѣ въ 1856—1860 гг. Очеркъ М. 717

XI. Ѳеофанъ Гавриловичъ Лебединцевъ. Очеркъ къ его біографіи. Сообщ. проф. Н. Ѳ. Сумцовъ . 725

XII. Михаилъ Евграфовичъ Салтыковъ, автобіогр. замѣтки, письма, стихотвореніе. † 28 апрѣля 1889 г. 733

XIII. Константинъ Ивановичъ Домонтовичъ, очеркъ къ его біографіи. † 28 апрѣля 1889 г. 755

XIV. Матеріалы и стихотв.: Два указа 1734 г. (701). — Русскіе на Шпицбергенѣ въ 1747—1748 гг. (703). — Н. П. Огаревъ (682 и 724). — Братья В. В. и К. В. Сикорскіе (696). — Князь Николай Черногорскій въ С.-Петербургѣ (773)

XV. Библіографическій листокъ.

ПРИЛОЖЕНІЕ: Портретъ Михаила Евграфовича Салтыкова, гравир. на мѣди художникъ Ѳ. А. Мѣркинъ (второе исправлен. тисненіе).

1917

Продолжается подписка на „РУССКУЮ СТАРИНУ“ изд. 1889 г.

Двадцатый годъ изданія. Цѣна 9 руб.

ДПАК.

Журнальный фонд
Московской об. [illegible]

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія В. С. Балашева, Екатерининскій каналъ, д. № 78.
1889.

VI-я книга „Русской Старины“ вышла 1-го іюня 1889 г.

Сборникъ свѣдѣній о настоящемъ состояніи городскаго хозяйства въ главнѣйшихъ городахъ Россіи. Составили П. Алабинъ и Н. Коноваловъ. Самара, 1889 г., въ 8 д., стр. IV+910. Цѣна 2 р. 50 к.

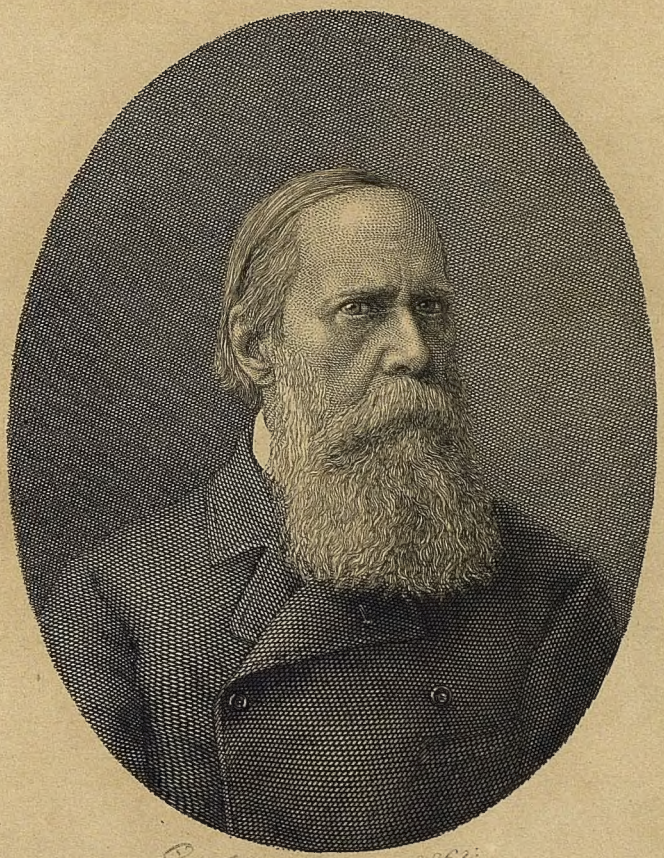
Въ то время, когда дѣятельность городскихъ думъ въ столицахъ Россіи хорошо извѣстна нашему обществу, о городскихъ управленіяхъ провинціи свѣдѣнія ограничиваются большею частью отрывочными сообщеніями мѣстныхъ корреспондентовъ въ газетахъ, да болѣе или менѣе талантливыми обозрѣніями дѣятельности ихъ въ журналахъ, причемъ, однако, элементъ сатирическій и обличительный имѣетъ преимущественное мѣсто. Названный сборникъ даетъ свѣдѣнія положительныя, охватывающія различныя стороны какъ въ дѣятельности органовъ городскаго самоуправленія, такъ и въ современномъ состояніи городскаго хозяйства. Свѣдѣнія эти вовсе не касаются столицъ, а относятся до 50 губернскихъ городовъ Россіи, какъ европейской, такъ и Сибири. Трудъ въ высокой степени полезный, вполнѣ достигающій цѣли его составителя, уважаемаго городскаго головы Самары П. В. Алабина, дать матеріалъ для сравненія положенія городскаго хозяйства и самодѣятельности горожанъ на Руси до введенія городоваго положенія 1870 г. и спустя почти 25 лѣтъ; свѣдѣнія относятся до 1886 года. Вотъ содержаніе этого весьма интереснаго сборника: личный составъ управленія въ 50 губернск. городахъ.—Почетные граждане.—Народонаселеніе. — Количество владѣемой городомъ земли и доходъ отъ нея.—Богослужебныя зданія.—Число домовъ и строеній.—Городской бюджетъ.—Особыя обложенія. — Торговля, промышленность, ремесла, фабрики, заводы, ярмарки.— Городскія кредитныя учрежденія.—Городская полиція.—Пожарная команда.—Страхованіе.—Квартирная воинская повинность.—Воинская повинность.—Учебныя заведенія.—Библіотеки, музеи, картинныя галлереи, ботаническій садъ, метеорологическая станція, общество любителей естествознанія, ученыя архивныя комиссіи. —Печатные органы городскаго управленія и городскія типографіи или литографіи.—Часть медицинская.—Общественное призрѣніе. — Станціи спасанія на водахъ. — Замощеніе улицъ.—Освѣщеніе.—Водопроводы.—Выгоны. — Городскіе телефоны. — Конно-желѣзныя дороги и почта. — Садоводство и огородничество. — Общественные городскіе сады. — Театры и цирки.— Общественные памятники.

Какъ предпріятіе, произведенное энергіей и издержками частныхъ лицъ, изданіе этого замѣчательнаго сборника, быть можетъ, и не будетъ имѣть продолженія, а потому весьма желательно, дабы хозяйственный департаментъ м—ства внутр. дѣлъ взялъ на себя это дѣло и, время отъ времени, также по самымъ позднѣйшимъ даннымъ, у него сосредоточивающимся, издавалъ бы таковые сборники данныхъ, до положенія городовъ нашего отечества относящихся; желательно при этомъ, дабы и уѣздные города, хотя бы на первыхъ порахъ главнѣйшіе, ибо нѣкоторые изъ нихъ гораздо значительнѣе губернскихъ, также введены были бы въ таковой сборникъ.

Описаніе документовъ и бумагъ, хранящихся въ Московскомъ архивѣ Министерства Юстиціи. Книга шестая. Москва, 1889 г., въ 8 д. Цѣна 3 р.

Въ шестой томъ этого обширнаго почтеннаго труда вошли: исторія бывшихъ московскихъ сенатскихъ архивовъ за время съ 1812 по 1843 гг.—Опись чертежей, существовавшихъ въ Разрядѣ во второй половинѣ XVII вѣка.—А. В. Макаровъ, бывшій кабинетъ-секретарь при Петрѣ Великомъ; слѣдств. надъ нимъ комиссія, 1732—1734 гг.—Слѣдственныя о раскольникахъ комиссіи 1733 — 1739 и 1745—1757 гг.—«Указная книга помѣстнаго приказа» по рукописи XVII вѣка. Общей редакціей шестой книги этого превосходнаго сборника завѣдывалъ управляющій архивомъ Н. А. Поповъ, съумѣвшій соединить въ архивѣ, какъ видно изъ всего этого изданія, дѣльныхъ, трудолюбивыхъ и весьма свѣдущихъ сотрудниковъ.

Сдѣлаемъ два маленькихъ замѣчанія, чисто внѣшнихъ: хотя отдѣлы «Описанія» рѣзко разграничены, но нумерацію страницъ слѣдовало бы имѣть не по отдѣламъ, какъ теперь, а сплошь по каждой книгѣ; необходимо также дѣлать постраничныя указанія содержанія, т. е. колоннъ-титлы.



ПРИЛОЖЕНІЕ КЪ ЖУРНАЛУ «РУССКАЯ СТАРИНА».

ДОЗВОЛЕНО ЦЕНЗУРОЮ. С.-ПЕТЕРБУРГЪ, 17 МАЯ 1889 г. ЭКСПЕДИЦІЯ ЗАГОТОВЛЕНІЯ ГОСУДАРСТВЕННЫХЪ БУМАГЪ.

Центральная Рабочая
Библиотека-Читальня
Московскаго Совѣта
Профессіональныхъ Союзовъ.

24866

ГРАФЪ ГОТЛОБЪ-КУРТЪ-ГЕНРИХЪ ТОТЛЕБЕНЪ

въ 1715—1763 гг.

Я. Л. К.

Матеріалы для біографіи.

IV [1]).

Извѣстіе о взятіи Берлина, какъ само собою разумѣется, произвело громадное въ Петербургѣ впечатлѣніе. Въ проектѣ доклада конференція по этому поводу высказала: «что счастливо въ дѣйство произведенная экспедиція на Берлинъ есть гораздо большей важности и знатности, больше королю прусскому причинила урону, больше союзникамъ сдѣлала вспоможенія и больше побѣдоносному Вашего Величества оружію славы принесла, нежели сперва думать можно было, ибо сверхъ того, что убитыми, плѣнными и дезертирами непріятель всемѣрно болѣе шести тысячъ человѣкъ потерялъ, и сверхъ того, что лучшіе королевскіе литейные и оружейные и пороховые заводы въ конецъ раззорены, а арсеналы и магазины опустошены, и сверхъ того, что казна Вашего Императорскаго Величества полтора милліона талеровъ получаетъ, а армія во все то время не имѣла урону болѣе, какъ только до ста человѣкъ, конференція почитаетъ еще важными и, такъ сказать, рѣшительными пріобрѣтеніями:

«1) что непріятель, который, можетъ быть, съ знатною частію Европы увѣренъ былъ, что здѣшнія войска ни скорыхъ и искус-

---

[1]) См. „Русскую Старину“ изд. 1888 г., т. LX, октябрь, стр. 1—34.

ныхъ походовъ дѣлать, ни его атаковать не могутъ и который дѣйствительно по тому распоряжалъ свои мѣры, теперь, ко изумленію своему, видитъ совсѣмъ противное. Генералы его подъ Берлиномъ не посмѣли ожидать дѣйства тѣхъ благоразумныхъ распоряженій, кои къ нападенію на нихъ генераломъ-поручикомъ графомъ Чернышевымъ учинены были, а скоропостижная ихъ ночью ретирада не спасла, однако, ихъ отъ скорости войскъ Вашего Императорскаго Величества. Такимъ образомъ, всемѣрно надлежитъ, чтобъ непріятель на будущую кампанію несравненно въ большей заботѣ и крайности былъ, а союзныя войска больше облегченія и свободныхъ рукъ имѣли;

«2) что симъ предпріятіемъ вытащенъ король прусскій изъ Силезіи, а генералъ его Гильзенъ очистилъ совсѣмъ Саксонію. Генералъ баронъ Лаудонъ, оставаясь теперь паки съ особымъ корпусомъ и главнымъ командиромъ въ Силезіи, отъ извѣстнаго его проворства и ревности можно надѣяться, что онъ покажетъ тамъ новыя общему дѣлу заслуги. Обратился подлинно король прусскій со всею силою въ Саксонію, и можно опасаться, что сперва нѣсколько потѣснитъ имперскую армію и виртембергскія войска и можетъ быть покусится берлинское посѣщеніе отомстить надъ Дрезденомъ. Но какъ графъ Лессій тамъ еще прежде будетъ, да, конечно, и графъ Даунъ скоро подоспѣетъ, то по меньшей мѣрѣ столько ожидать можно, что король прусскій тамъ ничего рѣшительнаго не сдѣлаетъ, но такъ же, какъ прошлую зиму, себя и австрійскую армію изнурять станетъ, а все сіе столько подѣйствуетъ, что неотъемлемая у Вашего Императорскаго Величества рука Господня благословитъ вашу, теперь никакого безпокойства опасаться не имѣющую, армію сдѣлать будущею кампаніею славное всей войнѣ окончаніе.

«Великодушіе Вашего Императорскаго Величества и милосердіе собою склонно награждать оказуемую ревность и заслуги. Но какъ показанныя нынѣ дѣла искусства и мужества имѣютъ служить для переду примѣрами, то, дабы оныя еще достопамятнѣе были, конференція ласкаетъ себя рабскою надеждою, что Ваше Величество толь охотнѣе соизволите оказать знаки монаршей милости и благоволенія, и потому пріемлетъ смѣлости всенижайше представить:

«1) что къ генералу Фермору, который въ то время всею

арміею командовалъ, отправленъ будетъ отъ конференціи похвальный указъ;

«2) генералъ-поручикъ графъ Чернышевъ командовалъ особливо сею экспедиціею и исполнилъ съ крайнею ревностію и мужествомъ; потому, не будетъ-ли угодно его полнымъ генераломъ всемилостивѣйше пожаловать. Старѣе его въ арміи тамо одинъ только графъ Румянцевъ, почему о немъ предается на высочайшее соизволеніе;

«3) генералъ-поручикъ Панинъ счастливому исполненію сей экспедиціи много способствовалъ, почему и къ нему похвальный указъ изъ конференціи отправленъ будетъ;

«4) графъ Тотлебенъ командовалъ особымъ корпусомъ и, взявъ Берлинъ, все то исполнилъ, что требовалось, и для того не будетъ ли всемилостивѣйше угодно пожаловать его въ генералъ-поручики, оставляя всегда при легкихъ войскахъ» [1]).

Докладъ этотъ не получилъ, однако, утвержденія въ отношеніи къ главному виновнику торжества: Тотлебенъ не былъ произведенъ въ генералъ-поручики и былъ награжденъ только слѣдующею грамотою отъ 23 октября, подписанною «по именному ея императорскаго величества указу» членами конференціи:

«Нашему генералъ-маіору графу Тотлебену.

«Изъ полученныхъ отъ нашего генерала графа Фермора доношеній и присовокупленныхъ къ тому рапортовъ генерала-поручика графа Чернышева и вашихъ мы съ особеннымъ удовольствіемъ усмотрѣли съ какою отличною храбростію и мужествомъ вы въ сей экспедиціи поступали и по занятіи сего города (sic) все то исполнить старались, что вамъ предписано было, и потому чрезъ сіе всемилостивѣйше восхотѣли объявить вамъ нашу монаршую милость и благоволеніе за оказанную вашу при семъ важномъ происшествіи знаменитую услугу и обнадежить, что оная никогда предъ нами забвенна не будетъ, увѣрены пребывая, что вы примѣрнымъ мужествомъ удостоитесь и дальнѣйшей императорской милости и благоволенія, съ которыми вамъ благосклонно пребываемъ» [2]).

Когда же вновь назначенный командующимъ графъ А. Б. Бутурлинъ прислалъ въ Петербургъ экземпляръ напечатанной

[1]) Сенатскій архивъ, черновые доклады конференціи.

[2]) Дѣло сенатскаго архива.

Тотлебеномъ реляціи о походѣ его на Берлинъ, то въ отвѣтъ получилъ рескриптъ, въ которомъ было сказано, «что реляція та сочинена крайне продерзостно, ибо онъ (Тотлебенъ) свою заслугу увеличиваетъ на иждивеніи почти всей арміи, особливо же явно поноситъ генерала-поручика графа Чернышева съ его корпусомъ и австрійскаго генерала графа Лессія, съ его корпусомъ, ругаетъ такимъ образомъ, какъ бы ненависть между двухъ союзныхъ войскъ и холодность между самими дворами произвесть искалъ; дѣйство же нашей артиллеріи хотя и хвалитъ и преимущество ей предъ непріятельскою даетъ, но тѣмъ не меньше порочитъ ея состояніе [1]), объявляя, что портится она сама при сильномъ дѣйствованіи; большая же продерзость еще въ томъ состоитъ, что, не подавъ главнокомандующему столь обстоятельнаго рапорта, ниже доставя его сюда, столь противно всѣмъ воинскимъ правиламъ осмѣлился обнародовать. Но понеже и то подлинно, что мы и заслуги памятовать и прегрѣшенія милосердіемъ нашимъ прикрывать обыкли, то заблагоразсудили мы, объявя ему нашъ праведный гнѣвъ и неудовольствіе, повелѣть, чтобъ онъ тотчасъ старался проступокъ свой загладить и паки нашу милость заслужить точнымъ всего того исполненіемъ, что ему отъ васъ приказано и впредь поручаемо будетъ, разумѣя, буде онъ прежде не отрекся или не отрекется отъ сего сочиненія, ибо въ такомъ случаѣ сіе дѣло молчанію предано быть имѣетъ. Вамъ же, вслѣдствіе того, повелѣваемъ приказать ему: 1) чтобъ онъ у графа Чернышева просилъ прощенія въ вашемъ только присутствіи или при двухъ только свидѣтеляхъ, а по нуждѣ хоть письменно; 2) чтобъ всѣ экземпляры, сколько ихъ есть, конечно, собралъ и вамъ представилъ; 3) чтобъ формально и письменно на нѣмецкомъ языкѣ отрекся отъ сего сочиненія, присовокупляя къ тому, что оно происходитъ, конечно, отъ его непріятелей и такихъ людей, которые хотятъ сдѣлать подозрительнымъ его усердіе къ нашей службѣ и произвести холодность между двумя высокими союзными дворами; 4) сіе отрицаніе имѣетъ быть напечатано въ кенигсбергскихъ газетахъ.

---

[1]) Иными словами, Тотлебенъ оскорбилъ главнаго артиллерійскихъ дѣлъ мастера, изобрѣтателя „секретныхъ“ гаубицъ и члена конференціи графа П. И. Шувалова.

Г. Р.

Генералъ-поручикъ графъ Чернышевъ не будетъ, уповательно, доволенъ сею сатисфакціею; но вы ему объявить имѣете, что прощеніемъ въ показанной графомъ Тотлебеномъ ему обидѣ покажетъ онъ намъ новый опытъ своего безпредѣльнаго къ службѣ усердія и что это вмѣнится ему отъ насъ въ заслугу» [1]).

Независимо отъ этого рескрипта, и самому Тотлебену, 20-го ноября 1760 г., былъ посланъ слѣдующій указъ конференціи: «чѣмъ больше склонны мы награждать оказуемыя къ службѣ нашей ревность и усердіе и чѣмъ охотнѣе признавали мы существительныя ваши заслуги во время двухъ послѣднихъ кампаній и особливо при Берлинской экспедиціи, тѣмъ натурально къ большему гнѣву и неудовольствію получили мы напечатанную вами и обнародованную о сей экспедиціи реляцію, ибо вы не подали обстоятельнаго и порядочнаго рапорта о всей экспедиціи главнокомандующему, чего ваша должность требовала, а сдѣлали такой самовольный поступокъ, который не только въ дисциплинированныхъ арміяхъ, но и въ вольныхъ земляхъ едвали позволителенъ.

«Но при разсматриваніи сей реляціи гнѣвъ нашъ тѣмъ болѣе умножился, что, во первыхъ, вы сами, превознося вашу заслугу, не хотѣли дожидаться, чтобъ свидѣтельство въ томъ мы вамъ подали, что, однакожъ, для самаго вашего самолюбія было бы гораздо сходственнѣе, и чрезъ то показали, какъ бы сами себѣ воздаяніе доставить могли. Второе, что главная ваша похвала является основана быть на храбрости подлинно нашего войска, но вы поносите болѣе всю армію, внушая такою непозволительною піесою всему свѣту, якобы предпріятіе ваше отъ нея препятствовано паче, нежели подкрѣпляемо было. Третіе, что, показывая чувствительную и самую наглую обиду генералу-поручику графу Чернышеву, оскорбляете вы тѣмъ всѣхъ прочихъ вышнихъ генераловъ въ такое время, когда, дѣйствительно, онъ вашимъ командиромъ былъ, когда, дѣйствительно-жъ, его приближенію и учиненнымъ приготовленіямъ къ атакѣ Гильзенова корпуса взятіе Берлина приписывать должно, и когда напротиву показанныхъ отъ васъ ему досадъ и ослушаній онъ, превосходя себя, а единственно службу и долгъ въ виду имѣя, старался рекомендовать вашу храбрость и искусство. Четвертое, что показанную чрезъ

---

[1]) Соловьевъ, 24, стр. 319 и 320.

то союзникамъ нашимъ важную услугу и самое благодѣяніе обратили имъ въ такое поношеніе, что подобныхъ услугъ никто болѣе имѣть, а наименьше съ вами у дѣла быть похочетъ, такъ что изъ того заключать надлежало-бъ, якобы вы ненависти между союзными войсками и холодность между дворами возпричинствовать искали. И пятое, что хотя превосходное дѣйствіе нашей артиллеріи предъ непріятельскою вы самымъ дѣломъ свидѣтельствуете, однакожъ, въ то время хитрымъ и прямой искренности весьма противнымъ образомъ стараетесь охулить свѣту ея прочность.

«Вы не можете не чувствовать, колико тѣмъ преступили вы вашъ долгъ и военныя узаконенія и колико нужно загладить толь вредительный примѣръ для воинской дисциплины, коликое сіе поправленіе для васъ тягостно быть имѣло-бъ, и чего наше правосудіе притомъ требуетъ.

«Но какъ всегда превозмогаетъ наше природное милосердіе и мы не хотимъ еще совсѣмъ забвенію предать прежнихъ вашихъ заслугъ, которыми вы снискали нашу милость и благоволеніе, а притомъ твердо вѣримъ, что вы крайне соболѣзнуете и раскаиваетесь о своемъ въ скорости и безъ разсужденія учиненномъ поступкѣ, то хотимъ на сей разъ сію, инако не прощаемую, вину вамъ всемилостивѣйше отпустить и забвенію предать но вамъ надлежитъ, оную чувствуя, во первыхъ, все то безъ отрицанія исполнить, что вамъ отъ нашего генерала-фельдмаршала графа Бутурлина приказано будетъ, а потомъ стараться новымъ усердіемъ и лучшимъ воинскихъ регулъ наблюденіемъ заслужить паки нашу императорскую милость на мѣсто бѣдственныхъ для васъ слѣдствій нашего гнѣва» [1]).

Между тѣмъ еще 5-го ноября Тотлебенъ подалъ въ отставку, ссылаясь на то, что кампанія кончилась, ѣздить верхомъ онъ не въ состояніи, лихорадка его длится 4 мѣсяца, а при Глогау контуженъ бомбою, отъ чего правое ухо не слышитъ, и, наконецъ, не знаетъ русскаго языка [2]); но видно, или имъ очень дорожили, вслѣдствіе недостатка въ генералахъ, или за него заступался Воронцовъ, которому, намекая на необходимость подкрѣпить

[1]) Моск. архивъ, м-ва и. д., № 32, 1760 г.
[2]) Тоже, 1761 г., № 106.

пѣхотою ввѣренный ему корпусъ легкихъ войскъ, онъ жаловался на гоненія со всѣхъ сторонъ, говоря, что не имѣетъ пріятелей никого инаго, кромѣ рядоваго солдата [1]), потому что 4 декабря 1760 г. послѣдовалъ на его имя рескриптъ такого содержанія:

— «Мы съ сожалѣніемъ усмотрѣли, изъ доношеній нашего генерала-фельдмаршала графа Бутурлина, что слабое состояніе вашего здоровья и нѣкоторыя другія обстоятельства принуждаютъ васъ просить увольненія изъ нашей службы. Мы не обыкли кого либо насильно въ оной удерживать, но какъ война приходитъ теперь почти къ окончанію, и мы въ продолженіе службы вашей болѣе, нежели когда либо имѣемъ надобность, а притомъ увольненіе ваше нынѣ воспослѣдовало бы при такихъ обстоятельствахъ, кои подвержены различнымъ истолкованіямъ, то въ уваженіе чести и знатности нашей службы, въ милостивомъ напоминаніи всѣхъ вашихъ донынѣ показанныхъ ревностныхъ заслугъ, и всегда различая оныя отъ временныхъ случаевъ, не можемъ мы теперь согласиться на дозволеніе просимаго абшида; пачеже столько увѣрены пребываемъ о похвальномъ вашемъ желаніи прямой и существенной славы и о вашемъ къ намъ усердіи, что отправленнымъ нынѣ къ нашему генералу-фельдмаршалу графу Бутурлину рескриптомъ повелѣли не токмо всѣ легкія войска и назначенные имъ въ подкрѣпленіе два пѣхотные полка такимъ образомъ въ команду вашу отдать, чтобъ вы отъ него только зависимы были и повелѣнія получали, но и еще сей вашъ корпусъ столько умножить, сколько потребно будетъ для тѣхъ намѣреній, о которыхъ отъ него вамъ пространнѣе объявлено будетъ.

«Мы не сумнѣваемся, что толь знаменитое возвращеніе нашей милости примете вы такимъ образомъ, чтобъ еще болѣе къ вамъ умножилась наша повѣренность и благоволеніе, напротивъ чего можете твердо увѣрены быть, что въ начальникѣ вашемъ найдете вы всегда себѣ благодѣтеля и предстателя, а отъ насъ получите справедливое и достойное заслугъ вашихъ воздаяніе. Мы пребываемъ вамъ императорскою милостію благосклонны» [2]).

Рескриптъ этотъ былъ полученъ Бутурлинымъ 13-го декабря

---

[1]) Архивъ кн. Воронцова, VII, 419, 421.

[2]) Дѣло сенатскаго архива.

въ Маріенбургѣ и онъ того же числа послалъ Тотлебену слѣдующее письмо:

— «Хотя я думаю, что ваше сіятельство и безъ того, по данному отъ меня позволенію, и поруча уже вашу команду полковнику князю Амилахорову, для пользованія отъ вашихъ болѣзней сюда въ Маріенбургъ ѣхать изволите, но какъ я между тѣмъ съ сегодняшнимъ курьеромъ получилъ отъ ея императорскаго величества нашей августѣйшей государыни къ вамъ толикими всевысочайшими милостями наполненный особливый рескриптъ, то я за нужно нахожу вашему сіятельству о томъ чрезъ сіе знать дать, съ присовокупленіемъ, чтобъ вы пріѣздомъ сюда, елико состояніе вашего здоровья дозволитъ, ускорили, дабы я оный рескриптъ вамъ персонально вручить, а притомъ и увѣрить васъ могъ о моей къ вамъ особливой конзидераціи, съ которою я есмь вашего сіятельства послушный слуга [1])».

Польщенный «толикими милостями», Тотлебенъ остался на службѣ и въ письмѣ къ канцлеру графу Воронцову, «своему отцу и благодѣтелю», клялся употребить остальные дни жизни для того, чтобъ показать себя достойнымъ довѣрія и милости августѣйшей монархини [2]). Въ письмѣ же къ императрицѣ отъ 22-го декабря [3]), указывая, что къ подачѣ прошенія объ увольненіи отъ службы побудили его «несказанныя въ командѣ его трудности, отъ которыхъ, какъ во время кампаніи, такъ и на зимнихъ квартирахъ, ни одной ночи спокойно проводить не могъ, но все свое здоровье потратилъ и отъ полученной при Цорндорфѣ раны въ голову, а въ послѣднюю кампанію отъ контузіи бомбою въ томъ же мѣстѣ головы, слухъ и память весьма слабы стали» [4]), онъ писалъ, что заслужить выраженныя въ рескриптѣ

---

[1]) Какъ это письмо, такъ и другія, на которыя мы ссылаемся, находятся въ сенатскомъ дѣлѣ.

[2]) Соловьевъ, 24, стр. 321.

[3]) Моск. арх. м-ва ин. д., 1759—60 гг., № 31.

[4]) По свидѣтельству генеральнаго штабъ-доктора фонъ-Аша, произведенному 21 декабря 1760 г. по распоряженію Бутурлина, Тотлебенъ „дѣйствительно находился въ поврежденномъ здоровьѣ: отъ порубленнаго черепа и раны въ правой щекѣ боль въ головѣ; отъ лошадинаго удара въ грудь тяжелая одышка; четвородневная лихорадка; одышка и сухой кашель точно происходятъ отъ крѣпости въ печенкѣ, въ правомъ боку и въ томъ мѣстѣ онъ чувствительную боль имѣетъ“. (Московск. архивъ м-ва иностр. дѣлъ, 1760 г., № 13). Г. Р.

4 декабря обнадеживанія онъ находится не въ состояніи, «хотя бы сто жизней имѣлъ», по ввѣряемую ему команду, какъ ни слабъ, съ радостію будетъ управлять и надѣется принести ея величеству честь и пользу, особенно въ виду того, что къ корпусу его придана пѣхота, и онъ будетъ находиться непосредственно подъ начальствомъ Бутурлина, «котораго, дѣйствительно, за отца и благодѣтеля своего почитаетъ».

Въ отвѣтъ на это,—какъ объявилъ Бутурлинъ 18 января 1761 г.—«всевысочайше повелѣно было, предавая все прошедшее совершенному забвенію, обнадежить его вновь монаршею милостію», не смотря на то, что на требованіе напечатать опроверженіе реляціи о взятія Берлина Тотлебенъ, 20-го декабря, отвѣчалъ Бутурлину, что сдѣлать это не дозволяетъ ему честь, такъ какъ реляція та согласна съ истиною, и что онъ готовъ лучше умереть, или понести тягчайшее наказаніе [1]).

V.

Кампанію 1761 года предположено было вести энергично и начать ее, по возможности, ранѣе, чтобы побудить Фридриха II къ заключенію честнаго и прочнаго мира, но не перемирія, о которомъ былъ поднятъ вопросъ Франціею и которое нашимъ правительствомъ считалось крайне вреднымъ, такъ какъ давало прусскому королю средства собраться съ силами и, по окончаніи его, напасть на союзниковъ съ большимъ разсчетомъ на успѣхъ. «Если нынѣшнюю кампанію не дѣйствовать со всѣхъ сторонъ съ крайнею ревностью, — сказано было въ рескриптѣ Бутурлину,—то надобно опасаться самыхъ вредныхъ слѣдствій и, напротивъ того, сильными и поспѣшными дѣйствіями всѣ опасности отвратятся и можно будетъ ожидать самыхъ полезныхъ плодовъ отъ нынѣшней войны» [2]).

Корпусъ Тотлебена былъ оставленъ въ Помераніи и долженъ былъ распространяться въ этой области какъ можно далѣе

---

[1]) Моск. арх. м-ва ин. дѣлъ, 1761 г., № 34.

[2]) Соловьевъ: Исторія Россіи, т. 24, стр. 372.

Въ началѣ января онъ возвратился изъ разрѣшенной ему въ декабрѣ истекшаго года поѣздки въ Данцигъ [1]) и одержалъ даже надъ непріятелемъ «знатный авантажъ», причемъ, какъ писалъ Бутурлинъ [2]), основываясь на разсказахъ лицъ, посланныхъ Тотлебеномъ съ этимъ извѣстіемъ, — командиръ его находился въ великой опасности и именно, переплывая рѣку, едва не утонулъ и спасся только благодаря сильной лошади [3]). Присовѣтовавъ ему «впредь въ подобныя отваги не вдаваться, но паче оныхъ остерегаться», Бутурлинъ еще 13 января, основываясь на извѣстіяхъ о заключеніи австрійцами перемирія съ пруссаками, представлялъ императрицѣ о пріостановленіи, «по австрійскому примѣру», дѣйствій корпуса Тотлебена до будущей кампаніи и войско его, «для потребнаго имъ отдохновенія и снабденія нужными вещами, изъ нынѣшнихъ мѣстъ назадъ подвинуть и хотя въ Померанін же, но близь Польши такимъ образомъ расположить, чтобъ имъ потребное пропитаніе доставлять можно было, а, напротивъ того, три туда марширующіе пѣхотные полки (т. е. назначенные въ команду Тотлебена) и совсѣмъ назадъ взять» [4]). Въ томъ же духѣ Бутурлинъ писалъ и 2 февраля, а между тѣмъ распорядился, чтобы командиръ означенныхъ пѣхотныхъ полковъ, бригадиръ Бекетовъ, не ходилъ далѣе назначенныхъ въ Померанін мѣстъ, и именно Шлаге и Кранге, и 14 января приказалъ Тотлебену не заходить далеко [5]). Получивъ это приказаніе, Тотлебенъ разгорячился и, указавъ на неудобства, проистекавшія для него отъ отзыва пѣхоты, 18 января написалъ Бутурлину рапортъ, въ которомъ позволилъ себѣ помѣстить слѣдующія выраженія: «изъ вашего высокографскаго сіятельства ордера я усматриваю, съ крайнею печалью, что ваше сіятельство гнѣвны; токмо, ежели ваше сіятельство приказать соизволите, то я прикажу пѣхотѣ назадъ маршировать и тогда мнѣ уже возможности не будетъ о ихъ субсистанціи стараться, почему непріятель легкія войска въ нѣсколько дней изъ Померанін вы-

---

[1]) Моск. арх. м-ва юстиціи, реляціи Бутурлина, д. № 42.
[2]) Ордеръ 16 января.
[3]) Моск. арх. м-ва юстиціи, реляціи Бутурлина.
[4]) То-же.
[5]) Реляція 13 января 1761 года.

гонитъ и всѣ до сихъ мѣстъ стараніе и труды вашего сіятельства безъ всякой пользы останутся» [1]).

«По дружбѣ моей къ вашему сіятельству,—отвѣчалъ на это Бутурлинъ 24 января,—не могу оставить вамъ не примѣтить, что мнѣ не бездосадно было изъ рапорта вашего видѣть ваши экспрессіи, которыя вы, при всѣхъ вашихъ ревностныхъ и похвальныхъ распоряженіяхъ о возвращеніи назадъ пѣхоты, употребили; ваше сіятельство знаете, что долгъ главнаго командира требовалъ о пропитаніи и безопасности всѣхъ частей ввѣренной ему арміи попеченіе имѣть. Сему долгу надобно было и приписывать мои напоминанія, которыя я вашему сіятельству въ наставленіе о томъ дѣлалъ, и буде и въ тотъ часъ съ надлежащимъ послушаніемъ исполнялись, то главному командиру о своихъ въ томъ резонахъ безъ огорченія представлять, столь наипаче, что подобныя экспрессіи, вмѣсто успѣха въ службѣ, общее неудовольствіе произвести могутъ. Со всѣмъ тѣмъ я единственно только о томъ примѣтить хотѣлъ, а, впрочемъ, прошу увѣрену быть, что я совершенное во всемъ на васъ надѣяніе имѣю и въ томъ отнюдь вы сумнѣваться не можете о моей неложной дружбѣ и почтеніи» [2]).

Когда же Тотлебенъ прислалъ письмо, на французскомъ языкѣ, съ извиненіями въ своихъ «экспрессіяхъ», оскорбившихъ Бутурлина, указывая на то, что онъ не знаетъ русскаго языка, и прося не считать его, стараго солдата, способнымъ нарушить долгъ подчиненности и почтенія къ главному начальнику арміи и къ тому, кого онъ обожаетъ и любитъ болѣе, чѣмъ отца [3]), то Бутурлинъ, «обнадеживая, что никакой досады не имѣетъ, но паче истинную дружбу сохраняетъ, не сомнѣваясь и во взаимной, такъ что и бывшія его изъясненія и учиненныя примѣчанія за минувшее уже дѣло поставляетъ», задалъ вмѣстѣ съ тѣмъ новую головомойку Тотлебену въ томъ же ордерѣ отъ 4 февраля [4]). «Изъ рапортовъ вашихъ усмотря,—писалъ онъ,—строгій вашъ поступокъ съ подчиненными, обойтиться не могу вновь вамъ примѣтить,

---

[1]) Московск. арх. м-ва ин. дѣлъ № 50.
[2]) То-же.
[3]) То-же.
[4]) Моск. арх. м-ва ин. дѣлъ, № 49.

что хотя всемѣрно надобно строгость наблюдать, однакожъ, въ томъ и нѣкоторую умѣренность имѣть и различіе дѣлать, какъ, напримѣръ, при наказаніи рядовыхъ казаковъ за оплошное содержаніе ихъ пикета подлежало-бъ съ старшинами нѣсколько легче поступить, которыхъ вы также шпицрутенами наказали. Отъ подобнаго неразличія неминуемо произойдетъ въ людяхъ огорченіе, уныніе и нерадѣніе къ службѣ, а персонально къ вамъ неудовольствіе. Сіи справедливыя уваженія заставляютъ меня вашему сіятельству оное для переду больше менажировать. Равномѣрное обстоятельство усмотрѣлъ я и съ арестованными отъ васъ бригадиромъ Краснощоковымъ и полковникомъ Перфильевымъ. Можетъ быть, они того по своимъ винамъ заслуживаютъ, но время было напередъ о томъ мнѣ представить и довольствоваться только отказомъ имъ отъ команды, столь наипаче, что помянутый арестъ, по усмотрѣніи ихъ преступленія, и отъ меня уже учиненъ быть могъ бы и что подобное арестованіе бригадира безъ главнаго командира не только воинскимъ регуламъ противно, но не инако бываетъ, какъ развѣ въ криминальныхъ дѣлахъ и произведеніи напередъ слѣдствія. По симъ резонамъ также оставиться не могъ вашему сіятельству, какъ пріятель, совѣтовать впредь въ такихъ дѣлахъ болѣе умѣренности употреблять. А какъ между тѣмъ намѣрены вы ихъ прислать сюда съ показаніемъ ихъ винъ, то гораздо лучше сдѣлать было, когда бы вы, имъ шпаги возвратя, сіе дѣло на мое усмотрѣніе отдали» [1]).

Не успѣла кончиться эта переписка, какъ Тотлебенъ, которому 6 февраля было объявлено монаршее благоволеніе за попеченія его о доставленіи въ армію медикаментовъ изъ Берлина [2]) и въ особенности за все то, что имъ до тѣхъ поръ было

---

[1]) Изъ рапорта Тотлебена отъ 28 января 1761 г. (моск. арх. м-ва ин. дѣлъ, № 49) и изъ реляціи Бутурлина отъ 2 февраля (моск. арх. м-ва юст.) видно, что бригадиръ Краснощоковъ и казачій полковникъ Перфильевъ были арестованы за слабое смотрѣніе за ихъ подчиненными, за происходившія отъ того продерзости и за неисполненіе ордеровъ Тотлебена о недопущеніи насильствъ надъ жителями.

[2]) Въ бытность въ Берлинѣ Тотлебенъ приказалъ поставить въ Данцигѣ, для арміи, „нѣкоторое число разныхъ медикаментовъ“. Реляція Бутурлина 2 января 1761 г. Г. Р.

сдѣлано въ Помераніи, поразилъ Бутурлина новымъ своимъ поступкомъ.

7-го февраля Бутурлинъ получилъ отъ него два, посланные въ одномъ конвертѣ, рапорта отъ одного и того же 6-го числа. Первымъ изъ нихъ онъ доносилъ: «я здѣсь и въ Ригенвальдѣ имѣю великое число провіанта и фуража, которое я хотѣлъ бы отправить въ столпенскій магазинъ. Отъ вчерашняго числа идетъ великій дождь, отъ чего дорога весьма худая сдѣлалась, и вода такъ много умножилась, что большая часть хорошаго фуража остаться или сжечь должно, когда непріятель впередъ подвинется. Пѣхота отъ такой худой дороги великій уронъ имѣть будетъ и многія государевыя лошади вовсе пропадутъ. Магазиномъ моимъ въ Столпе и въ Лауенбургѣ, кои не мало наполнены, корпусъ мой пользоваться не можетъ, понеже непріятель, который вдвое меня сильнѣе, конечно, меня въ Польшу провожать будетъ. Въ Польшѣ особливо легкимъ войскамъ недостатокъ въ провіантѣ и фуражѣ является и притомъ отъ патрулинговъ и безпокойствъ безпрестанно въ безсиліе приведены будутъ. Пѣхотѣ недостатокъ является къ предбудущей кампаніи аммуничныхъ вещей и тягостей. Гусарскіе полки еще не обмундированы, идутъ многіе нагишемъ и нѣсколько сотъ человѣкъ идутъ пѣшіе. Сіи многія и прочія обстоятельства, а особливо, когда шведы и австрійцы съ непріятелемъ перемиріе заключили и чрезъ то причину подали, что такой непріятельскій сильный корпусъ [1]) противъ меня наступаетъ и всѣми важными экспедиціями препятствуетъ, то на благоразсужденіе вашего высокографскаго сіятельства оставляю не соблаговолено ли будетъ вашимъ высокографскимъ сіятельствомъ, что между россійско-императорскою и непріятельскою арміею на нѣсколько недѣль или, по крайней мѣрѣ, на два мѣсяца перемиріе заключить и въ это время пѣхотные и гусарскій

---

[1]) Тотлебенъ доносилъ передъ тѣмъ Бутурлину, что по полученнымъ имъ извѣстіямъ принцъ Генрихъ прусскій, съ знатнымъ корпусомъ войскъ, пойдетъ вскорѣ изъ Силезіи въ-Померанію. Считая, что эти извѣстія, подтверждаемыя и съ другихъ сторонъ, „не гораздо имовѣрными быть кажутся“, Бутурлинъ поручалъ, однако, Тотлебену „быть въ осторожности“, но паче, въ случаѣ съ превосходною силою устремленія на него непріятеля, отступить въ назначенныя мѣста (ордера 4 и 6 февраля 1761 г.). Г. Р.

полки, изъ коихъ послѣдніе уже три года винтеръ-квартиръ не имѣли, могли бы поправиться. Я попеченіе имѣть буду, чтобы мой корпусъ до 1 апрѣля такъ же, какъ понынѣ, безъ платы изъ казны ея императорскаго величества, но изъ непріятельскихъ земель довольствовался и въ Помераніи въ покоѣ остаться могъ. И когда отъ вашего высокографскаго сіятельства повелѣнія къ перемирію я имѣть буду, то надѣюсь и до того привести, что непріятель не далѣе впередъ подвинется и мнѣ ту часть Помераніи уступитъ, которою теперь владѣю, отъ чего россійско-императорскому корпусу авантажъ и честь воспослѣдуетъ, что она еще не отступила, но токмо съ регулярнымъ войскомъ соединилась и остальное время до открытія кампаніи на коштѣ непріятельскомъ въ покоѣ остаться и въ добромъ состояніи поправляться можетъ.

«Проектъ подъ литерою А [1]), въ силѣ ордера вашего высокографскаго сіятельства, втунѣ останется при приближеніи такого сильнаго непріятеля, развѣ ваше высокографское сіятельство знатный корпусъ отправить изволите, чтобъ непріятеля разбить, къ чему я весьма безсиленъ нахожусь.

«Ваше высокографское сіятельство ордеромъ повелѣть соизволили, чтобъ я ретировался до Польши, того не надобно и великій походъ, и возвращеніе не потребно будетъ, ежели ваше высокографское сіятельство пропозицію апробовать соизволите.

Въ другомъ же рапортѣ Тотлебенъ писалъ, что, не зная апробуетъ ли Бутурлинъ представленіе его о перемиріи, но чтобы имѣть время перевезти большое число провіанта и фуража изъ Ригенвальда въ Столпе, безъ помѣхи со стороны непріятеля, стоявшаго лишь въ двухъ миляхъ отъ Шлаве, онъ заключилъ перемиріе на четыре дня, на пароль, съ тѣмъ, чтобы непріятель остался на прежнемъ своемъ мѣстѣ. «Я уповаю, что ваше высокографское сіятельство оное апробовать соизволите, ибо мнѣ изъ того послѣдуетъ авантажъ, что я мой магазинъ въ Столпе могу беречь, а непріятель далѣе впередъ не подвинется, и что пѣхотные полки, при нынѣшнихъ худыхъ дорогахъ, не затруждены будутъ, а притомъ и легкія войска еще большею частію фуража между мною и непріятелемъ удовольствоваться могутъ».

Въ виду такихъ донесеній, изъ которыхъ въ одномъ испра-

[1]) Т. е. проектъ внезапнаго захвата Кольберга; см. ниже.

шивалось разрѣшеніе на перемиріе, а другимъ сообщалось уже о послѣднемъ, какъ о совершившемся фактѣ, Бутурлину, согласно его выраженію, ничего болѣе не оставалось, какъ предписать Тотлебену: «ежели бы онъ увидѣлъ, что воды такъ сильно разлились и ретирада его, особенно же для пѣхотныхъ полковъ съ ихъ артиллеріею, весьма затруднилась, то продолжилъ бы перемиріе отъ своей персоны и своимъ именемъ до дальняго указа, только съ такою именно кондиціею, чтобъ деташментъ его въ тѣхъ мѣстахъ, кои въ Помераніи заняты, съ покоемъ остался, а, между тѣмъ, донести: 1) съ которой стороны пропозиція о перемиріи учинена; ежели отъ генералъ-маіора Вернера, то знатно онъ не въ такой силѣ, какъ Тотлебенъ его поставлялъ? 2) Имѣется ли отъ Вернера какое нибудь на перемиріе обязательство, ибо въ рапортахъ ничего о томъ не упомянуто? 3) Какъ велики заведенные Тотлебеномъ въ Столпе и Лауенбургѣ магазины и на сколько времени провіанта и фуража на весь его деташментъ стать можетъ, въ виду чего смѣту и размѣръ учинить, дабы постановленное перемиріе до того времени продолжать можно было; но не взирая на то, что перемиріе постановлено, непріятелю отнюдь не довѣрять и имѣть за поступками его недреманное примѣчаніе, дабы иногда оный, хитрыми своими ухватками, какую либо сѣть не употребилъ уловить и тѣмъ оружію ея величества вреда бы не причинилъ. 4) Во особливое уваженіе принять, буде Тотлебеномъ пропозиція Вернеру учинена, не заставитъ ли такой поступокъ непріятеля вознамѣриться и думать, что Тотлебенъ уже такъ ослабѣлъ и ретирада его такъ затруднена, что по крайней необходимости за сіе средство взяться принужденъ былъ, и не помыслитъ ли, тѣмъ пользуясь, какой либо ударъ дать. По симъ толь важнымъ причинамъ наиприлежнѣйше рекомендуется заблаговременно пріуготовиться къ порядочному выступленію изъ Померанін и, не полагаясь на непріятельскія увѣренія, наудобовозможнѣйшую предосторожность отъ онаго имѣть».

«Впрочемъ,—прибавилъ Бутурлинъ,—я благонадеженъ, что ваше сіятельство, по вашему благоразумію, ничего не проронните, что къ охраненію ввѣреннаго вамъ войска при нынѣшнемъ случаѣ удобнѣйшимъ признаете» [1]).

[1]) Ордеръ 7-го февраля.

Не выждавъ отвѣта на упомянутые рапорты свои, Тотлебенъ перебрался въ Столпе и оттуда 7-го февраля донесъ, что хотя перемиріе на четыре дня прусскимъ капитаномъ Адеркасомъ было обнадежено именемъ генерала Вернера, однако, не полагаясь на эти увѣренія, онъ, для осторожности, въ тотъ же вечеръ поставилъ двѣ пушки на рѣкѣ Грабовъ у раззоренаго моста при деревнѣ Нѣмецъ, съ тѣмъ, чтобы не допустить непріятеля къ починкѣ этого моста и переправиться по немъ, что и оказалось весьма полезнымъ, такъ какъ непріятель данный свой пароль не сдержалъ: авангардъ его, состоявшій изъ шести эскадроновъ, намѣревался перебраться при томъ мостѣ, для чего и восемь баталіоновъ пришло и былъ подвозимъ лѣсъ, но долженъ былъ оставить свое намѣреніе, въ виду сильнаго подъема воды и пальбы изъ поставленныхъ противъ него пушекъ. «Я въ той же позиціи, какъ и 5 февраля находился,—присовокуплялъ Тотлебенъ,—понынѣ могъ остаться, понеже я отъ непріятеля ничего не опасался, но, видя, что рѣка Вѣпръ у мѣстечка Шлаве съ часу на часъ столь разливалась, что сообщеніе съ Столпе испортилось до того, что нельзя было проѣхать и верхомъ, а тѣмъ болѣе переправить пѣхоту и имѣвшуюся при ней артилерію, заблагоразсудилъ отступить чрезъ Ригенсвальдъ до Столпе, дабы предупредить несчастіе».

Весьма удивительнымъ показался этотъ рапортъ Бутурлину. Какъ могъ непріятель такъ скоро нарушить свое слово, когда перемиріе было установлено до 10-го числа? «Сіи такъ часто отъ Тотлебена получаемыя перемѣны приводятъ меня утруждать ваше величество неосновательнымъ извѣстіемъ», писалъ онъ императрицѣ [1]) и въ то же время послалъ Тотлебену слѣдующій отвѣтъ: «ваше сіятельство разсудите въ какой я заботѣ нахожусь, не зная на чемъ утвердиться, ибо вы меня увѣрили о перемиріи, а продолжается ли оное и основательное ли съ ихъ стороны имѣете увѣреніе, не упоминаете, о чемъ буду ожидать немедленной присылки обстоятельнаго и точнаго вашего

[1]) Реляція 10 февраля. Замѣчателенъ, для характеристики Тотлебена, постскриптумъ къ этой реляціи; въ немъ прописанъ рапортъ Тотлебена отъ 8-го февраля о томъ, что хотя непріятель сдѣлалъ нѣсколько тысячъ пушечныхъ выстрѣловъ, онъ, Тотлебенъ, потерялъ только одного гусара, одного казака и одного артиллериста, который утонулъ; напротивъ, непріятель не малый уронъ претерпѣлъ. Г. Р.

рапорта, тѣмъ паче, что о продолженіи онаго перемирія на ваше отдалъ разсмотрѣніе» [1]).

Оправдываясь въ томъ, что за малымъ временемъ и болѣзнію не могъ изложить свои рапорты обстоятельно, Тотлебенъ объяснилъ, что предложенія о перемиріи онъ не дѣлалъ, а сдѣлано было оно принцемъ Бевернскимъ, приславшимъ капитана Адеркаса, съ обнадеживаніемъ при томъ, что шведы и австрійцы заключили уже перемиріе и что это извѣстно Верперу. Поэтому и въ виду того, что безъ разрѣшенія главнокомандующаго нельзя было принять такого предложенія, онъ согласился лишь заключить перемиріе на четыре дня, чтобы имѣть возможность перевезти пѣхоту, артиллерію и аммуницію. Намѣреніе же непріятельскаго авангарда перейти черезъ рѣку Вернеръ въ письмѣ своемъ извинялъ незнаніемъ начальника авангарда о перемиріи. «Можетъ быть Вернеръ хотѣлъ обмануть, но теперь видитъ, что самъ обманутъ, ибо весь русскій корпусъ, безъ малѣйшаго урона, благополучно дошелъ до Столпе». Къ этому Тотлебенъ добавилъ, что Вернеръ, въ письмѣ своемъ, снова упоминаетъ о перемиріи и желаетъ прислать капитана Адеркаса, на что онъ, Тотлебенъ, пользуясь разрѣшеніемъ Бутурлина, отвѣтитъ, что хотя не получилъ еще разрѣшенія фельдмаршала на посланное ему о томъ представленіе, но заключитъ перемиріе самъ собою, не потому, однако, чтобы нуждался въ немъ, а единственно по человѣколюбію, изъ сожалѣнія къ померанскимъ жителямъ и съ тѣмъ условіемъ, чтобы обязательство о перемиріи было подписано самимъ Вернеромъ, съ приложеніемъ его печати, а капитанъ Адеркасъ остался аммапатомъ и чтобы переходъ непріятеля черезъ рѣку Вѣпръ считался нарушеніемъ мира.

Согласно этому предположенію и было заключено условіе съ Вернеромъ, причемъ было постановлено, что оно должно быть ратификовано принцемъ Бевернскимъ и Бутурлинымъ; но послѣдній отказался исполнить это, ссылаясь на неимѣніе соизволенія на то императрицы; если же съ прусской стороны будутъ домогательства по этому предмету, то, въ надеждѣ на высочайшую апробацію, онъ пришлетъ ратификацію и до полученія указа [2]).

Домогательства, конечно, послѣдовали, какъ донесъ Тотле-

[1]) Ордеръ 10 февраля.

[2]) Ордеръ 28-го февраля.

бенъ, увѣдомившій затѣмъ, 23-го марта, что Вернеръ желаетъ съ нимъ говорить и просилъ назначить день для свиданія въ Ригенсвальдѣ.

Разрѣшивъ это свиданіе, Бутурлинъ указалъ, однакоже, что такъ какъ Вернеръ самъ проситъ объ ономъ, зная притомъ о болѣзни Тотлебена [1]), то и надо воспользоваться этимъ, имъ самимъ поданнымъ, поводомъ, чтобы не ѣхать въ прусскую сторону и тѣмъ себя «какому несходствію, а паче опасности и самому вреду не подвергать». Поэтому онъ рекомендовалъ отозваться Вернеру, «что хотя на то (свиданіе) моего позволенія вы еще не имѣете, однакоже, получить не сомнѣваетесь, но какъ извѣстнымъ ему образомъ болѣзнь ваша не дозволяетъ вамъ куда либо въ другое мѣсто для того ѣхать и, слѣдовательно, вамъ инаго способа нѣтъ, какъ въ самомъ Столпе съ нимъ видѣться, то вы его и просите, если ему угодно, къ вамъ въ Столпе пріѣхать. А дабы онъ въ томъ какого сомнѣнія не имѣлъ, то изволилъ бы вамъ предварительно сообщить при немъ какихъ людей и эскорта будетъ, дабы и вы толикое число для пріема его выслать и опять препроводить могли. Что потомъ, а особливо при семъ въ Столпе свиданіи произойдетъ, буду я ожидать немедленнаго съ нарочнымъ увѣдомленія, столь наипаче, что помянутое свиданіе, по бытности Вернера въ Лейпцигѣ, а можетъ быть и у самого короля, нѣчто важнаго въ себѣ содержать будетъ. Между тѣмъ я увѣренъ пребываю, что ваше

[1]) Еще 15-го марта Тотлебенъ просилъ освободить его отъ команды на нѣсколько времени и дозволить уѣхать въ Польшу въ деревню, для поправленія въ здоровьѣ, которое со дня на день хуже становилось: „приключаются такіе припадки,—писалъ онъ,—которые пророчествуютъ ближнюю кончину моего вѣка“; но Бутурлинъ отказалъ въ этомъ ходатайствѣ, ссылаясь на то, что своею властію этого сдѣлать не можетъ, и предложилъ отдохнуть на мѣстѣ, сдавъ команду бригадиру Бекетову. Тогда Тотлебенъ подалъ прошеніе объ увольненіи отъ службы (моск. арх. ин. д. №№ 49 и 50). Представляя это прошеніе и донеся, что онъ отправилъ къ Тотлебену доктора Аша, Бутурлинъ писалъ императрицѣ, что такъ какъ служба Тотлебена, „въ разсужденіи его достоинствъ, по меньшей мѣрѣ, на нынѣшнюю войну полезна и надобна, то не соизволите ли, для удержанія его въ службѣ и лучшаго ободренія, если не нынѣ пожаловать его генералъ-поручикомъ, то хотя обнадежить, что при первомъ генералитетскомъ произвожденіи, конечно, награжденъ будетъ. Также не пожалуете-ли ему маетность въ Лифляндіи, чтобы онъ къ пребыванію въ имперіи свое пристанище имѣлъ. Хотя я самъ достовѣрно вѣдаю, что онъ боленъ, но статься можетъ, что и перемѣна чина сему его прошенію причиною есть, столь больше, что иногда ему обидно, что извѣстный Вернеръ въ генералъ-поручики пожалованъ“. (Реляція 27-го марта).

Г. Р.

сіятельство, по извѣстному вашему къ ея императорскому величеству усердію и по собственнымъ вашимъ благороднымъ сентиментамъ, ничего того не упустите, чего при подобномъ, иногда въ самомъ дѣлѣ важномъ свиданіи, для пользы службы и интересовъ ея величества, престерегать наблюдать надобно, и никакими съ непріятельской стороны, иногда чинимыми, хитрыми предложеніями себя уловить не допустите» [1]).

Должно быть, такое наставленіе не совсѣмъ понравилось Тотлебену, потому что въ отвѣтъ на его рапортъ отъ 28-го марта, котораго мы не знаемъ, Бутурлинъ счелъ нужнымъ объяснить ему, что свиданіе съ Вернеромъ весьма нужно, ибо онымъ откроется причина, для чего онъ этого желаетъ, и что порученіе стараться, чтобы онъ въ Столпе пріѣхалъ, сверхъ объясненныхъ уже причинъ, дано и для того, «чтобы въ нужномъ и важномъ иногда дѣлѣ и причинимыхъ какихъ либо новыхъ предложеніяхъ переписки миновать и, напротивъ того, при персональномъ свиданіи ваше сіятельство лучше въ состояніи были бы, по извѣстному вашему къ службѣ усердію, интересы и пользу ея величества престеречь, такъ какъ по вашему остроумію и прямой смыслъ всѣхъ Вернеровскихъ предположеній лучше узнать и проникнуть».

Вслѣдствіе этого Бутурлинъ вновь рекомендовалъ «Вернера всемѣрно до того привесть, чтобъ онъ самъ пріѣхалъ и, какъ чаять надобно, что отъ него нѣкоторыя предложенія будутъ, то если эти предложенія клониться будутъ къ миру, надобно оныя единственно взять ко мнѣ на доношеніе, а если, напротивъ того, къ продолженію перемирія, точно на основаніи нынѣшняго, и съ уступкою въ нашу сторону Ремельсбурга и Нейштетина съ уѣздами, то я васъ симъ въ запасъ уполномочиваю, не токмо сіе предложеніе принять, но и подобное перемиріе до 15 (26) мая продлить и на томъ тотчасъ конвенцію заключить» [2]).

Послѣ такого разъясненія надобно было повиноваться волѣ главнокомандующаго. Вернеръ былъ приглашенъ и 8 апрѣля пріѣхалъ къ Тотлебену, который и принялъ его, «какъ по его чину требовалось». На другой день Вернеръ предложилъ продолжить перемиріе еще на мѣсяцъ, на что Тотлебенъ согласился

[1]) Ордеръ 24 марта.
[2]) Ордеръ 30 марта.

Журнальный фонд
Московской об... библиотеки

и донесъ Бутурлину, что, сколько онъ могъ примѣтить, непріятель весьма радъ былъ бы, еслибы, по его желанію, перемиріе было продолжено еще далѣе, и что Вернеръ «себя оказываетъ человѣкомъ честнымъ и безъ лукавства» [1]); но Бутурлинъ изъявилъ согласіе на заключеніе перемирія лишь до 15 мая.

Разрѣшеніе свиданія Тотлебена съ Вернеромъ было одобрено конференціею. «Вы хорошо сдѣлали,—сказано было въ рескриптѣ Бутурлину,—что позволили графу Тотлебену видѣться съ Вернеромъ. Мы почти увѣрены, что если до свиданія дойдетъ, то Вернеръ будетъ или о мирѣ предлагать, или будетъ стараться заподозрить предъ нами нашихъ союзниковъ. Надобно все выслушивать и на первое, не отвѣчая ничего рѣшительнаго, намъ доносить, а на послѣднее и тотчасъ можно отвѣчать, что мы вполнѣ увѣрены въ твердости и искренности нашихъ союзниковъ; да еслибъ и не такъ было, то мы согласимся лучше быть обманутыми, чѣмъ заподозрить ихъ и не устоять въ своихъ обязательствахъ; что всякое нечистосердечное покушеніе послужитъ только къ продолженію раззорительной войны, а къ достиженію мира одинъ способъ—прямо предлагать и показать дѣйствительную готовность къ удовлетворенію обиженныхъ сторонъ».

Вслѣдъ же затѣмъ, по поводу присланнаго Тотлебеномъ Бутурлину письма одного его пріятеля изъ Берлина, въ коемъ упоминалось, что миръ между Франціею и Англіею уже заключенъ, и которое было получено Тотлебеномъ во время переговоровъ съ Вернеромъ, конференціею было указано Бутурлину, что и письмо это служило только приготовленіемъ къ тому, чтобы внушенія Вернера произвели свое полное дѣйствіе. Поэтому предписывалось увѣдомить Тотлебена, чтобы онъ остерегался подобныхъ внушеній. Но, исполняя это повелѣніе, Бутурлинъ послалъ Тотлебену ордеръ отъ 12 мая въ такой формѣ, которая давала поводъ думать, что въ средѣ членовъ конференціи существуютъ какъ бы опасенія на счетъ благонадежности Тотлебена. «Хотя я не чаю,—значилось въ этомъ ордерѣ,—чтобы по нынѣшнему вашего сіятельства изъ Померанiи выступленію до какихъ либо къ вамъ отзывовъ съ непріятельской стороны дошло, однакожъ, въ силу высочайшаго повелѣнія, на случай чинимыхъ вамъ иногда съ прусской стороны какихъ либо хитрыхъ, а особливо

[1]) Рапортъ 9 апрѣля 1761 г.

о мирѣ или тому подобному внушеній, предписать нахожу нужнымъ, чтобъ вы весьма отъ того остерегались и оному отнюдь вѣры не подавали, а на чинимыя иногда вамъ персонально при случаѣ съ прусской стороны внушенія съ твердостію и достоинствомъ отвѣтствовали, что сколько извѣстны вамъ высочайшіе ея императорскаго величества сантименты, буде чистосердечнымъ и откровеннымъ съ королевской прусской стороны поведеніемъ можно ея величество преклонить къ снисхожденію и природному человѣколюбію, то, напротивъ того, всякое неискренное покушеніе утвердитъ только ея императорское величество въ высочайше принятыхъ однажды намѣреніяхъ, а встрѣчающіяся трудности послужатъ новымъ побужденіемъ преодолѣвать оныя. Сіе вашего сіятельства изъясненіе имѣетъ только на случай отзывовъ прусскихъ быть чинено, а безъ того въ вышней тайности у васъ хранено. Да что и когда по тому произойдетъ, немедленно мнѣ рапортовано быть, и о семъ же такъ, какъ отъ себя, а не по повелѣнію объявлять» [1]).

Задѣтый этимъ ордеромъ за живое, Тотлебенъ сильно оскорбился имъ. «Секретнѣйшій ордеръ вашего сіятельства сего мѣсяца отъ 12 числа,—отвѣчалъ онъ 16-го мая,—я по эстафетѣ сего числа получилъ, изъ котораго, по высокому его стилю, силы и значенія его содержанія понять не могъ. Я никогда съ непріятельскими генералами корреспонденціи не имѣлъ. Что-жъ принцъ фонъ-Бевернъ и генералъ Вернеръ до сего времени ко мнѣ писали, о томъ все вашему сіятельству рапортовалъ и какія на то повелѣнія отъ вашего сіятельства получалъ, то и имъ отвѣтствовалъ. Я ссылаюсь на всѣ мои объ ономъ рапорты, которые я къ вашему сіятельству посылалъ. Вся корреспонденція касалась перемирія и размѣна плѣнныхъ такъ, какъ ваше сіятельство приказали. Что я съ генераломъ Вернеромъ, противъ моего желанія, здѣсь говорить долженъ былъ, то по особливому вашего сіятельства приказанію чинено, но только я здѣсь никогда съ нимъ наединѣ не былъ, а всегда при томъ другіе были, и что онъ мнѣ говорилъ, я вашему сіятельству по эстафетѣ доносилъ.

«Перемиріе сего числа кончилось [2]), а я генералу Вернеру писалъ, ежели что впредь къ надобности потребуется, чтобъ онъ

[1]) Ордеръ 12 мая 1761 г.

[2]) Въ ратификаціи принца Беверискаго 3 марта 1761 г. заключеннаго

ко мнѣ болѣе не адресовался, но непремѣнно къ вашему сіятельству писалъ.

«Я еще малый человѣкъ, чтобъ мнѣ въ миръ и прочія важныя дѣла мѣшаться, да и непріятеля можно бы къ посмѣянію привесть, ежелибъ объ ономъ ко мнѣ адресовался. Ваше сіятельство милостиво мнѣ справедливость оказать соизволите и повѣрите, что я себя ни къ чему въ употребленіе не дамъ, какъ только о чемъ ваше сіятельство прикажете и что ея императорское величество къ службѣ востребуетъ».

Такой отзывъ нельзя было оставить безъ отвѣта и Бутурлинъ поспѣшилъ успокоить обидѣвшагося,ославъ ему слѣдующій отвѣтъ: «Изъ рапорта вашего сіятельства отъ 16-го числа сего мѣсяца не могъ я безъ сожалѣнія усмотрѣть, что вы секретнѣйшій мой ордеръ не совершенно поняли, а того еще больше, что оный себѣ за обиду почитаете и, можетъ быть, думаете, что оный отъ меня только происходитъ. Въ объясненіе того я вашему сіятельству объявляю, что сей ордеръ къ вамъ отправленъ точно по именному высочайшему повелѣнію и единственно въ такомъ намѣреніи, чтобъ вы въ состояніи были сентименты ея императорскаго величества изъяснить въ случаѣ, буде къ вамъ какіе коварные отзывы съ непріятельской стороны были, чего, по прежнимъ прусскимъ примѣрамъ, а особливо при намѣряемой нынѣ мирной негоціаціи и когда непріятель вездѣ тѣмъ покушается, и чаять причина есть. Я васъ увѣрить могу, что свиданіемъ вашимъ съ Вернеромъ и перепискою вашею какъ съ нимъ, такъ и съ принцемъ Бевернскимъ и употребленными при томъ осторожными поступками не только я, но и всевысочайшій дворъ весьма доволенъ.

«Въ разсужденіе чего я, въ надѣяніи на должную вашу осторожность, вашему сіятельству рекомендую помянутый вашъ, въ скорости учиненный, поступокъ поправить и съ Вернеромъ, и съ принцемъ Бевернскимъ по прежнему, буде случай подастся, корреспондовать, а меня только о томъ увѣдомлять» [1]).

Г. К. Рѣпинскій.

(Окончаніе слѣдуетъ).

---

14 (25) февраля договора Тотлебена съ Вернеромъ значится, что перемиріе было заключено до 1-го (12-го) мая. (Московск. арх. мин. ин. дѣлъ, 1761 г., № 101).

[1]) Ордеръ 20 мая 1761 г.

1738 — 1833.

ПРОДОЛЖЕНІЕ ОПИСАНІЯ

ЖИЗНИ АНДРЕЯ БОЛОТОВА,

ОПИСАННОЕ САМИМЪ ИМЪ ДЛЯ СВОИХЪ ПОТОМКОВЪ.

Часть пятая или сначало 35-я.

Плоды 1799 и 1800 годовъ.

НАЧАТО 19 мая 1821
КОНЧЕНО 19 мая 1822
ВЪ ДВОРЯНИНОВѢ.

Постоянные читатели «Русской Старины», безъ сомнѣнія, съ удовольствіемъ встрѣтятъ вновь на страницахъ этого изданія—давняго своего знакомаго Андрея Тимоѳеевича Болотова. Онъ памятенъ и дорогъ намъ. Дорогъ не потому только, что двадцать лѣтъ тому назадъ мы имѣли истинное удовольствіе украсить его разсказомъ первыя книги нашего историческаго сборника и затѣмъ четыре года сряду, изъ книги въ книгу, продолжали этотъ разсказъ, но потому, что прелесть простодушнаго, честнаго, полной жизненной правды, сказанія Болотова о бытѣ русскаго современнаго ему дворянства XVIII-го вѣка — была въ высокой степени привлекательна.

Жизнеописаніе А. Т. Болотова издано нами въ 1870—1873 гг. въ двадцати девяти частяхъ, составившихъ четыре тома; оно охватываетъ время съ конца XVII-го по 1795 годъ, т. е. почти по конецъ XVIII-го вѣка. Этотъ историко-литературный памятникъ занялъ весьма видное мѣсто въ ряду источниковъ новѣйшей отечественной исторіи; по общему признанію нашей исторической критики, Записки Болотова составляютъ наиболѣе цѣнный матеріалъ для исторіи быта, главнымъ образомъ, средняго, помѣстнаго великороссійскаго дворянства за время прошлаго столѣтія, почему онъ и является въ числѣ источниковъ въ монументальныхъ трудахъ самыхъ авторитетныхъ ученыхъ, какъ напр. историка С. М. Соловьева, а за нимъ и многихъ другихъ писателей и ученыхъ.

Представитель старой, коренной русской дворянской фамиліи—Андрей Тимоѳеевичъ Болотовъ — родился въ 1738-мъ году и, по существовавшему тогда закону общей служебной повинности для всего дворянства, рано поступилъ въ военную службу. Въ качествѣ офицера—онъ участвуетъ въ рядахъ русской арміи въ походахъ и сраженіяхъ семилѣтней войны съ Пруссіей; затѣмъ мы его видимъ адъютантомъ одного изъ генераловъ при дворѣ Петра III; однимъ изъ первыхъ по времени дворянъ, Болотовъ воспользовался манифестомъ 18-го февраля 1762 г., освободившимъ россійское дворянство отъ обязательной службы; далѣе мы его видимъ — помѣщикомъ села Дворяниново въ Тульской губерніи, Алексинскаго уѣзда, при чемъ онъ является типичнымъ представителемъ лучшихъ помѣщиковъ — хозяевъ домоводовъ и садоводовъ своего времени; мало этого, при «Московскихъ Вѣдомостяхъ» онъ издаетъ, первый по времени, сельско-хозяйственный журналъ «Экономическій Магазинъ», и въ виду его агрономическихъ свѣдѣній, путемъ труда и науки добытыхъ, Болотовъ приглашается въ управители удѣла (въ той же губерніи, село Богородицкъ, нынѣ городъ), удѣла питомца Екатерины II — Алексѣя Григорьевича Бобринскаго (род. 1762 † 1811 г.), съ 1796 года графа Бобринскаго.

Записки А. Т. Болотова — изданіе «Русской Старины», прерываются 1795 годомъ; мы имѣли предъ собой — 29 частей этого труда и напечатали все, что у насъ было; къ счастію, всѣ эти части шли непрерывно; но, извѣстно,

что Болотовъ велъ свое сказаніе далѣе 1795 года, онъ писалъ его до дней самой глубокой старости, до которой и дожилъ, такъ какъ онъ умеръ въ 1833-мъ году, 96 лѣтъ отъ роду, и разсказъ его охватывалъ, въ двухъ собственной его руки редакціяхъ — «Черноваго журнала вседневныхъ событій» и обработаннаго уже систематическаго изложенія, время до 1811 года, такъ, по крайней мѣрѣ, утверждаетъ его покойный внукъ Михаилъ Павловичъ Болотовъ, которому дѣдъ читалъ отрывки изъ записокъ, именно изъ этого времени [1]).

Оставивъ, въ 1796-мъ году, мѣсто управляющаго гр. А. Г. Бобринскаго, А. Т. Болотовъ поселился окончательно въ своемъ имѣніи Дворяниновѣ и прожилъ еще 37 лѣтъ — весь поглощенный литературными и агрономическими занятіями.

Труды эти выразились во множествѣ всевозможныхъ собственноручныхъ рукописей, какъ оригинальныхъ, такъ и переводныхъ, въ прозѣ и стихахъ; всѣхъ его сочиненій, кромѣ „Экономическаго Магазина“, 40 томовъ, по показанію его внука, было до 80. Труды эти были — историческіе, агрономическіе (домоводство, садоводство, о хозяйств. постройкахъ и проч.) [2]), религіозные, критическіе—словомъ изъ разныхъ областей литературы, въ каковыхъ писалъ Андрей Тимоѳеевичъ: то былъ одинъ изъ самыхъ плодовитыхъ и самыхъ образованныхъ русскихъ писателей второй половины XVIII-го вѣка. Сравнительно лишь весьма небольшая часть его рукописей была напечатана; большая же часть была развезена его внуками (онъ имѣлъ одного сына и 4 дочери), въ разные концы Россіи, куда только они разъѣхались, и многія изъ этихъ рукописей были утрачены.

Лучшая часть архива А. Т. Болотова сохранилась у его достойнаго правнука В. А. Болотова, съ честью занимавшаго долгое время—постъ мироваго судьи въ С.-Петербургѣ и пользующагося уваженіемъ всѣхъ лицъ, его знающихъ. Сынъ его, Александръ Владиміровичъ, праправнукъ Андрея Тимоѳеевича, также заботливо относится къ библіотекѣ и архиву своего знаменитаго прапрадѣда.

Получивъ отъ В. А. и П. А. Болотовыхъ первыя 29 частей рукописи Записокъ А. Т. Болотова, которыя и напечатаны нами въ 1870—1873 гг. въ приложеніи къ „Русской Старинѣ“ тѣхъ годовъ, мы въ 1886-мъ году получили найденныя ими у родныхъ еще пять книжечекъ второй обработанной А. Т. Болотовымъ редакціи его Записокъ—именно части 35, 36, и 37, заключающія въ себѣ его разсказъ о 1799—1802 гг., затѣмъ особые томики, заключающіе описаніе 1802 г. съ 7-го октября и 1805 г. жизни этого писателя; такимъ образомъ, между 1795-мъ годомъ, на которомъ прерываются Записки Болотова, изд. при «Русской Старинѣ» 1870—1873 годовъ, и текстомъ теперешняго продолженія описанія жизни „Андрея Болотова“—пробѣлъ въ четыре года; къ нему относится имѣющійся у насъ отъ г. Киселева дневникъ Болотова [3]).

---

[1]) См. «Русскую Старину» изд. 1873 г, т. VIII, стр. 738—753.

[2]) Многія изъ этого отдѣла рукописи находятся въ «Московскомъ Обществѣ сельскаго хозяйства», въ библіотекѣ Общества.

[3]) «Черноваго журнала вседневныхъ событій» А. Т. Болотова, составляющаго черновую редакцію его Записокъ и прочихъ его трудовъ, было, по показанію его внука, Михаила Павловича, болѣе 50 томиковъ; изъ нихъ 39 были проданы М. П. Болотовымъ—гг. Киселеву и Самарину, («Русская Старина 1873 г., томъ VIII, стр. 748); нѣкоторые изъ этихъ черновыхъ томиковъ, а именно четыре, переданы г. Киселевымъ въ редакцію «Русской Старины»: дневникъ 1793—1794 гг., 1797—1798 гг., 1799—1800 гг. и 1801—1802 гг. Ред.

Помянутые пять томиковъ рукописи Записокъ А. Т. Болотова,—именно 1799 — 1802 и 1805 годовъ мы представляемъ нынѣ на страницахъ «Русской Старины». Составлены они А. Т., по его черновому дневнику, въ 1821 — 1827-мъ годахъ и нѣкоторые изъ нихъ занимаютъ болѣе 400 страницъ, въ небольшую 8-ю долю листа; книжечки, какъ и предъидущіе томики, переплетены А. Т. въ бумажный переплетъ; на корешкѣ ихъ надписи: «Описаніе жизни Андрея Болотова, часть 35, 36, 37».

Содержаніе этихъ частей не богато изложеніемъ крупныхъ историческихъ событій; составитель Записокъ продолжаетъ въ нихъ прежній свой разсказъ о своемъ и сосѣдей своихъ бытѣ. Разсказъ этотъ, не смотря на мелочность, весьма ярко живописуетъ быть средняго великорусскаго дворянства во всѣхъ подробностяхъ, касающихся воспитанія, службы по выборамъ, взаимныхъ отношеній помѣщиковъ, въ особенности здѣсь много дано мѣста весьма интереснымъ спорамъ и изложенію хода тяжебъ по размежеванію земель, — что составляло въ концѣ XVIII-го вѣка важный для помѣщиковъ-дворянъ вопросъ; тутъ-же вырисовываются отношенія помѣщиковъ къ крестьянамъ; нравы, обычаи, свадебные, похоронные и друг., пиры, гощенія, забавы, сельско-хозяйственныя занятія и проч. и проч. Текстъ Записокъ Болотова, какъ и прочихъ въ «Русской Старинѣ», мы печатаемъ дословно точно и вѣрно.

Въ заключеніе этого предисловія не можемъ не повторить того, что мы еще въ 1873 году говорили [1]) о языкѣ «Жизнеописанія А. Т. Болотова»: «Языкъ Записокъ Болотова поистинѣ образецъ чисто русскаго, разговорнаго языка прошлаго столѣтія, выраженій, оборотовъ, притомъ такихъ выраженій старинныхъ, которыя вполнѣ заслуживаютъ возобновленія въ русской рѣчи, особенно теперь, когда современный нашъ языкъ засоренъ такою массою иностранныхъ словъ, въ замѣну которыхъ существуютъ не только равносильныя, но и того сильнѣйшія, весьма выразительныя, русскія слова... Въ этомъ случаѣ иностранную мѣдь мы цѣнимъ дороже собственнаго золота. Своеобразный слогъ Болотова, мѣткость его выраженій, ихъ картинность и точность составляютъ одну изъ лучшихъ особенностей его Записокъ».

Повторяемъ увѣренность, что давніе читатели «Русской Старины» съ удовольствіемъ встрѣтятъ въ ней, время отъ времени, продолженіе разсказа этого прекраснодушнаго и весьма умнаго русскаго человѣка; безъ преувеличенія можно признать, что устами Болотова говорятъ лучшіе русскіе люди прошлаго вѣка, т. е. тѣ, которые составляли именно сердце и умъ великаго, могучаго богатыря—русскаго народа.

Мих. Семевскій.

---

[1]) См. «Русскую Старину» изд. 1873 г., томъ VIII, стр. 1016.

Мой другъ! Сію часть исторіи моей жизни начну я описаніемъ хотя кратковременной, но по обстоятельствамъ своимъ достопамятной ѣзды моей изъ деревни своей въ Москву. Въ столицу сію призывала меня тогда крайняя нужда. Въ пребывающей въ оной межевой канцеляріи приводимо было тогда къ окончанію тамбовское наше спорное межевое дѣло съ г. Пашковымъ. Болѣе тридцати лѣтъ оно тянулось и все еще не совсѣмъ было рѣшено и кончено. Началось оно еще вскорѣ по изданіи о размежеваніи земель манифеста, черезъ покупку мною и покойнымъ дядею моимъ, изъ пустопорожней подлѣ тамбовской нашей деревни находившейся государственной и до 50 тысячъ десятинъ простиравшейся земли, нѣсколько сотъ десятинъ, отчасти завладѣнной нами, отчасти впустѣ еще лежащей земли, на которую получивъ владѣнные указы, мы и владѣли, хотя оная потомъ и не была намъ еще отмежевана, что въ тогдашнее время не было еще тамъ никакихъ межевщиковъ и межеванья. Чрезъ короткое время послѣ того прельстился сею огромною степью славной г. Пашковъ, имѣвшей, на оной маленькой хуторокъ и восхотѣвшей всею оною неправильнѣйшимъ образомъ обовладѣть и черезъ взятаго на свой коштъ землемѣра за собою отмежевать. Но какъ онъ по непомѣрной алчности своей не хотѣлъ удовольствоваться нѣсколькими тысячами десятинъ, а восхотѣлъ не только всею ею незаконнымъ образомъ завладѣть, но и насъ всѣхъ смежныхъ владѣльцевъ притѣснить, то и оспорили мы ему въ томъ и, объявивъ оною казенною землею, каковою она и была, довели до того, что онъ, начавъ было межевать, но оную принужденъ былъ неоконченною бросить.

Такъ и осталось тогда сіе дѣло до самыхъ тѣхъ поръ, какъ г. Князевъ опредѣлился вторымъ, но важнѣйшимъ членомъ въ межевую канцелярію, и какъ тогда наступило такое время, въ которое можно было черезъ деньги все въ межевой канцеляріи выработывать и земли сколько хотѣлось покупать изъ казны не только на свое, но и на чужія имена, то и присовѣтывали господину Пашкову купить всю оную степь на чужія имена, но онъ и тутъ съ одной стороны по безпредѣльной алчности своей, а съ другой, не смотря на все свое богатство, по скупости своей, восхотѣлъ сбездѣльничать и купить на семь чужихъ имянъ одну только окружную полосу земли, а всю внутренность удержать за собою безъ покупки, и какъ въ межевой канцеляріи не было еще сей степи и плана, то и продала она ему наобумъ и по его признакамъ и не болѣе 11 тысячъ десятинъ и дала ему своекоштнаго землемѣра для отмежеванія сихъ узкихъ полосъ, окружающихъ всю степь сію. Тутъ случилось ему по непомѣрной алчности своей сдѣлать непростительную ошибку и при назначеніи въ просьбѣ своей урочищъ, по которымъ ему купить хотѣлось, включить между прочими одно такое урочище, которое за нѣсколько лѣтъ до того продано было мнѣ и за тройную еще цѣну. Сіе, какъ скоро дошло до моего свѣдѣнія, и побудило меня скакать въ межевую канцелярію и, показавъ ей ея ошибку, просить, чтобъ она велѣла тому же землемѣру напередъ отмежевать мнѣ проданную давно уже и мною владѣемую землю, а потомъ уже межевать Пашкову.

А между тѣмъ усмотрѣлъ я и другую Пашкову ошибку, а именно, что онъ, описывая полосамъ своимъ урочищи, въ одномъ мѣстѣ не сомкнулъ ихъ между собою, а оставилъ версты на двѣ прорѣху и оное (оный?) входъ во все (всю?) внутренность степи, просилъ межевую канцелярію о продажѣ и мнѣ всей прорѣхи 1,000 десятинъ земли, которое количество мнѣ было и продано и тому же землемѣру велѣно было и отмежевать мнѣ.

Ежели бы г. Пашковъ былъ благоразуменъ и не слишкомъ жадничалъ землею, которая ему, какъ бездѣтному человѣку, вовсе была ненадобна, то могъ бы онъ вмѣстѣ съ проданною ему землею овладѣть безденежно и всею достальною и до 35 тысячъ десятинъ простиравшеюся степью—все дѣло зависѣло отъ того, чтобъ ему, согласно съ повелѣніемъ межевой конторы, дозволить

межевщику вымежевать напередъ всѣ проданныя мнѣ земли, а послѣ уже чтобъ отмежевать проданныя себѣ, ибо тогда не кому бы было ему въ томъ полагать преграды и спорами своими всѣ плутни его выводить наружу.

Но человѣкъ сей не такого былъ свойства, чтобъ послѣдовать гласу благоразумія; я, ѣздивши нарочно для сего осенью въ тамбовскую свою деревню, хотя и предлагалъ ему сіе и даже просилъ о томъ, чтобы онъ меня напередъ успокоилъ и далъ мнѣ вымежеваться, обѣщевая ему не дѣлать, впрочемъ, никакого ему помѣшательства, но онъ не захотѣлъ никакъ на то согласиться, но, взявъ на свой коштъ землемѣра и обогативъ его мздою, велѣлъ ему наискорѣйшимъ образомъ и, не принимая никакихъ и ни отъ кого споровъ, отмежевывать, скачучи на лошадяхъ, всѣ проданныя ему полосы, и замежевать за собою даже и самую ту прорѣху и находящуюся въ оной и мнѣ проданную землю.

Какъ сіе производилъ онъ уже весною и когда меня тамъ не было, то и чертилъ онъ какъ ему хотѣлось и замежевалъ за собою не только всю степь, но и превеликое множество пахатныхъ сосѣднихъ земель, а въ томъ числѣ и моей земли множество. Симъ растрогалъ онъ меня уже до крайности и принудилъ скакать опять въ межевую канцелярію и подать на него жалобу и объяснить всѣ его плутни и неправильное замежеваніе за собою безденежно всей степи, а сіе и произвело то, что межевая канцелярія принуждена была все тамошнее межеванье остановить и для полученія о всей этой степи и окрестныхъ дачъ понятія отправить уже нарочнаго казеннаго землемѣра и велѣть ему всю ее снять на планъ и принять всѣ какіе будутъ и отъ него споры. А сіе и производилось нѣсколько лѣтъ сряду и какъ планъ со всего тамошняго края былъ въ канцелярію представленъ, то и усмотрѣла она всѣ плутни, и Пашковъ сколько ни старался, но не могъ ничего сдѣлать, а сіе и побудило его все сіе дѣло перевести въ Петербургъ въ тогдашнюю межевую экспедицію; но которая нашла все сіе огромное дѣло столь запутаннымъ, что не знала сама какъ къ нему приступить и что сдѣлать, но, не смотря на всѣ просьбы, пронырства и домогательства Пашкова, рѣшилась послать все сіе дѣло обратно въ межевую канцелярію съ тѣмъ, чтобы она отправила оное въ тамбовскую

межевую контору и оной бы предписала рѣшить сіе дѣло на мѣстѣ по законамъ, когда по порядку дойдетъ до земель сіе дѣло. А посему то контора сія, какъ я прежде уже упоминалъ, и рѣшила сіе дѣло по самой справедливости, и какъ оказалось, что въ проданныхъ Пашкову и ему отмежеванныхъ полосахъ было замежевано нѣсколько тысячъ десятинъ лишнихъ, то и назначила она отмѣрить ему только то число, сколько ему продано, а изъ излишковъ намѣрить проданную землю мнѣ, которая тогда же мнѣ была и отмежевана, достальную же всю, простиравшуюся на нѣсколько десятковъ тысячъ десятинъ, опредѣлила взять въ казну, а за неправильное завладѣніе и присвоеніе себѣ взыскать штрафъ въ казну, нѣсколько десятковъ тысячъ рублей, съ Пашкова.

Симъ тогда и кончилось дѣло и я болѣе десяти лѣтъ и владѣлъ спокойно отмежеванною мнѣ землею и получалъ съ оной доходъ довольной.

Пашковъ же, будучи симъ конторскимъ рѣшеніемъ недоволенъ, подписалъ апеляцію и дѣло перешло опять въ межевую канцелярію, но и въ оной лежало до самаго сего времени безъ всякаго производства; а и въ сіе время принялась за дѣло, не потому что въ помянутой періодъ времени, по случаю перемѣны правительства, явились еще нѣкоторые просители сей земли себѣ, и нѣсколькимъ дано было отъ государя Павла I-го по нѣскольку тысячъ десятинъ изъ отрѣзанной отъ Пашкова, и канцеляріи нельзя было сихъ удовлетворить, не разсмотрѣвъ рѣшенія конторскаго и не войдя во все дѣло сіе въ подробность. Вотъ въ какомъ положеніи находилось сіе дѣло; но какъ между тѣмъ въ межевой канцеляріи всѣ члены и присутствующіе были уже не прежніе, а совсѣмъ иные, то и опасались оба мы съ сыномъ, чтобъ сіи изъ похлебства г. Пашкову не перековеркали всего конторскаго рѣшенія, и не подѣлали-бъ по пристрастію какихъ нибудь намъ пакостей и не лишили-бъ насъ намъ отмежеванной и владѣемой нами земли, а сіе всего легче могло произойтить, если не предупредить и не отвратить зла сего какимъ нибудь образомъ. Для самого себя и спѣшилъ я тогда ѣхать въ Москву, съ намѣреніемъ употребить все, что только можно будетъ для удержанія за собою толико важной и необходимо нужной и надобной земли, безъ которой вся наша

тамошняя деревня очень малаго стоила, а съ нею сдѣлалась капитальною и довольно доходною.

Я отправился изъ деревни моей въ сей путь 25-го августа съ намѣреніемъ заѣхать къ родственнику тещи моей и старинному нашему знакомцу и другу Ивану Афанасьевичу Арцибышеву, живущему въ Серпуховскомъ уѣздѣ, верстъ съ 15 отъ сего города. Онъ просилъ меня, чтобъ къ нему въ сей разъ на перепутьи заѣхать, и прислалъ даже человѣка, которому показать мнѣ въ селеніе его дорогу. Начало путешествія сего сопряжено было съ той непріятностью, что въ самое то время случилась ненастная дождливая погода, но какъ ни грязно было ѣхать, но я доѣхалъ до обиталища нашего родственника довольно еще рано и, ѣдучи мимо церкви ихъ прихода, засталъ самого его въ оной, дослушающаго обѣдню, и такъ успѣлъ и я еще застать кончикъ оной. По окончаніи же божественной службы ходили мы съ нимъ смотрѣть вновь построенную имъ церковь, и я далъ ему совѣтъ какъ подвесть подъ нее каменной цоколь. Отъ церкви до его дома было не очень близко, и я, по просьбѣ его, согласился доѣхать туда вмѣстѣ съ нимъ на его дрожкахъ, но скоро раскаялся въ томъ, ибо вдругъ припустилъ на насъ пресильной дождь и измочилъ обоихъ насъ до чрезвычайности. Я обѣдалъ и достальное время дня сего препроводилъ у него, въ Воскресенкахъ, и былъ угощеніемъ его очень доволенъ. Онъ дожилъ почти до старости, будучи не женатымъ, построилъ себѣ хотя изрядной домикъ, но жизнь велъ уединенную и хлопотливую и совсѣмъ почти странную. Онъ имѣлъ у себя хотя и денежки, но заботился безпрерывно о пріумноженіи своего достатка и вмѣсто того, что старость свою проживать въ покоѣ, провождалъ ее въ безпрерывныхъ хлопотахъ и заботахъ, и то и дѣло ѣзжалъ и на чемъ же—на дрожкахъ въ Москву и тамъ строилъ постоялые дворы для отдачи ихъ въ наймы.

Я не могъ всему тому и всему образу его жизни довольно надивиться и, переночевавъ у него, хотѣлъ было по утру продолжать путь свой далѣе, но онъ убѣдилъ меня просьбою остаться у него обѣдать, на что я тѣмъ охотнѣе согласился, что продолжалось все еще ненастье,—которое продолжалось и послѣ обѣда и помочило насъ довольно въ дорогѣ, и мы, ѣдучи очень грязною дорогою, едва успѣли доѣхать ночевать до Молодей. Симъ

знаменитымъ селомъ владѣлъ тогда славный богачъ и экономъ Степанъ Егоровичъ Кроткой, — разбогатѣвшей дружно чрезъ употребленіе въ свою пользу огромнаго хлѣбнаго магазина, запасеннаго еще Пугачевымъ, въ его низовой деревнѣ и попоимкѣ онаго—у него (Кроткого) въ деревнѣ оставшаго. Я съ любопытствомъ смотрѣлъ на всѣ его въ семъ селеніи строенія, заведенія и разныя украшенія, и наслышался жалобъ на него крестьянъ, измученныхъ множествомъ земляныхъ и другихъ работъ. Переночевавъ въ семъ селѣ и обрадовавшись, что погода перемѣнилась и возстановилась опять ясная, продолжали мы свой путь далѣе и по грязной еще дорогѣ дотащились кое какъ до Молодецъ и, выкормивъ тутъ лошадей, успѣли еще въ тотъ же день, и довольно еще рано, доѣхать до Москвы.

Подъѣзжая къ сей древней нашей столицѣ и матери всѣхъ русскихъ городовъ и смотря на нее, говорилъ я самъ въ себѣ: о Москва! Москва! въѣзжаю я въ тебя съ безпокойнымъ и смущеннымъ духомъ! и съ какимъ то я изъ тебя выѣду! обрадуешь ли ты меня, или опечалишь!

Я и дѣйствительно озабоченъ былъ тогда множествомъ непріятныхъ обстоятельствъ. Во всей оной не было у меня никакихъ такихъ друзей и знакомцевъ, отъ которыхъ могъ я ласкаться надеждою полученіемъ какой нибудь въ дѣлѣ моемъ помощи; во всей оной не было кромѣ трехъ домовъ мнѣ сколько нибудь дружныхъ и знакомыхъ, а именно: домъ г. Крюкова, Александра Степановича, домъ тетки моей, Катерины Петровны Арсеньевой, и домъ брата ея, Андрея Петровича Давыдова, но отъ нихъ всего менѣе могъ я ожидать какого нибудь себѣ пособія; что-жъ касается до межевой канцеляріи, то во всей оной не было тогда у меня ни изъ судей, ни изъ секретарей, ни изъ канцелярскихъ служителей никого знакомаго, ибо, вмѣсто всѣхъ прежнихъ, были уже совсѣмъ иные люди. Итакъ, единая и наиглавнѣйшая надежда моя была на покровительствующаго всегда мнѣ Господа Бога, съ упованіемъ на котораго я и въѣхалъ тогда въ нашу старушку Москву.

Я остановился въ пріисканной повѣреннымъ нашимъ, пріѣхавшимъ прежде меня уже въ Москву, квартиркѣ, въ задней пристройкѣ дома Якова Ивановича Басаргина въ Зарядьѣ. Я ни мало немедля приступилъ тотчасъ ко всѣмъ по моему дѣлу

хлопотамъ и всѣ четыре первые дня провелъ въ безпрерывномъ почти рысканьи и разъѣздахъ по Москвѣ и въ свиданіяхъ съ людьми для меня нужными, и какъ обо всемъ происходившемъ въ теченіи сихъ дней писалъ я 1-го сентября въ подробности къ моему сыну и въ письмѣ моемъ изобразилъ все тогдашнее мое положеніе и въ какомъ душевномъ смущеніи и разстройкѣ мыслей я находился, и куда, и куда именно ѣздилъ, то для объясненія всего того и помѣщу я письмо оное.

Изъ Москвы, сентября 1-го дня 1799 года.

„Другъ мой Павелъ Андреевичъ! Изъ послѣднихъ моихъ писемъ, посланныхъ къ тебѣ изъ Дворянинова и въ Ламки и въ Гнилое болото на-удачу, гдѣ тебя найдутъ, знаешь уже ты, какое помѣшательство произошло въ производствѣ намѣренія нашего въ разсужденіи ѣзды нашей въ тамбовскую нашу деревню, а именно: то неожиданное обстоятельство, что межевое наше дѣло въ Москвѣ начали слушать, и я писалъ уже къ тебѣ о моемъ опасеніи, что не будетъ ли надобности ѣхать мнѣ въ Москву; а какъ теперь пишу къ тебѣ уже изъ сей столицы, то ты видишь, что я уже въ ней, и что обстоятельства, дѣйствительно, принудили меня, оставивъ всѣ свои нужды и надобности, ѣхать сюда. И слава Богу, что я и рѣшился сюда отправиться, дабы лично узнать обстоятельство нашего дѣла, а не положился на слова нашего повѣреннаго, который ни уха, ни рыла не смыслитъ и котораго здѣсь и въ пяру (?) не видать, а въ межевой, не только куда далѣе, но и въ подъяческую не пускаютъ. Итакъ, скажу тебѣ, что, отправившись изъ деревни еще 25-го августа, за сдѣлавшимся вдругъ превеликимъ ненастьемъ и испортившеюся дорогою, на-силу, на-силу на третій день къ вечеру въ Москву пріѣхалъ и, остановившись въ домѣ Я. И. Басаргина, по сіе время по Москвѣ все мычусь и разъѣзжаю, и на квартирѣ только что ночую, а теперь пріѣхалъ нарочно поранѣе домой, чтобъ все достальное время дня сего употребить на написаніе къ тебѣ въ оба мѣста, гдѣ я теперь тебя быть думаю, то есть въ Ламки и Паники, писемъ, къ чему теперь и приступаю.

Съ особеннымъ и чувствительнымъ прискорбіемъ скажу тебѣ, мой другъ, что дѣло наше нашелъ я здѣсь гораздо въ худшихъ

обстоятельствахъ, нежели я думалъ и ожидалъ. Его, дѣйствительно, начали слушать и почти все прослушали и я подоспѣлъ точь въ точь къ самому важнѣйшему пункту времени, то есть къ его рѣшенію, и очень радъ уже тому, что осталось еще столько до рѣшенія времени, что можно мнѣ было еще успѣть познакомиться нѣсколько съ межевыми судьями и узнать въ какомъ оно положеніи и къ чему наклонны господа рѣшители жребія нашего. Словомъ, я никакъ не ожидалъ и не думалъ, чтобъ оно могло быть въ такомъ пакостномъ и опасномъ для насъ положеніи!

Коротко, я увидѣлъ, что великая наклонность господъ судей даже къ тому, чтобъ всю нашу покупку уничтожить и кассировать, и, оставивъ насъ при одной нашей дачной ничего незначущей земли, всею огромною степью подарить нынѣшняго г. Пашкова (который будучи не таково скупъ, какъ покойникъ нашъ прежній соперникъ, а еще богатѣе его, для насъ несравненно опаснѣе онаго), утвердивъ, что будто все это его дачная, и что будто тутъ нѣтъ никакой дико-порожней государственной земли. А что всего удивительнѣе, то сдѣланъ такой плутовской подборъ, что легко даже можетъ сіе и статься и имъ такъ рѣшить это дѣло и можно, и все рѣшеніе конторское перековеркать и уничтожить. Они даже поднимаютъ оное на смѣхъ и надъ рѣшеніемъ симъ насмѣхаются. Вотъ каковы нынѣ у насъ дѣла, а мнѣ казалося всегда, да и нынѣ кажется, что контора разобрала все это дѣло очень основательно и рѣшила правильно и свято! Но въ глазахъ госпожи канцеляріи оно ни къ чему не годится. Она съ особливымъ тщаніемъ выискиваетъ всѣ малѣйшія ея упущенія въ рѣшеніи, и старается изъ каждой мухи дѣлать слона, дабы только, привязавшись къ тому, можно было имъ сіе дѣло перековеркать и рѣшить по своему, а какъ—того они сами еще не знаютъ или, по крайней мѣрѣ, такъ говорятъ, то по всему тому легко ты можешь заключить, каково мнѣ было, при узнаніи о всѣхъ сихъ принятыхъ обстоятельствахъ. Я смутился чрезвычайно, и было отчего смутиться. Удержаніе за собою нашей покупной и уже намъ было отмежеванной земли, какъ ты самъ знаешь, для насъ превеликой важности. Что наша вся деревня безъ нея? ничего почти не будетъ значить!—почему не сомнѣваюсь, что и тебя сіе не менѣе смутитъ, какъ и меня,

а что всего хуже, то съ прискорбіемъ и огорченіемъ душевнымъ тебѣ скажу, что и теперь еще духъ мой не успокоенъ, и я нахожусь въ мучительной неизвѣстности о томъ, что воспослѣдуетъ и чѣмъ все сіе дѣло кончится. Предвижу только то, что предстоитъ намъ еще премножество хлопотъ и убытковъ знаменитыхъ, и въ разсужденіи сихъ еще хорошо бы, еслибъ они не пропали, а пошли въ тукъ. Бѣды! когда бѣда сія и на деньги еще не пойдетъ, а когда бы пошло, то куда бы уже не шло, земля не того стоитъ, а спокойствіе на вѣкъ всего дороже!!

Разсказавъ вкратцѣ объ обстоятельствахъ сего проклятаго дѣла, разскажу теперь тебѣ подробнѣе обо всемъ, что успѣть я могъ по сіе время сдѣлать. Какъ пріѣхалъ я въ Москву къ праздничнымъ и неприсутственнымъ днямъ, то употребилъ я сіе время на то, чтобъ сознакомиться мнѣ съ важнѣйшимъ и дѣятельнѣйшимъ изъ господъ судей, господиномъ Пименовымъ. По особливому для насъ счастью случилось то, что онъ шуринъ Барнашову, а Барнашовъ знакомъ какъ-то нашему Андрею Михайловичу, и общему нашему съ нимъ повѣренному покровительствовалъ. Итакъ, прежде всего, адресовался я къ сему г. Барнашову и повѣренный нашъ привезъ меня въ домъ къ нему. Онъ принимаетъ меня очень хорошо и ласково, человѣкъ предоброй и любезной (но помни, что онъ былъ до сего въ межевой секретаремъ, а теперь секретаремъ въ ратгаузѣ московскомъ), но какъ бы то ни было, но я прошу его, чтобъ онъ рекомендовалъ меня своему шурину, и чтобъ доставилъ мнѣ съ нимъ свиданіе. Онъ это одолженіе и сдѣлалъ, и чрезъ него назначенъ мнѣ былъ день и часъ, когда бы мнѣ къ нему пріѣхать для переговорки и объясненія.

Всѣ мнѣ рекомендуютъ и хвалятъ сего господина Пименова и говорятъ, что онъ доброй человѣкъ, но узналъ же я стороною и то, что онъ и хапуга, любитъ и взять, но свои глаза паче слуха и видѣнья! День и часъ, назначенной для свиданья, наступилъ: я ѣду къ нему, но отъ воротъ чуть было не принужденъ былъ ѣхать, удивившись, назадъ, услышавъ, что его нѣтъ дома,— но на счастье оказалась это неправда, а онъ былъ дома и изволилъ только сидючи въ креслахъ почивать! и по счастью стукъ, произведенной каретою моею предъ окномъ его, разбудилъ его, и онъ поспѣшилъ выслать звать меня къ себѣ, велѣвшаго было

каретѣ оборачиваться уже назадъ. Вхожу! принимаетъ меня какъ бы давно знакомаго, ласково, пріятно, дружелюбно, словомъ, милой и любезной человѣкъ. Я, кланяясь ему, упрашиваю быть къ намъ благосклоннымъ, употребляю всевозможнѣйшее краснорѣчіе и слышу увѣренія за увѣреніями, что готовъ намъ служить душею и сердцемъ. Но я всему тому худо очень вѣрю, но пользуясь благосклоннымъ его пріемомъ, сажусь и, мало-помалу, вхожу въ дѣло и въ объясненіе онаго. Приносится бывшій со мною планъ, скопированный еще въ конторѣ со всего сего спорнаго дѣла, говоримъ и разговариваемъ цѣлый почти часъ. Я представляю всѣ свои справедливости, а онъ изъясняетъ мнѣ все противное тому, и все то, что для насъ крайне невыгодно и непріятно. И не смотря на то, какъ онъ ни знающъ въ сихъ дѣлахъ и какъ тонко ни знаетъ всѣ обстоятельства нашего дѣла и какъ ни старался умащивать и умазывать всѣ слова свои яркими красками, но я проникалъ всѣ плутовскіе ихъ замыслы, и что у нихъ есть на умѣ сдѣлать,—но какъ бы то ни было, но онъ разстался со мною съ увѣреніемъ служить мнѣ сколько можетъ, и что дѣло наше въ сію недѣлю сужденіемъ вѣрно кончится. На вопросъ же мой, могу-ль я хотя нѣсколько ласкаться надеждою, увѣрилъ онъ, что увѣдомитъ меня о томъ чрезъ Дмитрія Гавриловича, то есть г. Барнашова, совѣтуя при томъ, чтобъ я между тѣмъ попросилъ и другихъ судей, а именно: главнаго и перваго члена Якова Ѳедоровича Апрелева и третьяго члена Василья Ѳедоровича г. Григоровича. Итакъ, спознакомившись съ симъ, поѣхалъ я на другой день отъискивать тѣхъ. Тутъ надлежало мнѣ изъ одного угла Москвы скакать на другой конецъ и успѣвать утромъ заставать дома. Одного и меньшаго засталъ, а другаго и главнаго уже не засталъ,—проѣзжаю въ межевую, тутъ никто мнѣ незнакомъ! никто не глядитъ, не смотритъ, ни повытчикъ, ни секретарь. Надобно было и того, и другаго задобривать и заставлять смотрѣть на себя ласковѣе! тому совъ, другому совъ въ руки, и стали ласковѣе и пріятнѣе. Секретарь Горчаковъ—старичишка и точно Гурковъ нашъ, и сказываютъ плутъ и негодяй! Повытчикъ малой молодой и, кажется, лучше. Въ разсужденіи сего за данныя деньги, по крайней мѣрѣ, воспользовался я тѣмъ, что удалось мнѣ заглянуть во всѣ бумаги и матеріалы, приготовленные

для рѣшенія и разсмотрѣнія дѣла, и тутъ то я въ нѣсколько минутъ увидѣлъ все существо всѣхъ апеляцій и все, и все и всѣ ихъ плутни и закорючки и крючки дьявольскіе и ужаснулся даже, увидѣвъ ясно всю опасность нашего дѣла. Между тѣмъ въ судейской слушали наше дѣло, это было вчера, а сегодня какъ свѣтъ и гораздо поранѣ, ну-ка я опять за Сухареву башню и на конецъ Москвы къ г. Апрелеву и думаю: ну теперь вѣрно застану дома, но что-жъ, и дома, а выслалъ сказать, что нѣтъ дома, что ты изволишь? Итакъ, по сіе время я его еще не просилъ, Богъ его знаетъ, что то не пустилъ предъ себя. Однако, его сегодня и въ межевой не было, но дѣло продолжали слушать и безъ него. Я былъ опять въ межевой, и ничего нѣтъ скучнѣе какъ быть въ ней по пустякамъ. Пименовъ увѣрилъ меня, что дѣло кончится вѣрно на нынѣшней недѣлѣ сужденіемъ, секретарь увѣряетъ тоже, но недѣли сей остался одинъ только завтрашній день, а дѣло еще не все прослушано, хотя и осталось его мало. Но какъ бы то ни было, но не уповаю я, чтобъ могло оно завтра кончиться, а тамъ придетъ суббота, воскресенье и понедѣльникъ, всѣ три неприсутственные дни; вотъ какое горе! необходимо бы надобно да и хотѣлось бы мнѣ дождаться положенія мнѣнія или самаго начальнаго рѣшенія, но теперь и Богъ знаетъ когда это будетъ! — Какъ вчера видѣлся я съ Иваномъ Афанасьевичемъ Арцибышевымъ, пріѣхавшимъ также въ Москву, и съ нимъ говорилъ о семъ дѣлѣ, то совѣтовалъ онъ мнѣ адресоваться прямо къ Пименову съ посуломъ, а безъ того дѣло не обойдется. Вижу я и самъ, что онъ говоритъ правду. И такъ, я сегодня нѣкоторымъ образомъ и учинилъ тому начало. Повидавшись съ Барнашовымъ, просилъ его увѣрить своего родню, что я ему, по мѣрѣ его къ намъ добродѣянія, вѣрно служить буду. Онъ и взялся это сдѣлать, Богъ знаетъ что-то будетъ! — Завтра спрошу его о томъ, и буде услышу, что обѣщаетъ сдѣлать, то и не для чего мнѣ будетъ долѣе здѣсь жить и проживаться по пустому, а можно будетъ мнѣ и домой ѣхать,—Барнашовъ то-же говоритъ. Завтрашній день скажетъ мнѣ, жить ли мнѣ еще здѣсь нѣсколько дней, или ѣхать на время и до рѣшенія домой, оставивъ повѣреннаго дожидаться до самаго рѣшенія и подписанія опредѣленія, что, какъ ни верти, не скоро еще воспослѣдовать можетъ.

Вотъ тебѣ реляція и реляція непріятная и такая сама собою тебѣ уже докажетъ, что по всѣмъ вышеописаннымъ обстоятельствамъ намъ и мыслить о томъ не можно, чтобъ въ нынѣшнюю осень въ Тамбовъ ѣхать!—не до ѣзды теперь туда, а нужно будетъ дожидаться рѣшенія, и быть всякую минуту наготовѣ скакать опять въ Москву, для подписки удовольствія или неудовольствія, и чтобъ не упустить семидневнаго срока. Чтобъ положиться въ семъ случаѣ на повѣреннаго—о томъ и мыслить не можно, не его это дѣло, чтобъ понять смыслъ будущаго рѣшенія, а онъ можетъ только служить увѣдомлятелемъ. И такъ, какъ намъ можно отлучиться вдаль и чрезъ то подвергнуть себя опасности проронить важнѣйшее для насъ дѣло? — А посему, мой другъ, располагайся и ты своею ѣздою и тебѣ надобно будетъ возвращаться уже домой! — Ежели мнѣ можно будетъ и не будетъ необходимой надобности дожидаться вторника или среды, то я въ субботу или воскресенье поѣду домой, и тотчасъ оттуда поспѣшу ѣхать въ Ламки, чтобъ тамъ побывать и скорѣй домой опять возвратиться, для ожиданія извѣстія изъ Москвы. И теперь я уже не знаю гдѣ мы съ тобою съѣдемся и когда увидимся, всѣ мысли мои теперь спутаны. Къ несчастью, не знаю я, что теперь и въ Ламкахъ происходитъ и все ли тамъ и дома здорово? Впрочемъ, скажу тебѣ, что мнѣ хотя и убыточно здѣсь жить, но дальней скуки я не видѣлъ—былъ въ превеликихъ разъѣздахъ, то туда, то сюда, и всѣми своими знакомцами доволенъ. Вездѣ мнѣ рады, а болѣе всѣхъ Александръ Степановичъ Крюковъ, другъ сердечный! Сегодня я обѣдалъ, и гдѣ жъ? у Андрея Петровича Давыдова, на Гороховомъ полѣ, а вчера, ѣдучи отъ Апрелева, заѣзжалъ къ знакомцу и сосѣду твоему Семену Александровичу Неплюеву. Какой это милой и любезной человѣкъ, и достойной вельможа и бояринъ! какъ это онъ меня принялъ, какъ обласкалъ! какъ благодарилъ за твое съ нимъ знакомство, какъ тебя хвалитъ, и какъ просилъ, чтобъ я къ тебѣ отписалъ, что онъ тебя помнитъ, къ тебѣ изъ Москвы писалъ и хвалится твоею дружбою. Я не преминулъ довесть рѣчь до межеваго нашего дѣла. Онъ и самъ вызвался и, разспросивъ, обѣщалъ помочь намъ въ семъ случаѣ. Однако, я не думаю, чтобъ могло изъ сего что нибудь выйти; хотѣлъ онъ поговорить бывшему директору надъ межевою, Мамонову,

чтобъ онъ призвалъ судей межевыхъ и поговорилъ; это далека пѣсня, а лучше когда-бъ онъ поговорилъ Апрелеву, который ему знакомъ, и того-бъ отъ него довольно!

Звалъ меня пріѣхать когда нибудь къ нему обѣдать, и какъ спѣшилъ онъ ѣхать въ сенатъ, то и недолго продолжалось наше свиданіе и Богъ знаетъ удастся ли ему что нибудь намъ въ пользу сдѣлать. Тамъ не просьбы, а денежки надобны! и наше особливое несчастіе, что замѣшались въ наше дѣло тузы и богачи, какъ, напримѣръ, Пашковъ, оба Архаровы, генералъ Арбеневъ, Молчановъ и нѣкоторые другіе. Никто такъ недосаденъ, какъ Архаровы, по ненасытной и безстыдной алчности своей.

Будучи недовольны милостію государскою и тѣмъ, что пожаловано имъ, Богъ знаетъ за что, такое огромное казенное село, каково Разсказово, въ которомъ 30 тысячъ десятинъ земли и поболѣе, нежели по 15 десятинъ на душу по третьей ревизіи, безсовѣстнѣйшимъ образомъ требуютъ и хотятъ, чтобъ имъ изъ нашей степи прибавлено было еще безденежно 9 тысячъ десятинъ и сдѣлано тѣмъ по 15 десятинъ на душу по 5 ревизіи? Не говори: какъ это можно! нынѣ все возможно и ничего невозможнаго нѣтъ.

А. Арбеневъ, узнавъ, что по конторскому рѣшенію множество земли назначено отрѣзать отъ Пашкова въ казну, выпросилъ также у раздающаго всѣмъ и всѣмъ и ни зачто, ни прочто казенныя земли, села и деревни государя нѣсколько тысячъ десятинъ изъ нашей степи, и требуетъ также, чтобъ оныя ему были даны, а съ такими же просьбами нѣкоторые другіе въ канцеляріи межевой приступаютъ, и она и не знаетъ что и дѣлать съ ними, а то-то самое меня и устрашаетъ и нагоняетъ страхъ и ужасъ; что-жъ касается до нынѣшняго Пашкова, то сей по всѣмъ отношеніямъ еще хуже П. Егоровича, и съ симъ богачемъ, какъ съ чертомъ, не сладишь. Словомъ, все и все въ такомъ критическомъ положеніи, и чудо будетъ, если обойдется дѣло безъ дальнѣйшей апеляціи, когда не отъ насъ, такъ отъ кого нибудь изъ нихъ, ибо какъ ни верти, и какъ судьямъ ни хотѣлось бы всѣхъ удовольствовать, но никакъ будетъ не можно. Претензіи то противоположныя и прихоти неограниченныя и безстыднѣйшія въ свѣтѣ, и все дѣло такъ запутано, что въ самомъ дѣлѣ трудно будетъ его рѣшить, не сдѣлавъ

никому неудовольствія, и Боже сохрани и спаси насъ отъ апеляціи дальнѣйшей! нынѣ онѣ всѣ со штрафами и съ заплатою по рублю за десятину, а съ судей только по 10 копѣекъ— пропорціональность изрядная!!!

Болѣе сего писать теперь некогда и нечего, всего не переговоришь и не перескажешь, почему и окончу письмо сіе сердечнымъ пожеланіемъ.... „и прочая, и прочая.

Написавъ сіе письмо къ сыну моему, не зналъ я куда мнѣ его адресовать и съ какою почтою и по какой дорогѣ отправить, по Орловской ли въ Кромы или по Рязанской въ Донковъ для пересылки въ Паники, въ домъ тестя сына моего г. Ошанина, ибо не зналъ, по какой дорогѣ предприметъ сынъ мой обратную свою ѣзду ко мнѣ и прямо ли поѣдетъ ко мнѣ чрезъ Тулу, или расположится ѣхать прямою дорогою въ Паники, и застанетъ ли или уже не застанетъ письмо сіе его въ Орловской ихъ деревнѣ. Находяся въ семъ недоумѣніи и полагая почти навѣрное, что онъ находился уже въ дорогѣ и изъ дома своего выѣхалъ и, придерживаясь болѣе того мнѣнія, что поѣдетъ онъ по Тульской дорогѣ и, не доѣзжая до Тулы, заѣдетъ къ зятю моему Воронцову въ Головлино и тутъ, узнавъ о моемъ отъѣздѣ въ Москву, проѣдетъ въ Ламки и тамъ будетъ пріѣзда моего дожидаться, рѣшился я адресовать письмо сіе въ Богородицкъ, для доставленія къ зятю моему Шишкову въ Ламки, и отправить оное вмѣстѣ съ письмомъ къ женѣ моей съ воронежскою почтою. А на случай, если сынъ мой поѣхалъ прямою дорогою въ Паники, написать къ нему другое письмо, хотя таковое же, но сокращеннѣйшаго содержанія, и для скорѣйшаго его о себѣ увѣдомленія отправить оное по тамбовскому тракту чрезъ Рязань и Донковъ и въ Паники, къ чему тотчасъ и приступилъ и на утріе же оба сіи письма, заѣхавъ въ почтовый домъ, и отдалъ самъ, и изъ нихъ послѣднее было и счастливѣе перваго, ибо по стеченію обстоятельствъ сынъ мой получилъ оное и читалъ шестью днями прежде перваго.

А симъ окончу я и сіе мое письмо, достигшее до обыкновенныхъ своихъ предѣловъ, и предоставивъ повѣствованіе о дальнѣйшихъ происшествіяхъ письму, за симъ послѣдующему, остаюсь вашъ—и прочая.

Писано сіе 21-го мая 1821 г., въ Дворяниновѣ.

Мой другъ! Между тѣмъ какъ почта мои (письма) развозила, продолжалъ я, съ смущеннымъ и безпокойнымъ духомъ, мыкаться и разъѣзжать изъ одного края Москвы до другаго, и домогаться какой-нибудь себѣ отрады, и какъ главнѣйшая моя забота была побывать у самого перваго члена межевой канцеляріи г. Апрелева, то чтобъ застать его дома и опять за Сухареву башню не проѣздить по пустому, всталъ я, 2-го числа сентября, уже поранѣе и пустился за Сухареву башню, гдѣ находился, и въ сей разъ былъ счастливѣе прежняго. Онъ принялъ меня и я говорилъ съ нимъ много о своемъ дѣлѣ, но словами его не былъ я ни мало утѣшенъ, а приведенъ былъ еще въ пущее сомнѣніе. Онъ проболтался мнѣ въ своихъ замыслахъ, и я явно усмотрѣлъ величайшую всѣхъ ихъ наклонность къ сдѣланію крайней несправедливости и плутовства и для Пашкова возможнѣйшихъ натяжекъ. Чтобъ доставить ему всю нашу огромную степь во владѣніе и ею его, такъ сказать, подарить, и затѣвали они уничтожить всѣ покупки изъ сей степи и утвердить несправедливѣйшимъ образомъ, что будто тутъ вовсе нѣтъ никакой дикопорожней государственной земли, а сіе меня всего болѣе устрашало. Я не сомнѣвался въ томъ, что всѣ они задобрены были либо великими обѣщаніями, либо и самыми уже деньгами отъ Пашкова, и отчаявался уже въ успѣхѣ своего дѣла, и тѣмъ паче, что всѣ мои небольшіе посулы за справедливое рѣшеніе моего дѣла ничего не будутъ значить противъ подарковъ или посуловъ богача Пашкова, которому и было за что многими тысячами жертвовать, ибо степь стоила, почитай, милліонъ. И такъ не получивъ отъ г. Апрелева никакой отрады, поѣхалъ я отъ него въ смущеннѣйшемъ состояніи моего духа. Заѣхавъ на почтовой дворъ для отдачи своихъ писемъ и для взятія тѣхъ, кои были ко мнѣ, проѣхалъ въ межевую и, дождавшись какъ начали дослушивать наше дѣло, которому слушанье надлежало въ сей день кончиться, и какъ продолжалось сіе и мнѣ не хотѣлось потерять всего утра, поѣхалъ я отыскивать деревенскаго моего сосѣда старика, князя Ивана Романовича Горчакова, которой женатъ былъ на сестрѣ гремящаго тогда въ свѣтѣ, героя нашего Суворова; и какъ мужъ и жена были мнѣ издавна уже знакомы, то оба они были мнѣ очень рады и посѣщеніемъ моимъ довольны, и просили меня, чтобъ я на утріе пріѣхалъ

къ нимъ обѣдать. А въ этотъ день обѣдалъ я у друга своего Александра Степановича Крюкова, котораго ласкою и пріязнію былъ я отмѣнно доволенъ и охотно обѣщалъ пріѣзжать къ нему какъ можно чаще и провождать у него все праздное мое время, а для меня сіе было и очень кстати. Я былъ у нихъ въ домѣ какъ бы у родныхъ своихъ, и мнѣ не было никакъ у нихъ скучно, почему и все достальное время того дня провелъ я у нихъ въ домѣ.

Въ наступившей за симъ день, которой былъ субботней и не присутственной, поѣхавши по обѣщанію моему къ князю Горчакову обѣдать, заѣзжалъ я на минуту въ межевую, для узнанія—окончено ли слушаніе нашего дѣла, но не могъ никакого толку добиться. Князь и княгиня Горчаковы были мнѣ опять очень рады, и я угощеніемъ ихъ былъ очень доволенъ, а того болѣе тѣмъ, что послѣ обѣда случилось мнѣ тутъ видѣть самую жену Суворова, новоиспеченную свѣтлѣйшую княгиню и принцессу Савойскую, а отъ нихъ заѣхалъ я опять къ другу моему Крюкову и провелъ у него все достальное время того дня съ удовольствіемъ.

Какъ послѣдующей за симъ день былъ воскресной и гулевой и никакихъ дѣлъ въ присутственныхъ мѣстахъ не производилось, то на досугѣ, повидавшись съ знакомцемъ моимъ, содержателемъ тогдашнимъ университетской типографіи Поповымъ, пріѣзжавшимъ нарочно ко мнѣ по утру, поѣхалъ я обѣдать къ другу моему А. С. Крюкову и имѣлъ удовольствіе получить отъ него письмо отъ сына моего, на его имя адресованное. Письмо сіе писано было имъ уже изъ Ламокъ, 30-го августа, и чрезъ оное узналъ я, что онъ, не дождавшись увѣдомленія моего о нечаянной ѣздѣ моей въ Москву, отправился съ женою своею изъ деревни ихъ, по Тульской дорогѣ, и по пріѣздѣ своемъ къ сестрѣ своей Настасьѣ въ Головлино, поразился, узнавъ, что меня нѣтъ въ деревнѣ и что я уѣхалъ въ Москву. Почему и не сталъ онъ спѣшить ѣздою своею къ намъ, а заѣхалъ къ другой сестрѣ своей Елисаветѣ въ Ламки, гдѣ нашелъ ее родившею дочь, но оной, въ восьмой день послѣ родовъ, и лишившеюся, что туда пріѣхали и родные его Ошанины изъ Паникъ и третья сестра его Ольга съ своимъ мужемъ и что онъ, повидавшись со всѣми ими, расположился воспользоваться тѣмъ временемъ, покуда я

возвращусь изъ Москвы, и поѣхать вмѣстѣ съ родными его Ошаниными въ Паники, въ домъ къ своему тестю, на короткое время, а оттуда, возвратившись въ Ламки, ѣхать уже въ мою деревню къ своей матери и тамъ возвращенія моего изъ Москвы дожидаться.

Возвращаясь къ повѣствованію моему, скажу, что вмѣстѣ со мною случилось тогда обѣдать у г. Крюкова Петру Дмитріевичу Хвощинскому и за обѣдомъ дошла какъ то рѣчь до моего лекарственнаго камня и удивительнаго его дѣйствія отъ каменной и многихъ другихъ болѣзней, и г. Хвощинской разсказывалъ, что есть у него одинъ знакомой человѣкъ, а именно богатой московской купецъ Демидъ Демидовичъ Мещаниновъ, страждущей каменною болѣзнію и находящейся отъ ней въ жалкомъ положеніи. При семъ случаѣ родилась во мнѣ мысль и желаніе услужить изъ единаго человѣколюбія человѣку сему моимъ камнемъ.

Г. Хвощинской брался хотя оной ему доставить, но какъ порошка сего камня со мною тогда не было, а былъ онъ со мною запасной на моей квартирѣ, то посредство г. Хвощинскаго показалось мнѣ продолжительно, а располагался я самъ къ нему съ тѣмъ адресоваться и чрезъ то имѣть случай съ симъ богатымъ домомъ познакомиться, почему, возвратясь на свою квартиру по утру, и отправилъ я повѣреннаго своего Федю отыскивать домъ г. Мещанинова и ему сказать, что какъ мнѣ случилось узнать, что онъ страдаетъ каменною болѣзнію, а у меня есть вѣрное и уже безчисленному множеству людей помогшее отъ сей болѣзни лекарство, то если ему угодно будетъ, такъ бы я ему оное доставилъ. Федя мой дѣло сіе и исправилъ, но въ отвѣтъ велѣно ему сказать, что онъ пришлетъ, когда ему будетъ надобно, а теперь де ѣдетъ онъ въ свою деревню. Отвѣтъ сей принялъ я равнодушно и, переставъ о томъ думать, поѣхалъ въ соборъ къ обѣднѣ помолиться къ Господу и попросить его о вспоможеніи мнѣ въ тогдашнихъ моихъ тѣсныхъ обстоятельствахъ, а послѣ обѣдни расположился я проѣхать къ теткѣ моей, г-жѣ Арсеньевой, обѣдать, а по дорогѣ, ѣдучи къ ней, заѣхать въ домъ къ сыну ея, а моему внучатному брату Ивану Тарасьевичу Арсеньеву, съ которымъ я до того времени еще не видался, и тутъ, во время стоянія моего противъ его дома,

случилось со мною странное и такое происшествіе, которому я не могъ довольно начудиться, и ничему иному не приписывалъ, какъ особенному дѣйствію пекущаго о пользѣ моей Божественному Промыслу и явному и скорому услышанію Господомъ моего къ Нему моленія и слѣдствію единственнаго моего на Него упованія и надежды на Его помощь. О удивительномъ семъ происшествіи вотъ что писалъ я къ моимъ роднымъ въ письмѣ моемъ, посланномъ къ нимъ чрезъ два дни послѣ того, при моемъ изъ Москвы отъѣздѣ. Описавши имъ всѣ тогдашнія мои хлопоты и смутное мое положеніе, писалъ я къ нимъ слѣдующее:

„Странной и прямо удивительной случай со мною случился! Въ самое то время, когда по свиданіи со всѣми судьями отъ всѣхъ ихъ получилъ я только пустые комплименты и почти явной отказъ, и когда приведенъ я былъ въ крайнее опасеніе, чтобъ не лишиться всей купленной земли, что хорошохонько бы и послѣдовало, если-бъ я не пріѣхалъ и хотя бы нѣсколько дней опоздалъ, и когда не зналъ—что начать и дѣлать, и какъ и черезъ кого бъ испытать и поправлять дѣло сіе денежною молитвою, ибо и то мудрено было и ненадежно. Въ самое сіе смутное для меня время случилось мнѣ ѣхать по улицѣ и остановиться противъ одного дома, и послать человѣка спрашивать дома ли хозяинъ, тутъ, гдѣ ни возьмись, одинъ человѣкъ, идущей на встрѣчу и узнавшей меня, заглянувъ въ карету, онъ останавливается позадь кареты, дожидается моего человѣка, спрашиваетъ у него подлинно ли то я и останавливаетъ меня, хотѣвшаго ѣхать далѣе, ибо хозяина того дома не случилось быть дома, сего же человѣка я вовсе и не примѣтилъ. Человѣка сего послалъ ко мнѣ истинно самъ Богъ на вспоможеніе. Я о немъ, а онъ обо мнѣ вовсе не зналъ, что оба мы въ Москвѣ, а что того удивительнѣе, то я желалъ, чтобъ онъ на ту пору случился въ Москвѣ, а онъ самого того же желалъ въ разсужденіи меня.—Ба! ба! ба! откуда ты взялся, мой другъ, воскликнулъ я, его увидѣвъ и узнавъ, и какъ ужасно я радъ тому, что тебя здѣсь вижу!—А я столько же радъ, нашедъ васъ, сказалъ онъ, и тужилъ ужасно, что васъ здѣсь нѣтъ. Словомъ, встрѣча сія была для меня крайне удивительна, а сдѣлалась и полезною, ибо случись же такъ, что этотъ человѣкъ былъ самой тотъ секретарь Морозовъ, которой ворочалъ всею тамбовскою

межевою конторою и котораго, по дружбѣ и благосклонности ко мнѣ, рѣшено было въ конторѣ въ пользу мою сіе дѣло, который самъ писалъ рѣшительное опредѣленіе и былъ мною задруженъ. Но это не все еще, но случись же такъ, что онъ отъ малолѣтства крайней другъ тому изъ здѣшнихъ судей, которой всѣхъ дѣловѣе и важнѣе и которому отъ канцеляріи поручено было писать резолюцію, и онъ у самого сего судьи и живетъ въ домѣ и до меня еще интересовался моимъ дѣломъ, а теперь съ особливою охотою взялся всѣмъ дѣломъ спроворить, сдѣлаться въ семъ случаѣ моимъ маклеромъ и помочь мнѣ всего болѣе"...

Вотъ перечень изъ тогдашняго письма моего, касающейся до сего случая, а теперь продолжу повѣствованіе мое далѣе.

Переговоривъ обо всемъ, что надобно было съ Морозовымъ, обѣщавшимъ мнѣ стараться наклонить пріятеля своего судью ко всему для меня хорошему, велѣлъ онъ мнѣ пріѣхать къ нему по утру въ слѣдующей день, дабы узнать болѣе, и съ тѣмъ со мной и разстался, и я тѣмъ болѣе радъ сему былъ, что въ разсужденіи Пименова взялся маклерничать и торговаться г. Барнашовъ, которому обѣщалъ я и самому служить. Итакъ, съ отраднѣйшимъ сколько нибудь сердцемъ продолжалъ я свой путь къ теткѣ и, отобѣдавъ у ней вмѣстѣ съ братомъ ея А. П. Давыдовымъ, заѣхалъ опять отъ нея къ другу своему г. Крюкову и у него препроводилъ достальное время дня сего.

На утріе, въ самое то время, какъ собирался я ѣхать къ г. Григоровичу, является ко мнѣ слуга отъ г. Мещанинова и проситъ пріѣхать къ нему, либо въ 9, либо въ 3 часу, но какъ свиданіе съ судьею было важнѣе Мещаниновскаго, то, сказавъ: „хорошо, хорошо!", ѣду къ г. Григоровичу, застаю его дома, говорю съ нимъ опять о своемъ дѣлѣ, прошу его, добиваюсь толку и не добьюсь, однако, дается мнѣ обѣщаніе желаніе мое исполнить. Симъ сколько нибудь успокоившись, заѣзжаю я отъ него въ межевую, а оттуда въ ратгаусъ, отыскиваю Барнашова и спрашиваю его, говорилъ ли онъ съ г. Пименовымъ и сколько надобно имъ за благосклонное дѣло моего рѣшенія, и получаю въ отвѣтъ, что потребно къ тому полъ-тысячи, а именно: ему 200, Апрелеву 200, да 100 рублей третьему и меньшому судьѣ. Сумма сія была хотя, по тогдашней цѣнѣ денегъ, и немаловажная, а особливо по обстоятельству, что со мною не было

тогда столько и денегъ и я не зналъ гдѣ мнѣ ихъ достать, но какъ удержаніе за собою земли, стоющей несравненно множайшаго, то я при всемъ неудовольствіи за таковой грабежъ и за самое правое дѣло радовался тому, что по крайней мѣрѣ пошла бѣда моя на деньги, и обѣщавши требованіе ихъ выполнить, поѣхалъ въ сенатъ для свиданія съ такимъ же покупщикомъ и тамбовскимъ своимъ сосѣдомъ, оберъ-секретаремъ Ивановымъ, съ которымъ хотѣлось мнѣ переговорить о нашемъ дѣлѣ и посовѣтываться, но не дождавшись онаго, хотѣвшаго туда пріѣхать, ѣду при проливномъ во весь тотъ день дождѣ обѣдать къ г. Крюкову, а послѣ обѣда, заѣхавъ на квартиру и запасшись каменнымъ своимъ порошкомъ, ѣду къ г. Мещанинову.

Богатый старикъ сей принялъ меня въ просторной комнатѣ въ нижнемъ этажѣ огромныхъ каменныхъ палатъ своихъ, установленной по купеческому обыкновенію множествомъ богатыхъ окладныхъ образовъ, а одинъ какой-то огромной, и въ богатомъ позолоченномъ окладѣ, лежалъ наискось посреди почти комнаты, съ горящимъ предъ нимъ неугасимымъ лампадомъ. Самъ бородатой старикъ, одѣтой въ богатой штофной шлафрокъ, принялъ меня сидящимъ на богатой софѣ, ни тепло, ни холодно, просилъ меня сѣсть на стулъ, противъ его за столикомъ стоявшей. Таковымъ почти холоднымъ пріемомъ будучи не совсѣмъ довольнымъ и жалѣя почти, что къ нему поѣхалъ, не сталъ я долго медлить, но сказалъ ему причину, побудившую меня къ нему ѣхать, и вынувши бумажки съ порошкомъ предложилъ ему оныя для употребленія, но какъ же удивился я, увидавъ, что онъ и хотѣлъ оныя принимать, и нѣтъ, и не смотря на всѣ увѣренія мои на полезность онаго, доказанную безчисленными опытами, властно, но какъ бы еще сомнѣвался и не довѣрялъ мнѣ, такъ что я почти съ досадою на силу, на силу преклонилъ его къ тому, что велѣлъ онъ подать стаканъ съ водою и рюмку, и онъ на силу, на силу согласился, знаменуя себя нѣсколько разъ крестомъ, одинъ пріемъ тогда же выпить. Послѣ чего, оставивъ ему прочія, всталъ я и, откланявшись, пошелъ вонъ, внутренно смѣясь и досадуя, что онъ, будучи въ состояніи, а не хотѣлъ даже и привстать съ своей богатой софы и поблагодарить меня, какъ надлежало, а разстался со мною почти равнодушно. Но едва я

только вышелъ въ переднюю комнату, какъ вслѣдъ за мною вышелъ какой-то чиновникъ, либо родственникъ его и сталъ подавать мнѣ бѣлую, но не знаю уже какой цѣны, ассигнацію, что, увидѣвъ, не могъ я удержаться отъ того, чтобъ вслухъ не захохотать и столь громко, чтобъ старикъ могъ за дверьми услышать, подавателю не сказать: „что мнѣ это совсѣмъ не надобно, что я не лекарь и не докторъ и что сожалѣю, что Демидъ Демидовичъ во мнѣніи своемъ обо мнѣ ошибается и по всему видимому счелъ меня какимъ нибудь шарлатаномъ, хотѣвшимъ отъ него, какъ богатаго человѣка, чѣмъ нибудь поживиться, а я совсѣмъ не то, а благородной человѣкъ, желавшій оказать ему важную услугу, по единой добротѣ своего сердца, а отнюдь не изъ корыстолюбивыхъ какихъ видовъ, поклонитесь ему отъ меня и скажите сіе“—и выговоривъ сіе, побѣжалъ я вонъ и, сѣвъ въ карету, уѣхалъ, смѣясь и досадуя самъ на себя, что къ такому ..... ѣздилъ и самъ себя только одурачилъ.

Возвратясь на квартиру, сталъ я дожидаться г. Морозова, хотѣвшаго ко мнѣ въ сей вечеръ пріѣхать, однако, онъ, какъ видно, за проливнымъ дождемъ не бывалъ; я хотя и поогорчился тѣмъ, но на сердцѣ моемъ было сколько нибудь уже легче прежняго.

На другой день, что было уже 7-го сентября, съ самаго утра отправилъ я за Морозовымъ свою уже карету, а Федю своего послалъ на почту за письмами и за газетами. Морозовъ и не преминулъ ко мнѣ пріѣхать, и спроворилъ дѣломъ такъ, что къ неизобразимому моему удовольствію и крайнему меня обрадованію поздравилъ меня, отъ судьи, пріятеля своего, съ рѣшеніемъ дѣла въ мою пользу и съ тѣмъ, что положено уже мнѣніе и подписана всѣми судьями уже резолюція, что оставить меня при конторскомъ рѣшеніи, а мнѣ болѣе сего ничего было и ненадобно. А того еще болѣе обрадовалъ меня, сказавъ, что чуть ли не самому ему поручаютъ писать и самое опредѣленіе, какъ знающему досконально все сіе дѣло человѣку. За симъ совѣтывались мы съ нимъ о томъ, что дать судьѣ, его пріятелю, за выгодное для меня рѣшеніе, и онъ присовѣтовалъ мнѣ дать ему 200 рублей и отослать къ нему ихъ въ тотъ же день, ибо одной сотни было очень мало. Я подарилъ самого его бездѣлкою 10-ти рублями, и будучи доволенъ его дружбою, испол-

нилъ по его совѣту и въ этотъ день отослалъ къ г. Григоровичу 200 рублей, а самому ему далъ свой простудной декохтъ, для леченія простудившагося и занемогшаго судьи, его пріятеля. Самъ же, проводивъ его и дождавшись обратно отвозившей его своей кареты, поѣхалъ сперва въ ратгаусъ, чтобъ повидаться и поговорить съ Барнашовымъ, поручивъ сему поговорить обо всемъ съ роднею его г. Пименовымъ и попросить, чтобъ, въ случаѣ недостатка у меня денегъ въ уплату обѣщанной суммы, согласился онъ обождать оныхъ нѣсколько дней, покуда я пришлю оныя по почтѣ изъ деревни, заѣхалъ я въ межевую, чтобъ повидаться съ секретаремъ, но отъ сего грубаго человѣка не могъ добиться ничего. Итакъ, поѣхалъ уже къ другу моему г. Крюкову, у него обѣдалъ и, съѣздивъ съ нимъ въ ряды для покупки кой-какихъ вещей, пробылъ у него до самаго вечера.

На утріе отправилъ я опять карету свою за г. Морозовымъ и, дождавшись его къ себѣ, получилъ чрезъ него благодареніе отъ судьи Григоровича и совѣтъ, чтобъ я ѣхалъ теперь домой, ничего не опасаясь, и не оставлялъ бы даже и человѣка, чему я очень радъ, и послѣдуя охотно сему совѣту, рѣшился на утріе же изъ Москвы въ деревню отправиться. Но какъ нужно было мнѣ повидаться еще съ Барнашовымъ и отдать ему, сколько мнѣ можно было, деньги, то, распрощавшись съ Морозовымъ и попросивъ его объ увѣдомленіи меня о томъ, когда мнѣ надобно будетъ опять пріѣхать въ Москву, поѣхалъ я отыскивать Барнашова, и на-силу, на-силу отыскавъ его, при вторичномъ моемъ пріѣздѣ въ ратгаусъ, опорожнилъ весь свой бумажникъ и отдалъ всѣ деньги, сколько ихъ у меня тогда ни было, и распрощавшись съ нимъ и обѣщавъ немедленно прислать къ нему изъ дома по почтѣ достальныя деньги, для врученія г. Пименову, проѣхалъ обѣдать, и такимъ же образомъ распрощаться съ любезнымъ моимъ Александромъ Степановичемъ Крюковымъ и поблагодарить его за все его и жены его ко мнѣ благопріятіе, и достальное время дня сего препроводилъ у него. А возвратясь на квартиру, принялся за написаніе того письма къ роднымъ моимъ въ Ламки, изъ котораго помѣстилъ я выше сего отрывокъ, но какъ не зналъ я, гдѣ находился тогда сынъ мой, и не живетъ ли еще у тестя своего въ Паникахъ, то желая скорѣй его о себѣ увѣдомить и побудить къ скорѣйшему ко мнѣ въ

деревню пріѣзду, написалъ къ нему и отправилъ съ тамбовскою почтою къ нему въ Данковъ и Паники другое письмо слѣдующаго содержанія:

Изъ Москвы, 8-го сентября 1799 г.

„Другъ мой, Павелъ Андреевичъ! Увѣдомляю тебя, что я нахожусь по милости Господней благополучно и теперь гораздо спокойнѣе духомъ, нежели былъ тогда, какъ писалъ я къ тебѣ въ послѣдней разъ. Ибо какъ ни сумнительно было наше дѣло и какихъ мнѣ трудовъ и хлопотъ ни стоило, однако, при помощи прямо Божеской, удалось мнѣ, хотя съ знаменитымъ для насъ убыткомъ, но дѣло наше наладить такъ, что оно наклонилось въ нашу пользу и вчера имѣлъ я то удовольствіе, что меня уже поздравили съ тѣмъ, что резолюція положена въ разсужденіи насъ въ такой силѣ, чтобъ насъ оставить при рѣшеніи конторскомъ совершенно. Много тебѣ разсказывать, какъ это все происходило и какой особливый, совсѣмъ неожидаемый, но прямо полезный случай для меня случился, а только коротко скажу, что никто какъ Богъ! и я въ сей разъ удостовѣрился опять въ справедливости той пословицы, что когда Богъ пристанетъ, такъ и пастыря приставитъ. Со всѣмъ тѣмъ хлопотъ было множество, а о трудахъ я уже и не говорю. И какъ теперь начнутъ писать опредѣленіе и сіе, какъ всѣ увѣряютъ, продлится недѣлю, двѣ, или три, или мѣсяцъ, то чтобъ здѣсь по пустому не жить и не проѣдаться, разсудилъ я ѣхать домой, и тѣмъ паче, что ограбленъ здѣсь господами судьями, такъ что не осталось съ чѣмъ и домой съѣхать и принужденъ былъ занять на съѣздъ деньги, но и всего того мало, а надобно и пріѣхавъ домой посылать еще тотчасъ деньги,—но пропади онѣ совсѣмъ! я уже радъ, что бѣда сія на деньгу пошла,—земля наша не того стоитъ, если мы всю ее удержимъ, дай только Богъ, чтобы совершилось — и то слава Богу, что я пріѣхалъ, а то бы ухнула и вся наша покупка. И какъ мнѣ по всѣмъ симъ обстоятельствамъ и домой пріѣхавши надобно будетъ ждать увѣдомленія и опять тотчасъ либо самому ѣхать, либо тебѣ въ Москву, то врядъ ли мнѣ можно будетъ отъ дома отлучиться и потому совѣтую и тебѣ безъ дальняго отлагательства ѣхать къ намъ въ Дворяниново,

чтобъ намъ съ тобою скорѣе увидѣться и обо всемъ переговорить и посовѣтовать, и буде письмо сіе застанетъ тебя еще въ Паникахъ, то не медли болѣе, а поѣзжай... Я собираюсь завтра по утру ѣхать отсюда домой, и буде что не задержитъ, то въ субботу къ ночи или въ воскресенье къ обѣду поспѣю домой. Болѣе сего писать теперь некогда, а посему и окончу, пожелавъ тебѣ и прочее....".

Письмо сіе было послѣднее, писанное мною въ сей годъ къ моему сыну, и онымъ кончилась наша съ нимъ въ теченіи сего года переписка. Отославъ оное вмѣстѣ съ прочими на почту, не сталъ я долѣе въ Москвѣ медлить и, дѣйствительно, въ наступившей послѣ сего день съ утра я пустился въ обратный путь, и безъ всякихъ особливыхъ приключеній на другой день къ вечеру домой и пріѣхалъ. Дома нашелъ я одну только жену мою съ дочерью Катериною, сына же моего еще не было, почему и заключилъ я, что онъ находится либо еще въ Паникахъ, либо въ дорогѣ и на пути къ намъ. Но какъ съ достовѣрностью ничего о томъ не знали, а намъ съ женою надлежало побывать у больной еще дочери моей Елисаветы на родинахъ и привезть отъ нея, гостившую до сего времени у нея, старушку мою тещу, то не стали мы долго медлить, а рѣшились, дни черезъ два, отправиться въ сей путь, въ надеждѣ, что мы сына нашего либо у сестры его найдемъ въ Ламкахъ, либо повстрѣчаемся съ нимъ на дорогѣ.

Между тѣмъ въ оба сіи дни занимался я кое-какими домашними дѣлами и сниманіемъ съ деревъ въ садахъ досальныхъ яблокъ, кои засталъ я еще на нихъ дозрѣвающими, также свиданіемъ съ случившимся тогда быть въ Болотовѣ сосѣдомъ нашимъ г. Огарковымъ, наиглавнѣйшая же забота моя состояла въ скорѣйшемъ отправленіи, по обѣщанію моему, къ судьямъ денегъ, что и исполнилъ на другой же день по возвращеніи моемъ изъ Москвы и отправилъ 250 рублей къ Пименову и Барнашову. Итакъ, тогдашняя ѣзда моя въ Москву стоила мнѣ до 600 рублей, что, полагая, по нынѣшнему (1821 г.) курсу денегъ, составляла болѣе 2,000 рублей, и произвела нарочитую прорѣху въ моемъ капиталѣ. Въ путь свой отправились мы съ утра, сентября 13-го числа, и какъ ни дурна была дорога отъ

ненастья, но мы успѣли пріѣхать обѣдать въ Федешово, а ночевать въ село Слоботку, къ другу и знакомцу нашему Ивану Васильевичу Хомякову, но были такъ несчастны, что въ обоихъ сихъ домахъ не застали хозяевъ дома и принуждены были и обѣдать, и ночевать безъ оныхъ.

Продолжая же путь свой на утріе далѣе, пріѣхали мы въ Тулу еще рано и тутъ, къ крайнему обрадованію моему, съѣхались съ ѣдущимъ уже къ намъ съ сыномъ моимъ, Павломъ Андреевичемъ, съ которымъ, повидавшись и вмѣстѣ отобѣдавши, въ тотъ же день и опять разстались. Онъ съ женою своею поѣхалъ къ намъ въ Дворянниново, а мы продолжали путь свой въ Ламки и, переночевавъ въ Каменкахъ, пріѣхали въ Ламки 15-го сентября по утру. Неоправившаяся еще отъ родинъ своихъ дочь наша Елисавета была намъ очень рада. Тутъ нашли мы родственницу ихъ княгиню Кропоткину и провели съ нею у ласковыхъ нашихъ хозяевъ почти трое сутокъ съ удовольствіемъ, въ которое время успѣлъ я съѣздить въ прежнее свое и тогда еще милое для меня обиталище, городъ Богородицкъ, повидаться съ тамошними своими знакомцами и друзьями и упросить г. Дурова переписать нашъ вексель, по которому должны мы были деньгами и тогда, за московскими убытками, возвратить ихъ ему были не въ состояніи, и онъ охотно на то согласился. Изъ Ламокъ заѣхали мы въ Головнино и повидались и съ родными нашими Воронцовыми, ихъ ближними сосѣдями, и, переночевавъ у нихъ, поѣхали въ обратной путь домой, поспѣшая къ нашему сыну. Но пріѣхали туда не прежде какъ къ обѣду уже 21-го числа, ибо переломившаяся на дорогѣ подъ кибиткою ось сдѣлала намъ, выѣхавшимъ уже изъ Тулы, задержку и принудила противъ хотѣнія возвратиться назадъ въ Тулу и ночевать въ оной, а другую ночь ночевали мы уже въ Федешовѣ, домой же вмѣстѣ съ собою привезли и почтенную и милую нашу старушку тещу.

Съ сего времени начали мы жить уже вмѣстѣ съ нашимъ сыномъ и молодою его женою, бывшею тогда почти уже на сносѣхъ, и заниматься сообща всѣми своими домашними хлопотами и упражненіями. Во всемъ домѣ у насъ сдѣлалось тогда уже живѣе и не такъ уединенно и тихо, какъ было до того времени, а при томъ гораздо предъ прежнимъ и веселѣе, и пріятнѣе.

Какъ осени было тогда только начало, и сады мои имѣли еще въ себѣ довольно красотъ, то всячески старался я доставить молодой нашей семьянинкѣ, при прогулкахъ, возможнѣйшія удовольствія. Сосѣди наши не преминули также насъ посѣщать и дѣлить съ нами свое время, въ чемъ не чувствительно и провели мы достальные дни сентября мѣсяца. Въ теченіе оныхъ занимался я наиболѣе тремя дѣлами: первое и наиглавнѣйшее состояло въ сочиненіи и написаніи инструкціи приговоренному и нанятому въ тамбовскую нашу деревню прикащику Константину Ломакину. Ибо какъ обстоятельства тогдашнія воспретили намъ самимъ, съ сыномъ, туда въ тогдашнею осень отправиться и самимъ ввести его въ управленіе, то рѣшились мы отправить его туда одного, но превеликая обоимъ намъ съ сыномъ была коммиссія убаять и уговорить сего глупца ѣхать туда безъ насъ. Какіе то бездѣльники наговорили ему о старикѣ моемъ Яковѣ, прежнемъ сослуживцѣ и прикащикѣ моемъ, столько всякаго вздора и нелѣпостей, что онъ совсѣмъ было трекнулся и не хотѣлъ никакъ туда ѣхать, изъ опасенія, чтобъ старикъ съ женою своею не надѣлалъ ему невѣдомо какихъ золъ и бѣдствій, и намъ не малаго труда стоило увѣрить его, что все насказано ему бездѣльниками на смѣхъ, что въ самомъ дѣлѣ ничего того нѣтъ и ему никакого опасенія имѣть не можно, и мы на силу, на силу его уломали, и сему то наемнику надлежало написать подробное наставленіе какъ ему тою деревнею управлять и что и что предпринимать и дѣлать. Второе упражненіе мое состояло въ возобновленіи и продолженіи прежняго моего труда, состоящаго въ описаніи и срисовываніи разныхъ и тѣхъ родовъ родившихся въ моихъ садахъ яблокъ и грушъ, которые въ предслѣдующіе года не были еще описаны и срисованы, и я съ такою прилежностію занимался симъ пріятнымъ для меня комнатнымъ упражненіемъ, что въ сію осень успѣлъ описать и съ красками съ натуры срисовать цѣлую еще сотню разныхъ породъ яблокъ и грушъ и составить изъ того VI часть сихъ описаній, и которая книга хранится у меня еще и по нынѣ въ моей библіотекѣ. Третье и не столько пріятное, сколько скучное, трудное и долговременное занятіе доставляло мнѣ почти ежедневно новосдѣланной въ нижнемъ моемъ длинной прудокъ или сажелке, о которой я неоднократно уже упоминалъ; каменистая

почва и косина положенія самаго мѣста производили то, что вода прокрадывалась сквозь плотину, да и сама она все отваливалась, внизъ осѣдала и портилась. Почему принуждены мы были не одинъ разъ всю воду изъ ней спускать и дно оной утаптывать глиною, и въ соченіи препятствовать водѣ прокрадываться, и хлопотать много и до того, что она мнѣ даже наскучила, и на силу, на силу мы довели ее сколько нибудь до совершенства и до того, что и вода перестала красться и плотина утвердилась. Что-жъ касается до моего сына, то и онъ, кромѣ комнатныхъ своихъ упражненій, выѣзжалъ иногда для осматриванія нашихъ лѣсныхъ и полевыхъ угодій, а иногда разъѣзжали они съ женою своей по гостямъ, въ дружескіе и сосѣдственные намъ дворянскіе домы.

Наконецъ, наступилъ нашъ октябрь мѣсяцъ, которой называемъ обыкновенно нашимъ фамильнымъ, поелику въ теченіе онаго были многіе изъ ближайшихъ родныхъ моихъ имянинниками, либо новорожденными, и первое начало тому учинили, 4 числа, имянины сына моего Павла Андреевича, въ которой день была у насъ небольшая пирушка и обѣдалъ у насъ одинъ только г. Доброклонской, изъ прочихъ же сосѣдей не случилось никого дома. Онъ, съ семействомъ своимъ, пробылъ у насъ до самаго вечера и при немъ имѣлъ я удовольствіе получить изъ Москвы письма отъ Морозова, Барнашова и отъ нашего повѣреннаго Феди, увѣдомлявшихъ меня, что наше дѣло идетъ своимъ чередомъ, но опредѣленіе еще подписано не было, а оное все еще сочинялось, и что длилось оно потому, что кромѣ насъ были многіе и другіе просители и судьямъ хотѣлось всѣхъ ихъ по возможности удовлетворять и избирать такія мѣры, чтобъ всѣ сколько нибудь остались довольными.

Чрезъ два дня послѣ сего наступилъ день и моего рожденія и я имѣлъ удовольствіе, по милости Господней, дожить до 62 года моей жизни и благодарить Всемогущаго за таковую Его ко мнѣ милость. Праздновать и торжествовать сей день не имѣлъ я еще тогда обыкновенія, а праздновалъ его только духовнымъ образомъ, а сынъ мой ѣздилъ въ сей день къ старику Евграфу Яковлевичу Раевскому, съ которымъ, наконецъ, возобновили наше старинное знакомство, равно какъ и съ домомъ старинной нашей знакомки и пріятельницы Натальи Петровной Арцибышевой,

живущей въ селѣ Пущинѣ, и ее сыномъ Яковомъ Ивановичемъ, человѣкомъ молодымъ, очень хорошимъ и много о себѣ обѣщавшемъ. Ко всѣмъ имъ ѣздили мы всѣ, 9 числа октября, и сперва были у старика Раевскаго, которой былъ намъ очень радъ, и видѣли чудиху его жену и дочь, а отъ него проѣхали уже въ Пущино и нашли старушку хозяйку, лежащую въ постели и очень больною, и насъ угощалъ уже сынъ ея и перезнобилъ было насъ въ своихъ новыхъ, каменныхъ и хорошо отдѣланныхъ палатахъ, ибо случилось быть тогда времени очень холодному, и мы, ночуя у него и спавши въ антресоляхъ, въ прахъ перезябли. Въ вечеру же сего дня видѣлъ я впервые сына и дочь покойной моей правнучатной сестры Пелагеи Васильевной Бакеевой, бывшею замужемъ за Семеномъ Андреевичемъ Раевскимъ, и достопамятно, что съ сего дня началась дружба и знакомство съ сыномъ ея Васильемъ Семеновичемъ Раевскимъ.

Засимъ все время до 17 числа октября, какъ до дня моихъ имянинъ, по причинѣ наступившей уже дурной, холодной и дождливой осенней погоды, не дозволявшей почти выходить на дворъ, провели мы почти все сидючи въ теплѣ и занимаясь кое какими пріятными чтеніями и другими комнатными упражненіями. А симъ и дозвольте мнѣ и сіе письмо, какъ достигшее до обыкновенныхъ своихъ предѣловъ, кончить и сказать, что я есмь вашъ и прочее.

Писано сіе 26 мая 1821 г., въ Дворяниновѣ.

Мой другъ! День имянинъ моихъ и съ онымъ начало моего 62 года праздновали мы и въ сей разъ, по прежнему обыкновенію, отправленіемъ въ домѣ своемъ божественной службы, а потомъ угощеніемъ, обѣденнымъ столомъ, пріѣхавшихъ ко мнѣ ближнихъ моихъ сосѣдей изъ Татарскаго и изъ Сенина; кромѣ сихъ, былъ у меня и небывалой до того еще гость, молодой г. Арцибышевъ, Яковъ Ивановичъ, но всѣ они по причинѣ прескверной, бывшей въ сіе время, погоды и дурноты дорогъ просидѣли у меня только до сумерокъ и разъѣхались рано. Достопамятно, что въ самой сей день былъ у насъ первой сильной морозъ, погубившей всѣ цвѣты, украшавшіе до сего еще натуру.

Съ сего времени до самыхъ почти заговѣнь и половины ноября не случилось ничего особливаго, и мы все это время за дурнотою погодъ и холодомъ, отъ приближающейся уже зимы, принуждены были набольшую часть сидѣть въ теплѣ и заниматься оба съ сыномъ моимъ комнатными упражненіями. Я— продолженіемъ сочиненія ключа къ своему „экономическому магазину“ или общаго алфавитнаго и очень нужнаго реестра и перебираніемъ въ ящикахъ запасенныхъ на зиму яблокъ, а сынъ мой нѣсколько дней занимался перестанавливаніемъ и регулированіемъ въ комнатахъ нашихъ картинъ, также своею музыкою, а въ хорошіе, ясные и тепловатые дни выѣзжалъ прогуливаться, а иногда ѣзжали мы кой куда и въ гости, и угощали у себя къ намъ пріѣзжавшихъ, и провождали время свое не только безъ скуки, но и довольно весело, а особливо занимаясь иногда пріятнымъ чтеніемъ книгъ и получаемыхъ журналовъ и газетъ, которые всѣ наполнены бывали непріятными извѣстіями о разбитіи нашихъ войскъ французами въ Голландіи и въ Швейцаріи и о славномъ переходѣ Суворова чрезъ Альпійскія горы. Къ симъ непріятностямъ присовокуплялась и та, что сынъ мой нерѣдко жаловался на головную у себя боль и нездоровье, съ другой стороны смущала и озабочивала всѣхъ насъ и беременность моей невѣстки, и какъ оная приближалась къ своему окончанію, то старались мы о запасеніи ея къ сему случаю хорошею и искусною бабкою.

Наконецъ, 12-го числа ноября, кончилась наша осень и выпавшей снѣгъ убѣлилъ всю поверхность полей нашихъ. Въ самое сіе время услышали и отъ присланнаго человѣка къ намъ узнали мы о кончинѣ пущинской помѣщицы и старинной нашей знакомки Натальи Петровны Арцибышевой, и 14-го числа жена моя съ сыномъ ѣздила на погребеніе оной, мы же съ невѣсткою и прочими оставались дома, ибо сей не можно было уже никуда ѣздить.

Она невѣдомо какъ смущалась и озабочена была неполученіемъ себѣ хорошей бабки, за которою послана была давно уже въ Тулу коляска, но что-то долго не возвращалась, а между тѣмъ наступало уже самое критическое время, но за то и обрадована она была до чрезвычайности, когда увидѣла ѣдущую коляску и въ ней самую ту знакомую намъ и искусную бабушку,

которую ей имѣть у себя при родахъ хотѣлось и въ полученіи которой она уже отчаявалась и о томъ очень горевала.

Пріѣздъ оной, обрадовавшей и насъ всѣхъ, былъ очень благовременень, ибо невѣстка моя начинала уже страдать обыкновенными при родахъ муками и въ самую сію ночь подъ 19 число и обрадовано было все наше семейство благополучнымъ разрѣшеніемъ ея отъ бремени дочерью, которую угодно было ей велѣть назвать, по имени матери ея, Екатериною. Итакъ, содѣлался Павелъ мой отцомъ, а подруга его матерью, а мы съ женою своею получили родную себѣ внуку, и хотя провели всю ночь сію въ великомъ смущеніи и безпокойствѣ и во всю ее почти не спали, но за то награждены были и удовольствіемъ неизъяснимымъ. Мы не преминули въ тотъ же день принесть Господу Богу нашему за сіе достодолжную благодарность, а между тѣмъ отправить съ извѣстіемъ о томъ къ отцу и матери невѣстки моей и къ прочимъ роднымъ нашимъ человѣка, также увѣдомить о томъ и сосѣдей нашихъ, которымъ, однако, за крайнею тогдашнею распутицею никакъ не можно было вскорѣ пріѣхать къ невѣсткѣ моей на родины и все наше ожиданіе оныхъ было тщетное, одинъ только племянникъ мой Андрей Михайловичъ приходилъ и въ тотъ же еще день для поздравленія всѣхъ насъ съ симъ радостнымъ для насъ происшествіемъ.

Наконецъ, 24-го числа сего мѣсяца, не успѣлъ я по утру по обыкновенію моему еще до свѣта встать, какъ встревоженъ былъ извѣстіемъ, что у зятя моего Петра Ивановича Воронцова, ѣхавшаго ко мнѣ, изломалась повозка и онъ самъ, отъ самой Елкинской мельницы, пришелъ пѣшкомъ и не хотя насъ ночью всѣхъ тревожить и будить, легъ и спалъ тогда въ людской избѣ или такъ называемой черной горницѣ, и что лошади его безъ него шарахнулись и ушли и всѣ люди побѣжали искать оныхъ. Вскорѣ за симъ пришелъ и самъ зять мой, которому мы были очень рады. Какъ въ сей день было у меня въ домѣ двѣ имянинницы, дочь и малютка внука и обѣ Катерины Болотовы, то была у насъ всенощная и присылали съ поздравленіями А. Мих. Ладыженскія и Доброклонская и первыя, по приглашенію нашему, пріѣхали къ намъ обѣдать и вмѣстѣ съ нами препроводили весь сей день, а Доброклонской не бывалъ, будучи уже третей

день боленъ, а на другой день послѣ сего пріѣзжали къ намъ Пановы и, пробывъ у насъ весь день, и ужинали даже у насъ.

Въ наступившей за симъ день ждали мы во весь пріѣзда дочери моей Ольги, но вмѣсто оной передъ вечеромъ пріѣхалъ къ намъ другъ нашъ Василій Ивановичъ Кислинской съ женою, а вслѣдъ за нимъ, наконецъ, и Ольга наша съ своимъ мужемъ, и такъ сдѣлалось у насъ въ домѣ очень людно. Всѣ сіи наши родные гости пробыли у насъ не только весь послѣдующей, но, за сдѣлавшеюся ужасною мятелью, и еще одинъ день, и время сіе провели наиболѣе въ играніи въ проклятой и досадной для меня бостонъ, и наши проигралися, будучи не въ состояніи играть съ практическими и такими игроками, каковы были Кислинскіе. Между тѣмъ, получили мы изъ Паникъ, отъ тестя сына моего, извѣстіе, что онъ не прежде къ намъ пріѣдетъ, какъ уже по настаніи зимняго пути.

Наконецъ, разъѣхались наши гости, сперва поѣхалъ домой зять мой Воронцовъ, а за нимъ Василій Ивановичъ Кислинской въ радости, обыгравъ моего зятя и сына въ карты, а зять мой Бородинъ поѣхалъ въ Калугу въ горѣ, пропгравъ Кислинскому отъ собственной шалости болѣе 40 рублей. Пріѣздъ его ко мнѣ былъ не утѣшенъ, что-то чувствовалъ я къ нему менѣе приверженности, нежели къ Петру Ивановичу Воронцову. Подражалъ онъ во всемъ старшему зятю моему Шишкову, а прока отъ него было очень мало, оба они не лучшѣли, но часъ отъ часу худѣли, оба сдѣлались мотами отъ игры, питья и строенія, и оба раззорялись очевидно, и не терпѣли, чтобъ имъ кто и говорилъ о томъ. Мнѣ всего досаднѣе было, что послѣдней въ сей разъ почти неволею вплелъ и сына моего въ игру, и довелъ его до того, что и онъ рублей съ десять проигралъ.

По отъѣздѣ ихъ, принявшись опять за писаніе, имѣлъ я удовольствіе окончить, наконецъ, свою давно начатую трудную и скучную работу, состоявшую въ сочиненіи полнаго къ экономическому своему магазину реестра, которой сочинить я столько лѣтъ собирался и нѣсколько разъ начиналъ, но соскучивъ, опять переставалъ, но въ сей разъ насилу, насилу я его и однимъ почти пріемомъ кончилъ. Изъ него вышла претолстая книга, и какъ она сдѣлалась весьма нужною и полезною для

всѣхъ имѣющихъ у себя весь мой „Экономической магазинъ“, то хотѣлось мнѣ, чтобъ онъ въ пользу ихъ былъ и напечатанъ, съ каковымъ намѣреніемъ я наиболѣе и предпріялъ сію работу, однако, всего не удалось мнѣ даже до сего времени еще исполнить, по случаю, что съ типографіями произошла великая перемѣна, число ихъ хотя размножилось, но всѣ сочиненія надлежало авторамъ печатать на свой коштъ, а сіе для меня составляло неудобность, почему и осталась книга сія и по сіе время (1821 г.) въ манускриптѣ, и служитъ только для собственнаго моего употребленія. Окончилъ я сію работу въ самой послѣдней день мѣсяца ноября и удовольствіе мое нарушилось захвораніемъ сына моего, такъ что онъ, весь тотъ день, пролежалъ въ постели, и мы опасались, чтобъ болѣзнь сія не сдѣлалась важною.

По наступленіи мѣсяца декабря, поджидали мы все еще къ себѣ кого нибудь изъ паниковскихъ, но какъ никто не бывалъ, то не стали мы долѣе медлить и на другой день сего мѣсяца окрестили нашу новорожденную малютку, въ моемъ кабинетѣ; воспріемниками были: я съ старушкою моею тещею и дочь моя Катерина съ отсутственнымъ братомъ невѣстки моей, Павломъ Ѳедоровичемъ Ошанинымъ, и какъ крестины были не сборные, то и обѣдали у насъ одни только церковные служители, съ ихъ женами, да послѣ обѣда пріѣхалъ къ намъ г. Ладыженской и у насъ ужиналъ. Впрочемъ, достопамятно, что въ сіе время свирѣпствовала у насъ во всемъ домѣ какая-то особливая прилипчивая простудная лихорадка или катарръ, и многіе люди вдругъ занемогали. Павелъ мой Андреичъ лежалъ даже отъ ней, а немогла даже и родильница наша. Я и самъ чувствовалъ едвали не начало оной, въ въ груди покалывало какъ иглами. Жаловались всѣ сперва на боль въ головѣ, за симъ послѣдовалъ ознобъ и жаръ и кашель, и съ ногъ человѣкъ сваливался, и сіе продолжалось нѣсколько дней сряду. Навезъ къ намъ сію болѣзнь Василій Ив. Кислинской, у него былъ весь домъ его боленъ, а и у насъ сдѣлалось множество больныхъ. Словомъ болѣзнь сія была повсемѣстная, и по слухамъ въ одной Москвѣ было больныхъ до 12 тысячъ человѣкъ и я насилу отпился отъ ней своимъ простуднымъ декоктомъ, и едва успѣвалъ помогать и другимъ многимъ.

На другой день послѣ крестинъ сказали намъ, что будетъ въ сей день къ намъ старшей мой зять П. Г. Шишковъ, но вмѣсто его пріѣхала только наша Елизавета Андреевна съ дѣтьми, а на утріе пріѣхала къ намъ на почтовыхъ и сватья наша Прасковья Алексѣевна изъ Орла на родины къ своей племянницѣ и наслѣдницѣ, а въ вечеру того же дня пріѣхалъ и зять Петръ Герасимовичъ и сдѣлалось у насъ опять очень людно и шумно, и дѣти Шишковы шумѣли и рѣзвилися безъ милости, между тѣмъ болѣзни размножались и занемогла и самая моя жена, дочь Катерина и Елизавета и насилу ходили.

Какъ время тогда было постное, а сверхъ того наступалъ и нашъ сельской годовой праздникъ и намъ для угощенія гостей нашихъ нужна была рыба, а оной въ привозѣ въ городахъ никакой еще не было, то превеликая для насъ была комиссія снабдить себя нужною свѣжею рыбою, и я принужденъ былъ разослать людей искать купить ее во всѣхъ прибрежныхъ по Окѣ рѣкѣ селеніяхъ, гдѣ она жителями лавливалась, а другихъ разослалъ звать сосѣдей къ себѣ къ празднику. А какъ на ту пору стояла у насъ самая холодная и даже опасная зимняя погода, то не малая забота на насъ была и о томъ, чтобъ не замерзли разосланные и долго не возвращавшіеся люди, но къ великому обрадованію моему всѣ они, кромѣ одного, благополучно возвратились и достали намъ довольное количество рыбы.

Что касается до нашего праздника, то оной въ сей годъ достопамятенъ былъ непомѣрною и чрезвычайною стужею и жестокимъ морозомъ на западномъ вѣтрѣ, которымъ изъ подъ горы всѣ наши хоромы такъ вынесло, что не можно было никакъ быть во всей той половинѣ, которая была къ рѣкѣ, и я принужденъ былъ на сей разъ превратить кабинетъ мой и въ залъ, и въ гостиную, тутъ мы съ гостьми и обѣдали, и сидѣли, и ужинали, ибо тутъ было тепло какъ въ банѣ. По счастію, гостей изъ постороннихъ было не много, и одинъ только г. Ладыженской съ женою, да Доброклонской безъ жены. Со всѣмъ тѣмъ, гости мои гораздо подпили, и я не помню, когда бы было тому подобное, и всѣ мы были веселы. Зятику моему Петру Герасимовичу что то вздумалось съ Доброклонскимъ съѣздить къ Андрею Михайловичу, и тамъ оба они бросили,

такъ сказать въ печь, цѣлыхъ двадцать рублей, заставивъ бабъ плясать и давъ имъ за пляску оные, и зятикъ мой претерпѣлъ сей убытокъ одинъ, ибо проворъ Доброклонской убѣдилъ его играть въ карты, и съигралъ съ себя ихъ. Сыну моему было въ сей день сколько нибудь лучше, а взамѣнъ того слегла сватья Прасковья Алексѣевна.

Никольщина наша продолжалась нѣкоторымъ образомъ и на другой день, и когда не гостей, такъ людей было довольно пьяныхъ. Мы просидѣли почти весь день подлѣ больной моей сватьи, и къ намъ пріѣхалъ опять г. Ладыженской съ женою, а въ вечеру другъ Андрея Михайловича, пьяненькой Петръ Дмитріевичъ Кузьминъ, и насмѣшилъ насъ своими поступками. На другой день послѣ сего поѣхали отъ насъ наши родные, Шишковы, оставивъ у насъ дѣтей обоихъ Николинокъ поучиться писать и географіи, и это было еще въ первый разъ.

Чрезъ три дня послѣ сего, случилось со мною нѣчто неожиданное. Является ко мнѣ незнакомой человѣкъ живущаго отъ насъ не подалеку небогатаго дворянина Михаила Афанасьевича Шишкина съ письмомъ ко мнѣ отъ нашего тульскаго губернатора. Я удивился и не понималъ о чемъ бы такомъ писать ко мнѣ губернатору, очень мало меня знающему, а того болѣе удивился, нашедъ въ ономъ просьбу его, чтобъ я усовѣстилъ племянника и сосѣда моего Андрея Михайловича и уговорилъ его не взыскивать съ помянутаго бѣдняка Шишкина 600 руб. денегъ, которыя слѣдовало ему заплатить по рѣшенію бывшаго между ими какого то дѣла, и по которому племянникъ мой оттягалъ отъ него нѣсколько крестьянъ и чрезъ то раззорилъ почти сего добрѣйшаго человѣка. Я охотно желалъ помочь въ семъ случаѣ сему своему сосѣду и, съѣздивши къ племяннику моему, употреблялъ все, что могъ, къ преклоненію его къ оказанію Шишкину сего благодѣянія, но всѣ мои старанія не имѣли ни малѣйшаго успѣха и племянничекъ мой былъ не такого свойства человѣкъ, чтобы могъ сіе благодѣяніе сдѣлать.

Чрезъ недѣлю послѣ сего, по долговременномъ и тщетномъ ожиданіи извѣстія изъ Москвы объ окончаніи все еще продолжавшагося въ межевой канцеляріи нашего дѣла, на силу, на

силу обрадованы мы были полученнымъ отъ повѣреннаго нашего Феди увѣдомленіемъ, что дѣло наше, наконецъ, рѣшено, и чрезъ подписаніе опредѣленія кончено, и что мнѣ не было никакой надобности ѣхать самому въ Москву, ибо мы оставлены были съ покоемъ при своихъ купленныхъ и, по рѣшенію конторскому, отмежеванныхъ земляхъ. Итакъ, успокоены мы были въ разсужденіи сего не мало стоющаго намъ дѣла.

Съ сего времени по самой почти праздникъ Рождества Христова не происходило у насъ ничего особливо. Сыну моему давно уже сдѣлалось отъ болѣзни его лучше, равно какъ и теткѣ невѣстки моей, которая все еще гостила у насъ. Мы оба съ сыномъ занимались ученіемъ дѣтей географіи и выдумывали легчайшіе къ тому способы, а я ежедневно почти занимался еще однимъ новымъ дѣломъ. Охота моя къ писанію чего нибудь и нахожденіе въ томъ и въ сочиненіяхъ кое какихъ особеннаго удовольствія, тотчасъ послѣ окончанія ключа къ „Экономическому магазину“, возродила во мнѣ желаніе заняться вновь какими нибудь экономическими сочиненіями, и какъ послѣ издаванія моего Экономическаго магазина случилось мнѣ многое узнать и открыть изъ экономическихъ вещей новаго и никому еще неизвѣстнаго, то по обыкновенному моему и всегдашнему желанію сдѣлать все то и соотчичамъ моимъ извѣстнымъ, и восхотѣлось мнѣ испытать не можно ли всѣ такія примѣчанія, выдумки и открытія свои сообщить публикѣ, чрезъ напечатаніе ихъ въ видѣ какого нибудь экономическаго сочиненія и какъ наиудобнѣйшимъ къ тому казалось мнѣ названіе экономическаго корреспондента, то и вознамѣрился я всѣ свои новыя замѣчанія сочинять образомъ писемъ къ пріятелю, и дѣло сіе тогда же, по нетерпѣливости, началъ, и продолжая оное во всѣ праздные и досужные часы даже до сего времени, успѣлъ не только сочинить, но и набѣло переписать довольное таки множество такихъ замѣчаній, и продолжать въ томъ же трудиться и послѣ сего времени, но всѣ сіи новые мои труды остались тщетными, ибо, живучи въ деревнѣ и не имѣя въ Москвѣ изъ содержателей типографіи такого знакомаго, каковъ былъ нѣкогда Г. Новиковъ и который бы взялся печатать мои сочиненія на свой коштъ, не имѣлъ я

случая и удобности къ произведенію намѣренія моего въ дѣйство. Почему чрезъ нѣсколько времени и пересталъ я заниматься симъ дѣломъ, а все написанное хранится и донынѣ (1821 г.) въ библіотекѣ моей въ манускриптахъ, и едва ли когда нибудь будетъ напечатано.

Наконецъ, подъ самой праздникъ Рождества Христова наѣхало ко мнѣ множество гостей и все родныхъ и для насъ пріятныхъ. Сперва пріѣхалъ зять мой П. И. Воронцовъ съ дочерью моею Настасьею и сыномъ ихъ Павлушею, а въ вечеру уже имѣли мы удовольствіе встрѣтить, давно уже ожиданныхъ и никогда еще у насъ не бывавшихъ, новыхъ нашихъ родныхъ Ошаниныхъ. Былъ то сватъ мой Ѳедоръ Васильевичъ Ошанинъ съ женою и со всѣми дѣтьми своими, и вмѣстѣ съ ними сосѣдъ ихъ Доримидонтъ Тимофеевичъ Елчинъ и сдѣлалось у насъ людно. Легко можно заключить, что всѣ мы, а всѣхъ болѣе невѣстка моя, были симъ небывалымъ еще гостямъ очень рады. Они пріѣхали къ намъ въ вечеру и въ самое то время, когда у насъ служили всенощную, и какихъ, и какихъ не было при семъ случаѣ взаимныхъ съ обѣихъ сторонъ привѣтствій, ласкъ и поздравленій, и съ какимъ отмѣннымъ удовольствіемъ провели мы тогдашней и довольно уже поздной ужинъ. На утріе же и въ самой праздникъ, не смотря на всю зимнюю стужу, ѣздили мы всѣ къ обѣднѣ, и по возвращеніи изъ церкви всѣмъ многочисленнымъ, роднымъ семействомъ въ радости и съ удовольствіемъ разгавливались и потомъ вмѣстѣ съ приходившими къ намъ славить Христа нашими церковнослужителями обѣдали, а потомъ весь день провели въ пріятныхъ разговорахъ а вечеръ, при шумѣ играющей музыки,—въ играніи въ карты, и были всѣ веселы и довольны. Съ такимъ же удовольствіемъ провели мы и второй день нашихъ святокъ съ гостьми своими, которыхъ число умножилось еще пріѣхавшимъ къ намъ обѣдать другомъ нашимъ и любезнымъ сосѣдомъ Иваномъ Александровичемъ Ладыженскимъ съ женою, которые провели съ нами весь сей день и даже ужинали. Въ продолженіи дня между тѣмъ, какъ мы занимались съ милымъ и любезнымъ сватомъ моимъ разными пріятными разговорами, играли они въ свой бостонъ, вскружившій всѣмъ имъ собою головы. Всѣ гости мои

продолжали гостить у насъ и во весь третей день нашихъ святокъ; въ оной занялъ я свата своего, какъ такого же охотника до садовъ, какъ и я, показываніемъ ему своихъ яблокъ и всѣхъ книгъ съ описаніями и рисунками всѣхъ породъ яблокъ, родящихся въ садахъ моихъ, а сынъ мой съ женою своею ѣздилъ въ Семеновское, къ старику Евграфу Яковлевичу Раевскому. Братъ же невѣстки моей, Дмитрій Ѳедоровичъ, со смѣху насъ морилъ своими шутками и рѣзвостями, и мы не видали почти какъ прошелъ день сей. Такимъ же образомъ въ семейственномъ удовольствіи провели все утро и четвертаго дня нашихъ тогдашнихъ святокъ, а послѣ обѣда поѣхалъ сватъ мой отъ насъ одинъ въ Москву и далѣе въ Ростовъ къ роднымъ своимъ, прочіе же всѣ остались еще у насъ, съ которыми, какъ сей, такъ и весь послѣдующей пятой день нашихъ святокъ, провели мы съ такимъ же удовольствіемъ, какъ и прежніе; въ оной пріѣзжалъ къ намъ опять другъ нашъ г. Ладыженской съ женою, пробылъ у насъ во весь день и вечеръ, и поѣхалъ отъ насъ уже послѣ ужина. А въ шестой день послѣ обѣда всѣ наши новые родные, вмѣстѣ и съ теткою невѣстки моей, поѣхали отъ насъ во свояси и остался у насъ одинъ Петръ Ив. съ Настасьей, а вскорѣ послѣ отъѣзда Ошаниныхъ, пріѣхалъ къ намъ Яковъ Ивановичъ Арцибышевъ, съ ближнею родственницею своею Катериною Яковлевною Бибиковою и просидѣли у насъ до сумерокъ. Что-жъ касается до послѣдняго дня сего года и седьмаго дня нашихъ святокъ, то провели мы оной не очень весело: во все утро раздосадованъ былъ я, невѣдомо какъ, женою моею разными дрязгами..... а у сына моего разболѣлись какъ то зубы, но какъ г. Ладыженской звалъ насъ въ сей день обѣдать, то, не смотря на все, ѣздили мы къ нему и весь сей день провели у него и довольно весело. У него случился въ сіе время быть братъ его, Гаврила Александровичъ, бывшей также моимъ крестникомъ, и сей, наслѣдуя отъ отца своего шутливой нравъ, веселилъ все наше общество своими шутками и издѣвками, и заставливалъ неоднократно хохотать и смѣяться. Многіе изъ насъ играли въ любимую свою игру бостонъ, а я, кое съ кѣмъ, въ реверансъ. Хозяева упросили насъ у себя даже и ужинать и мы пріѣхали

домой уже поздно, съ тою непріятностью, что сынъ мой, отъ разболѣвшихся у него опять зубовъ, насилу доѣхалъ, а у зятя моего и Настасьи болѣла что то голова; всѣ мы какъ то переугорѣли тогда въ домѣ у Ладыженскаго. Симъ окончился тогда достопамятной въ исторіи отечества нашего 1799 годъ, ознаменовавшейся и въ моей жизни многими значительными происшествіями, а кстати къ сему окончу я и сіе мое письмо, сказавъ вамъ, что я есмь вашъ.... и прочее.

Писано сіе 28 мая 1821 г., въ Сенкинѣ.

ДНЕВНИКЪ АЛЕКСАНДРА ВАСИЛЬЕВИЧА НИКИТЕНКО

1828 г. [1]).

Январь—декабрь.

Январь 7. Давно уже ничего не писалъ я на этихъ страницахъ Приготовленія къ экзамену отнимали у меня все время. Это уже послѣдній: съ окончаніемъ его окончится періодъ моего студентскаго существованія—и я гражданинъ.

Сегодня нашъ курсъ экзаменовался въ римскомъ правѣ. Мнѣ досталось говорить объ опекѣ. Профессоръ похвалилъ меня, но самъ я недоволенъ своими познаніями въ этомъ предметѣ. Да и трудно было, по правдѣ сказать, много успѣть въ сей обширной и сложной наукѣ, записки по коей выданы намъ профессоромъ всего за полторы недѣли до экзамена. Сами же мы не составляли ихъ, потому что онъ обѣщалъ съ самаго начала дать намъ свои.

8. У меня чуть было не дошло до ссоры съ Булгаринымъ. По условію, онъ долженъ былъ напечатать въ мою пользу сто экземпляровъ моего сочиненія «О политической экономіи». Это было для меня очень важно, ибо я намѣревался представить оное профессорамъ, какъ диссертацію на степень кандидата. Оно уже нѣсколько дней тому назадъ появилось въ «Сѣверномъ Архивѣ», между тѣмъ для меня не оставлено ни одного экземпляра и въ типографіи уже разобраны доски.

Я изъявилъ мое сожалѣніе по этому поводу Булгарину. Онъ извинялся забывчивостью и далъ слово, что въ три дня велитъ вновь

[1]) См. „Русскую Старину“ изд. 1888 г., т. LIX, авг., стр. 305—341; сент., стр. 483—524; т. LX, окт., стр. 61—83; нояб., стр. 267—310; дек., стр. 549—582; изд. 1889 г., томъ LXI, февр., стр. 293.—314: мартъ, стр. 507—523.

набрать сочиненіе и напечатать. Я успокоился. Но третьяго дня прихожу въ типографію: тамъ ничего и не слыхали отъ Булгарина. Это меня крайне раздосадовало, ибо уже не далеко время, назначенное для представленія диссертаціи. Я опять кинулся къ Булгарину и Гречу. Теперь сочиненіе мое набираютъ и оно скоро будетъ напечатано.

26. Наконецъ, кончились экзамены. Сегодняшній былъ изъ богословія: сошелъ хорошо.

Надняхъ тоже вышло изъ печати мое сочиненіе. Профессора весьма одобряютъ его, а публика приняла какъ нельзя лучше. Изъ этого я вывожу два заключенія: первое, что публика наша, значитъ, еще очень мало свѣдуща въ политической экономіи, второе, что въ ней начинаетъ развиваться вкусъ къ серьезному чтенію.

28. Слушалъ лекцію изъ философіи у профессора Галича. Какъ жаль, что сей отличный профессоръ лишенъ своей каѳедры въ университетѣ: у насъ нѣтъ ни одного подобнаго ему, кромѣ развѣ Давыдова въ Москвѣ, у котораго тоже отняли каѳедру: но я самъ о послѣднемъ не могу судить.

Къ Галичу прежде всего имѣешь довѣріе, ибо видишь, что онъ обладаетъ обширными познаніями. Изложеніе его опредѣленное: онъ выражается ясно и благородно. Его одушевляетъ чистая, высокая любовь къ истинѣ, отъ чего бесѣды его не только полезны, но и увлекательны. Это не цѣховой ученый, а человѣкъ, глубоко преданный наукѣ и жаждущій правды, столько же практической, сколько и теоретической. Я лично къ тому же много обязанъ ему. Зная, что мнѣ не подъ силу заплатить ему за курсъ 300 р., какъ платятъ другіе его слушатели, онъ предложилъ мнѣ посѣщать его лекціи безплатно.

29. Говорилъ съ попечителемъ о моей службѣ. Онъ предлагаетъ мнѣ у себя мѣсто секретаря въ 1,200 р. жалованья. Я останусь у него во всякомъ случаѣ на годъ, такъ какъ мнѣ особенно пріятно служить у человѣка, столь просвѣщеннаго и благороднаго, и которому я столько обязанъ. Да и должность секретаря при немъ не обременительна, слѣдовательно не помѣшаетъ мнѣ совершенствоваться въ наукахъ.

30. Сегодня былъ у меня Ростовцевъ. Очень пріятная бесѣда. Этотъ человѣкъ не измѣняется ни въ своихъ чувствахъ вообще, ни въ своемъ дружескомъ расположеніи ко мнѣ. Толковали о прошломъ, вспоминали о декабристахъ.

— «Но что скажетъ обо мнѣ потомство?» замѣтилъ, между прочимъ, Ростовцевъ,—«я боюсь суда его. Пойметъ ли оно и признаетъ-ли тѣ побудительныя причины, которыя руководили мною въ бѣдствен-

ные декабрьскіе дни? Не сочтетъ ли оно меня доносчикомъ или трусомъ, который только о себѣ заботился?»

— «Потомство, возразилъ я,—будетъ судить о васъ не по одному этому поступку, а по характеру всей вашей будущей дѣятельности: ей предстоитъ разъяснить потомству настоящій смыслъ вашихъ чувствъ и дѣйствій въ этомъ горестномъ для всѣхъ событіи.

Онъ со слезами на глазахъ обнялъ меня.

Февраль 2. Славный день! Давно уже предлагалъ я товарищамъ, по окончаніи экзаменовъ, устроить дружескій прощальный обѣдъ, для чего каждый изъ насъ долженъ былъ пожертвовать по 20 руб. Я давно уже началъ прикапливать эту сумму. Нѣкоторые, по малодушію, отказались, но вотъ дорогія имена тѣхъ, которые съ восторгомъ отозвались на призывъ дружбы: Горловъ, Михайловъ, Армстронгъ, Дель, Гебгардъ 1-й, Гебгардъ 2-й, Клоповъ, Гедерштернъ, Владиславлевъ, Ивановъ, Лингвистъ, Крупскій, Чивилевъ, Щегловъ и Казакинъ.

Мы собрались въ четыре часа къ Горлову. Первый нашъ тостъ за обѣдомъ былъ, по обыкновенію, посвященъ отечеству и государю. За вторымъ бокаломъ шампанскаго каждый долженъ былъ избрать предметъ по сердцу и пить въ честь его. Крупскій пилъ за дружбу; Ивановъ за успѣхи драматической поэзіи; Гедерштернъ за здоровье друзей; Гебгардъ за любовь и дружбу; Дель за отечество; Армстронгъ за честь и дружбу; Михайловъ за свою возлюбленную; Горловъ за святость дружескаго союза; я за счастіе и славу друзей.

Въ концѣ обѣда, выпивъ послѣдній бокалъ, всѣ, по общему взаимному побужденію, бросились въ объятія другъ друга. Пять часовъ пролетѣли, какъ мигъ. Какая свобода царствовала въ изліяніяхъ нашихъ чувствъ и мыслей, но какая благородная свобода: въ ней не родилось ни одного чувства, ни одной мысли, ни одного слова, оскорбительнаго для нравовъ, чести и дружбы. Право, отечество могло бы пожелать, чтобы всѣ грядущія поколѣнія его сыновъ были одушевлены такою же правотою сердца и такимъ же благородствомъ стремленій.

Я вернулся домой въ десять часовъ вечера, но сердцемъ и мыслью все еще оставался съ покинутыми друзьями.

5. Былъ въ концертѣ. Здѣсь учредилась Музыкальная академія, преимущественно стараніями господъ Львовыхъ, все семейство которыхъ состоитъ изъ отличнѣйшихъ музыкантовъ. Дѣйствительные (т. е. играющіе или поющіе) члены этой академіи все аматеры, въ

томъ числѣ и дѣвицы. Сегодня сія академія дала свой первый концертъ въ залѣ Кушелева-Безбородко, что въ Почтамтской. Пѣли три дѣвицы изъ знатныхъ фамилій. Прекрасные голоса! Старшій Львовъ привелъ всѣхъ въ восторгъ игрою на скрипкѣ; меньшой тоже превосходно игралъ на віолончели. Концертъ кончился почти въ десять часовъ и я вернулся домой въ каретѣ со Штеричемъ и его матерью.

9. Непріятное происшествіе! Вчера состоялось въ университетѣ факультетское собраніе, на которомъ должны были рѣшать кого изъ выпускныхъ студентовъ нашего курса произвести въ кандидаты. Сегодня вбѣгаетъ ко мнѣ нашъ Михайловъ въ большомъ разстройствѣ и сообщаетъ, что онъ не удостоенъ званія кандидата. Признаюсь, я тоже этого не ожидалъ: ибо хотя онъ не отличался особенною усидчивостью въ занятіяхъ, однако, ничѣмъ не уступаетъ въ познаніяхъ тѣмъ студентамъ, кои получили сію степень въ прошломъ году.

Это несчастіе крайне огорчило моего товарища, тѣмъ болѣе, что онъ былъ увѣренъ въ противномъ. Я самъ боялся за него меньше, чѣмъ напримѣръ за Армстронга. Теперь онъ, именемъ дружбы, заклиналъ меня спасти его ходатайствомъ передъ попечителемъ. Я и безъ его просьбы уже рѣшился на это и на переговоры съ профессорами, ибо бѣда еще не совсѣмъ неотвратима. Совѣтъ не утвердилъ еще опредѣленія факультета, хотя дѣла сего рода непосредственно принадлежатъ послѣднему.

Я тотчасъ одѣлся и пошелъ къ попечителю. Тронутый до глубины сердца положеніемъ моего бѣднаго товарища, я съ жаромъ просилъ Константина Матвѣича (Бороздина) оказать ему помощь. Михайловъ постоянно пользовался любовью товарищей, начальства и общества: что подумаютъ они о немъ (не говоря уже о его родителяхъ), когда узнаютъ, что онъ не съ такою честью оставилъ университетъ, какъ они надѣялись. Да и право же, это незаслуженно!

Представленія мои подѣйствовали. Благородный и добрый начальникъ обѣщался употребить въ его пользу все свое вліяніе. По моему настоянію, Михайловъ, полчаса спустя, и самъ посѣтилъ попечителя: тотъ обласкалъ его и обнадежилъ.

Причина, почему Михайлову отказываютъ въ кандидатствѣ, та, что онъ, какъ говорятъ, не имѣетъ полныхъ четырехъ балловъ въ статистикѣ, хотя во всѣхъ прочихъ предметахъ имѣетъ ихъ.

Вечеромъ былъ у Михайловыхъ. Всѣ они очень огорчены. Мишель въ ихъ глазахъ совершенство и они не постигаютъ, какъ профессора могутъ смотрѣть на него иначе. Надо признаться, однако,

что Мишель слишкомъ надѣялся на свои способности и потому занимался довольно поверхностно и на экзаменахъ подъ часъ отдѣлывался фразами. Должно полагать, что это и было главною причиною его бѣды, а не $3^1/_2$, поставленные ему въ статистикѣ. Еще огорчило меня, что пока я ходатайствовалъ за него у попечителя, онъ уже успѣлъ побывать у всѣхъ профессоровъ факультета и возстановить ихъ противъ себя неумѣстною горячностью.

— Теперь вся наша надежда на васъ, говорили мнѣ отецъ его и мать,—все зависитъ отъ попечителя, а вы пользуетесь его довѣріемъ.

— Что до меня касается, возразилъ я, — я на все готовъ для товарища, который къ тому же и уменъ, и способенъ. Но пусть же онъ, по крайней мѣрѣ, не возстановляетъ еще больше противъ себя профессоровъ. «Мы готовы исполнить желаніе вашего превосходительства», могутъ они сказать Константину Матвѣевичу, «но позвольте вамъ замѣтить, что это будетъ несправедливо». Тогда отъ послѣдняго, конечно, нельзя и требовать, чтобы онъ не согласился съ ихъ приговоромъ. Право давать ученыя степени есть священное, неприкосновенное право университета: ни попечитель, ни министръ не могутъ непосредственно мѣшаться въ это».

Я хотѣлъ этими словами доказать Михайлову, какъ неблагоразумно поступилъ онъ, оскорбивъ профессоровъ, и посовѣтовалъ ему завтра опять съѣздить къ нимъ и загладить сегодняшнее неблагопріятное впечатлѣніе, чтобы они, по крайней мѣрѣ, не мѣшали мнѣ дѣйствовать у попечителя.

10. Попечитель уже говорилъ въ пользу Михайлова съ ректоромъ университета. Между тѣмъ, и самъ Мишель былъ опять у профессоровъ. Они всѣ укоряютъ его за то, что онъ не занимался такъ, какъ слѣдовало и какъ могъ по своимъ способностямъ. Но теперь они, по крайней мѣрѣ, нѣсколько смягчены учтивостью моего товарища.

Итакъ, сегодня ничего рѣшительнаго по этому дѣлу не послѣдовало. Между тѣмъ, на послѣ завтра назначено собраніе университетскаго совѣта, значитъ, завтра надо пустить въ ходъ всѣ средства: послѣ собранія совѣта уже будетъ поздно.

11. Сегодня попечитель говорилъ мнѣ о дѣлѣ Михайлова уже совсѣмъ другимъ тономъ, чѣмъ сначала. Доброе расположеніе его вдругъ точно исчезло.

— Всѣ профессора, сказалъ онъ мнѣ,—противъ него. Они говорятъ, что онъ на лекціяхъ былъ невнимателенъ, читалъ романы и «Сѣверную Пчелу», вмѣсто того, чтобы слушать, и на экзаменахъ не обнаружилъ твердаго знанія въ наукахъ. Скажи, что же мнѣ дѣлать?

Минута была рѣшительная и я истощилъ все мое краснорѣчіе, чтобы склонить Константина Матвѣевича къ тому, чтобы онъ поговорилъ за Михайлова съ деканомъ факультета, отъ котораго главнымъ образомъ все зависѣло. Попечитель, наконецъ, обѣщался сегодня еще повидаться съ ректоромъ и деканомъ. Слава Богу, еще есть надежда!

12. Сейчасъ имѣлъ разговоръ съ попечителемъ, который сильно огорчилъ меня. Онъ утвердился во мнѣніи, которое я ему внушилъ о Михайловѣ, но за то сказалъ:

— «Университетъ хочетъ въ нынѣшнемъ году произвести слишкомъ много кандидатовъ и потому вашъ факультетъ долженъ ограничиться двумя: тобою и Михайловымъ. Прочіе должны довольствоваться степенью студента».

Итакъ, подумалъ я, бѣдные мои Армстронгъ и Дель, на васъ долженъ пасть жребій, по справедливости заслуженный Михайловымъ! Я старался, по возможности, доказать Константину Матвѣичу, что несправедливо обидѣть въ нынѣшнемъ году тѣхъ, которые въ прошломъ или будущемъ несомнѣнно получили бы отличіе, право на которое признано за ними всѣми профессорами. Онъ молчалъ. Не знаю, убѣдилъ ли я его: въ противномъ случаѣ, буду оплакивать свое рвеніе относительно Михайлова.

Михайловъ объявилъ мнѣ, что деканъ сталъ ласковѣе къ нему, попечитель тоже подалъ надежду, но дѣло пока остается не рѣшеннымъ: собраніе университетскаго совѣта сегодня не могло состояться потому, что почти всѣ члены филолого-историческаго факультета больны. Опять надо ждать недѣлю, а можетъ быть и больше. Это и мнѣ лично неудобно. Я не могу явиться къ князю А. Н. Голицыну, пока не получу оффиціально своей степени кандидата. Да и дѣла мои по службѣ тоже отъ того терпятъ.

14. Наконецъ, сегодня состоялось собраніе университета и молебствіе, какъ всегда бываетъ при началѣ новаго курса. Но намъ еще не объявили нашихъ ученыхъ степеней.

Законъ, въ прошедшемъ году изданный о недопущеніи на службу разночинцевъ, начинаетъ уже оказывать свое дѣйствіе—и на этотъ разъ благодѣтельное. Нынѣшній годъ въ университетѣ было втрое больше слушателей, чѣмъ въ предъидущемъ.

Вечеромъ я слушалъ лекцію у Галича. Отъ него поѣхалъ къ Ростовцеву, а съ нимъ вмѣстѣ къ родственнику его Уварову. Въ домѣ послѣдняго я буду читать тремъ молодымъ людямъ русскую словесность и получать за сіе по 10 рублей за билетъ. Какая разница съ моимъ Острогожскимъ учительствомъ: тамъ я получалъ по

десяти рублей въ мѣсяцъ за ученика, занимаясь съ нимъ по пяти часовъ въ день.

Я экзаменовалъ моихъ будущихъ учениковъ. Они едва знаютъ русскую грамматику, хотя меньшему изъ нихъ уже пятнадцать лѣтъ. За то они превосходно изучили французскій, нѣмецкій и англійскій языки.

15. Сегодня въ университетѣ торжественно объявили всѣмъ кончившимъ курсъ студентамъ ихъ ученыя степени. По нашему факультету слѣдующіе произведены въ кандидаты: изъ казеннокоштныхъ Крупскій и Чивилевъ; изъ своекоштныхъ: Армстронгъ, Дель, Зенковичъ, Михайловъ и я. Михайловъ съ восторгомъ бросился тутъ же ко мнѣ на шею.

Затѣмъ мы всѣ пошли благодарить нашего почтеннаго, любимаго попечителя. Онъ принялъ насъ ласково и просилъ поддерживать честь университета тамъ, гдѣ будемъ служить.

Итакъ, слава Богу, никто не остался обиженъ!

17. Серафима Ивановна (Штеричъ) очень заботится съ нѣкотораго времени о моихъ удовольствіяхъ. Она не пропускаетъ случая, когда можетъ сдѣлать меня участникомъ концерта или какого-нибудь зрѣлища. Вчера она хотѣла взять меня съ собою, но меня не было дома. За то сегодня она отдала въ мое распоряженіе два билета въ концертъ дѣвицы Гедике. Я одинъ отвезъ Полѣнову и мы вмѣстѣ отправились въ филармоническую залу. Слушателей было довольно. Между ними встрѣтилъ я Булгарина, который, будучи обязанъ завтра дать публикѣ отчетъ о семъ концертѣ, зорко во все вглядывался въ залѣ: прислушивался къ шопоту посѣтителей, наблюдалъ за ихъ лицами, одеждой; слѣдилъ за каждымъ движеніемъ смычка, за каждымъ прикосновеніемъ пальчиковъ артистки къ фортепіано,— однимъ словомъ, собиралъ матеріялъ для своей пчелы, которая на слѣдующій день поднесетъ однимъ медъ, а другимъ горечь.

Онъ подошелъ ко мнѣ и спросилъ:

— Напечатано ваше сочиненіе?

— Давно, отвѣчалъ я,—за что усердно васъ благодарю.

— Впередъ прошу распоряжаться самимъ въ моей типографіи, какъ угодно. Тамъ исполнятъ все, что вы прикажете.

Я поблагодарилъ за сію литературную учтивость и мы разошлись.

Концертъ былъ хорошъ. Дѣвица Гедике превосходно играла на фортепіано. Но дѣвица Гебгартъ довольно слабо пѣла. Г-нъ Сусманъ съ необыкновеннымъ искусствомъ проигралъ на флейтѣ претрудныя варіаціи, но въ варіаціяхъ этихъ все достоинство ихъ въ трудности. Я искалъ въ нихъ чувства и поэзіи, а нашелъ метафи-

зику, которую надо слушать умомъ, а не сердцемъ. Нынѣ прорывается странный вкусъ въ музыкѣ, особенно среди любителей: отличнымъ артистомъ почитается тотъ, кто умѣетъ быстро и отчетливо передавать массу самыхъ запутанныхъ, многосложныхъ тоновъ. Конечно, это достоинство, но не единственное же въ музыкѣ. Это одинъ механизмъ, одна форма сего божественнаго искусства, которое, само по себѣ, есть не иное что, какъ выраженіе идеальной жизни чувствомъ, такъ какъ поэзія въ тѣсномъ смыслѣ есть выраженіе оной чувствомъ и понятіемъ.

18. Былъ въ музыкальной академіи на репетиціи Моцартова. «Турецкая увертюра» прекрасна; она и исполнена была превосходно. Дѣвица Ассіеръ пѣла сегодня восхитительно. Евсеевъ, одинъ изъ тенористовъ придворной пѣвческой капеллы, тоже привелъ всѣхъ въ восторгъ. Весь концертъ шелъ какъ нельзя лучше.

19. Слушалъ метафизическую лекцію у Галича. Говорено было о происхожденіи вещей. Конечно, и у Шеллинга въ этомъ отношеніи гипотезы, по крайней мѣрѣ, тамъ, гдѣ онъ изъясняетъ процессы и постепенности сотворенія. Тѣмъ не менѣе, никто изъ предшествующихъ философовъ, можетъ быть, кромѣ одного Платона не обнялъ такъ хорошо общаго единаго начала жизни и отношеній къ ней всѣхъ конечныхъ вещей.

24. Сегодня въ девятомъ часу утра имѣлъ я слѣдующій разговоръ съ моимъ благодѣтелемъ, бывшимъ министромъ народнаго просвѣщенія, княземъ Александромъ Николаевичемъ Голицынымъ.

Объявивъ ему, что я кончилъ курсъ въ университетѣ и произведенъ въ кандидаты онаго, я началъ благодарить его за доставленіе мнѣ этого счастья.

— Не меня должны вы благодарить, возразилъ онъ,—но Бога. При всемъ моемъ желаніи для васъ сдѣлать то, что сдѣлано, я, безъ Его всемогущей помощи, могъ бы встрѣтить непреодолимыя къ тому препятствія.

Потомъ, положивъ мнѣ руку на плечо, онъ продолжалъ:

— Онъ, Святою Своею милостью указалъ мнѣ средства, какъ перемѣнить ваше состояніе. Служите человѣчеству въ Его духѣ. Будьте распространителемъ между людьми Его святой истины, тогда вы возблагодарите Его достойнымъ образомъ, тогда Онъ взыщетъ васъ новыми благодѣяніями. Никогда не забывайте, что мудрость земная, всѣ человѣческія познанія ничто, если они заимствованы не отъ единаго свѣта истины вѣчной и непреложной. При семъ только свѣтѣ видимъ мы вещи ясно и чисто и можемъ

идти безопасно на всякомъ пути жизни и ко всякой цѣли. Но что вы теперь намѣрены дѣлать съ собою?

— Хочу остаться, отвѣчалъ я,—на нѣкоторое время при попечителѣ здѣшняго университета, Бороздинѣ, который предлагаетъ мнѣ при себѣ мѣсто секретаря.

— Хорошо! Однако, желательно было бы, чтобы вы поставили главнымъ предметомъ своимъ просвѣщеніе и чтобы дѣятельность ваша вся сосредоточилась въ кругу его.

Онъ еще довольно долго говорилъ со мною очень благосклонно и въ такомъ же духѣ, какъ началъ. Въ заключеніе, смотря на меня пристально и съ нѣжною заботливостью, онъ еще сказалъ:

— Очень радъ, что вижу тебя на томъ пути, на которомъ желалъ видѣть! Ты теперь и въ лицѣ перемѣнился, то есть сталъ гораздо лучше и свѣжѣе.

Наконецъ, я ему откланялся и ушелъ отъ него глубоко растроганный.

26. Былъ на репетиціи въ музыкальной академіи. На меня произвела сильное впечатлѣніе Фантазія Бетховена, превосходно разыгранная оркестромъ. Въ ней невинность поетъ про свою жизнь, исполненную высокой простоты и тихаго, чистаго счастья: эти сладостные звуки точно вызываютъ передъ тобой дни золотаго вѣка. Какая нѣжность въ этомъ соло флажіолета подъ аккомпаниментъ фортепіано, или въ семъ адажіо скрипокъ! Сколько милаго и трогательнаго въ хорѣ дишкантовъ, который довершаетъ очарованіе, сливаясь съ звуками мастерски управляемаго оркестра.

Я уѣхалъ домой, не слушая другихъ піесъ: мнѣ хотѣлось въ цѣлости унести впечатлѣніе, полученное отъ божественной «Фантазіи».

Мартъ 4. Опять на репетиціи въ такъ называемой Нарышкинской музыкальной академіи, которая учредилась почти въ одно время съ Львовскою. Послѣднюю составляютъ отличнѣйшіе по талантамъ аматеры столицы, безъ разбора ихъ положенія въ свѣтѣ. Первая состоитъ изъ блестящей знати, или, такъ называемаго, «бонъ-жанра». Въ ней принимаютъ также участіе артисты, тогда какъ въ Львовскую академію они не допускаются даже въ качествѣ слушателей во время концертовъ. Естественно, эти два музыкальныя учрежденія соперничаютъ между собой. Львовская академія беретъ перевѣсъ талантами своихъ членовъ, особенно самихъ господъ Львовыхъ. Не мало блеска сообщаютъ ей также придворные пѣвчіе, которыми управляетъ старикъ Львовъ.

Академія Нарышкинская называется такъ потому, что даетъ свои концерты въ великолѣпной залѣ оберъ-егермейстера Димитрія

Львовича Нарышкина. Ея отличительныя черты: знатность членовъ, блестящее освѣщеніе, многочисленный оркестръ и роскошное угощеніе, которое совсѣмъ отсутствуетъ въ первой академіи.

Но и въ Нарышкинской есть нѣсколько хорошихъ пѣвцовъ, напримѣръ, господинъ Пашковъ, отличный тенористъ, дѣвицы Медянскія и т. д.

Мы отправились на репетицію съ каммеръ-юнкеромъ Штеричемъ, заѣхавъ первоначально къ портному, которому я заказалъ себѣ сдѣлать новое платье къ празднику, ибо, по обстоятельствамъ, я долженъ теперь щеголять въ кургузомъ фракѣ, цвѣтномъ жилетѣ и бѣломъ галстукѣ съ циммермановскою шляпою въ рукахъ.

Зала академіи поразила меня размѣрами и великолѣпіемъ: вездѣ мраморъ и позолота. Оркестръ уже гремѣлъ, когда мы вошли: играли какую-то увертюру. Впереди другихъ музыкантовъ стоялъ небольшой толстячекъ: онъ весь трясся, подпрыгивалъ, размахивалъ руками и по временамъ пронзительно вскрикивалъ «піано». Это извѣстный Кавосъ, дирижирующій въ здѣшней академіи оркестромъ.

Вышли двѣ сестры Медянскія, прекрасныя, какъ ангелы, и ангельскими голосами запѣли арію, которая, какъ тогда фантазія Бетховена, унесла меня въ свѣтлый, идеальный міръ. Голоса у этихъ прелестныхъ созданій чистые, нѣжные, проникающіе прямо въ душу. Слушая ихъ, я понялъ, какъ Улиссъ могъ забыть все, забыть самого себя, упоенный звуками пѣсенъ сирены.

Насладившись пѣніемъ, мы со Штеричемъ пошли осматривать комнаты Нарышкина. Какое богатство, какая роскошь и сколько во всемъ вкуса и изящества! Зеркала, вазы, картины, бронза, бархатъ и штофъ расположены самыми живописными группами и узорами. По маленькой, обитой роскошными коврами, лѣстницѣ мы сошли въ баню: въ ней пристало купаться граціямъ. У стѣны мягкій, обитый штофомъ диванъ или, вѣрнѣе, широкое ложе, вдоль стѣнъ зеркала.

На обратномъ пути въ залу музыки мы встрѣтили самого хозяина, который очень вѣжливо намъ отвѣтилъ на нашъ поклонъ. Его сѣдая голова на фонѣ богатыхъ занавѣсей съ розовыми фигурами—вся эта блистательная пышность и видъ старости, которая уже, очевидно, у порога могилы, внезапно омрачили для меня всю картину: мнѣ невольно пришла въ голову мысль, что все это не больше, какъ пыль, и можетъ быть въ самомъ близкомъ будущемъ...

Между тѣмъ въ залѣ пѣли итальянскую арію: ее исполнялъ неаполитанскій посланникъ графъ Лудольфъ. И голосъ, и фигура почтеннаго лысаго графа вызвали во мнѣ далеко не поэтическое представленіе о козлѣ.

Затѣмъ было исполнено оркестромъ и спѣто разными лицами и хоромъ еще нѣсколько піесъ и все кончилось въ пять часовъ.

11. Сегодня состоялся у Нарышкина самый концертъ, на репетиціи котораго я надняхъ присутствовалъ. Я пріѣхалъ ровно въ шесть часовъ. Нѣсколько дамъ уже расхаживало по богато убраннымъ комнатамъ. Въ первой изъ нихъ стояли, выстроясь въ два ряда, лакеи и арапы въ блестящихъ ливреяхъ. Мало по малу, комнаты наполнялись знатью Петербурга. Здѣсь были графы, князья, первые чины двора и правительственныя лица, съ супругами и дочерьми. Они разсыпались по комнатамъ и жужжали, какъ рои пчелъ. Надо было осторожно двигаться въ толпѣ, чтобы не толкнуть какую нибудь статсъ-даму или красавицу. Послѣднихъ было не мало—по крайней мѣрѣ, многія казались такими подъ блескомъ огней и своихъ роскошныхъ нарядовъ. И надо отдать справедливость свѣтскимъ дамамъ высшаго круга: ихъ внѣшнее воспитаніе такъ утонченно, что весьма успѣшно скрываетъ недостатокъ въ нихъ внутренняго содержанія. Если онѣ, въ сущности, не больше, чѣмъ куклы, то все-же прелестныя куклы, которыя весьма ловко и непринужденно движутся и говорятъ по твердо заученнымъ правиламъ искусства. Наряды ихъ вообще пристойны и красивы, за исключеніемъ чепцовъ замужнихъ женщинъ, которые имѣютъ видъ мѣшка, горизонтально растянутаго поверхъ головы.

Я, между прочимъ, видѣлъ здѣсь одну изъ первыхъ красавицъ столицы, графиню Соллогубъ: она, поистинѣ, очаровательна.

Часа полтора уже ходилъ я по комнатамъ, любуясь и наблюдая, а зала концерта все еще не отворялась. Наконецъ, двери ея распахнулись: изъ нихъ хлынули цѣлые потоки свѣта. Концертъ довольно долго продолжался. Я былъ опять до глубины души тронутъ пѣніемъ дѣвицъ Мединскихъ. Ребенокъ лѣтъ тринадцати, Мартыновъ, превосходно игралъ на фортепіано и возбудилъ всеобщее удивленіе.

16. Сегодня столицѣ объявлено о заключеніи мира съ персами: шестьдесятъ четыре милліона рублей и провинціи Нахичеванская и Эриванская—вотъ для Россіи плоды окончившейся войны. Милліонъ рублей и титулъ графа Эриванскаго пожалованы генералу Паскевичу. Производившій мирные переговоры Обрѣзковъ тоже получилъ триста тысячъ рублей, чинъ тайнаго совѣтника и орденъ. Щедрыя награды! Государь, говорятъ, очень обрадованъ симъ событіемъ. Награждая участниковъ въ немъ, онъ хочетъ показать, что милости у него всегда также готовы, какъ и кары.

Итакъ, и безъ того обширныя владѣнія Россіи увеличились еще лоскуткомъ земли. Политики утверждаютъ, что это пріобрѣтеніе

полезно потому, что будетъ служить защитою нашимъ границамъ. Мнѣ же кажется, что оно только является новымъ доказательствомъ передъ Европою того, что мы не дадимъ себя въ обиду, но она въ этомъ и безъ того уже перестала сомнѣваться. Не захотимъ же мы, въ самомъ дѣлѣ, отнять у англичанъ Индію. Для этого, во всякомъ случаѣ, недостаточно еще ослабить персовъ. Да и къ тому же еще вопросъ: мы ли восторжествовали бы надъ англичанами превосходствомъ нашихъ физическихъ силъ, или они надъ нами своею политикою и образованіемъ?

25. Праздникъ Свѣтлаго Христова Воскресенья. У заутрени и обѣдни былъ вмѣстѣ съ Серафимою Ивановною (Штеричъ) и пажемъ Россети въ университетской церкви. Весь день, до четырехъ часовъ, проведенъ въ скучныхъ визитахъ. Къ счастью, ночью выпалъ такой снѣгъ, что можно было ѣздить на саняхъ.

Обычай ѣздить въ большіе праздники съ поздравленіями очень древній и существуетъ у всѣхъ образованныхъ народовъ. Сначала это, безъ сомнѣнія, принадлежало къ числу религіозныхъ обрядовъ, а послѣ, съ утонченіемъ общежитія, обратилось въ житейскую формулу. Формула сія есть одна изъ тѣхъ фальшивыхъ монетъ въ свѣтѣ, фальшивость которой одинаково извѣстна и дающему, и принимающему. Сколько глупостей, которымъ слѣдуютъ и тогда, когда смѣются надъ ними!

Апрѣль 8. Каждый почти день изъ Петербурга отправляется часть гвардіи въ Турцію. Государь со всѣми генералами и дипломатическимъ корпусомъ провожаетъ солдатъ до заставы.

Итакъ, роковой часъ ударилъ для Турціи. Спросите въ Петербургѣ всѣхъ, начиная отъ поденщика до перваго государственнаго человѣка, что думаютъ они о предстоящей войнѣ?—«А то, отвѣтятъ они вамъ,—что Турція погибла!» Столь увѣрены нынѣ русскіе въ своемъ могуществѣ.

Турція, можетъ быть, и не погибнетъ, судя по политикѣ Англіи и т. д. Но то неоспоримо, кажется, что въ войнѣ съ Россіей она не найдетъ для себя ничего, кромѣ пораженій и стыда. Довѣріе къ твердости государя очень сильно въ народѣ.

Говорятъ, императоръ объявилъ Европѣ, что въ предстоящей войнѣ не будетъ искать завоеваній, но что накажетъ Турцію за оскорбленіе, которое та нанесла ему и Россіи въ своемъ первомъ гати-шерифѣ. Англія замѣтно безпокоится. Разсказываютъ, что она присылала нашему двору запросъ: какое употребленіе сдѣлаетъ Россія изъ побѣдъ своихъ въ Турціи? На это ей ничего не отвѣчали. И что отвѣчать? Она не вѣритъ тому, чтобы Николай дѣйствовалъ безко-

рыстно; она не понимаетъ, что ему нужна слава, а не владѣнія,—а въ нашъ вѣкъ еще только одинъ родъ славы удивляетъ—это слава великодушія. Англія боится за Индію. Но если Россія въ самомъ дѣлѣ имѣетъ виды на послѣднюю, то, во всякомъ случаѣ, будетъ дѣйствовать безъ шуму и постепенно. Ну, тогда и ставьте ей преграды.

15. Былъ въ итальянской оперѣ. Играли Сороку-воровку. Мадамъ Шоберлехнеръ пѣла прелестно. Вся піеса вообще шла очень хорошо, особенно послѣдняя сцена втораго акта. Я былъ въ ложѣ г-жи Штеричъ. Съ нами вмѣстѣ сидѣла г-жа Лореръ, пожилая, умная и очень пріятная дама. Театръ былъ полонъ. Спектакль кончился въ 12 часовъ. Прелестное пѣніе Шоберлехнеръ и другихъ заставило жалѣть, что онъ пришелъ къ концу.

26. Государь уѣхалъ въ армію. Если война начнется, то это для того, чтобы усилить могущество Россіи и озарить славою царствованіе Николая. Но какой порядокъ вещей будетъ плодомъ сего? Будетъ борьба, борьба кровавая, за первое мѣсто въ ряду царствъ вселенной—борьба между новымъ Римомъ и новымъ Карѳагеномъ, т. е. между Россіей и Англіей. На чью сторону склонятся вѣсы судьбы? Англія могущественна, Россія могущественна и юна.

Май 1. Обѣдалъ и вечеръ провелъ вмѣстѣ съ моимъ генераломъ (Бороздинымъ) у его сестеръ. Домъ ихъ почти у самыхъ Тріумфальныхъ воротъ, такъ что, не выходя изъ него, можно было видѣть изъ окошекъ всѣхъ шедшихъ и ѣхавшихъ на гулянье въ Екатерингофъ. Съ трехъ часовъ уже начали пробираться туда ремесленники, сидѣльцы и прочее. Улица постепенно наполнялась и, наконецъ, въ половинѣ шестаго часа потянулись непрерывною цѣпью и экипажи. На тротуарахъ народъ кипѣлъ, какъ волны. Я не видалъ, однако, признаковъ большаго удовольствія: на всѣхъ лицахъ лежала какая-то холодная задумчивость. Красавицы, въ своихъ розовыхъ и желтыхъ шляпкахъ, сидѣли въ экипажахъ вытянувшись чинно, точно на смотру. Я стоялъ у окна и передавалъ свои наблюденія милой моей собесѣдницѣ, дѣвицѣ Бороздиной.

9. Сегодня я перемѣнилъ квартиру. Давно уже собирался я это сдѣлать, но г-жа Штеричъ все уговаривала меня повременить. Теперь же обстоятельства заставляютъ ее отдать въ наймы почти весь свой домъ и я этимъ воспользовался, чтобы, наконецъ, исполнить свое давнишнее желаніе. Я нанялъ двѣ небольшія, чистыя и свѣтлыя комнатки за 18 рублей въ мѣсяцъ. Это не дорого. Такая цѣна возможна только въ отдаленной части города, какъ Семеновскій полкъ, куда я уже и переселился. Прощаніе съ госпожею Штеричъ и ея сыномъ было трогательное и сопровождалось взаимными увѣреніями въ дружбѣ. Весь домъ ласково меня проводилъ.

Іюнь 2. Сегодня по обыкновенію, пошелъ утромъ къ своему генералу и сидѣлъ въ особой комнатѣ, дожидаясь, пока отъ него уѣдутъ чиновники съ докладами. Вдругъ мнѣ объявляютъ, что сдѣланъ доносъ на Галича. Его обвиняютъ въ томъ, что у него на дому бываютъ не дозволенныя философскія собранія. Изъ посѣтителей никто не поименованъ, кромѣ меня. Очевидно, хотятъ погубить этого благороднаго, чистаго и кроткаго мудреца учителя добродѣтели, а вмѣстѣ съ нимъ и меня.

Человѣкъ, сдѣлавшій сей доносъ, погубивъ Галича, конечно, получитъ имя патріота и благонамѣреннаго, а погубивъ меня, удовлетворитъ своей личной ненависти. За что?

Что до меня касается, онъ немного ошибся въ разсчетѣ: я не дѣлалъ тайны изъ моихъ посѣщеній лекцій Галича. О нихъ знаютъ мой начальникъ Бороздинъ и Блудовъ: первый, потому что я считаю себя обязаннымъ платить довѣріемъ за его довѣріе ко мнѣ, а второй, по своимъ связямъ съ первымъ. Но Галичу, вѣроятно, запретятъ чтеніе частныхъ лекцій. Я лично много отъ этого потеряю, ибо много уже обязанъ ему и его наставленіямъ, но лучшая часть ихъ еще оставалась впереди.

3. Сегодня моя квартирная хозяйка объявила мнѣ о побѣдѣ, одержанной нами надъ турками. Первую вѣсть о семъ она услышала изъ устъ сидѣльца въ мелочной лавкѣ, который съ восторгомъ ей о томъ объявилъ. Съ восторгомъ же подтвердили ей это и на рынкѣ, гдѣ всѣ торговцы восклицали: «слава Богу!»

4. Новости, разсказываемыя на рынкѣ, столь же достовѣрны, какъ и тѣ, о которыхъ толкуютъ въ гостиныхъ. Наши войска не побѣду одержали, а только перешли черезъ Дунай.

9. Вчера вечеромъ генералъ мой мнѣ объявилъ, что мы сегодня ѣдемъ съ нимъ въ Кронштадтъ для осмотра тамошнихъ училищъ. Онъ немедленно отправилъ меня въ канцелярію генералъ-губернатора за билетомъ, который обыкновенно въ такихъ случаяхъ выдается. Я отдалъ отношеніе дежурному, но билета не получилъ потому, говорилъ онъ, что у нихъ всѣ бланки вышли. Сегодня въ семь часовъ утра поѣхалъ я къ правителю канцеляріи, г-ну Позняку. Тотъ учтиво отвѣчалъ мнѣ, что сію минуту поѣдетъ въ канцелярію самъ и прикажетъ удовлетворить меня. Наконецъ, я дѣйствительно получилъ билетъ и мы отправились на Бертовъ заводъ. Но оказалось уже поздно: мы просрочили пятью минутами, т. е. пріѣхали на пристань въ началѣ десятаго часа. Судно едва отчалило отъ берега, но пока мы хлопотали у Берта, чтобы его остановили, пароходъ, испуская клубами густой и черный дымъ, уже, какъ стрѣла, мчался по

гладкой поверхности Невскаго устья. Пришлось вернуться домой. Мы порѣшили ѣхать сегодня же въ 5 часовъ вечера. Паровое судно только дважды въ день отходитъ въ Кронштадтъ: по утру въ 9 часовъ и въ пять вечеромъ.

На этотъ разъ мы пріѣхали во-время. Съ судна подали сигналъ; пассажиры толпою хлынули на палубу и минуту спустя мы уже были на серединѣ рѣки.

Изобрѣтеніе парохода одно изъ чудесъ нашего вѣка. Стоя на палубѣ, спокойно сидя въ каютѣ, вы съ невѣроятною быстротой, почти незамѣтно, переноситесь вдаль: такъ ровенъ ходъ судна, до такой степени двигающая его сила подавляетъ колебаніе волнъ. Одинъ только шумъ колеса, которое быстро вращается подъ дѣйствіемъ пара и, какъ плугъ, взрываетъ водную равнину, нарушаетъ тишину, среди которой судно, безъ всякихъ внѣшнихъ пособій, одною внутреннею силой совершаетъ путь свой.

Я остался на палубѣ, желая насладиться видомъ моря. Петербургъ убѣгалъ отъ нашихъ глазъ:

«Казалось, онъ въ волнахъ свинцовыхъ утопалъ».

Еще только шпицы Петропавловской башни сверкали во мглѣ призрачнаго тумана, да бѣлѣли нѣкоторыя зданія. Правый берегъ залива, суровый и дикій, еще синею полосою извивался вдали и, наконецъ, исчезъ. Лѣвый берегъ, усѣянный дачами и деревеньками, представляетъ оживленную картину. Передо мной промелькнули: Сергіевскій монастырь, Стрѣльна, Петергофъ и Ораніенбаумъ. Берегъ этотъ, сначала пологій, постепенно возвышается, тянется цѣпью холмовъ, увѣнченныхъ лѣсомъ, и въ заключеніе точно утопаетъ въ безднѣ водъ. Прямо противъ глазъ разстилалась безпредѣльная пелена моря. Въ первый разъ еще созерцалъ я эту величественную красоту мрачной и грозной стихіи и,

«Какъ очарованный, у мачты я стоялъ!»

Вѣтеръ порывисто дулъ, вздымая довольно крупныя волны. Онѣ ударяли въ нашъ пароходъ и, разбиваемыя колесомъ его, убѣгали прочь, пѣнясь и дробясь въ брызгахъ. Я сошелъ въ каюту и долго смотрѣлъ на борьбу волнъ: онѣ одна другую преслѣдовали, одолѣвали, бѣжали въ гору и тяжело, съ плескомъ, точно съ воплемъ, обрушивались въ пучину. Мимо насъ то и дѣло проносились другія суда на всѣхъ парусахъ. Въ восемь часовъ мы приблизились къ Кронштадту и поплыли вдоль гавани, на стѣнахъ которой длинною цѣпью выстроены пушки. Гавань отъ множества корабельныхъ

мачтъ имѣетъ видъ лѣса, обожженнаго молніей. Корабли стояли очень тѣсно.

Мы сошли на берегъ у самой гауптвахты и вдоль крѣпостной стѣны пошли въ городъ. Намъ отвели двѣ довольно приличныя комнатки въ Итальянскомъ трактирѣ. Но мы не захотѣли въ нихъ оставаться и пошли передъ сномъ еще посмотрѣть городъ. Онъ довольно великъ, но хорошихъ строеній въ немъ мало. Лучшія изъ нихъ всѣ казенныя зданія.

На другой день по утру мы съ генераломъ приступили къ осмотру училища. Оно здѣсь настоящая развалина. Учителя его бѣдствуютъ, какъ, впрочемъ, и вездѣ въ Россіи.

Въ 9 часовъ мы пошли къ обѣднѣ. Пѣвчіе пѣли плохо, но еще больше наскучила намъ длинная и безсодержательная проповѣдь, произнесенная священникомъ послѣ литургіи.

Затѣмъ мы съ архитекторомъ Щедринымъ пошли смотрѣть вновь строящіяся укрѣпленія, которыми обводится западная часть Кронштадта. Они должны быть непреодолимы: съ одной стороны огромныя глыбы гранита, прикрытыя тесаннымъ камнемъ; съ другой стороны казематы составляютъ первую наружную стѣну. Другая такая же будетъ позади казематовъ. Мы говорили съ нѣкоторыми старыми моряками объ укрѣпленіяхъ Кронштадта вообще: они утверждаютъ, что всякая эскадра, которая вздумала бы прорваться къ Петербургу черезъ маленькій проходъ между Кронштадтомъ и Кроншлотомъ, должна неминуемо обратиться въ щепы.

Генералъ нашъ обѣдалъ у генералъ-губернатора Рожнова, а мы въ трактирѣ. За однимъ столомъ съ нами сидѣлъ доминиканскій монахъ и еще человѣка три иностранца. Въ четыре часа мы уже опять были въ гавани, сѣли на яликъ и поплыли мимо массы кораблей къ нашему пароходу. Обратное плаваніе совершили также благополучно и пріятно.

Кронштадтъ весьма не богатый городокъ. Жители торгуютъ лѣсомъ, хлѣбомъ, печенымъ и въ мукѣ. Но торговля ихъ ограничивается собственнымъ портомъ. Капиталовъ купеческихъ считается 132.

25. Сегодня попечителемъ Демидовскаго училища въ Ярославлѣ, Безобразовымъ, было предложено мнѣ мѣсто профессора исторіи въ семъ заведеніи. Съ этимъ мѣстомъ сопряженъ чинъ коллежскаго ассесора, 2,000 рублей жалованья, казенная квартира — однимъ словомъ жизнь мирная, обезпеченная и независимая. Я попросилъ времени для размышленія.

28. Я отказался отъ предлагаемаго мнѣ въ Ярославлѣ мѣста. Тамъ ожидало меня спокойствіе и обезпеченность; здѣсь бури, пре-

вратности, но болѣе обширное поле дѣятельности. Я избираю послѣднее. Многіе изъ моихъ знакомыхъ осуждаютъ меня за сей отказъ. Но вотъ что мнѣ сказалъ мой милый Константинъ Матвѣевичъ Бороздинъ, когда я совѣтовался съ нимъ объ этомъ: «если ты хочешь обыкновенной доли и спокойствія, то поѣзжай. Если же ты хочешь больше дѣла и пользы, но въ то-же время и больше труда и заботъ, то оставайся здѣсь. Первое умнѣе, второе благороднѣе».

7. Вчера утонулъ, купаясь, одинъ изъ лучшихъ моихъ товарищей по университету, Клоповъ, выпущенный вмѣстѣ со мною кандидатомъ. Это былъ юноша двадцати двухъ лѣтъ, прекрасный, нѣжный, съ жаждою къ наукамъ, единственный сынъ у родителей, страстно любившихъ его. Сегодня я бросилъ горсть земли на его гробъ.

«Минутны странники, мы ходимъ по гробамъ,
Всѣ дни утратами считаемъ;
На крыльяхъ радости летимъ къ своимъ друзьямъ,
И что-жъ? Ихъ гробы обнимаемъ!»...

Августъ 23. Кончены мои примѣчанія къ цензурному уставу. Сіе постановленіе произвело своего рода судорожное потрясеніе. Уже возникли жалобы на слишкомъ большую свободу мыслей, которая будто бы онымъ допускается. Тѣ изъ гасителей свѣта, кои потонѣе другихъ, скрываютъ свои замыслы противъ его духа и нападаютъ на неопредѣленность иныхъ изъ подробностей. Имъ хотѣлось побудить правительство къ новому пересмотру устава и къ пополненію его, то есть къ постановленію ограниченій тамъ, гдѣ оно, руководясь политической мудростью, съ намѣреніемъ ничего не сказало.

Съ цѣлью устранить вліяніе сихъ людей, попечитель поручилъ мнѣ составить защиту сего постановленія въ главныхъ его положеніяхъ и разсмотрѣть, какія нужны дополненія по распорядительной его части: ибо, въ самомъ дѣлѣ, въ семъ отношеніи требуются нѣкоторыя поясненія.

Послѣ трехнедѣльныхъ занятій я кончилъ это трудное дѣло. На сихъ дняхъ оно должно быть представлено министру. Признаюсь, я съ удовольствіемъ думаю объ этомъ трудѣ: это моя первая работа въ законодательномъ смыслѣ и направлена къ тому, что мнѣ всего дороже — къ распространенію просвѣщенія и къ огражденію правъ русскихъ гражданъ на самостоятельную духовную жизнь. Нѣкоторые изъ людей свѣдущихъ и друзей просвѣщенія, прочитавъ мои разъясненія и дополненія, пожелали со мной познакомиться и въ лестныхъ выраженіяхъ изъявляли мнѣ свое удовольствіе. Профессоръ К. И. Арсеньевъ очень доволенъ моимъ трудомъ; Галичъ тоже, баронъ

Розенкампфъ, предсѣдатель бывшей комиссіи составленія законовъ, тоже призывалъ меня къ себѣ и изъявилъ свое полное одобреніе.

Сентябрь 4. Всѣ эти дни занимался съ попечителемъ разсмотромъ примѣчаній моихъ къ цензурному уставу. По совѣту компетентныхъ и заинтересованныхъ въ успѣхѣ этого дѣла лицъ пришлось кое-что смягчить, а статью относительно сатирическихъ сочиненій на пороки духовенства надо было значительно передѣлать. Теперь все кончено, и сегодня будетъ отправлено къ министру.

Многое въ этомъ уставѣ и примѣчаніяхъ къ нему не понравится кое-кому. Его одушевляетъ желаніе отечеству благоденствія съ помощью просвѣщенія, развитіе котораго невозможно безъ благоразумной свободы мыслей.

Послѣднія слова моихъ «примѣчаній» были написаны сегодня ночью. Луна свѣтила въ незавѣшенное окошко моей комнаты и озаряла мирнымъ свѣтомъ мой письменный столикъ, съ бумагами, въ которыя я вложилъ часть моей души. Чистое свѣтло-голубое небо сверкало звѣздами. Вокругъ постепенно водворялась тишина; еще только изрѣдка раздавались стукъ ѣдущаго мимо экипажа, лай собаки, звонъ часоваго колокола, бьющаго четверти. За перегородкой, отдѣляющей мой крохотный кабинетикъ отъ хозяйской квартиры, разговариваютъ шопотомъ, чтобы не помѣшать моимъ занятіямъ. И на душѣ у меня ясно, спокойно.... Если вѣрить предзнаменованіямъ, усилія наши намѣтить въ русскомъ обществѣ тропу къ свѣту должны увѣнчаться успѣхомъ!...

29. Сегодня съ горестью услышалъ, что моему любезному Ростовцеву (Якову) оторвало ядромъ руку [1]). Вообще носятся непріятные слухи. Говорятъ, что подъ Варною весь лейбъ-егерскій полкъ изрубленъ: спаслось только десять или двѣнадцать человѣкъ. Въ столицѣ уныніе. Боятся не за славу отечества, которая отъ этихъ частныхъ неудачъ еще не можетъ омрачиться, но каждый трепещетъ за жизнь близкихъ ему. Негодуютъ на Дибича, приписывая ему послѣднія неудачи.

Октябрь 5. Слышалъ слѣдующій анекдотъ. Государь, разсуждая съ фельдмаршаломъ Витгенштейномъ объ осадѣ Шумлы, спросилъ у него:

— «Можно-ли взять сію крѣпость, которая считается неприступною?»

«Да, ваше величество: только это можетъ стоить намъ пятидесяти тысячъ храбрыхъ солдатъ».

— «Такъ я лучше буду стоять подъ ней, доколѣ она не сдастся

[1]) Это впослѣдствіи оказалось невѣрнымъ.

сама, хотя бы мнѣ это стоило пятидесяти лѣтъ жизни!» воскликнулъ императоръ.

15. Сегодня содержатель извѣстнаго въ Петербургѣ пансіона г-нъ Курнандъ предложилъ мнѣ читать у него права. Плата 1,600 рублей въ годъ, что вмѣстѣ съ казеннымъ моимъ жалованьемъ дастъ мнѣ въ годъ до 2,600 рублей. Положено начать курсъ съ 1-го ноября.

Декабрь 1. Наконецъ, сегодня только читалъ я первую лекцію въ пансіонѣ Курнанда.

Разсказывали мнѣ, между прочимъ, вчера еще новую черту характера государя. Нѣкто Беклешовъ, служа въ одномъ изъ гвардейскихъ полковъ подъ начальствомъ Николая Павловича, тогда еще великаго князя (навлекъ на себя его неудовольствіе), вслѣдствіе чего долженъ былъ подать въ отставку. Нынѣ онъ обратился къ императору съ письмомъ, въ которомъ просилъ опять принять его на службу. Государь милостиво отнесся къ письму и приказалъ передать Беклешову черезъ Бенкендорфа:

— Я забываю то, чѣмъ мнѣ досаждаютъ другіе. Скажите Беклешову, чтобы онъ просилъ у меня должности, какую самъ считаетъ для себя приличною.

2. Надняхъ я видѣлся съ Ростовцевымъ, въ первый разъ послѣ кампаніи. Онъ много любопытнаго разсказывалъ о ней и читалъ мнѣ письмо изъ Константинополя отъ брата своего Александра, который взятъ турками въ плѣнъ при несчастномъ пораженіи гвардейскаго егерскаго полка. Александръ Ростовцевъ пишетъ, что турки чрезвычайно хорошо обращаются съ плѣнными русскими; описываетъ подробно сраженіе, въ которомъ взятъ въ плѣнъ. Яковъ Ивановичъ показывалъ письмо государю, который, прочитавъ его, сказалъ:

— «Благодарю тебя, что ты показалъ мнѣ это письмо. Изъ него вижу я, что егерскій полкъ не посрамилъ себя въ семъ несчастномъ дѣлѣ. Я былъ другихъ мыслей, но теперь вижу истину и чрезвычайно радъ, что сія истина въ пользу храбрыхъ воиновъ, которые вполнѣ исполнили свой долгъ».

Я очень пріятно провелъ вечеръ съ Ростовцевымъ: онъ не перемѣнился: сердце его цѣло, какъ и обѣ руки.

1829 г.

Январь 1. 12 часовъ ночи. Новый годъ встрѣчаю я съ перомъ въ рукѣ; приготовляю юридическія лекціи. Но нынѣшній вечеръ дѣло это особенно затруднено. Квартира моя граничитъ съ обиталищемъ какой-то старухи, похожей на колдунью романовъ Вальтеръ-Скотта. Тамъ до сихъ поръ не умолкаютъ буйныя пѣсни вакханокъ, которыя сдѣлали, кажется, порядочное возліяніе въ честь наступающаго года. Удивительно, какъ наши женщины низкаго сословія преданы пьянству. Весь домъ, въ которомъ я квартирую, не исключая и моей хозяйки, наполненъ сими грубыми твореніями, которыя не упускаютъ случая предаться самому безшабашному разгулу. Ссоры и формальныя побоища обыкновенно заключаютъ ихъ бесѣды и одна угроза квартальнаго заставитъ ихъ мести улицы усмиряетъ этихъ жалкихъ дѣтей невѣжества.

Но вотъ новый годъ встрѣчаю я разсужденіями о предметахъ, весьма не изящныхъ. Впрочемъ, природу человѣческую надо наблюдать во всѣхъ ея видахъ и, къ несчастью, пороки людей представляютъ обильную жатву истинъ, конечно, горькихъ, но необходимыхъ для точнаго познанія человѣка.

Какія событія ознаменуютъ наступающій годъ? Въ прошедшемъ году у насъ на Руси произошло довольно новаго. Твердая дѣятельность Николая произвела много перемѣнъ во внутреннемъ управленіи.

Довольно упомянуть о цензурномъ уставѣ, который есть самый вѣрный отпечатокъ духа и намѣреній нашего царя. Онъ рѣшаетъ или, по крайней мѣрѣ, старается рѣшить въ немъ вопросъ, который, съ коварнымъ двумысліемъ, предлагали фанатики и поборники старыхъ предразсудковъ: полезно-ли Россіи просвѣщеніе? и рѣшаетъ это въ смыслѣ положительномъ: конечно, это въ теоріи, а какъ будетъ на практикѣ — увидимъ.

Мое личное положеніе слѣдующее: я служу секретаремъ при попечителѣ С.-Петербургскаго учебнаго округа, Константинѣ Матвѣевичѣ Бороздинѣ. Я не знаю человѣка съ болѣе благороднымъ сердцемъ. Онъ въ полномъ смыслѣ слова то, что мы называемъ человѣкомъ просвѣщеннымъ. Онъ не учился систематически, но читалъ много и, что чудо между нашими дворянами и администраторами, размышлялъ еще болѣе. Онъ имѣетъ обширныя познанія въ русской исторіи, которую изучалъ, какъ патріотъ и вмѣстѣ какъ философъ. Умъ его возвышенъ. Поэтическая

фантазія нерѣдко уноситъ его изъ области нашей мертвой и горестной дѣйствительности въ чистую, свѣтлую область идей и хотя онъ не любитъ нѣмецкой философіи, но это только на словахъ, ибо, самъ того не замѣчая, почти во всемъ слѣдуетъ ея могучему генію. Онъ ждетъ для Россіи лучшаго порядка вещей и, любя ее превыше всего, превыше самого себя, со смиреніемъ несетъ тягости общественныя. Въ этомъ отношеніи я его называю не иначе, какъ праведнымъ гражданиномъ. Но сей человѣкъ, столь образованный и благородный, не одаренъ той силою воли, которая приспособляетъ обстоятельства и вещи къ своимъ идеямъ. Одушевленный высокими чувствами, онъ, кажется, готовъ идти противу превратностей, въ которыя всѣ мы вовлекаемся странною игрою жизни.

Но, устрашенный пучиною страстей, въ которыхъ вращаются люди, онъ отступаетъ назадъ, не по малодушію, а по недостатку силы и присутствія духа.

Я пользуюсь его довѣріемъ и любовью и съ избыткомъ плачу ему тѣмъ же.

Февраль 13. Профессоръ Бутырскій открылъ въ залѣ высшаго училища публичный курсъ «словесности вообще и россійской въ особенности».

Я получилъ отъ него билетъ. Въ залу едва-ли набралось человѣкъ шестьдесятъ и въ томъ числѣ, невѣдомо какъ, попавшія туда двѣ дамы. Да и эти немногочисленные слушатели едва-ли не попали сюда по ошибкѣ, думая, что ихъ приглашаютъ посмотрѣть на разныя заморскія штуки и диковинки, ибо дай только нашей публикѣ замѣтить, что ты хочешь говорить съ ней о чемъ нибудь полезномъ и серьезномъ, то увидишь передъ собой одно пустое пространство.

Профессоръ выказалъ въ сей лекціи обыкновенные свои качества и недостатки. Онъ говорилъ съ привлекательнымъ краснорѣчіемъ, разсуждалъ въ томъ философскомъ духѣ, цѣнилъ произведеніе словесности съ тѣмъ тонкимъ и вѣрнымъ вкусомъ, которые снискали ему репутацію перваго изъ современныхъ въ Россіи профессоровъ словесности. Но онъ, какъ и всегда, мало держался систематическаго порядка, бросался въ эпизоды и не всегда былъ точенъ въ выборѣ выраженій своихъ мыслей.

18. Я прочиталъ Шекспирова «Гамлета» въ очень хорошемъ переводѣ Вронченки, который, сказать мимоходомъ, не будучи поэтомъ самостоятельнымъ, какъ переводчикъ, одушевленъ жаромъ и силою истиннаго поэта. Шекспиръ поразилъ меня глубиною и величіемъ своего генія. Онъ, такъ сказать, сжимаетъ въ своихъ могучихъ

объятіяхъ природу и исторгаетъ у ней такія тайны, которыя, говоря его словами:

«И не снились нашимъ мудрецамъ».

Какъ глубоко проникъ онъ въ сердце человѣческое! Какъ хорошо знаетъ онъ философію жизни, т. е. философію страстей и бѣдствій человѣческихъ! Могучій и великій духомъ, какъ просто и спокойно созидаетъ онъ эти образы, изъ коихъ каждый съ своимъ характеромъ, съ своими страстями и мыслями можетъ назваться представителемъ человѣчества.

Мартъ 21. Философско-юридическій факультетъ здѣшняго университета предложилъ мнѣ занять каѳедру естественнаго частнаго и публичнаго правъ, которая по болѣзни профессора Лодія остается праздною. Я согласился съ удовольствіемъ. Это прекрасное средство къ собственному моему усовершенствованію, особенно въ дикціи. Весь факультетъ единогласно былъ за меня. По его мнѣнію я, владѣя даромъ слова и добросовѣстнымъ отношеніемъ къ дѣлу, могъ бы принести университету большую пользу моими лекціями. Не доставало только утвержденія университетскаго совѣта. Тамъ ректоръ, который ко мнѣ недроброжелательно относится, возсталъ противъ моего назначенія и я былъ отвергнутъ. Вотъ его причины: «съ нѣкоторыхъ поръ мы безпрестанно получаемъ выговоры отъ министра и отъ попечителя. Никитенко пользуется довѣріемъ послѣдняго, слѣдовательно онъ въ этомъ виноватъ, слѣдовательно онъ не имѣетъ философскаго духа, слѣдовательно не долженъ преподавать естественное право въ университетѣ». Сильно и убѣдительно! Признаюсь, мнѣ крайне хотѣлось воспользовался неожиданнымъ предложеніемъ факультета и потому неудача меня опечалила.

А. В. Никитенко.

Сообщ. С. А. Никитенко.

МИХАИЛЪ КИРИЛЛОВИЧЪ БОБРОВСКІЙ.

Историко-біографическій очеркъ.

1784—1848.

IV [1]).

[окончаніе четвертой главы].

Ученый богословъ-оріенталистъ не рѣдко навѣщалъ своихъ друзей учениковъ въ Жировицахъ [2]). Здѣсь онъ былъ всегда желаннымъ гостемъ и всѣ, начиная отъ епископовъ, постоянно или временно здѣсь жившихъ, и до послѣдняго учителя семинаріи, оказывали протоіерею Бобровскому знаки особеннаго вниманія и почтенія. Епископъ Зубко и протопресвитеръ Тупальскій, „патріархъ жировицкой семьи“, дорожили его независимымъ, спокойнымъ, возвышеннымъ взглядомъ на вещи. Его прямой и устойчивый характеръ, при благородствѣ его души и чувствительномъ сердцѣ, ставилъ его внѣ сферы интригъ. „Какъ человѣкъ, Бобровскій стоитъ выше всякихъ похвалъ. Прекрасная, благородная душа, преданное, чувствительное сердце, прямой и устойчивый характеръ [3])“.

Не было ни одного важнаго событія въ Жировицахъ, о которомъ не посылалась бы вѣсточка къ Шерешевскому отшельнику. Онъ присутствовалъ на экзаменахъ въ семинаріи, на совѣщаніяхъ, имѣвшихъ какое-либо отношеніе къ уніатскому вопросу, какъ равно на разнаго рода семейныхъ торжествахъ. Особенною

---

[1]) См. «Русскую Старину» изд. 1888 г., т. LIX, стр. 89—116; т. LX, стр. 333—352; т. LXII, стр. 325—356.

[2]) Отъ Шерешева въ 80 верстахъ.

[3]) Изъ «воспоминаній», писанныхъ въ 1836 году. Отрывокъ изъ рукописи сообщенъ дочерью Янковскаго Ѳеофилой Васильевой, живущею въ городѣ Варшавѣ. П. Б.

благосклонностью заслуженый профессоръ пользовался въ семействѣ Тупальскаго [1]).

Извѣстный между уніатами литераторъ Плакидъ Янковскій, въ одномъ изъ своихъ сочиненій подъ заглавіемъ: „Кгупісу“ (Жировицы), описывая бытъ и занятія „жировицкой семьи“, посвятилъ нѣсколько страницъ М. Бобровскому, представляя его душою жировицкаго общества. Люди, имѣвшіе близкое отношеніе къ реформамъ обрядовъ греко-уніатской церкви въ обширной литовской епархіи, предшествовавшихъ возсоединенію, дорожили спокойнымъ, но никогда не лишеннымъ критики, взглядомъ на дѣло греко-уніатской церкви. Поэтому и мнѣнія Бобровскаго во многихъ отношеніяхъ становились руководящими, а его дѣйствія всегда согласовались съ требованіями общаго блага.

Дочь Янковскаго, Ѳеофила Васильева, передаетъ, между прочимъ, слѣдующую интересную характеристику профессора, относящуюся къ посѣщенію имъ Жировицъ.

„Имя вашего достойнаго дяди и онъ самъ хорошо мнѣ знакомы; въ послѣдній разъ я его видѣла въ 1844 г. Наружность его отчетливо запечатлѣлась въ моей памяти: маленькаго роста, полненькій, со свѣжимъ цвѣтомъ лица, съ привѣтливой улыбкой на устахъ, подвижный и веселый. Мы, дѣти, гурьбою бѣгали за нимъ, это былъ нашъ общій любимецъ; мы, бывало, тянули жребій, которому изъ насъ достанется честь отгонять мухъ вѣточкой во время его послѣобѣденнаго сна; на мою долю чаще другихъ приходилось просиживать съ вѣточкой надъ обожаемымъ нашимъ другомъ, такъ какъ онъ, изучивъ насъ, находилъ меня менѣе другихъ шаловливою. Конечно, мы успѣвали и надоѣдать ему порядкомъ, такъ что не разъ приходилось ему спасаться отъ насъ разными хитростями. Не помню гдѣ отецъ мой упоминаетъ о слѣдующемъ случаѣ: проходили мы съ нашимъ дорогимъ другомъ около церкви, вдругъ онъ становится плечами къ церковнымъ дверямъ, простираетъ руки и кричитъ: „убѣгайте, дѣти, домой, церковь рушится“! Мы стремглавъ раз-

[1]) Къ намъ дошла слѣдующая собственноручная записка Михаила Кирилловича, въ видѣ билетика (переводъ): «Профессоръ эмеритъ Бобровскій имѣетъ честь просить профессора Янковскаго на обѣдъ, въ домъ супруги оффиціала въ 12 часовъ дня, 25 января 1834 г.». П. Б.

бѣжались, онъ же въ это время скрылся отъ насъ, послѣ же со смѣхомъ упрекалъ насъ, говоря: „то-то, друзья! оставили меня одного подъ развалинами церкви и даже не оглянулись“.

Съ 1837 года дѣло возсоединенія приближалось къ развязкѣ. Необходимо было для общаго блага и спокойствія побудить высказаться заслуженаго профессора, мнѣніе котораго имѣло такой вѣсъ для духовенства. Вотъ что пишетъ по этому поводу Янковскій:

„Съ понятною деликатностью къ исключительному положенію и характеру профессора Бобровскаго, поручено было протопресвитеру Тупальскому, пользовавшемуся давнею дружбою и уваженіемъ Бобровскаго, сообщить ему о вполнѣ уже тогда созрѣвшей мысли возсоединенія“.

„Опытный протопресвитеръ повелъ было рѣчь издалека“.

— „Вы столько разъ бывали въ Римѣ и даже тамъ долго проживали, скажите же намъ, профессоръ, правда ли: что въ Римѣ есть и монополія спасенія“?

— „Не могу вамъ доложить—отвѣчалъ Бобровскій—такъ какъ на этой сдѣлкѣ, если она и существуетъ, нѣтъ моего рукоприкладства (ja się do tego nie pisałem“).

„Далѣе того разговоръ уже не заходилъ“ [1]).

Въ спискѣ 114 духовныхъ лицъ литовской греко-уніатской епархіи, которыя по своимъ способностямъ и нравственному достоинству составляли „самое чело греко-уніатскаго духовенства“, и обязались подписками споспѣшествовать благому дѣлу соединенія уніатовъ съ православною церковью“, подъ № 10 значится: „профессоръ эмеритъ бывшаго виленскаго университета, младшій соборный протоіерей Михаилъ Бобровскій“ [2]).

Еще ранѣе представленія списка подписавшихся на содѣйствіе къ возсоединенію, епископъ Сѣмашко предложилъ протоіерею Бобровскому занять мѣсто въ коллегіи. „На пастырское предложеніе (отвѣчалъ онъ въ сентябрѣ 1837 г.), осмѣливаюсь доложить, что я не чувствую склонности измѣнить мою спокойную жизнь на хлопотливую, не только ради исполненія

---

[1]) Холм. мѣс. на 1867 г., стр. 116.

[2]) Записки митрополита Іосифа, т. II, стр. 30. Списокъ должностнымъ лицамъ и проч. приложенъ къ отчету Іосифа Сѣмашки, отъ 3 октября 1837 года, о состояніи обѣихъ уніатскихъ епархій во всѣхъ отношеніяхъ.

П. Б.

іерархическихъ обязанностей, къ которымъ не имѣю ни склонности, ни способности, но и ради письменныхъ занятій, которыя, въ столицѣ могущественнаго государства, требуютъ навыка и ловкости. Если же по вашему представленію меня вызовутъ въ греко-уніатскую коллегію, то я просилъ бы вмѣстѣ съ вызовомъ меня сохранить мое право на полученіе пенсіи независимо отъ жалованья засѣдателя, а также чтобы я могъ бы выѣхать въ Петербургъ около новаго года, когда установится путь и устроятся мои семейныя дѣла. Дѣлаю эту жертву на опредѣленный лишь срокъ, Богъ дастъ короткій, не ради блеска достоинствъ, потому что ничего такъ не желаю, какъ жить въ спокойномъ уголку, но для удовлетворенія желанія вашего преосвященства".

По этому поводу вотъ что писалъ Бобровскому Іосифъ Сѣмашко (буквально въ переводѣ): „Итакъ, самое горячее мое желаніе, чтобы мы могли вмѣстѣ пожить и послужить, хотя нѣкоторое время (niejaki czasik), теперь исполниться не можетъ. Два раза я говорилъ уже оберъ-прокурору относительно вашей эмеритуры—онъ признаетъ совершенно справедливымъ оставленіе вамъ пенсіи и соглашается доложить объ этомъ Государю, но не ручается вполнѣ за послѣдствія. Подобныя дѣла для министровъ чрезвычайно щекотливы, имъ крайне непріятно получить отказъ на свое представленіе. Намъ было бы еще болѣе непріятно, если бъ получена была на докладѣ неблагопріятная для дѣла Высочайшая резолюція—а слово Государя не легко измѣнить. Итакъ, лучше оставить пока въ сторонѣ это дѣло, чѣмъ подвергать его случайности, тѣмъ болѣе, что переселеніе въ Петербургъ, не знаю, будетъ ли вамъ болѣе пріятно или непріятно. Вотъ я и обманулся въ надеждѣ имѣть при себѣ достойнаго товарища—для васъ, можетъ быть, только хорошо было бы увидѣть Петербургъ и я не отчаиваюсь видѣть васъ здѣсь, хотя бы на нѣсколько мѣсяцевъ. Поручая себя вашей памяти, прошу относиться, въ случаѣ какихъ либо личныхъ дѣлъ, прямо ко мнѣ, какъ къ пріятелю, который остается къ вамъ, м. г., съ истиннымъ уваженіемъ и привязанностью, вашъ нижайшій слуга Іосифъ Сѣмашко, епископъ [1])".

[1]) Переводъ съ польскаго подлиннаго письма отъ 9 октября 1837 года, приклееннаго къ л. 39. Сборникъ писемъ. Въ своемъ отвѣтѣ, 27 января 1838 г. Михаилъ Кирилловичъ благодаритъ епископа за новый знакъ къ нему вниманія.

П. Б.

23 февраля 1838 года умеръ митрополитъ Іосафатъ Булгакъ. Епископъ Сѣмашко назначенъ предсѣдателемъ коллегіи, а Василій Лужинскій ея членомъ и управляющимъ полоцкой епархіей. „Въ скоромъ времени надобно ожидать высочайшаго манифеста о возсоединеніи уніатовъ съ господствующимъ въ Россіи вѣроисповѣданіемъ". (Письмо къ А. Сосновскому).

Послѣ назначенія своего предсѣдателемъ коллегіи епископъ Іосифъ Сѣмашко счелъ своимъ долгомъ представить протоіерея М. К. Бобровскаго къ производству въ старшіе соборные протоіереи. Представленіе мотивируется такимъ образомъ: „Сей ученый профессоръ былъ наставникомъ всѣхъ нынѣшнихъ уніатскихъ епископовъ и большей части духовныхъ сего обряда, занимающихъ важнѣйшія мѣста по управленію епархіей и училищному вѣдомству и пользуется общимъ уваженіемъ. Не занимая никакого мѣста, онъ не могъ дѣятельно участвовать въ преобразованіи греко-уніатской церкви, но всегда оказывалъ полное повиновеніе и усердіе къ оному. Онъ подвергался лично оскорбленію нѣкоторыхъ изъ своихъ прихожанъ за возстановленіе обрядовъ восточной церкви; а благочиніе, въ коемъ онъ проживалъ, оказалось самымъ спокойнымъ и послушнымъ. Сверхъ того, онъ ревизовалъ по распоряженію начальства Мѣлецкое уѣздное училище и оказавшееся сомнительнымъ Лѣбешовское благочиніе, которое и успокоилъ [1])".

Подчиненіе греко-уніатской церкви Святѣйшему Синоду, повидимому, способствовало усиленію въ духовенствѣ литовской епархіи готовности къ возсоединенію. Между тѣмъ волненіе уніатскаго духовенства въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Бѣлорусской епархіи, обнаружившееся осенью 1838 г. (послѣ поѣздки Скрипицына), и въ Бѣлостоцкой области побудили предсѣдателя коллегіи Іосифа Сѣмашку подать графу Протасову записку объ окончательномъ шагѣ къ возсоединенію уніатовъ съ православною церковью. Значительное большинство греко-уніатскаго духовенства литовской епархіи уже дало подписки о готовности духовнаго единенія съ православными, дальнѣйшее промедленіе могло бы обострить противодѣйствіе упорствовавшихъ. Оставалось утвердить все это дѣло юридическимъ актомъ, что и испол-

[1]) Зап. Іосифа митрополита, т. II, стр. 73.

нено 12-го февраля 1839 года, въ недѣлю православія, въ Полоцкѣ. Для этого туда созваны были главнѣйшіе оффиціальные представители обѣихъ епархій. Актъ возсоединенія утвержденъ Государемъ 25 марта въ праздникъ Благовѣщенія, словами: „Благодарю Бога и принимаю".

Протоіерей Бобровскій, какъ не занимавшій оффиціальнаго мѣста, не присутствовалъ на актѣ возсоединенія въ Полоцкѣ, въ числѣ 24 представителей. Получивъ отъ Тупальскаго извѣстіе о предстоящемъ въ Полоцкѣ торжествѣ, онъ писалъ къ нему изъ Шерешева, 18 февраля 1839 года, что „было бы весьма полезно, если бы вы какъ управлявшій епархіей около полустолѣтія и потому хорошо знакомый со всѣми обстоятельствами, передали потомству исторію начала уніи, ея распространеніе, наклоненіе къ упадку и самое паденіе. Слѣдовало бы подробнѣе остановиться на современныхъ фактахъ, передать послѣдовательное преемство митрополитовъ, начиная отъ Лисовскаго, а равно епископовъ; написать о каждомъ краткую біографію; указать, что̀ каждый изъ нихъ сдѣлалъ для блага уніатской церкви или же способствовалъ къ ея упадку. Много, а можетъ быть всего болѣе, виновенъ въ этомъ базиліанскій орденъ. Дѣятелей этого ордена надлежало бы указать. А чтобы работа эта, назидательная для потомства, никого не скомпрометировала бы, разсудительность требуетъ отъ автора употребить перо Тацита" [1]).

Въ началѣ сентября 1839 года Михаилъ Кирилловичъ приглашенъ былъ епископомъ Іосифомъ Сѣмашкою въ Вильну, для участія въ торжествахъ по случаю возсоединенія. Изъ письма Сѣмашки (конфиденціальнаго) къ графу Протасову отъ 4 сентября 1839 года видно, что 1-го сентября прибыли въ Вильну для совершенія торжественнаго богослуженія преосвященный Исидоръ (нынѣшній митрополитъ С.-Петербургскій), Іосифъ Сѣмашко, архіепископъ литовскій, и Антоній Зубко, епископъ минскій, вмѣстѣ съ главнѣйшими представителями отъ духовенства обѣихъ епархій, въ числѣ которыхъ названъ и старшій соборный протоіерей Михаилъ Бобровскій. Въ воскресенье, 3 сентября, въ Свято-Троицкомъ, бывшемъ базиліанскомъ, монастырѣ совер-

[1]) Сборн. пис. М. К. Бобровскаго, л. 43. Письмо къ оффиціалу протопресвитеру Тупальскому, 18 февраля 1839 г.

шилось торжественное богослуженіе трехъ архіереевъ при необыкновенно большомъ стеченіи народа: „священниковъ къ богослуженію употреблено было съ обѣихъ сторонъ 12: со стороны моей — Тупальскій, ректоръ Гомолицкій и Бобровскій, очень кстати здѣсь бывшій по извѣстности его въ Вильнѣ, и четыре іеромонаха; со стороны Исидора два архимандрита, одинъ протоіерей, одинъ священникъ и одинъ іеромонахъ“ [1]).

Итакъ, въ дѣлѣ возсоединенія уніатовъ съ православіемъ, роль протоіерея М. Бобровскаго вовсе не была пассивною, какъ полагаютъ нѣкоторые, въ виду того, что его имени нѣтъ въ числѣ 24 представителей греко-уніатской церкви, подписавшихъ полоцкій актъ въ февралѣ 1839 года. Мы знаемъ, что онъ самъ не желалъ занимать въ іерархіи положенія достойнаго его дарованій и заслугъ [2]), но знаемъ также и то, что онъ всегда охотно шелъ на помощь своимъ ученикамъ, то сдерживая порывы слишкомъ ретивыхъ въ своихъ дѣйствіяхъ, то устраняя препятствія тамъ, гдѣ являлось опасное сопротивленіе. Самый важный актъ, которымъ собственно и начинается дѣло возсоединенія—введеніе богослужебныхъ книгъ московской печати—вполнѣ былъ согласенъ съ его воззрѣніемъ на этотъ вопросъ, высказаннымъ еще въ 1830 году. Но еще болѣе важную заслугу Бобровскій оказалъ въ вопросѣ по возстановленію въ уніи обрядовъ греко-восточной церкви, со всѣми второстепенными дѣйствіями. Эта мысль укрѣплялась и росла по мѣрѣ развитія его ума и дарованій; она впервые выразилась рельефно въ его вступительныхъ лекціяхъ о св. писаніи въ его проповѣдяхъ, направленныхъ противъ разстлѣвающаго ученія библейцевъ въ Вильнѣ; затѣмъ она осуществилась на дѣлѣ его практическими указаніями воспитанникамъ главной духовной семинаріи при совершеніи богослуженія въ св. николаевской виленской церкви съ 1827 г. Дѣло это, при его дѣйствительномъ, активномъ участіи, продолжало

---

[1]) Записки митрополита Іосифа, т. II, № 37. Здѣсь кстати припомнить о событіи 1817 года, въ день св. Троицы. Невольно скажешь при этомъ, вмѣстѣ съ Янковскимъ: «Судьбы Господни не исповѣдимы».

[2]) Михаилъ Кирилловичъ, какъ передавалъ мнѣ нынѣ почти столѣтній старецъ свящ. Левицкій, «много работалъ надъ присоединеніемъ ун и къ православію и, кажется, что его руководствомъ и планами пользовался Іосифъ Сѣмашко. (Сообщено). Н. Б.

развиваться во всѣхъ благочиніяхъ послѣ начертанія епископами, въ 1834 году, извѣстной программы, но не ранѣе конца 1836 г. Возстановленіемъ греко-восточнаго обряда во всей его чистотѣ и введеніемъ книгъ московской печати сдѣлано было все то, что собственно и было необходимо сдѣлать прежде совершенія акта возсоединенія. Какъ „наставникъ архипастырей и большей части духовныхъ, занявшихъ высшее положеніе въ обѣихъ епархіяхъ“, онъ сдѣлалъ все, что могъ и считалъ обязаннымъ сдѣлать по совѣсти, не выходя изъ очерченнаго себѣ круга, но предоставляя завершать дѣло „достойнѣйшимъ и способнѣйшимъ“ ученикамъ своимъ.

V.

Занятіе славистикой и послѣдніе годы жизни въ Шерешевѣ.

Филологическіе и библіографическіе труды.—Ошибочное сужденіе профессоровъ Кояловича и Кочубинскаго.—Значеніе Бобровскаго въ русской наукѣ.—Образъ жизни заслуженнаго профессора.—Поѣздка его въ Полоцкъ (1844 г.).—Посѣщеніе шерешевскаго отшельника архіепископомъ Іосифомъ Сѣмашкою (1846 г.).—Послѣднія минуты жизни и кончина 21 сентября 1848 г.—Памятникъ надъ могилою.—Крестъ во имя Кирилла и Меѳодія, принесенный въ даръ шерешевской церкви.—Судьба библіотеки, рукописей и переписки.

Михаилъ Кирилловичъ, поселившись въ м. Шерешевѣ, не прекращалъ своихъ любимыхъ занятій славистикой, филологіей и археологіей. Въ библіотекѣ, перевезенной изъ Вильны въ 1834 году, находились весьма цѣнныя славянскія книги, кирилловскаго и глаголическаго шрифта, пріобрѣтенныя Бобровскимъ на собственныя средства за границею, большею частію въ Венеціи. По составу своему и мысли ея обладателя библіотека шерешевская занимала тогда первое мѣсто въ западной Россіи и была единственною въ своемъ родѣ. Кромѣ книгъ, Бобровскій привезъ съ собою въ Шерешево: снимки съ древнѣйшихъ рукописей славянскихъ, тетради съ своими библіографическими записками, свои черновыя путевыя замѣтки или дневникъ и нѣсколько весьма цѣнныхъ рукописей; въ числѣ послѣднихъ отмѣтимъ: знаменитую Супрасльскую и древнюю харатейную псалтирь; первая взята была изъ Супрасли,

въ 1824 г., подъ росписку (№ 1), послѣдняя—изъ Николаевской виленской церкви. Были у него и другія цѣнныя вещи—памятники благочестія древнихъ славянъ. На свободѣ Михаилъ Кирилловичъ продолжалъ свои филологическія изслѣдованія и подготовлялъ матеріалы для нѣкоторыхъ изданій, о чемъ онъ писалъ къ епископу Яворовскому, сообщалъ своему другу И. Даниловичу и епископу Сѣмашкѣ.

Существуетъ мнѣніе, что заслуженный профессоръ, живя въ деревенской глуши, совершенно бросилъ литературныя занятія и поэтому не оставилъ никакихъ работъ, достойныхъ его богатыхъ дарованій и обширныхъ свѣдѣній.

Но съ этимъ мнѣніемъ не согласуются факты, нами приведенные въ извѣстность. Въ спокойномъ уголку шерешевскомъ, Михаилъ Кирилловичъ исподволь, но постоянно накоплялъ филологическіе матеріалы въ особыхъ тетрадяхъ въ формѣ библіографическихъ замѣтокъ и записокъ; кромѣ трудовъ надъ старопечатными книгами и рукописями старославянскими онъ приготовилъ къ печати: „Исторію славянскихъ книгопечатень въ Литвѣ (литовской Руси)“; наконецъ, у него же были собраны матеріалы для исторіи церкви у славянъ. О первомъ трудѣ упоминаетъ въ своемъ словарѣ Эстрейхеръ, говоря, что „эта рукопись была у Бобровскаго въ 1846 г.“.

Но главныя занятія М. Бобровскаго состояли въ работахъ по славянской филологіи и онъ долго лелѣялъ мысль объ изданіи имъ Супрасльской рукописи и лѣтописца Подола (извѣстнаго теперь подъ именемъ лѣтописца литовскаго). Обѣ эти рукописи, какъ видно изъ переписки, открыты были М. К. Бобровскимъ лѣтомъ 1823 г.

Характеристика профес. М. О. Кояловича, основанная на событіяхъ 1823 и 1824 гг. и на секретныхъ аттестаціяхъ В. Пеликана, человѣка партіи, ультрамонтана, враждебнаго къ бѣлому греко-уніатскому духовенству, ошибочна. Сужденія г. Кочубинскаго въ недавно изданной имъ книгѣ: „Начальные годы русскаго славяновѣдѣнія—Адмиралъ Шишковъ и канцлеръ графъ Румянцевъ“ (Одесса, 1888 г.) даютъ превратную оцѣнку дѣятельности профессора Бобровскаго въ области славяновѣдѣнія и не согласны даже съ фактами его послужнаго списка. Все это опровергается письмами М. К. Бобровскаго

къ Тупальскому и Сѣмашкѣ. Друзей интимныхъ—ad intimis Бобровскій не имѣлъ въ лагерѣ, противномъ свѣтскому клиру въ русской уніи. Имѣющаяся же въ нашемъ распоряженіи переписка М. К. Бобровскаго объясняетъ переходъ Супрасльской рукописи изъ его рукъ, помимо его желанія. Объ открытыя имъ рукописи онъ думалъ самъ издать русскимъ шрифтомъ и съ этою цѣлью заказалъ одной виленской типографіи славянскій шрифтъ для Супрасльской рукописи и выписалъ Софійскій Временникъ (для справки съ своимъ лѣтописцемъ). Въ 1838 году проф. Эйхвальдъ и друзья (между ними Востоковъ?) уговорили Бобровскаго послать Супрасльскую рукопись для переписки къ Копитару, а въ слѣдующемъ 1839 году у него потребовали отсылку въ литовскую консисторію лѣтописца Подола. И вотъ что Бобровскій, между прочимъ, писалъ по этому поводу Пинскому епископу Михаилу Голубовичу: „Сохранивъ у себя Лѣтописца Подола, въ изданіи котораго я самъ отчасти принималъ участіе, съ особенною радостью отсылаю теперь этотъ рѣдкій историческій памятникъ въ правительственное учрежденіе въ той надеждѣ, что онъ дойдетъ до археографической коммиссіи и, наконецъ, исполнится желаніе приснопамятнаго государственнаго канцлера Румянцева и рукопись издана будетъ такимъ же способомъ, какимъ былъ изданъ Несторъ, отецъ русскихъ историковъ [1])“.

Слѣдовательно, Михаилъ Кирилловичъ: 1) открылъ южно-русскаго лѣтописца, извѣстнаго по польскому изданію Даниловича подъ именемъ: „Литовскаго лѣтописца и русской хроники“, 2) намѣренъ былъ самъ издать его русскимъ шрифтомъ, такимъ же, какимъ изданы были другія русскія рукописи на иждивеніе графа Румянцова. Но намѣренія Бобровскаго издать самому: 1) хорватскую хронику, списанную имъ въ ватиканской библіотекѣ въ 1820 г., 2) житія святыхъ и проповѣди Іоанна Златоуста, и 3) лѣтописца Подола, содержащаго литовско-русскую хронику, не были приведены въ исполненіе, по обстоятельствамъ, отъ него не зависѣвшимъ; для этого нужны были: во 1-хъ—средства, во 2-хъ мѣстныя удобства, а въ Шерешевѣ нельзя было

[1]) Сборникъ писемъ М. К. Бобровскаго, л. 43 обор., 44, 45. Рапортъ въ литовскую консисторію 5 декабря 1839 г., № 17, рапортъ епископу Пинскому, архимандриту Бытенскому Михаилу Голубовичу, 10 декабря 1839 г., № 18.

П. Б.

имѣть даже и хорошаго переплетчика. Первая (хорватская) рукопись издана Куколевичемъ (за границею) спустя три года послѣ кончины Бобровскаго, вторая—Супрасльская—еще до сихъ поръ не издана; въ 1851 году въ Вѣнѣ издалъ часть ея послѣдователь Копитара—Миклосичъ, но только не съ подлинника, а по списку Копитара. Накопленныя же Бобровскимъ многолѣтнія филологическія изслѣдованія вмѣстѣ съ другими матеріалами и снимками исчезли послѣ его смерти, а куда—увидимъ ниже. Что Бобровскій былъ страстнымъ любителемъ и глубокимъ знатокомъ древностей славянскихъ и русскихъ, что онъ зналъ цѣну сдѣланнымъ имъ открытіямъ и потому тщательно сохранялъ цѣнныя рукописи (не довѣряя даже монастырю) и что на эти предметы смотрѣлъ, какъ на вещи не подлежащія отчужденію, а тѣмъ менѣе какъ на средство для обогащенія; все это достаточно выяснено въ нашихъ изслѣдованіяхъ; напротивъ, какъ свидѣтельствуютъ люди, къ нему близкіе, онъ и при небольшихъ своихъ средствахъ, со времени пятилѣтняго путешествія по Европѣ (особенно со времени пребыванія въ Венеціи въ 1820 году), на пріобрѣтеніе и собираніе книгъ и рукописей, въ теченіе почти четверти столѣтія, затратилъ свои собственныя и не малыя деньги. Кромѣ того, онъ сдѣлалъ множество снимковъ (facsimile) и далъ каждой разсмотрѣнной имъ рукописи, гдѣ либо въ Европѣ и въ западной Россіи, библіографическую оцѣнку.

Собирая книги и рукописи, имѣвшія прямое отношеніе или къ греко-славянскому богослуженію, или къ русской народности, онъ, однако, не покидалъ надежды важнѣйшія изъ нихъ издать самому славянскимъ или русскимъ шрифтомъ. Въ наукѣ славянской филологіи онъ былъ піонеромъ въ Россіи и, по всей справедливости, долженъ быть названъ самымъ виднымъ дѣятелемъ по сохраненію русской народности между уніатами западной Россіи.

Мы, наконецъ, приближаемся къ концу жизни этого достойнѣйшаго литовско-русскаго ученаго слависта-богослова, котораго жизнь и дѣла, во многихъ отношеніяхъ поучительныя, не могутъ быть исчерпаны въ настоящемъ очеркѣ.

Наружность Михаила Кирилловича послѣ возсоединенія съ

православіемъ измѣнилась въ томъ отношеніи, что онъ сталъ носить усы и бороду. Одѣяніе въ рясѣ и мѣховой бобровой шапкѣ его особенно тѣшило: онъ доволенъ былъ возстановленіемъ обычаевъ старины, по археологическому рисунку, только не совсѣмъ доволенъ былъ своею ужъ слишкомъ невзрачною бородкою; случалось подсмѣивался надъ безбородымъ своимъ викарнымъ отцемъ Савинскимъ и не безъ гордости смотрѣлъ на благообразіе своихъ двухъ дьячковъ: Ивана Шумовскаго и Іосифа Сѣмашку (однофамильца и одноимянника архипастыря).

Житейская обстановка протоіерея всегда была весьма скромною. Его шерешевскій домикъ—состоялъ изъ четырехъ комнатъ, сѣней и кухни. Налѣво отъ сѣней гостинная, украшенная изображеніями четырехъ евангелистовъ, вывезенныхъ изъ Италіи, чрезвычайно изящной живописи. Надъ диваномъ былъ портретъ государя Николая Павловича, котораго протоіерей считалъ самымъ лучшимъ монархомъ своего вѣка, „самымъ лучшимъ отцомъ насъ всѣхъ“ (письма къ Тупальскому и Сосновскому). Прямо противъ входа находился письменный столъ, всегда заваленный кипою бумагъ и текущею корреспонденціей. На каминѣ была старинная мраморная фигура, для помѣщенія цвѣтовъ, до которыхъ Михаилъ Кирилловичъ съ дѣтства былъ страстнымъ охотникомъ. На право—входъ въ спальню и библіотеку: книгами, исключительно старинными, между которыми красовались бѣлые вороны (albi corvi), установленъ былъ шкафъ во всю стѣну отъ пола до потолка. Заслуженный профессоръ, достигнувъ 64-хъ лѣтняго возраста, читалъ безъ очковъ и сохранилъ привычку передъ сномъ читать, лежа въ постелѣ, всегда съ карандашемъ въ рукѣ. На право отъ сѣней—столовая, весьма скромная, съ нѣсколькими большими клѣтками, наполненными множествомъ канареекъ и другихъ пѣвчихъ птицъ, и еще смежная со столовой комната для гостей или ночлежниковъ.

Передъ окнами гостинной лѣтомъ красовался роскошный цвѣтникъ, съ самыми затѣйливыми цвѣтами. Получить цвѣтокъ изъ рукъ профессора или прелата (какъ его называли сосѣди) считалось величайшимъ вниманіемъ; за домомъ фруктовый садъ съ отборными сортами яблонь, грушъ, черешень и вишень. На противоположной сторонѣ двора помѣщались парники. Уходъ за цвѣтниками, парниками и садомъ былъ обычнымъ привиллегированнымъ утреннимъ занятіемъ отца Михаила.

Обязанности приходскаго священника протоіерей Михаилъ выполнялъ съ самою строгою акуратностію и въ этомъ отношеніи вполнѣ усвоилъ себѣ привычки своего престарѣлаго отца Кирилла: то же участіе къ ближнему, таже строгость къ самому себѣ, снисходительность къ ошибкамъ другихъ и самая горячая готовность оказать помощь нуждающимся. Навѣстить больнаго и укрѣпить причастіемъ умирающаго, во всякое время дня и ночи, въ ненастье и стужу, были естественнымъ влеченіемъ сердца любящаго и чувствительнаго къ страданію ближняго

Въ воскресные и праздничные дни въ церкви, всегда переполненной прихожанами, между которыми было не мало католиковъ, протоіерей говорилъ поученіе на червоно-русскомъ или галицкомъ языкѣ. Проповѣдникъ, прочитавъ съ разстановкою дневное евангеліе, объяснялъ евангельскій разсказъ въ выраженіяхъ самыхъ простыхъ, неизысканныхъ, а въ заключеніе, закрывая книгу, произносилъ слово, относившееся къ обыденной жизни своихъ прихожанъ. Рѣчей своихъ Михаилъ Кирилловичъ не записывалъ. «При погребеніи хозяина или хозяйки всегда говорилъ слово, изображая похвальныя дѣла умершаго съ присовокупленіемъ назиданія, сообразуясь съ жизнію покойнаго, или видя нужду истреблять пороки при мысли о смерти. Его обличенія большею частію направлены были къ истребленію въ народѣ пороковъ, особенно пьянства и разврата». (Протоіер. Мих. Токаревскій). Рѣчи Бобровскаго, по словамъ архіепископа Филарета, служили образцомъ краснорѣчія для духовныхъ пастырей, какъ по мысли, такъ и по стилю; его бесѣды съ амвона, по своей искренности, полныя любви къ ближнему и заботы о его благосостояніи, о мирѣ и спокойствіи, имѣли воспитательное значеніе для народа; въ рѣчахъ отца Михаила простолюдины всегда находили, по своему, глубокіе намеки; плодовитая мысль проповѣдника облекалась въ естественныя и простыя формы.

Въ другомъ домѣ, бывшемъ при церкви Рождества Богородицы (Пречистенской), помѣщался причтъ и богадѣльня для престарѣлыхъ и увѣчныхъ (на нѣсколько кроватей). Для разныхъ церковныхъ хозяйственныхъ распоряженій существовало братство.

Обычными собесѣдниками заслуженнаго профессора, по вечерамъ, кромѣ ксендза Пануфника и викарнаго священника Савинскаго, были офицеры, квартировавшей въ м. Шерешевѣ

артиллерійской бригады. Отъ времени до времени навѣщали своего профессора бывшіе его ученики, члены «Жировицкой семьи», особенно Янковскій и Голубовичъ. Изъ сосѣдей бывалъ чаще всѣхъ страстный библіофилъ Владиславъ Тренбицкій, который пользовался расположеніемъ слависта-оріенталиста. У него Тренбицкій, кажется, учился еврейскому языку. Нерѣдко протоіерей велъ состязанія съ еврейскими раввинами въ мѣстной синагогѣ, лучшемъ каменномъ зданіи въ мѣстечкѣ. Въ шерешевской синагогѣ можно было встрѣчать ученыхъ раввиновъ изъ Бердичева, Варшавы и т. д.

Въ 3-хъ верстахъ отъ м. Шерешева, въ имѣніи Обрубѣ, жило семейство его единственнаго брата Іосифа, доктора философіи, также ученаго и, притомъ, хорошо знавшаго агрономію. Братья жили между собою съ дѣтства почти неразлучно въ самой тѣсной дружбѣ. Хозяйство въ Обрубѣ процвѣтало. Тѣнистый садъ съ роскошными цвѣтниками и пчелами служилъ приманкою для Михаила Кирилловича, когда въ досужее время онъ навѣщалъ пѣшкомъ семейство своего брата. Заботливость о воспитаніи и судьбѣ своихъ малолѣтнихъ племянниковъ, послѣ того, когда они, въ 1843 году, лишились своего отца, была безпримѣрная. Случалось, онъ съ ними игралъ и забавлялся. На образованіе и устройство ихъ въ учебныя заведенія Михаилъ Кирилловичъ прилагалъ особенное попеченіе и давалъ всѣ способы. Только впослѣдствіи мы поняли, чѣмъ обязаны своему дядѣ—наставнику и опекуну. Каждаго изъ насъ онъ изучилъ и каждаго старался направить, согласно со способностями и наклонностями.

Михаилъ Кирилловичъ поддерживалъ свои добрыя отношенія къ бывшимъ ученикамъ своимъ, занимавшимъ важнѣйшіе посты въ возсоединенной духовной іерархіи. Въ ноябрѣ 1844 года, пользуясь своею поѣздкою въ Полоцкъ, для доставленія меня въ корпусъ, Михаилъ Кирилловичъ навѣстилъ, между прочими: епископа Михаила (въ Жировицахъ), архіепископа Антонія (въ Минскѣ), архимандрита Филарета (бывшаго ректоромъ Полоцкой семинаріи) и архіепископа Василія—въ Витебскѣ. Встрѣтивъ въ Витебскѣ (куда онъ нарочно ѣздилъ изъ Полоцка) знакомаго ему гравера Кисличнаго (окончившаго курсъ С.-Петербургской академіи художествъ), Бобровскій пожелалъ передать ему бывшій у него крестъ св. Параскевы, „драгоцѣнный памятникъ

славянскаго благочестія", съ тѣмъ, чтобы Кисличный вырѣзалъ рисунокъ его на мѣди и прислалъ къ нему одинъ литографированный оттискъ. По этому поводу онъ писалъ къ Филарету въ Полоцкъ: „По присылкѣ мнѣ одного экземпляра съ мѣстными вѣдомостями, я могъ бы заняться историко-критическимъ его описаніемъ. Это служило бы дополненіемъ къ описанію креста св. Евфросиніи (Полоцкой)".

„Благодарность учениковъ своимъ наставникамъ есть самый драгоцѣнный небесный даръ. Кажется, еще первый разъ въ своей жизни я испыталъ это на р. Двинѣ. Радушный сердечный пріемъ отшельника изъ подъ Бѣловѣжской пущи напомнилъ мнѣ о благихъ временахъ патріарховъ и о моемъ путешествіи между славянами въ Далмаціи и въ Чешской Прагѣ [1])".

Въ слѣдующемъ 1846 году шерешевскаго отшельника осчастливилъ своимъ посѣщеніемъ Іосифъ Сѣмашко, архіепископъ Литовскій и Виленскій. Это посѣщеніе, какъ дань благодарности великаго западно-русскаго архипастыря своему наставнику, на склонѣ его жизни, послужило доказательствомъ, что и на берегахъ р. Виліи не оскудѣвалъ тотъ даръ небесный, о которомъ Михаилъ Кирилловичъ говоритъ въ письмѣ къ любимѣйшему ученику своему, жившему на р. Двинѣ.

Около половины мая 1846 г. профессоръ получилъ слѣдующую записку отъ епископа Михаила Голубовича, изъ Жировицъ. „Къ тебѣ, дорогой профессоръ, явятся два гриба: одинъ громадный, съ присовокупленіемъ многихъ волнушекъ, другой такъ себѣ—малозначущій, который, однако, присоединится къ истребленію вашихъ запасовъ. Объ угрожающемъ вамъ опустошеніи (desolatii i devastacii), архіепископъ вотъ что пишетъ (буквально): „Я думалъ было миновать Шерешево, разъ что въ сторонѣ, другой разъ, что, кажется, у нашего батьки Бобровскаго прошлымъ лѣтомъ градъ побилъ воловъ, которые онъ кормилъ къ моему пріѣзду. Но послѣ подумалъ: не заѣхать, будетъ сердиться—а воловъ не пожалѣемъ (не пожелаемъ?), вѣдь тогда будетъ Петровъ постъ. За то пусть таки похлопочетъ прокормить меня три дня со свитою, да еще въ день рожденія Государя Императора,

[1]) Изъ письма къ архимандриту Филарету Малишевскому отъ 22 января 1845 г. Сборн., л. 47, 48.

попотчивать насъ чѣмъ либо, хотя бы съ шерешевской приправой".

„Къ этому времени, продолжаетъ преосвященный Михаилъ, и я явлюсь въ Шерешево, вѣроятно, со стороны Янова, къ 25 іюня. Пріѣду налегкѣ безъ свиты, такъ какъ и четверку лошадей не легко добыть. Искренне говорю, не хотѣлось бы быть кому либо въ тягость и былъ бы очень радъ, если бы можно было для посѣщенія церквей, лежащихъ въ сторонѣ, нанимать четверку лошадей. Буду ждать оффиціальнаго отзыва и вашего совѣта [1])".

Посѣщеніе архипастыремъ скромнаго жилища въ Шерешевѣ и деревенскаго домика въ Обрубѣ до глубины души тронуло профессора, какъ это видно изъ нижеслѣдующихъ его строкъ въ письмѣ къ архіепископу. „Свободныя какъ бы родственныя отношенія въ домашнемъ кругу семейства (моего покойнаго брата) навсегда оставили благія чувства благодарности въ сердцахъ тѣхъ, которые были осчастливлены вниманіемъ столь высокихъ гостей. Столѣтняя липа, нѣсколько лѣтъ тому назадъ разбитая молніей, садовыя деревья, склонившія свои вѣтви подъ тяжестью плодовъ, рощицы, охраняющія отъ солнечнаго припека, цвѣтистые луга, увѣнчивающіе плодоносныя нивы—всегда напоминать будутъ жителю обрубской избушки, что тамъ было мѣсто отдохновенія, а здѣсь стопы на орлахъ уносящіяся. Присланныя вещи на память, принятыя съ величайшею благодарностію, служатъ новымъ доказательствомъ удовольствія, доставленнаго нашимъ хозяйствомъ. Ихъ раздѣлъ согласенъ съ архипастырскими намѣреніями—для сестры китайскіе плоды, а для деревенщины профессора—американскіе" [2]).

Посѣщеніе Іосифомъ Сѣмашкою и Михаиломъ Голубовичемъ

---

[1]) Подлинное письмо Михаила епископа отъ 9 мая 1846 года приклеено между двумя отпусками писемъ М. К. къ архіепископу Сѣмашкѣ отъ 25 іюля и 29 августа 1846 года. Кстати приведемъ здѣсь замѣчаніе Плакида Янковскаго въ его характеристикѣ. «Отрадно было видѣть, какимъ вниманіемъ и сочувствіемъ окружали заслуженнаго мужа наши возсоединенные архипастыри, всѣ до одного почитавшіе въ немъ и своего наставника». Холм. мѣсяц. на 1867 г. стр. 117.

[2]) Изъ письма М. К. къ архіепископу Іосифу Сѣмашкѣ, отъ 25 іюля 1846 Сборн. л. 49, на об.

П. Б.

съ большою свитою и пѣвчими Шерешева было послѣднимъ лучемъ свѣта въ скромной деревенской жизни ученаго мужа...

Устроивъ въ слѣдующемъ 1847 году своихъ племянниковъ въ учебныхъ заведеніяхъ и обезпечивъ при вторичномъ замужествѣ свою сестру—вдову покойнаго брата, Михаилъ Кирилловичъ остался въ полномъ смыслѣ слова—сиротою, скучалъ, даже впадалъ въ уныніе и 21 сентября 1848 года сталъ жертвою жестокой холеры. Никого изъ близкихъ родныхъ не было при его внезапной кончинѣ. Библіотека, рукописи, филологическіе матеріалы, записки, письма и разные документы—всѣ эти сокровища науки—исчезли. И все вдругъ опустѣло...

Очевидецъ священникъ Іоаннъ Кургановичъ (впослѣдствіи архимандритъ Антоній) оставилъ слѣдующее описаніе о послѣднихъ минутахъ жизни глубоко чтимаго духовенствомъ и прихожанами благочиннаго.

„Покойный профессоръ, въ началѣ второй половины сентября мѣсяца, присутствовалъ на совѣщаніи священниковъ Пружанскаго благочинія, бывшемъ въ домѣ настоятеля Сухопольской церкви священника Сильвестра Пероцкаго. Жара въ то время была необычайная и въ м. Шерешевѣ свирѣпствовала холера. Протоіерей привезъ съ собою какія-то капли, которыя употреблялъ каждый разъ передъ принятіемъ пищи. Онъ ихъ принялъ до обѣда, а послѣ обѣда заснулъ, по обыкновенію, сидя въ креслѣ. Чтобы не помѣшать отдыху отца благочиннаго, присутствовавшіе на совѣщаніи священники въ это время вышли въ садъ. Проснувшись, Бобровскій къ вечеру уѣхалъ домой, повидимому, совершенно здоровый. На слѣдующій день, утромъ, священникъ Іоаннъ, оставшійся на ночлегъ въ домѣ Сухопольскаго священника, получилъ письмо изъ Шерешева. Его просили поспѣшить какъ можно скорѣе пріѣздомъ, чтобы напутствовать св. дарами умирающаго благочиннаго. Отецъ Іоаннъ засталъ Михаила Кирилловича въ страшныхъ мученіяхъ... Врачи употребляли усилія, чтобы спасти страдальца (между прочимъ—сажали его въ холодную ванну), все было тщетно: холера развилась въ сильной степени и черезъ нѣсколько часовъ протоіерей скончался“.

„Во время болѣзни и смерти благочиннаго въ домѣ былъ страшный безпорядокъ. Некому было присматривать за цѣлостію его имущества. Пользуясь этимъ обстоятельствомъ, секретарь

протоіерея (надо полагать, такъ названъ дьячекъ Иванъ Шумовскій) сталъ прибирать разныя вещи покойнаго въ свои руки. Замѣтивши расхищеніе имущества, о. Іоаннъ пригласилъ становаго пристава (Лозинскаго), для опечатанія имущества. Викарный священникъ (о. Михаилъ Савинскій), весьма преданный своему настоятелю, былъ до крайности пораженъ его смертью, плакалъ навзрыдъ, но имѣлъ слабость къ спиртнымъ напиткамъ: съ горя, тотчасъ послѣ кончины своего благодѣтеля, сталъ прикладываться къ бутылочкѣ: „Niema mego Prałata!“ (нѣтъ моего прелата), приговаривалъ онъ съ плачемъ: „Trzeba wypić'!“ (Сообщено изъ зап. Кургановича).

Михаилъ Кирилловичъ скончался на 64 году своей жизни, похороненъ у алтаря кладбищенской церкви и надъ его могилою, иждивеніемъ духовенства Пружанскаго благочинія, тогда же сооруженъ памятникъ въ видѣ пирамиды изъ громаднаго дерева Бѣловѣжской пущи.

Въ Вильнѣ, Полоцкѣ, Витебскѣ, Минскѣ, Гроднѣ и другихъ главнѣйшихъ пунктахъ обѣихъ епархій, вездѣ, гдѣ были ученики и почитатели Бобровскаго, отслужены торжественныя панихиды съ колокольнымъ перезвономъ во всѣхъ православныхъ храмахъ...

Безъ сомнѣнія не одна могила съ скромною деревянною пирамидою въ видѣ обелиска напоминаетъ окрестнымъ жителямъ о почившемъ въ м. Шерешевѣ ученомъ славистѣ. Скажемъ словами его ученика Янковскаго: „Судьбы Божіи неисповѣдимы. Кто знаетъ, можетъ быть, этому человѣку, не успѣвшему по волѣ обстоятельствъ, упрочить свою память на томъ высшемъ литературномъ поприщѣ, къ которому онъ такъ отлично былъ приготовленъ, именно суждено было обезсмертить эту память въ единственно интимномъ значеніи слова, среди скромной сельской паствы, унося съ собою не гласную, но и неувядаемую заслугу, и тихія слезы убогихъ людей“. Другой ученикъ его Филаретъ (впослѣдствіи архіепископъ Нижегородскій) говоритъ яснѣе: „Профессоръ Михаилъ Бобровскій не былъ, да и не могъ быть, оцѣненъ современниками, но его не забудетъ исторія“. Вся жизнь этого человѣка была проникнута стремленіемъ къ высшему идеалу и всѣ его труды запечатлѣны беззавѣтнымъ служеніемъ наукѣ: этимъ идеаломъ было объединенное славянство съ его самобыт-

ной культурой. И мы знаемъ, какъ велики были его стремленія, какъ ласковы были его отношенія къ ученикамъ, и какъ онъ неумолимо строгъ былъ къ самому себѣ.

Въ Бозѣ почившій протоіерей Михаилъ Бобровскій принесъ въ даръ шерешевской Пречистенской церкви большой напрестольный серебряный крестъ, заказанный имъ въ память первоучителей славянъ Кирилла и Меѳодія въ Моравскомъ Веллеградѣ въ 1819 году, во время путешествія его по славянскимъ землямъ Европы съ учеными цѣлями. Крестъ шестиконечный, вышиною въ 7 вершковъ, вѣсомъ 48 лотовъ серебра; на верхней серебряной вызолоченной дощечкѣ, въ видѣ свитка пер-,гамента, находится славянская надпись: І. Н. Ц. І. Распятіе рельефное вызолоченное греко-восточнаго изображенія. (Прибавка эта сдѣлана въ 1850-хъ годахъ гродненскимъ епископомъ Игнатіемъ Желѣзовскимъ). По раменамъ вырѣзаны: Божія матерь и Іоаннъ Богословъ. Подъ распятіемъ голова Адама и его остова; въ нижней части вырѣзаны орудія страстей Господнихъ. Внутри хранится нѣсколько частей святыхъ мощей, наглухо задѣланныхъ. На другой сторонѣ, гдѣ находятся мощи, рельефно отчеканено: І. Σ. Х. [1]).

Въ своемъ трудѣ, послѣ 35 лѣтнихъ усилій для розысканія матеріаловъ, мы желали воздать теперь только частицу благодарности своему первому воспитателю, наставнику и опекуну; со временемъ, если позволятъ обстоятельства, мы не теряемъ надежды на пользу славянской науки представить въ нашу Академію наукъ подробное изложеніе жизни замѣчательнаго ученаго. Письма, важнѣйшіе труды Бобровскаго и доставленные намъ документы, снимки и собственноручные списки частей Супрасльской рукописи мы считаемъ своимъ долгомъ передать на храненіе въ Виленскую Публичную библіотеку. Въ Вильнѣ профессоръ Бобровскій получилъ богословское образованіе (1808—1812 г.), здѣсь развилась, окрѣпла и дала роскошные плоды его профессорская дѣятельность, созрѣлъ талантъ проповѣдника слова

---

[1]) Сообщеніе шерешевскаго благочиннаго протоіерея Михаила Токаревскаго 7 мая 1886 года. Кромѣ драгоцѣннаго креста, покойный протоіерей оставилъ на ризы кусокъ шелковой фіолетоваго цвѣта матеріи, шитой золотыми цвѣтами, прекраснаго рисунка. П. В.

Божія; здѣсь брошены имъ первыя сѣмена славянской культуры между русскими уніатами и здѣсь, въ аудиторіяхъ бывшаго университета и главной духовной семинаріи, въ теченіи 18 лѣтъ (съ 1814 по 1833 годъ), раздавалось мощное слово профессора священнаго писанія и библейской археологіи, призывавшее духовное юношество къ просвѣщенію свѣтомъ истины.

Остается разсказать вкратцѣ обстоятельства, объясняющія исчезновеніе нѣкоторыхъ весьма цѣнныхъ рукописей, писемъ къ моему дядѣ славянскихъ филологовъ и ученыхъ греко-уніатовъ, его учениковъ, составленной имъ славянской библіографіи и его весьма цѣнной библіотеки. Обо всей этой весьма печальной исторіи можно было бы и промолчать, если бы не встрѣчалось иногда нареканій отъ людей, незнакомыхъ съ прискорбными фактами.

Разсказъ отца Іоанна Кургановича (впослѣдствіи архимандрита Антонія) обрывается вызовомъ пристава для опечатанія имущества. Мой отчетъ дорисуетъ картину крайне безпорядочныхъ дѣйствій и безцеремонныхъ отношеній мѣстной свѣтской и духовной власти къ имуществу почившаго ученаго и оставленнаго имъ ученаго скарба.

Въ февралѣ мѣсяцѣ 1847 года, для устройства предстоящаго брака своей сестры—моей матери—Михаилъ Кирилловичъ рѣшился продать свою драгоцѣнную библіотеку помѣщику Владиславу Тренбицкому, съ правомъ пожизненнаго пользованія ею. Сдѣлка эта состоялась въ Бѣлостокскомъ судѣ, 5 августа 1847 года, и на основаніи ея Тренбицкій обязался уплатить Бобровскому, при совершеніи акта, 2000 злотыхъ (300 руб. сер.), что онъ и сдѣлалъ, а остальныя деньги, въ количествѣ 18,000 злотыхъ (2,700 руб. сер.), обязался уплатить, въ теченіе девяти лѣтъ, вдовѣ покойнаго его брата, по второму браку (1847 г.) Васьневской, а въ случаѣ ея смерти, племянникамъ профессора Бобровскаго (а ея сыновьямъ). На другой день послѣ кончины Михаила Кирилловича вице-благочинный Викторъ Кургановичъ (впослѣдствіи архимандритъ Викентій, настоятель Супрасльскаго монастыря), родственникъ о. Іоанна, распорядился передачею библіотеки Тренбицкому, отсылкою какихъ-то бумагъ въ грузномъ тюкѣ, въ Вильну, къ архіепископу Іосифу, и составленіемъ,

вмѣстѣ съ ассесоромъ Лозинскимъ, описи имущества. Эти дѣйствія вице-благочиннаго (безъ всякаго участія дворянской опеки) были незаконны, ибо имуществомъ наслѣдниковъ покойнаго, который былъ потомственнымъ дворяниномъ, никто не могъ распоряжаться безъ вѣдѣнія дворянской опеки. Мало того—послѣдняя вступила въ права свои не ранѣе, какъ по истеченіи трехъ недѣль послѣ кончины Михаила Бобровскаго. Она приняла имущество 16 октября 1848 года по описи, составленной протоіереемъ Кургановичемъ и приставомъ Лозинскимъ. Сама же опека не сдѣлала ни одного шага для удостовѣренія въ точности составленной описи и ея оцѣнки. Въ чемъ состояли охранительныя мѣры надъ имуществомъ, какъ со стороны Кургановича (онъ же потомъ былъ и депутатомъ отъ духовенства при дворянской опекѣ), такъ и со стороны членовъ дворянской опеки (помѣщиковъ Сеньковскаго, Вредта, Протасевича)—наслѣдникамъ неизвѣстно. Возбужденная переписка по этому дѣлу открыла безпорядки и злоупотребленія со стороны членовъ Пружанской дворянской опеки и мѣстной духовной власти. Въ первоначальную опись, составленную представителемъ духовной власти, не вошло даже ни одного клочка бумаги: драгоцѣнныя рукописи, масса тетрадей съ библіографическими записками, письма отъ разныхъ лицъ, какъ будто даже и не существовали! Протестъ и жалобы наслѣдниковъ остались безъ удовлетворенія, виновники растраты остались безъ должнаго законнаго возмездія! Теперь оказывается, что одна болѣе значительная часть этого въ высшей степени важнаго для науки матеріала попала въ руки обладателя библіотеки Владислава Тренбицкаго, другая же часть разобрана по рукамъ добрыми сосѣдями, пожелавшими что либо имѣть у себя для памяти о великомъ ученомъ славистѣ. Остались не при чемъ только племянники, дѣйствительные наслѣдники личныхъ трудовъ и писемъ Михаила Кирилловича.

Тренбицкій, уплативъ только десятую долю слѣдуемой суммы денегъ за библіотеку, но не давъ никакого обезпеченія въ томъ, что договоръ 5 августа имъ будетъ исполненъ, не поцеремонился перевезти ее въ свое имѣніе Линово, захвативъ кстати чужія книги и рукописи, бывшія во временномъ пользованіи Бобровскаго (между ними—и древнюю харатейную псалтирь св. Нико-

лаевской церкви). Мало того, Тренбицкій, какъ слышно отъ лицъ, заслуживающихъ довѣрія, присвоилъ себѣ даже частную переписку (что также подтверждено и показаніями очевидцевъ): три или четыре мѣшка съ бумагами (кромѣ библіотеки) поступили въ обладаніе Тренбицкаго. Впослѣдствіи оказалось, что часть бумагъ и переписки попала въ другія руки, чѣмъ и объясняется, по моему мнѣнію, обнаруженіе, между прочимъ, второй половины Супрасльской рукописи у какого-то г. Стрельбицкаго, отъ котораго четыре тетради попали въ Петербургъ, а прочія достались графу Замойскому [1]). Какъ видно изъ хода многолѣтней переписки съ опекою, образъ дѣйствія мѣстныхъ властей, депутата отъ духовенства, дворянской опеки и пристава или ассесора,—во всемъ этомъ дѣлѣ набрасываетъ на нихъ весьма некрасивую тѣнь и даетъ понятіе объ отношеніяхъ этихъ людей къ памяти ученаго и къ собственности оставленныхъ имъ малолѣтнихъ сиротъ, ближайшихъ наслѣдниковъ его имени и имущества.

Итакъ, библіотека и многія бумаги съ письмами Бобровскаго перешли къ Тренбицкому въ 1848 году. Уплативъ до 1050 руб. матери наслѣдниковъ, умершей въ 1854 году, онъ откладывалъ уплату остальныхъ денегъ (1,650 руб. кромѣ %), потомъ объявилъ себя несостоятельнымъ должникомъ, а послѣ его смерти, въ началѣ 1860-хъ годовъ, библіотека перешла къ наслѣдникамъ Тренбицкаго, которые также неудовлетворили законныхъ претензій наслѣдниковъ Бобровскаго.

---

[1]) Дѣло по архиву литовской духовной консисторіи за № 928: «О смерти пружанскаго благочиннаго профессора Михаила Бобровскаго». Переписка наслѣдниковъ Бобровскаго съ дворянскою опекою, по поводу злоупотребленія опекуна Сеньковскаго и проч.—Библіографія (польская) Эстрейхера, т. I, стр. 101, гдѣ сказано о сочиненіи Бобровскаго подъ заглавіемъ: «Матеріалы для исторіи славянскихъ книгопечатень въ Литвѣ», съ оговоркою: «эту рукопись Бобровскій имѣлъ въ 1846 г.» Тамъ же, подъ фамиліей Владиславъ Тренбицкій (Trębicki) сказано, что онъ оставилъ нѣсколько десятковъ томовъ библіографическихъ записокъ.—Лит. епарх. вѣд. 1866 г. № 20, 21. «Древняя харатейная псалтирь виленской св. Николаевской церкви»—ст. П. Янковскаго. Авторъ былъ въ близкихъ отношеніяхъ съ Тренбицкимъ, какъ литераторъ, и съ мѣстнымъ духовенствомъ; въ его разсказѣ по поводу перехода рукописей отъ Бобровскаго къ Тренбицкому неточности очевидны; сличи мою статью «Судьба супрасльской рукописи», изд. въ 1887 г. П. Б.

Бывшій попечитель Виленскаго учебнаго округа И. П. Корниловъ говорилъ мнѣ, что онъ желалъ пріобрѣсти библіотеку профессора Бобровскаго для виленскаго музея; наслѣдники Тренбицкаго за нее спрашивали 10,000 руб. сер.; цѣна эта генералъ-губернатору Кауфману показалась слишкомъ большою и библіотека продана въ Варшаву ординату графу Замойскому. Не у графа ли Замойскаго въ Варшавѣ хранится та часть трудовъ и писемъ Бобровскаго, которые попали къ помѣщику Тренбицкому при перевозкѣ въ Линово купленной имъ библіотеки?

Въ числѣ книгъ, попавшихъ въ руки Тренбицкаго и перешедшихъ отъ него или къ его наслѣдникамъ, или къ графу Замойскому, находилось не мало рѣдкостей; упомяну только о двухъ мнѣ извѣстныхъ: 1) золотая медаль въ память Воздвиженія честнаго и животворящаго креста съ греческой надписью и осьмиконечнымъ крестомъ, и 2) псалтирь на пергаментѣ in folio, написанная съ титлами замѣчательно отчетливымъ и красивымъ почеркомъ. Заглавныя буквы отдѣланы золотомъ и киноварью. На поляхъ съ большимъ искусствомъ представлено въ символическихъ изображеніяхъ, отдѣланныхъ золотомъ и красками, содержаніе каждаго псалма.

Древняя харатейная псалтирь, какъ мнѣ извѣстно, продана однимъ изъ наслѣдниковъ Владислава Тренбицкаго, кажется за 10,000 руб., графу Шереметеву, и находится теперь въ музеѣ Императорскаго россійскаго общества древней письменности. Только благодаря заботливости и розыскамъ протоіереевъ Михаила Токаревскаго и Николая Жуковича, мнѣ удалось, въ февралѣ 1888 г., получить нѣсколько цѣнныхъ матеріаловъ, въ числѣ которыхъ особенное значеніе для біографіи имѣетъ сборникъ писемъ М. К. Бобровскаго (съ 1830 по 1847 г.); онъ хранился у отца Владиміра, сына священника Андрея Кургановича, глубокаго почитателя профессора.

Передъ окончаніемъ печатанія настоящаго очерка мы получили отъ протоіерея Андрея Демяновича, настоятеля Замковой церкви въ Варшавѣ, коллекцію снимковъ съ древнѣйшихъ славянскихъ рукописей, писанныхъ кириллицей и глаголицей, Ватиканской и Парижской библіотекъ, полный списокъ Хорватской лѣтописи, съ замѣтками, и нѣсколько другихъ цѣнныхъ для

филологіи матеріаловъ, всего до 40 предметовъ. Эти снимки пріобрѣтены о. Демяновичемъ отъ какого-то помѣщика и сберегались имъ въ церковной ризницѣ. За сохраненіе и доставленіе намъ этихъ документовъ приносимъ усердную благодарность о. Андрею.

П. О. Бобровскій.

15 апрѣля 1889 г.

СТУДЕНЧЕСКІЯ ИСТОРІИ ВЪ КАЗАНСКОМЪ УНИВЕРСИТЕТѢ.

ГЛАВА V [1]).

Панихида по Безднинскимъ крестьянамъ, убитымъ при столкновеніи ихъ съ военной силой.—Переписка казанскаго губернатора и попечителя учебнаго округа по поводу этого событія.—Розыскъ рѣчи Аѳ. Прок. Щапова, произнесенной имъ на панихидѣ.—Содержаніе этой рѣчи, личность автора ея и настроеніе умовъ въ Казани, вызванное манифестомъ 19 февраля—по донесенію кн. Вяземскаго Министру Нар. Просв.—Отношеніе казанскаго архіепископа къ дѣлу.—Письменное объясненіе проф. Щапова по поводу его рѣчи на имя архіепископа Аѳанасія съ изложеніемъ ея содержанія.—Разслѣдованіе дѣла о панихидѣ и о рѣчи Щапова начальствомъ казанской духовной академіи.—Высылка Щапова въ С.-Петербургъ.—Заявленіе девяти студентовъ казанскаго университета академическому начальству.—Дальнѣйшее разслѣдованіе дѣла и рѣшеніе.

1861-й годъ.

Манифестомъ покойнаго Государя Императора отъ 19 февраля 1861 года возвѣщенъ былъ русскому народу великій соціальный переворотъ. Вслѣдъ затѣмъ случилось извѣстное кровопролитіе въ селѣ Безднѣ Спасскаго уѣзда (Казанск. губерніи).

По убитымъ въ этомъ кровопролитіи крестьянамъ въ Казани была отслужена панихида въ кладбищенской церкви. Въ ней приняли участіе и студенты университета.

Слухъ о ней, а равно и о рѣчи, произнесенной во время нея преподавателемъ университета и духовной академіи Щаповымъ, распространившись по всему городу, дошелъ сейчасъ же до начальника

---

[1]) См. «Русскую Старину» изд. 1889 г., томъ LXI, мартъ, стр. 557—576; т. LXII, апрѣль, стр. 85—106

губерніи. Послѣдній не замедлилъ, 17-го апрѣля 1861 г., увѣдомить о немъ попечителя князя Вяземскаго и просилъ его «для предупрежденія дальнѣйшихъ безпорядковъ не оставить распоряженіемъ о нѣкоторомъ болѣе строгомъ наблюденіи за духомъ, мнѣніями и дѣйствіями студентовъ [1])». Попечитель 18-го апрѣля опредѣленно ему отвѣчаетъ, что «рѣчь преподавателя Щапова, произнесенная имъ въ церкви на панихидѣ по убитымъ крестьянамъ, какъ принадлежащаго къ духовному званію, не подлежитъ обсужденію казанскаго университета, но что вообще такой со стороны его поступокъ не одобряется университетскою корпораціею и возбудилъ въ ней неудовольствіе противъ него». Что же касается духа студентовъ, то «до сихъ поръ не замѣчено между ними ни противосословнаго, ни противоправительственнаго раздраженія». Впрочемъ, за дальнѣйшее князь Вяземскій не ручается [2]).

Желая получить болѣе подробныя свѣдѣнія о панихидѣ, онъ обращается къ инспектору Янишевскому съ просьбой сообщить ему о бывшихъ на панихидѣ студентахъ, а также и о томъ—не замѣтно ли вообще между студентами вреднаго направленія по поводу происшедшихъ событій [3]).

Инспекторъ отвѣчаетъ, что фамиліи всѣхъ студентовъ, бывшихъ на панихидѣ, ему неизвѣстны, но число ихъ, какъ онъ послѣ слышалъ, доходитъ до ста или до ста двадцати [4]). Относительно «вреднаго вліянія» онъ говоритъ, что «кромѣ увлеченій молодости, заставляющихъ иногда студентовъ впадать въ ошибки», имъ «ничего до сихъ поръ замѣчено не было, что бы имѣло вредный политическій характеръ [5])».

Послѣ этихъ справокъ казанская администрація начала вникать глубже въ происшествіе. Губернаторъ Козлянинов потребовалъ у Щапова рѣчь, произнесенную имъ на панихидѣ. Щаповъ сказалъ что кто-то изъ студентовъ у—та взялъ ее у него послѣ произнесенія [6]). Попечитель предлагаетъ инспектору разыскать эту рѣчь, «однако, безъ огласки» «и не придавая дѣлу особенной важности [7])».

Инспекторъ, получивъ это предложеніе, отвѣчаетъ, что онъ не

---

[1]) Дѣло канц. попеч., 1.

[2]) Тамъ-же, 2.

[3]) Тамъ-же, 5.

[4]) Д. к. п. Однако, шестерыхъ онъ называетъ: Рычковъ, Смирновъ Иванъ, Егоровъ, Лебедевъ, Косьминскій, Дементьевъ и Беневитскій.

[5]) Тамъ-же, 11.

[6]) Тамъ-же, 7.

[7]) Тамъ-же, 23.

находитъ «никакихъ средствъ исполнить это безъ довольно большой огласки между студентами, ибо указаніе Щапова совершенно неопредѣленное». «Огласка же, по соображенію инспектора,—«можетъ послужить къ совершенному уничтоженію рѣчи г. Щапова, если она существуетъ, и такимъ образомъ повредить общему ходу дѣла [1])».

22-го апрѣля 1861 г. кн. Вяземскій обо всемъ, что онъ узналъ по дѣлу панихиды, сообщаетъ министру народнаго просвѣщенія, представивъ при этомъ какое-то подметное письмо, которое, по его словамъ, «есть явная мистификація и насмѣшка, вѣроятно, студентовъ». «Надо сказать, замѣчаетъ кн. Вяземскій, что подметныя письма и пасквили вообще здѣсь въ ходу». А о панихидѣ, о которой—«много разнородныхъ толковъ», онъ слышалъ слѣдующее: «говорятъ, что Щаповъ сказалъ, что ученіе Спасителя было демократическое; что онъ говорилъ по поводу Антона Петрова, о лжепророкахъ, являющихся между низшими слоями общества, и о вѣрѣ въ нихъ народа вслѣдствіе вѣковаго пренебреженія о его просвѣщеніи; о проліяніи крови неповинныхъ, вслѣдствіе несовершенства нашего законодательства; говорилъ будто бы о конституціи, какъ единственномъ условіи для успѣшнаго устройства новаго положенія.

«Дѣло происходило въ церкви, Щаповъ принадлежитъ къ духовному званію, въ этомъ качествѣ произнесъ рѣчь послѣ панихиды; дѣло производится въ духовномъ вѣдомствѣ и оно такъ важно, что мнѣ кажется необходимымъ имѣть положительное свѣдѣніе отъ его высокопреосвященства для правильнаго обсужденія степени его (Щапова) виновности въ отношеніи къ университету, въ который онъ приглашенъ, какъ временный преподаватель,—для ближайшаго съ нимъ ознакомленія. Профессоры университета осуждаютъ сильно его выходку и вообще его неосторожность, но многіе полагаютъ, что онъ преподаватель весьма полезный и долженъ исправиться при большемъ столкновеніи съ людьми практическими. Условія его затворническаго воспитанія и, вообще, всей его жизни объясняютъ отчасти его промахи и увлеченія; но трудолюбіе его, ученость, талантъ—несомнѣнны, и въ отсутствіи всякаго вѣроломства я также вполнѣ убѣжденъ. По моему убѣжденію необходимо дѣйствовать примирительно,—и лица и сословія дѣйствуютъ неосторожно и не имѣютъ политическаго такта; раздражительность и выходки однихъ вызываютъ раздраженіе и выходки въ другихъ. Можетъ быть, карать иногда необходимо и за ошибки, и за проступки, но опасно увеличивать раздраженіе и осо-

[1]) Д. к. п., 24.

бенно заслужить упрекъ въ несправедливости потому, что много нынѣ скопилось ошибокъ и проступковъ со всѣхъ сторонъ. Неосторожныхъ выходокъ было много, и сплетни расходятся ежеминутно и мгновенно по всему городу. Члены одного и того же семейства, смотря по возрасту, негодуютъ на настоящее преобразованіе и стремятся возбудить кризисъ безъ ясной мысли о его исходѣ, или сочувствуютъ съ нетерпѣливымъ и неосторожнымъ увлеченіемъ [1])».

Между тѣмъ и архіепископъ казанскій и свіяжскій Аѳанасій съ своей стороны производилъ дознаніе, призвавъ Щапова. Послѣ словеснаго съ нимъ объясненія, архіепископъ Аѳанасій велѣлъ ему изложить содержаніе рѣчи его, Щапова, письменно; но Щаповъ не представилъ этого изложенія. Увѣдомляя объ этомъ казанскаго военнаго губернатора, архіепископъ замѣчаетъ: «я считаю нужнымъ присовокупить, что Щаповъ служитъ не только въ духовной академіи бакалавромъ, но и въ у—вѣ адъюнктъ-профессоромъ, что о немъ, по прошенію его, производится въ академическомъ правленіи дѣло объ увольненіи его не только отъ духовно-училищной службы, изъ академіи, но и отъ духовнаго званія». Поэтому архіепископъ Аѳанасій думаетъ, что въ случаѣ дальнѣйшей уклончивости Щапова дать письменное объясненіе, кромѣ полицейскаго дознанія, его можно будетъ подвергнуть законному слѣдствію, которое должно быть назначено по распоряженію военнаго губернатора [2]). Но Щаповъ представилъ, наконецъ, преосвященному Аѳанасію письменное объясненіе [3]). Вотъ оно: «по требованію вашего высокопреосвященства объясняю, что я сказалъ рѣчь въ кладбищенской церкви, послѣ панихиды по убитымъ крестьянамъ Спасскаго уѣзда, села Бездны, по невольному состраданію къ несчастнымъ, согласно съ обще-христіанскимъ человѣколюбивымъ сочувствіемъ къ нимъ. Когда на кладбищѣ толпами собирались студенты у—та, я пошелъ вслѣдъ за ними и узналъ, что они хотятъ отправить панихиду по «убіеннымъ въ смятеніи». Это стеченіе съ христіанско-человѣколюбивою цѣлью возбудило во мнѣ слезы и я тутъ-же на кладбищѣ набросалъ на бумагѣ краткую рѣчь, предполагая сказать ее на какой нибудь могилѣ, гдѣ сначала думали служить панихиду. Когда панихиду рѣшились служить въ церкви, то какъ ни удерживался я, но вмѣстѣ съ слезой рѣчь моя невольно излилась изъ глубины души, когда человѣкъ 400 въ одинъ голосъ, многіе со слезами, запѣли: «вѣчная память». Это церковное собраніе напо-

---

[1]) Д. канц. попеч., 12 и 13.
[2]) Тамъ-же, 16 и 17.
[3]) Тамъ-же., 18.

мянуло мнѣ извѣстныя въ древне-христіанской церкви агапы, когда всѣ пѣли и всякій, кто вдохновлялся, говорилъ какое нибудь назиданіе. Я говорилъ не возмутительныя слова, почему и не было и не могло быть на кладбищѣ никакого смятенія. Я говорилъ: Христосъ Богъ нашъ, возвѣщая истинную свободу и братство, отъ Пилатова суда умеръ на крестѣ, искупивъ Своею кровію всѣхъ насъ. Вы, други, увлеклись ложною свободою, возвѣщенною (?) вамъ вашимъ ложнымъ пророкомъ. Тутъ я вкратцѣ говорилъ объ историческомъ происхожденіи ложныхъ пророковъ въ Россіи, которые въ первой половинѣ XVIII в. являлись въ Россіи и называли себя Христами. Потомъ изъ этого я вывелъ, что убитые увлеклись ложною свободою, потому что мы не уяснили имъ истинной свободы, не заботясь почти нисколько о ихъ просвѣщеніи. Я заключилъ: «Вы пали по невинному невѣдѣнію жертвой за то, что мы, служа просвѣщенію, не просвѣтили васъ, заблудшихъ сыновъ отечества. Простите насъ. Миръ праху вашему и вѣчная память». Когда я только что кончилъ рѣчь и весь былъ въ волненіи, кто-то изъ студентовъ у—та взялъ у меня рѣчь. Я даже не обратилъ на него никакого вниманія, потому что въ рѣчи ничего возмутительнаго не было. Рѣчь эта, говорятъ, изорвана, какъ ненужная болѣе никому» [1]).

Дѣло о панихидѣ разбиралось и въ духовной академіи, такъ какъ ея студенты тоже въ ней участвовали. Ректоръ академіи, архимандритъ Іоаннъ, сдѣлавъ дознаніе по этому происшествію, представилъ собранію членовъ внутренняго правленія записку слѣдующаго содержанія: «Немедля начавъ по сему обстоятельству дѣлать имъ (студентамъ) допросы порознь, онъ убѣдился, что присутствіе ихъ при панихидѣ было дозволено ими себѣ безъ всякаго предварительнаго или обдуманнаго намѣренія и безъ точныхъ свѣдѣній о сущности сего дѣла; между тѣмъ сами студенты, по собственному побужденію, сочли нужнымъ представить ему, ректору, письменное объясненіе по сему дѣлу. Отъ студентовъ ректору прописано: «вслѣдствіе разнесшихся въ городѣ неблагопріятныхъ толковъ объ отправленной со стороны у—та въ церкви градскаго казанскаго кладбища панихидѣ по крестьянамъ, убитымъ въ селѣ Безднѣ Спасскаго уѣзда, и замѣченнаго присутствія ихъ, студентовъ, при сей панихидѣ, и вслѣдствіе допросовъ его, ректора, дѣланныхъ имъ, студентамъ, по одиночкѣ, они считаютъ долгомъ, для опроверженія, неумѣстныхъ посторонникъ толкованій и предупрежденія дальнѣйшихъ, представить объясненіе общихъ ихъ мыслей по этому дѣлу: 1) 16-го сего апрѣля они услышали, что отъ

[1]) Д. к. п., 19 и 20.

у—та будетъ отправлена панихида по означеннымъ убіеннымъ. Они воспользовались «свободнымъ отъ занятій временемъ» и отправились на панихиду. «Это они сдѣлали безъ всякаго плана». Не зная самой цѣли панихиды, они присутствовали при ней безъ всякой особой цѣли, а единственно побуждаемые христіанскимъ состраданіемъ и сожалѣніемъ къ крестьянамъ». Что касается рѣчи Щапова, то они «слышали только нѣсколько отдѣльныхъ словъ» «по нераздѣльности обыкновенной его дикціи, а также и потому, что Щаповъ говорилъ рѣчь прерывающимся голосомъ». До самаго произнесенія г. Щаповымъ рѣчи они не знали ни о какой и ни о чьей рѣчи». Подъ такого рода объясненіемъ подписалось 37 человѣкъ. Собраніе членовъ внутренняго правленія, выслушавши это, опредѣлило: «принять къ свѣдѣнію и надлежащему въ потребныхъ случаяхъ соображенію». Кромѣ этого, оно также опредѣлило: «строжайшимъ образомъ обязать студентовъ, чтобы впредь, во избѣжаніе подобныхъ непріятныхъ случаевъ, они, съ величайшею осмотрительностью обдумывали свои поступки и ни подъ какимъ видомъ не дозволяли себѣ присоединяться къ постороннимъ дѣламъ» [1]).

Такъ разбирали это дѣло въ Казани. Но въ Петербургѣ оно обратило на себя серьезное вниманіе, такъ какъ въ немъ увидали важную политическую демонстрацію. Вслѣдствіе этого, для ея изслѣдованія въ Казань, по высочайшему повелѣнію, былъ командированъ генералъ-адъютантъ Бибиковъ [2]). Что такое онъ нашелъ—изъ бумагъ, находящихся въ нашемъ распоряженіи, не видно. Можно усмотрѣть только то, что онъ имѣлъ объясненіе съ попечителемъ кн. Вяземскимъ и съ профессорами университета, которые ему представлялись, въ результатѣ же пріѣзда его въ Казань получилось его предписаніе о высылкѣ Щапова въ Петербургъ [3]). Это произошло 28-го апрѣля, а 29-го попечитель рекомендуетъ Щапова министру, какъ человѣка «трудолюбиваго, ученаго и съ особеннымъ навыкомъ, выразившаго въ послѣднее время желаніе быть командированнымъ въ С.-Петербургъ, въ надеждѣ быть причисленнымъ къ археографической комиссіи». Князь Вяземскій проситъ обратить на Щапова вниманіе [4]). Послѣдній, получивъ 200 руб. прогонныхъ денегъ, выѣхалъ [5]).

---

[1]) Д. к. п., 29 и 30.

[2]) Тамъ-же, 8.

[3]) Тамъ-же, 31.

[4]) Тамъ-же, 38.

[5]) Тамъ-же, 40. Щапова провожали очень много студентовъ и нѣсколько чиновъ полиціи съ жандармскимъ полковникомъ во главѣ. Когда пароходъ отошелъ отъ казанской пристани, Щапову было объявлено, что онъ находится подъ арестомъ. Н. Ѳ.

Затѣмъ и духовное вѣдомство не оставило казанскую панихиду своимъ вниманіемъ. Оберъ-прокуроръ Святѣйшаго синода, «для приведенія въ должную ясность участія въ этомъ происшествіи лицъ духовнаго вѣдомства», «командировалъ въ Казань оберъ-секретаря синода коллежскаго совѣтника Олферьева вмѣстѣ съ духовнымъ лицомъ», «по назначенію митрополита московскаго» [1]). Къ счастію «лицъ духовнаго вѣдомства», вдругъ, неожиданно для всѣхъ, сами студенты у—та поспѣшили ихъ оправдать [2]). Они, въ числѣ 9 человѣкъ, подали «во внутреннее правленіе» казанской духовной академіи письменное объясненіе такого содержанія: «До насъ дошли слухи, что инициатива панихиды, совершенной 16-го апрѣля, приписана преимущественно студентамъ духовной академіи. Мы же нижеподписавшіеся утверждаемъ, что она принадлежитъ студентамъ у—та, равно какъ и переговоры съ куртинскимъ священникомъ и всѣ распоряженія и расходы по этому случаю; вслѣдствіе чего мы считаемъ долгомъ заявить это правленію духовной академіи. Вообще, студенты духовной академіи были посторонними и случайными посѣтителями при панихидѣ и мы не знаемъ, какъ они тутъ случились». А вслѣдъ за 9-ю подписями—Postscriptum [3]): «Подписалось подъ этимъ объясненіемъ такъ мало потому, что бо́льшая часть студентовъ, бывшихъ на панихидѣ, разъѣхались на каникулы, а нѣкоторые считаютъ излишнимъ подписываться теперь, думая, что ихъ спросятъ послѣ» [4]).

Это-то обстоятельство, кажется, и послужило поводомъ къ тому, что въ Казань для изслѣдованія дѣла о панихидѣ, по высочайшему повелѣнію, былъ командированъ чиновникъ отъ министерства внутреннихъ дѣлъ. О томъ, какимъ образомъ онъ велъ изслѣдованіе и какихъ достигъ результатовъ—въ архивѣ университетскомъ не имѣется данныхъ: извѣстно только то, что «объ оказавшемся по сему дознанію было представлено мин. внутреннихъ дѣлъ въ главный комитетъ объ устройствѣ сельскаго состоянія». Здѣсь по «оказавшемуся» были сужденія. Государь императоръ, «разсмотрѣвъ ихъ, высочайше соизволилъ повелѣть»: 9 студентовъ, подписавшихся подъ вышеприведеннымъ

---

[1]) Д. к. п., 43.

[2]) Сколько мнѣ извѣстно, нѣсколько человѣкъ изъ духовной академіи поплатились не дешево за свое участіе въ панихидѣ.

[3]) Подписавшіеся подъ заявленіемъ: Кулаевскій, Протопоповъ, Беневитскій, Умновъ В., Федяй, Ягодинскій, Николай Песковъ, Пребдстингъ, Тутолминъ. Н. Ф.

[4]) Д. к. п., 47.

объясненіемъ, исключить изъ у—та; «относительно-же прочихъ студентовъ оставить это дѣло безъ послѣдствій» [1]).

Совѣтъ у—та выслушалъ все это въ засѣданіи 2-го декабря и постановилъ: «донести попечителю, что изъ числа студентовъ, упомянутыхъ въ этотъ предложеніи, Беневитскій, Пребстингъ и Тутолминъ утверждены въ званіи дѣйствительныхъ студентовъ и не подлежатъ болѣе вѣдѣнію у—та—объ удаленіи-же остальныхъ сообщить правленію у—та, что исполнено» [2]).

ГЛАВА VI.

Мѣры правительства къ предотвращенію студенческихъ безпорядковъ.—Разъясненія министра графа Путятина.—Вопросъ о выборѣ студенческихъ депутатовъ съ точки зрѣнія инспектора студентовъ казанскаго университета и съ точки зрѣнія министра народнаго проевѣщенія.—Тревожныя вѣсти изъ Петербурга.

1861 г.

Вслѣдъ за исторіею, разсказанною въ предъидущей главѣ, правительство принимаетъ слѣдующія мѣры къ предотвращенію студенческихъ безпорядковъ въ университетахъ на будущее время.

«Государь императоръ,—пишетъ графъ Путятинъ, который, между тѣмъ, назначенъ былъ министромъ народнаго просвѣщенія, казанскому попечителю,—признавъ необходимымъ усилить мѣры наблюденія за университетскими студентами по случаю безпрерывно возникающихъ безпорядковъ, удостоилъ внимательнаго обсужденія это дѣло въ совѣтѣ министровъ и, выслушавъ разностороннія мнѣнія по сему предмету, высочайше повелѣть соизволилъ [3]):

---

[1]) Д. к. п., 51. Это сообщилъ министръ народ. просвѣщ. графъ Путятинъ кн. Вяземскому.

[2]) Тамъ-же, 54. Беневицкаго, Н. Пескова и В. Умнова въ это время уже не было въ Казани, такъ какъ всѣ они были удалены изъ города за другіе безпорядки, какъ дальше узнаемъ, по исключеніи послѣднихъ двухъ изъ у—та. Кромѣ В. Умнова и Протопопова, остальнымъ 4-мъ (Кулаевскій, Федяй, Ягодинскій, Н. Песковъ) тѣмъ-же высочайшимъ повелѣніемъ было разрѣшено поступить въ у—тъ или на службу (84, 105, 117). Беневитскому, Тутолмину и Пребстингу были выданы свидѣтельства на званіе дѣйств. студент. (92).

[3]) Вслѣдъ за бумагой, въ которой министръ сообщаетъ высочайшее повелѣніе, послѣдовала отъ него другая, разъясняющая это повелѣніе. Для бо́льшаго удобства, разъясненія и дополненія министромъ нѣкоторыхъ пунктовъ высочайшаго повелѣнія мы будемъ приводить въ выноскахъ. Н. Ѳ.

1) Производить пріемные экзамены желающимъ поступить въ у—тъ въ гимназіяхъ вмѣстѣ съ учениками высшаго класса и въ присутствіи, когда окажется возможнымъ, депутатовъ отъ у—та, къ округу коего принадлежитъ гимназія.

2) Строго исполнять предписанныя правила о полномъ подчиненіи учащихся университетскому начальству въ стѣнахъ у—та, воспрещая положительно всякія сходки безъ разрѣшенія начальства, и объясненія съ нимъ чрезъ депутатовъ или сборищъ [1]).

3) Составить для студентовъ правила относительно точнаго посѣщенія лекцій съ соблюденіемъ необходимаго порядка и тишины. На лекціяхъ не допускать, ни подъ какимъ предлогомъ и ни въ какомъ видѣ, шумнаго одобренія или порицанія преподаванія [2]).

4) Вмѣнить въ непремѣнную обязанность университетскаго начальства имѣть неуклонный надзоръ за соблюденіемъ студентами надлежащаго порядка въ у—тѣ. Не исполняющихъ сихъ правилъ, не смотря на сдѣланныя имъ напоминанія, увольнять изъ у—та, не подвергая ихъ какимъ либо другимъ взысканіямъ, если поступки ихъ не подлежатъ суду по законамъ [3]).

---

[1]) Разъясн. министра: «Но какъ между тѣмъ можетъ встрѣтиться студентамъ надобность въ дозволенныхъ уже начальствомъ совѣщаніяхъ по предметамъ, имѣющимъ учебную или благотворительную цѣль, напримѣръ, употребленіе жертвуемыхъ ими же суммъ на пособія своимъ товарищамъ, заведеніе общихъ для собственныхъ учебныхъ занятій—библіотекъ и т. п., то для распоряженія въ такихъ случахъ и заявленія унив. начальству о нуждахъ студентовъ, правленіе избираетъ отдѣльно по каждому факультету или разряду онаго и курсу, кромѣ перваго, по нѣсколько студентовъ, при чемъ отъ старшаго курса, какъ болѣе зрѣлаго, выбираются до четырехъ, отъ прочихъ, кромѣ перваго, не болѣе двухъ отъ каждаго.

Собираемыя ими жертвуемыя деньги, съ изъясненною цѣлью, должны храниться въ правленіи университета и быть употребляемы по назначенію выборныхъ студентовъ, но съ согласія и одобренія ректора или инспектора».

[2]) Разъясн. министра: «Студентъ, позволившій себѣ это, не смотря на сдѣланное ему двукратное напоминаніе, нарушеніе порядка, исключается изъ списка студентовъ, или-же, смотря по степени вины, удаляется изъ у—та. Исключенный, по истеченіи года, можетъ быть принятъ вновь въ у—тъ, если представитъ удовлетворительное свидѣтельство объ его поведеніи за время небытности въ у—тѣ; удаленный же не только лишается вовсе права на поступленіе въ тотъ-же у—тъ, но и въ другіе у—ты допущенъ не будетъ, для чего о немъ и дается своевременно свѣдѣніе всѣмъ у—тамъ. Само собой разумѣется, что этимъ ограничивается взысканіе за такіе проступки, которые не подлежатъ суду по законамъ».

[3]) Разъясн. министра: «Университетское начальство, не принимая особенныхъ мѣръ побужденія къ посѣщенію лекцій, должно съ тѣмъ бо́льшею

5) Допускать на лекціи вольнослушателей, соображаясь съ вмѣстимостью аудиторіи, съ предоставленіемъ при томъ профессорамъ права удалять тѣхъ вольнослушателей, которые окажутся виновными въ нарушеніи порядка.

6) Не принимать впредь студентовъ ранѣе 17 лѣтняго возраста. Отмѣнить форменную одежду и не дозволять ношеніе какихъ-либо знаковъ отдѣльной народности, или какихъ-либо товариществъ или обществъ. Частная одежда студентовъ должна быть приличная.

7, 8 и 9) говорятъ объ освобожденіи отъ денежнаго взноса, о назначеніи стипендій и пособій. Все это предоставляется отличившимся бѣднымъ студентамъ, преимущественно изъ гимназистовъ университетскаго округа. Выборъ ректоровъ и проректоровъ производить на точномъ основаніи устава 1835 г.

10) Данную въ 1851 г. ректорамъ и деканамъ факультетовъ инструкцію пересмотрѣть, сохранивъ точный смыслъ оной, которымъ и руководствоваться до пересмотра инструкціи.

11) О правахъ окончившихъ курсъ, которыя предписывается сохранить, какъ они были.

12) Предоставить М. Н. Пр. составить соображенія объ увеличеніи содержанія преподавателей въ у—тахъ.

13) Всѣ вышепрописанныя мѣры приводить въ исполненіе постепенно «и по мѣрѣ возможности».

Сообщая это высочайшее повелѣніе попечителямъ учебныхъ округовъ къ руководству и исполненію, графъ Путятинъ вмѣстѣ съ тѣмъ далъ понять, что добросовѣстное исполненіе университетскими преподавателями ихъ обязанностей составляетъ самое существенное условіе сохраненія университета въ спокойствіи и должномъ порядкѣ, и далѣе пишетъ: «гг. ректоры и деканы, слѣдя непрестанно за ходомъ университетскаго преподаванія, помогутъ менѣе опытнымъ своимъ совѣтомъ и указаніями, а въ случаѣ нужды и напоминаніями, дабы предотвратить то легкомысленное небреженіе, или превратное пониманіе своихъ обязанностей, которыя были уже причиною несчастія многихъ молодыхъ людей». Въ заключеніе министръ говоритъ объ отвѣтственности за возрастающее молодое поколѣніе, которая покоится на учащихъ и управляющихъ, въ томъ числѣ и на немъ, министрѣ: «потому снисходительность къ тѣмъ, кто уклоняется отъ исполненія своего долга,

---

строгостью удостовѣряться на переводныхъ (курсовыхъ) экзаменахъ, въ какой мѣрѣ студентъ воспользовался преподаваніемъ. Студентъ, не выдержавшій удовлетворительнаго переводнаго испытанія, исключается изъ университета».

какъ противузаконная, не должна и не будетъ имѣть мѣста» [1]). Прочитавъ вышеизложенное, инспекторъ студентовъ, профессоръ Янишевскій, почелъ нужнымъ донести, что онъ признаетъ предложенную министромъ мѣру объ избраніи студенческихъ депутатовъ чрезъ правленіе университета не цѣлесообразною, и предложилъ на благоусмотрѣніе начальства свое мнѣніе по этому предмету.

«Что касается до выбора депутатовъ правленіемъ, а не студентами, говоритъ онъ въ своемъ донесеніи попечителю, то я долженъ сказать, что на депутатовъ, избранныхъ правленіемъ, студенты будутъ смотрѣть недовѣрчиво и вслѣдствіе этого будутъ возникать неудовольствія, такъ что было бы гораздо удобнѣе предоставить самимъ студентамъ избирать депутатовъ, только представляя ихъ на утвержденіе правленія у—тета» [2]).

Попечитель это мнѣніе инспектора представилъ на благоусмотрѣніе министра и получилъ въ отвѣтъ: «имѣю честь увѣдомить васъ, милостивый государь, что такой порядокъ не согласенъ съ духомъ высочайшаго повелѣнія о недозволеніи между студентами сходокъ и сборищъ, такъ какъ всякое допущеніе массы учащихся къ какому бы то ни было избранію изъ среды своей можетъ и будетъ служить всегда поводомъ, подъ благовиднымъ предлогомъ, къ запрещеннымъ студенческимъ сходкамъ, отклоненіе коихъ и даже самаго повода къ тому должно быть предметомъ особой заботливости начальства» [3]).

Это предписывалось 13-го сентября 1861 года.

Вскорѣ произошли безпорядки въ с.-петербургскомъ у—тетѣ. Начали ожидать ихъ и въ казанскомъ, почему министръ спѣшитъ напомнить попечителю объ обязанности его, попечителя—кн. Вяземскаго, потушить безпорядки, если они случатся.

«Вслѣдствіе безпорядковъ,—увѣдомляетъ министръ телеграмой,—закрыты лекціи и входъ въ с.-петербургскій университетъ; если въ вашемъ университетѣ возникнутъ замѣшательства, требующія сильныхъ мѣръ, то обратитесь къ губернатору и съ его разрѣшенія употребите тѣ-же средства» [4]). Ожиданіе оказалось основательнымъ.

---

[1]) Высоч. пов. Д. к. п. 1 и 2; разъяснен. мин. Д. к. п. 16, 17, 18, 19, 20 и 21.

[2]) Д. к. п. 26.

[3]) Тамъ-же, 30.

[4]) 26-го сент. — Д. к. п. 14.

ГЛАВА VII.

Октябрьская студенческая исторія. — Поводъ и предлогъ къ ея произведенію. — Студенческая демонстрація противъ профессора Больцани. — Демонстрація противъ инспектора Янишевскаго въ его квартирѣ. — Закрытіе университета. — Уличная демонстрація предъ квартирой попечителя по сообщеніямъ о ней кн. П. П. Вяземскаго и казанскаго полиціймейстера.

1861 г.

Безпорядки не замедлили случиться. Поводомъ къ нимъ послужило неудовольствіе студентовъ на профессора физики Больцани, лекціи котораго студенты считали неудовлетворительными. Это они высказывали инспектору въ студенческой читальной. Болѣе другихъ горячился исключенный студентъ Олигеръ, однако, выбранный студентами въ библіотекари этой читальной.

Такъ какъ это сдѣлалось извѣстнымъ попечителю, то онъ и поспѣшилъ сообщить объ Олигерѣ военному губернатору, прося его выслать Олигера изъ города, какъ человѣка вреднаго для спокойствія университета [1]).

Это распоряженіе попечителя, въ соединеніи съ неудовольствіемъ на профессора Больцани, вызвало сейчасъ же студенческую исторію. Въ предложеніи своемъ отъ 7-го октября попечитель сообщаетъ совѣту университета: «студенты казанскаго у—тета, въ числѣ около 30 человѣкъ, явились сегодня ко мнѣ съ жалобою на неудовлетворительное преподаваніе профессора физики Больцани, при чемъ объявили, что лекцій, читанныхъ имъ въ аудиторіи, они не понимаютъ, письменныхъ же лекцій онъ не сдаетъ. Все это рѣшительно отнимаетъ у нихъ средства заниматься надлежащимъ образомъ физикой. Вмѣстѣ съ тѣмъ эти же студенты просили меня о неудаленіи изъ города уволеннаго въ прошедшемъ году изъ у—тета, по распоряженію начальства, студента Олигера» [2]). Тутъ попечитель спрашиваетъ совѣтъ у—тета: — можетъ-ли Олигеръ, подавшій, какъ онъ узналъ, прошеніе о зачисленіи его въ студенты, быть принятъ въ у—тетъ.

Еще не выслушали члены совѣта этого предложенія попечителя, какъ отъ князя Вяземскаго, 8-го октября, въ совѣтъ поступаетъ дру-

---

[1]) Дѣло канц. попеч., 2. — 5-го октября.

[2]) Примѣчаніе: спрашивая объ этомъ, онъ получаетъ увѣдомленіе отъ полиціймейстера, что Олигеръ выѣхалъ изъ города. Н. Ѳ.

гое, въ которомъ, послѣ указанія на предложенныя министромъ мѣры, уже извѣстныя намъ, но не извѣстныя до того времени совѣту, сообщается о новыхъ безпорядкахъ, случившихся въ квартирѣ инспектора [1]). А въ квартирѣ инспектора, 8-го октября, произошло вотъ что. Къ нему пришла толпа студентовъ и попросила служителя Козловскаго доложить о своемъ приходѣ. Тотъ доложилъ. «Въ это время, разсказываетъ инсп. Янишевскій, я пилъ чай въ комнатѣ, отдѣляющейся отъ залы двумя другими комнатами». Инспекторъ вышелъ къ нимъ. Они требовали объясненій. Онъ объявилъ, что не можетъ съ ними объясняться. Тогда они закричали: «Вонъ, вонъ! мы не хотимъ инспектора, намъ не надо инспектора». «Всѣ-ли пришедшіе кричали, заключаетъ свой разсказъ Янишевскій, я рѣшительно не могу сказать; этихъ криковъ я никакъ не ожидалъ, я былъ такъ ошеломленъ, что не видѣлъ даже кто у меня былъ» [2]). Такъ разсказываетъ г. Янишевскій. Для бо́льшей полноты приведемъ разсказъ унтеръ-офицера Козловскаго, его служителя.

«Пришелъ студентъ Егоровъ и спрашиваетъ: можетъ-ли инспекторъ принять?

— Они кушаютъ чай, еще не одѣвшись, отвѣчаетъ Козловскій. Егоровъ ушелъ въ читальную комнату. Немного погодя пришла толпа студентовъ, и кто-то изъ нихъ попросилъ доложить инспектору объ ихъ приходѣ.

«Онъ, разсказываетъ Козловскій, сидѣлъ тогда за чаемъ въ одномъ халатѣ и тотчасъ, вставши, вышелъ къ студентамъ въ залу.

«Студенты стали ближе подвигаться къ инспектору и всѣ въ голосъ закричали: вонъ, вонъ!» [3]).

Обо всемъ случившемся инспекторъ немедленно донесъ попечителю [4]).

Объ этихъ-то новыхъ замѣшательствахъ попечитель увѣдомляетъ совѣтъ.

Въ тотъ-же день состоялось его засѣданіе, гдѣ было рѣшено «вопросъ о сборищѣ» «обсуждать въ цѣломъ совѣтѣ, предсѣдательство въ которомъ просить его сіятельство принять на себя»; Олигера въ студенты не принимать [5]), «прекратить на время чтеніе лекцій до возстановленія спокойствія» [6]), и, наконецъ, совѣтъ, «возмущенный по-

---

[1]) Дѣло 3.
[2]) Д. с. к. 35.
[3]) Тамъ-же, 392.
[4]) Д. к. п. 13.
[5]) Тамъ-же, 5.
[6]) Тамъ-же, 6.

ступками студентовъ въ квартирѣ инспектора и члена совѣта, считая себя оскорбленнымъ ими», рѣшилъ просить его сіятельство о производствѣ «формальнаго» слѣдствія этихъ поступковъ, съ цѣлью открытія виновныхъ, которые, по мнѣнію совѣта, подлежатъ уголовному суду [1]). Лишь только у—тъ былъ закрытъ, какъ въ него губернаторомъ была назначена рота батальона внутренней стражи подъ начальствомъ маіора Вержбицкаго, которому, «въ видахъ сосредоточенія власти», было поручено и полицейское управленіе въ у—тѣ, съ содѣйствіемъ со стороны университескихъ чиновниковъ, помощниковъ инспектора. Эта стража должна была прибыть къ 6 часамъ вечера. Еще до ея прибытія въ студенческой читальной собралась большая толпа студентовъ, которая, по сообщенію помощника инспектора Зоммера, «громогласно кричала при рукоплесканіи ура и браво», когда читала объявленіе о закрытіи у—та.

Прибыла стража. Студенты вышли изъ читальной комнаты въ швейцарскую, гдѣ имъ маіоромъ Вержбицкимъ было прочтено распоряженіе о закрытіи у—та и о предписаніи занять его карауломъ. Они вышли изъ у—та.

Многіе изъ студентовъ разошлись. По крайней мѣрѣ, оффиціальная бумага сообщаетъ: «нѣкоторые изъ нихъ оставались съ полчаса на улицѣ и дѣлали ребяческія выходки противъ кн. Вяземскаго, инспектора и караула, который они называли новыми воспитанниками у—та [2]).

«Новые воспитанники» вошли и расположились въ у—тѣ. Такъ кончилось 8-е октября [3]). Въ слѣдующее 9-е число произошли новыя студенческія волненія. Въ этотъ день, доносилъ телеграммой князь Вяземскій министру народнаго просвѣщенія, «скопище студентовъ въ теченіе двухъ часовъ толпилось около у—та, требуя моихъ объясненій. Маіоръ Вержбицкій и полковникъ Витте объявили, что я не имѣю права объясняться ни съ скопищемъ, ни съ депутатами, что объясненія излишни, дѣло идетъ законнымъ путемъ и, кромѣ указаній правительственныхъ, никакими побужденіями я руководствоваться не могу [4]). Это сообщеніе попечителя, столь краткое по той

---

[1]) Д. к. п., 6.

[2]) Д. с. к. 20.

[3]) Впрочемъ, вечеромъ того-же числа полиціймейстеръ сообщаетъ: «я узналъ, что студенты собираются къ товарищамъ въ домъ Темникова, а потому, вытребовавъ квартирантовъ къ себѣ, обязалъ ихъ подпиской, чтобы они сборищъ у себя не допускали». (Д. с. к. 113 и 114). Н. Ѳ.

[4]) Д. с. к. 29.

причинѣ, что оно сообщается въ телеграммѣ, дополняется сообщеніемъ полиціймейстера Витте [1]). Когда баронъ Витте объявилъ студентамъ объ отказѣ попечителя входить съ ними въ какія бы то ни было объясненія, то,—такъ пишетъ въ своемъ донесеніи онъ, «выслушавши это отъ меня, они стали громко вызывать попечителя, сопровождая эти возгласы аплодированьемъ» [2]). Онъ, въ качествѣ оберегателя общественнаго спокойствія, естественно, началъ ихъ уговаривать о прекращеніи вызововъ и аплодисментовъ. Но они не внимали, продолжая кричать»; при этомъ «изъ толпы слышалось слово подлецъ!» Баронъ не знаетъ только къ кому оно относилось и кѣмъ было произнесено. Покричавъ и похлопавъ нѣкоторое время, студенты пришли къ убѣжденію о тщетности ихъ вызововъ. Послышались голоса: «Господа, пойдемъ!» [3]). И они отправились. «Они пошли, говоритъ бар. Витте, толпой мимо у—та и клиники и что-то запѣли».

Баронъ не знаетъ, что они запѣли, потому что онъ «не могъ вслушаться», и весьма по уважительной причинѣ: «отъ того, объясняетъ онъ,—что продолжалъ дѣлать имъ внушенія вести себя какъ слѣдуетъ образованнымъ людямъ» [4]).

Изъ дальнѣйшаго сообщенія барона Витте видно, что студенты встрѣтились съ начальникомъ губерніи и были имъ подозваны. Подозванные, «они выражали недовѣріе къ извѣщенію университетскаго начальства о закрытіи у—та; но услышавъ подтвержденіе о томъ его превосходительства, нѣкоторые изъ нихъ гласно увѣряли, что не сочувствуютъ поступкамъ своихъ товарищей, и крайне скорбятъ о закрытіи университета» [5]).

---

[1]) Донесеніе Вержбицкаго не противорѣчитъ донесенію полиціймейстера.
[2]) Д. с. к. 112.
[3]) Тамъ-же.
[4]) Тамъ-же.
[5]) Тамъ-же, 113.

ГЛАВА VIII.

Предварительныя мѣры къ разслѣдованію исторіи 8 и 9 октября.—1861 г. Телеграммы попечителя казанскаго учебнаго округа и министра народнаго просвѣщенія по этому предмету.—Сообщеніе губернатора Козлянинова о заявленіи студентовъ IV и V курсовъ медицинскаго факультета, ему сдѣланномъ.—Засѣданіе совѣта университета 10-го октября 1861 г.;—постановленіе его, состоявшееся въ этотъ день, объ исключеніи нѣкоторыхъ студентовъ.

1861 г.

9-мъ октябремъ безпорядки, собственно говоря, на этотъ разъ кончились. Теперь начинается разбирательство дѣла. Просматривая оффиціальныя бумаги, къ нему относящіяся, мы прежде всего знакомимся съ цѣлымъ рядомъ телеграммъ между попечителемъ казан. учебн. округа и министромъ народнаго просвѣщенія, вызванныхъ этими безпорядками.

Эти телеграммы служатъ какъ-бы введеніемъ къ тѣмъ даннымъ о дѣлѣ, которыя добыты потомъ судомъ университетскимъ и слѣдствіемъ надъ студентами, участвовавшими въ безпорядкахъ. Онѣ открываются еще 8-го октября телеграммой попечителя къ министру [1]), гдѣ сообщается о закрытіи у—та и о назначеніи въ него караула, и гдѣ также испрашивается позволеніе нарядить надъ виновными «формальное слѣдствіе».

9-го октября министръ отвѣчаетъ [2]): «разрѣшаю производить слѣдствіе чрезъ губернатора и виновныхъ предать уголовному суду». Попечитель въ тотъ-же день ставитъ министру вопросъ [3]): слѣдуетъ-ли приступить къ исключеніямъ, лишеніямъ стипендій, на основаніи университетскихъ правилъ, или ожидать формальнаго слѣдствія, которое по нынѣшнимъ безпорядкамъ, вѣроятно, будетъ назначено на общемъ основаніи? И получаетъ въ отвѣтъ: «если только нѣкоторые студенты производятъ безпорядки, то, исключивъ ихъ, просить губернатора объ удаленіи главныхъ зачинщиковъ изъ города, на что онъ получитъ разрѣшеніе отъ своего министра. Если волненіе только въ нѣкоторыхъ курсахъ, то закрыть эти курсы. Если оно общее по всему университету, то закрыть его» [4]).

---

[1]) Д. к. п., 26.
[2]) Тамъ-же, 38.
[3]) Тамъ-же, 30.
[4]) Тамъ-же 37.

Попечитель не замедлилъ отвѣтить на нее такъ: «Медики двухъ старшихъ курсовъ не одобряютъ безпорядковъ; по соглашенію съ губернаторомъ, будутъ приняты мѣры для скорѣйшаго возобновленія практическихъ лекцій. По курсамъ участниковъ не возможно раздѣлить. Зачинщики и главные участники будутъ удалены» [1]).

Дѣйствительно, 9-го числа, въ день безпорядковъ предъ квартирой попечителя, медики 4-го и 5-го курсовъ, обратившись въ зданіи клиники къ военному губернатору Козлянинову, заявили, что они не участвуютъ въ безпорядкахъ и имъ не сочувствуютъ [2]).

Это заявленіе Козляниновъ сообщилъ попечителю, а послѣдній совѣту, который въ своемъ засѣданіи 10-го октября постановилъ допускать къ занятіямъ въ зданіе клиники по прошеніямъ и особымъ билетамъ, выдаваемымъ тѣмъ, кого будетъ разрѣшено допустить. Рядъ телеграммъ заканчивается телеграммой министра, въ которой попечитель получаетъ отъ него слѣдующее лаконическое предложеніе [3]): «Можно исключать и лишать стипендій тѣхъ, кои положительно изобличены въ производствѣ безпорядковъ». Это было 10-го октября въ день засѣданія совѣта, когда онъ, подъ предсѣдательствомъ князя Вяземскаго и подъ охраной военнаго караула, въ первый разъ долженъ былъ заняться вопросомъ о происшедшихъ безпорядкахъ и о возстановленіи спокойствія въ университетѣ. Основываясь на послѣдней телеграммѣ министра народнаго просвѣщенія, совѣтъ у—та поспѣшилъ, прежде всего, очистить университетъ отъ тѣхъ лицъ, которыхъ считалъ еще прежде неблагонадежными, и потому, не дожидаясь результатовъ формальнаго слѣдствія надъ участвовавшими въ безпорядкахъ, въ это же засѣданіе постановилъ [4]): «1) гг. студентовъ Кирилова, Виктора Умнова, Конради, Ипидина, Егорова Александра и Осипова исключить изъ у—та и удалить изъ города, 2) гг. докторантовъ Петрова и Пескова, по ихъ вредному вліянію на товарищей, удалить изъ города, но ходатайствовать предъ г. министромъ народн. просвѣщ. о дозволеніи имъ окончить свои экзамены въ другомъ у—тѣ, равно бывшихъ студентовъ: Олигера [5]), Маккавѣева, Линдемана и окончившаго нынѣ курсъ Беневитскаго тоже, по вредному вліянію на товарищей, удалить изъ города; объ этомъ сообщить г. губернатору съ присовокупленіемъ къ этому того, что совѣтъ

---

[1]) Д. к. п., 35.
[2]) Тамъ-же, 41.
[3]) Телегр. Д. к. п., 39.
[4]) Д.—8.
[5]) Уволеннаго уже.

считаетъ также вреднымъ присутствіе въ городѣ исключеннаго студента Христофорова, такъ какъ онъ, не смотря на оффиціальныя запрещенія, являлся въ зданіи университета» [1]).

Н. А. Өирсовъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

---

[1]) Исключеніе 4-хъ студентовъ состоялось 16-го октября, а 14-го октября начальникъ жандармовъ секретно спрашиваетъ объ именахъ исключенныхъ въ 1861 г. [2]). Изъ секретнаго-же ему отвѣта мы узнаемъ, что въ 1861 г. пока исключено было 10 человѣкъ [3]).

---

[1]) Д. к. п., 31.
[2]) Тамъ-же, 67.
[3]) Тамъ-же, 71 и 72.

ГРАФЪ НИКОЛАЙ ИВАНОВИЧЪ ЕВДОКИМОВЪ

1804—1873.

V [1]).

Со времени появленія русскихъ войскъ на р. Энгеликѣ (въ началѣ апрѣля 1858 г.) наибъ Малой Чечни посылалъ къ Шамилю гонца за гонцомъ съ донесеніями о нашихъ успѣхахъ и съ просьбами о немедленной помощи. Имамъ убѣдился, что дѣло, затѣянное нами, нешуточное. Не теряя времени, онъ кликнулъ кличъ ко всѣмъ подвластнымъ ему горцамъ, и вскорѣ уже стали доходить до Н. И. Евдокимова извѣстія о появленіи крупныхъ непріятельскихъ партій на предгоріяхъ и плоскости Большой Чечни. Считая себя на первое время обезпеченнымъ съ той стороны войсками, расположенными въ Аргунскомъ ущельѣ и въ аулѣ Большой Чеченъ, онъ продолжалъ неуклонно и самолично распоряжаться замиреніемъ и выселеніемъ мало-чеченскихъ обывателей. Но около 20-го апрѣля получены были свѣдѣнія, что сборы непріятеля усилились, что самъ Шамиль принялъ надъ ними начальство, что значительное скопище появилось въ лѣсахъ близъ Воздвиженскаго и что Шалинское укрѣпленіе было даже, въ теченіи двухъ сутокъ, обстрѣливаемо изъ орудій. Всѣ эти обстоятельства понудили Н. И. Евдокимова, оставивъ часть своихъ войскъ для завершенія начатаго дѣла въ Малой Чечнѣ,

---

[1]) См. «Русскую Старину», изд. 1888 г., т. LVIII, апрѣль, стр. 143—162; т. LX, октябрь, стр. 169—202; изд. 1889 г., т. LXI, мартъ, стр. 479—506; т. LXII, май, стр. 357—387.

подвинуться съ главными силами на Аргунъ. Вдоль по теченію этой рѣки, отъ Воздвиженскаго до Сунжи,—онъ, съ свойственною ему предусмотрительностію, расположилъ свои отряды такъ, что пробиться сквозь нихъ безнаказанно непріятелю не представлялось возможности. Попытокъ на это, однако, можно было ожидать, такъ какъ враждебныя скопища наводнили собою все нагорье Большой Чечни, отъ р. Хулхулау черезъ р. Бассъ, до Мезеней; а часть ихъ, между тѣмъ, производила работы на Даргинъ-Дукѣ, гдѣ возведено было нѣсколько заваловъ и испорчена устроенная нами дорога.

Такимъ образомъ, благодаря энергической дѣятельности Шамиля, войскамъ Чеченскаго отряда, послѣ 8-ми-мѣсячной тяжелой кампаніи, пришлось, вмѣсто необходимаго для нихъ отдыха, расположиться на оборонительныхъ позиціяхъ и нести трудную сторожевую службу. Вызывалось это, очевидно, необходимостію: надо было окончательно обезпечить себя со стороны лежавшей въ нашемъ тылу Малой Чечни, прежде чѣмъ рѣшаться на какія либо новыя наступательныя предпріятія.

На счастіе наше, Шамиль сначала полагалъ, что апрѣльскія дѣйствія Н. И. Евдокимова въ Малой Чечнѣ ограничатся, какъ то бывало прежде, раззореніемъ нѣсколькихъ ауловъ. Онъ не ожидалъ столь быстраго и полнаго отпаденія отъ его власти того многолюднаго и воинственнаго населенія, которое служило сильнымъ подспорьемъ для утвержденія его могущества; когда же положительно въ этомъ убѣдился, то поправить дѣло было уже поздно. Все вниманіе его, поэтому, сосредоточилось теперь на Большой Чечнѣ, гдѣ легко могли повториться тѣ-же событія, что и въ Малой. Личное присутствіе имама, въ сопровожденіи огромныхъ скопищъ, возымѣло свое дѣйствіе на мѣстныхъ жителей: они попрятали свои семейства и свое имущество по дальнимъ лѣснымъ трущобамъ, заградили дороги завалами и, повидимому, приготовились къ упорной оборонѣ. Только нѣсколько десятковъ семей, не вѣрившихъ въ возможность найти покой иначе, какъ подъ русскою властью, переселилось, пользуясь близостью нашихъ войскъ, въ Умаханъ-Юртъ.

Успокоивая и возвышая духъ мѣстныхъ жителей, Шамиль, однако, не оставлялъ своего намѣренія вторгнуться въ Малую Чечню и жестоко покарать отпавшее отъ него населеніе. Вся-

кія ухищренія пущены были имъ въ ходъ для того, чтобы развлечь вниманіе стоявшихъ на Аргунѣ отрядовъ нашихъ и прорваться сквозь ихъ цѣпь; но всѣ эти попытки были безуспѣшны, такъ какъ Н. И. Евдокимовъ приказалъ начальникамъ отрядовъ держаться, временно, въ строго-оборонительномъ положеніи и не предпринимать никакихъ движеній, пока не разъяснится окончательно, куда направлены главныя силы противника. Между тѣмъ, въ Малой Чечнѣ, вновь устроенные аулы дѣятельно укрѣплялись, для того, чтобы, въ случаѣ надобности, переселенцы сами могли постоять за себя, не требуя тотчасъ же поддержки войскъ, которыя можно было употреблять для другихъ дѣйствій.

Такъ протянулись дѣла до конца мая; какъ вдругъ Н. И. Евдокимовъ встревоженъ былъ извѣстіями о серьезныхъ безпорядкахъ по близости отъ Владикавказа и о возстаніи назрановскаго общества, обитавшаго по верхней Сунжѣ и низовьямъ Ассы [1]). Трудно было сомнѣваться въ томъ, чтобы Шамиль, повсюду имѣвшій своихъ агентовъ, не воспользовался столь благопріятнымъ для него обстоятельствомъ и не попытался ворваться въ Малую Чечню со стороны бывшаго Владикавказскаго округа, т. е. тамъ, гдѣ мы менѣе всего его ожидали—какъ онъ имѣлъ полное основаніе предполагать.

Но Н. И. Евдокимовъ и тутъ предупредилъ его. Получивъ доселіе о назрановскихъ происшествіяхъ и понимая серьезность ихъ значенія въ данную минуту, онъ не замедлилъ принять всѣ

---

[1]) Назрановцы еще съ 1810 г. считались «мирными», но это не мѣшало имъ разбойничать не хуже другихъ чеченцевъ. Надлежащему надзору за этимъ обществомъ мѣшала его разбросанность по мелкимъ хуторамъ, среди лѣсныхъ трущобъ, гдѣ легко могли укрываться всякіе бродяги и хищники; туда же Шамиль не преминулъ высылать своихъ агентовъ, подстрекавшихъ народъ противъ русской власти. До поры до времени пламя таилось подъ пепломъ, но когда, въ 1858 г., рѣшено было соединить населеніе въ большіе аулы, подъ нашъ ближайшій надзоръ, и приказаніе это было объявлено жителямъ, они открыто возстали, послали Шамилю приглашеніе идти къ нимъ и, подкрѣпленные своими сосѣдями: галашевцами и карабулаками (тоже отъявленными разбойниками), атаковали Назрановское укрѣпленіе. Къ счастію, находившійся тогда во Владикавказѣ полковн. Зотовъ, извѣщенный о готовившемся бунтѣ, успѣлъ заблаговременно подкрѣпить находившіяся въ укрѣпленіи войска и успѣшно отразилъ нападеніе.

мѣры для противодѣйствія намѣреніямъ Шамиля, о которыхъ, очевидно, догадывался, давно изучивъ тактику своего противника. Войскамъ Чеченскаго отряда, расположеннымъ на Аргунѣ, приказано было вернуться въ Малую Чечню, для успокоенія и ободренія только что покорившихся намъ жителей, а также и для достойной встрѣчи всякихъ непріятельскихъ покушеній съ этой стороны.

Догадки Н. И. Евдокимова оправдались: находясь около поста Нестеровскаго, онъ получилъ извѣстіе, что Шамиль, разсчитывая на содѣйствіе назрановцевъ и другихъ туземцевъ бывшаго владикавказскаго округа, собралъ до 8-ми тысячъ пѣшихъ и конныхъ горцевъ, переправился черезъ верховья обоихъ Аргуновъ и спустился по Кусуль-Кундуку (хребетъ, отдѣляющій р. Энгеликъ отъ р. Гойты) на южныя окраины Малой Чечни. Вслѣдствіе этого отдѣльныя колонны наши были немедленно распредѣлены по разнымъ пунктамъ такъ, что вполнѣ прикрывали плоскость, Сунженскую линію, Владикавказъ и заслоняли отъ непріятеля весь назрановскій округъ.

Появленіемъ своимъ въ ущельѣ Гойты Шамиль надѣялся снова взволновать Малую Чечню, но долженъ былъ горько разочароваться, не встрѣтивъ тамъ никакого сочувствія. При такомъ настроеніи мѣстныхъ жителей опасно было продвигаться далѣе къ сѣверу, потому что ближайшіе отряды наши могли бы отрѣзать ему путь отступленія въ Черныя горы; вслѣдствіе этого, укрываясь за лѣсами, покрывающими уступы названныхъ горъ, онъ двинулся далѣе на западъ и, 9-го іюня, сдѣлалъ попытку прорваться на плоскость къ аулу Ачхой. Послѣ кровопролитной схватки съ отрядомъ полковника Алтухова (при чемъ особенно отличились нижегородскіе драгуны), горское скопище должно было отступить въ нагорные лѣса. Но Шамилю все еще не хотѣлось уходить; перейдя черезъ р. Фортангу, въ земли галашевскаго общества, онъ, 11-го іюня, занялъ аулы Алкунъ и Мужичь, а 1-го іюля двинулъ партію въ 1,500 чел., подъ начальствомъ своего сына, Кази-Магомы, въ Аки-Юртовское ущелье. Это было уже послѣднею его попыткою прорваться на плоскость, такъ какъ Н. И. Евдокимовъ быстро стянулъ къ угрожаемымъ пунктамъ всѣ имѣвшіяся подъ рукою войска, и непріятель, видя, что при дальнѣйшемъ наступленіи онъ мо-

жетъ быть окруженъ нашими отрядами, долженъ былъ отказаться отъ своихъ замысловъ. Между тѣмъ, оставаться долѣе среди галашевскаго общества для Шамиля тоже было затруднительно, потому что немногочисленное мѣстное населеніе не имѣло возможности продовольствовать его крупныхъ скопищъ. Вслѣдствіе этого, онъ, 15-го іюня, снова двинулся уступами Черныхъ горъ, на востокъ, къ Мереджамъ, направивъ партію Саибдуллы къ Датаху; затѣмъ, пройдя черезъ земли акинскаго и шубутовскаго обществъ, имамъ перевелъ свои скопища черезъ оба Аргуна, распустилъ часть ихъ по домамъ, а самъ удалился въ Ведень.

Эпизодъ назрановскаго возстанія и диверсія, предпринятая Шамилемъ, надѣлали не мало хлопотъ и тревогъ Н. И. Евдокимову. Только послѣ пораженія, нанесеннаго горцамъ полковникомъ Алтуховымъ, и сбора во Владикавказѣ достаточныхъ силъ у него нѣсколько отлегло на сердцѣ. „Теперь я гораздо спокойнѣе,—писалъ онъ 12-го іюня полковнику Бѣлику, находившемуся въ Малой Чечнѣ,—ибо дѣла немного поустроились. При вашей бдительности, надѣюсь, что Шамиль обмануть насъ не успѣетъ; въ горахъ же пусть дѣлаетъ, что хочетъ, это для насъ все равно. О галашевцахъ я также ничего не думаю и желалъ бы, чтобы Шамиль увелъ ихъ въ горы. Меньше останется сквернаго народа, а хуже галашевцевъ нѣтъ на горѣ....

P. S. Вотъ уже 5 сутки, какъ я не имѣю ни одной ночи и пользуюсь сномъ лишь по временамъ, когда часъ, а когда два“ [1]).

Вышеописанныя событія въ окрестностяхъ Владикавказа не замедлили, впрочемъ, ни на одинъ день имѣвшагося въ виду лѣтняго движенія къ верховьямъ Чанты-Аргуна. По отступленіи Шамиля, Н. И. Евдокимовъ немедленно распорядился возстановленіемъ порядка въ назрановскомъ обществѣ и казнію зачинщиковъ; а какъ только убѣдился, что непріятель окончательно ушелъ за Аргунъ и что Малой Чечнѣ болѣе не угрожаетъ опасности, онъ сталъ исподоволь и незамѣтно для противника стягивать войска въ укрѣпленія Воздвиженское и Аргунское, гдѣ къ 30-му іюня они и сосредоточились.

[1]) Арх. гр. Евдокимова, № 1-й.

„Чтобы достигнуть цѣли экспедиціи: покоренія горнаго пространства между Терекомъ и Аргуномъ (такъ пишетъ Н. И. Евдокимовъ въ журналѣ военныхъ дѣйствій съ 1-го по 5-е іюля 1858 г.), надобно было, съ перваго же шагу, преодолѣть самое сильное изъ препятствій, которое представляетъ намъ здѣшняя война—гряду крутыхъ и заросшихъ дремучимъ лѣсомъ хребтовъ, которая тянется безъ малѣйшаго перерыва изъ края въ край, черезъ все лѣвое крыло, ограждая почти непроходимымъ поясомъ высокія и голыя поляны, составляющія внутренность горъ. Обойти лѣсную гряду съ тыла изъ Владикавказа черезъ Акинское общество оказалось неисполнимымъ, по тому разсчету, что это движеніе потребовало бы 9-ти переходовъ поперегъ многихъ хребтовъ, при чемъ обезпеченіе сообщеній поглотило бы большую часть отряда; кромѣ того подобное направленіе заставило бы обнажить передъ непріятелемъ Чечню на довольно продолжительное время. Я предпочелъ положиться на мужество и боевую опытность ввѣренныхъ мнѣ войскъ и пробиться черезъ лѣсныя горы съ лица. Но полный успѣхъ подобнаго предпріятія былъ возможенъ только при томъ условіи, чтобы непріятель не былъ заранѣе готовъ встрѣтить насъ на избранномъ пути. Иначе, при невообразимыхъ препятствіяхъ, которыя мѣстность представляетъ здѣсь на каждомъ шагу, потеря съ нашей стороны могла быть не соразмѣрна даже съ важностію самаго предпріятія, какъ она ни велика“ [1]).

Руководствуясь такими соображеніями, Н. И. Евдокимовъ началъ съ того, что отвлекъ вниманіе противника отъ Чанты-Аргуна и заставилъ его серьезно опасаться за другія мѣста. На сей конецъ онъ приказалъ начальнику штаба Чеченскаго отряда, полковнику Зотову [2]), съ заранѣе прибывшими въ Аргунское ущелье войсками, производить демонстраціи у Даргинъ-Дука. Демонстраціи эти, производившіяся 28-го и 29-го іюня и соединенныя съ рекогносцировкою по обоимъ берегамъ Шаро-Аргуна, возъимѣли желаемое дѣйствіе. Шамиль, опасаясь болѣе

---

[1]) Воен.-уч. арх., Отд. II, № 6602, в.

[2]) Впослѣдствіи ген.-отъ-инфантеріи, командовавшій русскими войсками подъ Плевною, во время штурма 30-го августа 1877 г.—Записки его см. въ «Русской Старинѣ», 1886 г., томъ XLIX.

всего за Даргинъ-Дукъ, черезъ который открывался путь въ самое сердце непокорныхъ горъ, немедленно усилилъ, до 2-хъ т. человѣкъ, стоявшія тамъ партіи наибовъ: Лабазана и Дубы. Можно было, поэтому, надѣяться, что всякое движеніе въ другую сторону принято имъ будетъ лишь за диверсію, что главныя силы имама будутъ стянуты на Даргинъ-Дукѣ и намъ придется имѣть дѣло съ одними обывателями Чанты-Аргунскихъ верховій.

Николай Ивановичъ любилъ ковать желѣзо пока оно горячо, и потому, прибывъ, въ ночь съ 30-го іюня на 1-е іюля, къ Аргунскому укрѣпленію, немедленно распорядился движеніемъ сосредоточенныхъ тамъ войскъ въ намѣченномъ направленіи. Передовой эшелонъ, подъ начальствомъ полк. Зотова, выступилъ въ 2 часа пополуночи и на другой день овладѣлъ съ боя ауломъ Соси-Ирзау, лежащимъ въ глубинѣ Дачу-Борзойской долины, въ томъ мѣстѣ, гдѣ Чанты-Аргунъ вырывается изъ глухой тѣснины на болѣе широкое мѣсто, въ то время еще не очищенное отъ лѣса. Узнавъ объ этомъ быстромъ успѣхѣ, Н. И. Евдокимовъ прибылъ къ передовымъ войскамъ. По его приказанію, взятый аулъ былъ укрѣпленъ и занятъ двумя баталіонами; тогда же приступлено къ возстановленію находившагося здѣсь полуразрушеннаго моста и къ вырубкѣ лѣса, покрывавшаго ложбину рѣки.

Работы эти служили какъ бы прологомъ для слѣдовавшихъ за ними необычайно трудныхъ дѣйствій. Предстояло пробиваться черезъ хребты, покрытые сплошнымъ лѣсомъ, на пространствѣ 6-ти или 7-ми верстъ, по мѣстности вполнѣ намъ неизвѣстной и не имѣвшей никакихъ путей сообщенія. Другаго исхода не оставалось, потому что наступать прямо по дорогѣ, тянувшейся по ущелью, обставленному лѣсистыми утесами и прегражденному завалами,—значило подвергать войска еще большей опасности.

На эту дорогу, кромѣ того, горцы стянули всѣ свои наличныя силы, потому что менѣе всего ожидали нашего движенія цѣликомъ черезъ лѣсъ. Чтобы еще болѣе утвердить ихъ въ этомъ заблужденіи, Н. И. Евдокимовъ приказалъ, 3-го іюля, рубить просѣку отъ поляны, гдѣ стоялъ передовой отрядъ, вверхъ по ущелью. Непріятель завязалъ перестрѣлку и, готовясь принять атаку, сталъ устраивать новые завалы въ столь близкомъ

разстояніи отъ нашей цѣпи, что можно было слышать съ его стороны шумъ падающихъ подъ топоромъ деревьевъ.

Между тѣмъ, съ наступленіемъ ночи войска наши поднялись съ своего бивака и двинулись по указанному направленію, въ двухъ колоннахъ: передняя, подъ начальствомъ полковн. Зотова, задняя—полков. Баженова. Приходилось взбираться по горному откосу Мескинъ-Дукъ, поднимающемуся крутыми уступами отъ Аргуна до вершины большаго хребта. Горцы, благодаря взошедшей лунѣ, замѣтили, однако, наше движеніе, бросились изъ ущелья наперерѣзъ ему, и уже на второмъ уступѣ горы войска были встрѣчены огнемъ засѣвшаго въ лѣсу непріятеля, который вслѣдъ засимъ началъ охватывать и фланги передовой колонны. Полк. Зотовъ, сознавая опасность всякой остановки при подобныхъ условіяхъ, продолжалъ безостановочно идти впередъ; стремительныя атаки шедшаго въ головѣ колонны 5-го баталіона Куринскаго полка не давали противнику опомниться [1]), и горцы, выбитые послѣдовательно съ семи горныхъ уступовъ, сброшены были, наконецъ, въ чрезвычайно глубокій оврагъ Джомагинъ (Чертова балка). Во время этого горячаго дѣла колонна полковн. Баженова, обремененная вьюками, только что вступала въ лѣсъ. Она прошла его безъ выстрѣла, такъ какъ всѣ усилія и все вниманіе непріятеля обратились на передовыя войска.

За оврагомъ Джомагинъ, къ которому подошли теперь войска наши, лежала окруженная обрывами и перелѣсками Варандинская поляна, за которою, черезъ рѣдкій лѣсъ, открывались другія поляны, такого же характера; вдали были видны уходившія толпы непріятеля. Самый оврагъ, въ случаѣ упорной обороны, могъ считаться непроходимымъ; но охотниковъ защищать его не оказалось, а напротивъ, мѣстные жители, стоя на другой сторонѣ оврага, громко приглашали насъ идти къ нимъ безъ опасенія. Вслѣдствіе этого, Н. И. Евдокимовъ, прибывшій къ авангарду, немедленно перевелъ черезъ Джомагинъ всю передовую колонну. Грозный Мескинъ-Дукъ остался за нами.

Въ дѣлѣ 4-го іюля прóтивъ насъ дрались два наиба: шатоевскій—Батока и акинскій—Гамзадъ; чаберлоевскій наибъ, Лаба-

[1]) Только на 5-мъ уступѣ лихой баталіонъ этотъ, усталый до изнеможенія, смѣненъ былъ свѣжими частями.

занъ, прибылъ къ вышеназванному оврагу въ то время, когда дѣло еще продолжалось, и хотѣлъ выжидать насъ при подъемѣ на поляну, но видя, что мѣстные жители не намѣрены съ нами драться, поспѣшно отступилъ; ичкеринскій наибъ, Адиль, пришелъ въ тотъ же день въ аулъ Зуаны, но не поспѣлъ къ дѣлу [1]).

„Чистосердечно долженъ донести,—писалъ Н. И. Евдокимовъ въ своемъ журналѣ военныхъ дѣйствій—въ этотъ день испытанныя войска кавказской арміи показались во всемъ блескѣ. Мы вступили теперь въ страну, никогда не видавшую русскаго съ оружіемъ въ рукахъ; лѣсной поясъ пройденъ и, вмѣстѣ съ нимъ, населеніе, воспитанное въ вѣчной войнѣ и чувствѣ кровной вражды къ намъ. Вѣроятно, также, примѣръ прошлаго и нынѣшняго годовъ, примѣръ многочисленнаго населенія, признавшаго нашу власть и устраиваемаго теперь къ своему благу русскимъ правительствомъ, начинаетъ дѣйствовать на горцевъ; по крайней мѣрѣ, въ шатоевскомъ обществѣ, куда мы теперь вступили, жители не бѣжали въ лѣсъ и не стрѣляютъ въ насъ; они остались въ своихъ домахъ и завели уже нѣкоторую торговлю съ войсками. Не рѣшаюсь еще говорить слишкомъ много объ этомъ обстоятельствѣ, но примѣръ этотъ можетъ распространиться далеко. Въ первый разъ съ тѣхъ поръ, какъ начались кавказскіе походы, мы ведемъ войну въ населенномъ краѣ и, подходя къ горской деревнѣ, видимъ жителей, спокойно ожидающихъ насъ въ своихъ домахъ [2])“.

Переходъ черезъ Мескинъ-Дукъ открылъ главному Чеченскому отряду доступъ въ нѣдра горъ, занятыхъ непокорными племенами; но пока не было проложено сообщеніе черезъ пространство, оставшееся въ тылу, наши войска стояли на Варандинской полянѣ въ совершенно изолированномъ положеніи. Сзади ихъ лѣсные хребты смыкались сплошнымъ поясомъ. Впереди лежали другіе, хотя не столь густые, лѣса, черезъ которые путь открывался только по узкой полянѣ, вьющейся съ вершины на вершину, между буграми и оврагами, на 7

---

[1]) Наши потери въ дѣлѣ 4-го іюля: убиты 1 офицеръ и 6 нижн. чиновъ, ранено 5 офиц. и 24 нижн. чина.

[2]) Воен.-уч. арх., отд. II, № 6602. в.

верстъ протяженія, до большаго Варандинскаго поля, за которымъ поднимаются уже нагіе хребты. Отряду по необходимости пришлось распространиться одновременно въ обѣ стороны: назадъ, чтобы открыть сообщеніе съ аргунскимъ укрѣпленіемъ, а впередъ,—чтобы заблаговременно захватить мѣстность, на которой непріятель могъ подготовить средства къ новому упорному сопротивленію.

На основаніи этихъ соображеній, Н. И. Евдокимовъ уже 5 іюля направилъ особый отрядъ, подъ начальствомъ ген.-маіора Кауфмана, внизъ по Чанты-Аргуну, къ аулу Зонахъ, для рубки просѣки вдоль по ущелью; а на встрѣчу ему, для такой же работы, приказалъ идти войскамъ, оставленнымъ въ Соси-Ирзау, подъ начальствомъ полк. Наумова. На другой день остальныя войска Чеченскаго отряда приступили къ рубкѣ лѣса вверхъ по Чанты-Аргуну, по направленію на аулъ Большія Варанды.

Рекогносцировка, произведенная 7 іюля Н. И. Евдокимовымъ, показала ему, что лежащій къ югу отъ нашего расположенія лѣсъ занятъ сильною непріятельскою партіею. Имѣя въ виду, что намъ предстояло наступать по этому направленію и что непріятель не преминетъ воспользоваться каждымъ днемъ, чтобы воздвигнуть намъ новыя преграды, онъ немедленно собралъ всѣ сколько нибудь свободныя отъ работъ войска и, поручивъ начальству полк. Баженова 4 баталіона, 3 стрѣлковыя роты и 4 горныя орудія, приказалъ ему очистить впереди лежащую лѣсную полосу. Приказаніе было выполнено совершенно успѣшно, и 9 іюня передовыя войска наши стояли уже на большомъ Варандинскомъ полѣ. Лѣсная полоса осталась окончательно за нами, но слѣдовало принять мѣры, чтобы безповоротно утвердиться на занятомъ пространствѣ; а потому, лишь только устранена была непосредственная близость противника, Н. И. Евдокимовъ снова налегъ, со всею энергіею, на производство необходимыхъ работъ для устройства сообщеній съ тыломъ отряда. Мелкія непріятельскія партіи хотя и не переставали при этомъ тревожить насъ, но уже серьезною помѣхою быть не могли.

Шамиль, очевидно, былъ очень встревоженъ послѣдними успѣхами нашими на верховьяхъ Чанты-Аргуна. Получивъ извѣстіе объ этомъ, онъ самъ поспѣшно прибылъ въ эту сто-

рону и отдалъ приказаніе наибамъ всѣхъ подвластныхъ ему горскихъ обществъ вести туда своихъ людей. Въ ожиданіи подкрѣпленій, онъ собиралъ окрестныхъ обывателей, приводилъ ихъ къ присягѣ на газаватъ (священную войну); внушалъ имъ, что наше движеніе въ Шатой есть только набѣгъ, и убѣждалъ еще разъ сразиться съ русскими, предоставляя имъ затѣмъ покориться своей участи, какова она ни будетъ. Увѣщанія стараго имама и страхъ передъ нимъ произвели желаемое дѣйствіе. Въ нѣсколько дней силы стоявшаго противъ насъ непріятельскаго скопища возросли опять до 9 т. человѣкъ, при 3-хъ горныхъ орудіяхъ. Съ ними Шамиль занялъ весьма крѣпкую позицію, за оврагомъ Ахкъ, перерѣзывающимъ большое Варандинское поле перпендикулярно Чанты-Аргуну; позиція эта была усилена завалами, и таковые же, кромѣ того, были устроены и на правомъ берегу рѣки, противъ ауловъ Вашиндуръ и Цаганъ, въ защиту находившихся тамъ мостовъ, отъ которыхъ расходились дороги во всѣ мѣста прилежащаго края.

Заботясь прежде всего объ обезпеченіи своего тыла и сообщеній, Н. И. Евдокимовъ до поры до времени ничего не предпринималъ противъ позиціи Шамиля, поджидая окончанія работъ, разсчитывая затѣмъ атаковать эту позицію всѣми своими силами и надѣясь, что противъ ихъ натиска не устоятъ никакія твердыни. Между тѣмъ, положеніе Шамиля становилось день ото дня затруднительнѣе: огромное скопище, имъ собранное, истребляло, какъ саранча, всѣ запасы мѣстныхъ жителей, а пользы имъ пока не приносило. Чтобы выйдти изъ этого положенія и отвлечь наше вниманіе отъ Шатоевской долины—средоточія путей и ключа всей западной части горъ,—имамъ рѣшился на отчаянное средство; и вотъ, 24 іюня, получено было у насъ извѣстіе, что онъ, оставивъ пѣхоту свою на позиціи, самъ съ 3-мя т. конницы двинулся ночью на западъ, въ землю Галашевскаго общества, гдѣ уже побывалъ въ прошломъ мѣсяцѣ.

Но Н. И. Евдокимова трудно было застать врасплохъ. Онъ предвидѣлъ возможность повторенія попытки Шамиля противъ Малой Чечни, и потому, углубляясь съ главнымъ отрядомъ въ нѣдра горъ, сдѣлалъ необходимыя распоряженія для охраны прочихъ частей ввѣреннаго ему края. Поэтому, не тревожась диверсіею своего противника, онъ, напротивъ, рѣшился воспользоваться

ею для нанесенія окончательнаго удара оставленному на верхнемъ Аргунѣ скопищу, и 30-го числа, по завершеніи всѣхъ необходимѣйшихъ работъ, приказалъ атаковать непріятельскую позицію.

Обстоятельства и на этотъ разъ сложились въ нашу пользу, такъ какъ по уходѣ Шамиля немедленно возникли несогласія между мѣстными жителями и тавлинцами. При отсутствіи единства, противники потеряли всякую энергію, такъ что одинъ огонь нашей артиллеріи заставилъ ихъ очистить грозную Варандинскую позицію и разсѣяться. 1 августа, по вновь устроенному тамъ мосту, двинутъ былъ на правый берегъ Чанты-Аргуна особый отрядъ, подъ начальствомъ ген.-маіора Кемпферта, который, разрушивъ находившіеся тамъ завалы, произвелъ рекогносцировку внизъ по ущелью, гдѣ должна была быть устроена дорога къ Зонахскому укрѣпленію. Тогда же получено было Н. И. Евдокимовымъ извѣстіе о томъ, что, въ самый день занятія нами Варандинской позиціи (30 іюня), ген.-маіоръ Мищенко на голову разбилъ скопища Шамиля, вторгнувшіяся въ назрановское общество. Такимъ образомъ, избѣгая столкновенія съ нами въ Шатоѣ (сохраненіемъ котораго онъ сильно дорожилъ), имамъ потерпѣлъ два пораженія разомъ и лишился на нѣкоторое время всѣхъ средствъ продолжать сопротивленіе.

Занятіе Шатоя, въ которомъ мы теперь стали твердою ногою, открывало доступъ во всѣ стороны, по естественнымъ путямъ, которые непріятель не могъ преградить: на западъ, черезъ акинское общество, къ Владикавказу; на югъ, черезъ Хевсурію, въ Закавказье; на востокъ, черезъ Шаро-Аргунъ, въ самое сердце непокорныхъ горъ.

„Съ открытіемъ этого послѣдняго пути—писалъ Н. И. Евдокимовъ—падаютъ сами собою укрѣпленія, воздвигнутыя горцами на Даргинъ-Дукѣ, которыми они хотѣли заградить намъ доступъ по просѣкѣ, проложенной нынѣшнею весною. Много трудовъ предстоитъ еще войскамъ Чеченскаго отряда для того, чтобы вполнѣ утвердиться въ ущельѣ обоихъ Аргуновъ; но уже теперь я смѣю сказать: главное сдѣлано [1])“.

---

[1]) Воен. Уч. арх., отд. II, № 6602 в., журналъ воен. дѣйствій главн. Чеченскаго отряда, съ 15 іюля по 1 августа.

Послѣднимъ успѣхомъ нашимъ, дѣйствительно, рѣшалась участь обширнаго края. Когда Чеченскій отрядъ вышелъ на шатоевскую долину, пробившись черезъ лѣсистые хребты, ограждавшіе ее сплошнымъ поясомъ дебрей (около 20 в. въ ширину),—тогда мѣстные жители поняли, что дѣло кончено, что дальнѣйшее сопротивленіе будетъ для нихъ гибельно, такъ какъ никакихъ задатковъ успѣха не имѣетъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, затаенная вражда къ такъ долго тяготѣвшему надъ ними ученію мюридизма, насильственно поддерживаемому тавлинцами, вспыхнула вдругъ съ полною силою. Такъ, еще 7-го августа, они напали на тавлинцевъ, уводившихъ аманатовъ отъ шатоевскаго населенія; причемъ много мюридовъ было изрублено и потоплено въ рѣкѣ. Во время кратковременнаго отсутствія Н. И. Евдокимова, къ ген.-маіору Кемпферту прибыли люди изъ ауловъ, лежащихъ на Шаро-Аргунѣ, прося избавить ихъ отъ тавлинскихъ шаекъ. Они сами провели назначенный для сего отрядъ ($2^1/_2$ баталіона и 5 сотенъ) къ мѣсту расположенія скопища Кази-Магомы, которое и было наголову разбито.

14-го августа явилась къ начальнику Чеченскаго отряда депутація старшинъ шатоевскаго общества съ изъявленіемъ покорности; въ слѣдующій же день прибылъ изъ дальняго аула Итумъ-кале (резиденція наиба, управлявшаго чантійцами, акинцами и обществами кистинскими) тамошній старшина Дуга, съ просьбою о помощи своимъ соплеменникамъ, готовымъ возстать противъ Шамиля. Такъ какъ вѣрность шатоевцевъ была обезпечена взятіемъ у нихъ заложниковъ, то Н. И. Евдокимовъ счелъ возможнымъ продвинуться еще далѣе, и 16-го числа послалъ по направленію на Итумъ-Кале отрядъ подъ начальствомъ полковника Баженова ($2^1/_2$ батал., 4 сотни, 4 горн. орудія). Съ приближеніемъ этого отряда къ названному аулу, и по сдѣланнымъ имъ двумъ сигнальнымъ пушечнымъ выстрѣламъ, жители поднялись и истребили всѣхъ находившихся у нихъ тавлинцевъ, кромѣ лишь наиба Гамзадъ-Хаджи, которому удалось спастись бѣгствомъ. По вступленіи русскихъ войскъ въ Итумъ-Кале, тамъ учреждено наше управленіе, съ жителей взяты заложники и немедленно приступлено къ разработкѣ дороги для сообщенія съ главнымъ отрядомъ, расположеннымъ въ Шатоѣ, на урочищѣ Гакко.

Непосредственно вслѣдъ за этимъ событіемъ, возстаніе противъ власти имама стало быстро распространяться по всѣмъ окрестнымъ мѣстамъ. Въ аулахъ, которые были поближе къ нашимъ войскамъ и могли разсчитывать на ихъ поддержку, мѣстные жители стали убивать, безъ разбору, всѣхъ находившихся среди нихъ тавлинцевъ, такъ что многимъ изъ послѣднихъ пришлось искать спасенія у русскаго начальства. Одновременно съ симъ, разныя горскія общества присылали къ Н. И. Евдокимову депутатовъ съ изъявленіемъ покорности и сами приводили заложниковъ, даже изъ такихъ мѣстъ, куда оружіе наше еще далеко не проникло. Такимъ образомъ, въ теченіе одной недѣли покорилось 11 обществъ, и замиреніе Шатоя довершилось покорностію наиба его, Батока, который, наконецъ, явился въ нашъ лагерь со всѣмъ своимъ семействомъ. Николай Ивановичъ принялъ его какъ стараго знакомаго, зла не помянулъ и даже оставилъ Батока, по прежнему, наибомъ. Прибыли къ намъ и депутаты отъ полу-тавлинскаго общества Чаберлой, проживавшаго за Шаро-Аргуномъ; но отдѣлять особую колонну за эту рѣку, при наличномъ состояніи войскъ, не представлялось возможности. Вообще, дѣйствующій отрядъ охватывалъ своимъ расположеніемъ такое обширное пространство, какое только могло быть занято; каждая изъ составляющихъ его частей или наблюдала за стоявшимъ на Шаро-Аргунѣ непріятелемъ (колонна полк. Наумова), или, главнымъ образомъ, усиленно производила разныя работы, необходимыя для прочнаго занятія края. Приходилось, до времени, отказываться отъ новыхъ успѣховъ,—какъ бы они ни казались заманчивы и блистательны.

Впрочемъ, уже тѣ результаты, которые за послѣднее время были достигнуты доблестными войсками Чеченскаго отряда, являлись настолько серьезными, что можно было лишь удивляться имъ. Лучшій цѣнитель ихъ, кн. Барятинскій, въ письмѣ начальнику отряда, отъ 17-го августа, говоритъ слѣдующее:

„Вы приводите меня въ восторгъ вашими дѣлами, почтеннѣйшій Николай Ивановичъ. Я представилъ васъ къ ордену св. Александра Невскаго и поспѣшаю сообщить вамъ новую милость Государя Императора: нижнимъ чинамъ вашего отряда высочайше имъ пожаловано, за дѣла отъ 1-го до 5-го іюля, по

одному рублю серебромъ,—что доказываетъ, сколько самъ Государь цѣнитъ храбрость и труды вашихъ войскъ.

„Радуюсь впередъ, что великіе князья лично удостовѣрятъ Государя Императора въ видѣнномъ ими, столь дѣйствительномъ, успѣхѣ войскъ лѣваго крыла [1]). Я, съ своей стороны, жду съ нетерпѣніемъ свиданія съ вами, чтобы обнять васъ отъ всего сердца... Еще разъ благодарю васъ и прошу вѣрить въ неизмѣнность моихъ чувствъ къ вамъ [2])“.

Пока шло это безкровное завоеваніе еще совсѣмъ невѣдомаго для насъ края, Кази-Магома вновь сталъ собирать свои тавлинскія скопища на верховьяхъ Шаро-Аргуна. Сознавая свое безсиліе удержать мѣстныхъ жителей отъ покорности русской власти, онъ вознамѣрился, по крайней мѣрѣ, наказать отпадшихъ и, 21-го августа, устремился на Чантійскіе аулы, но, встрѣченный обывателями, поддержанными летучимъ отрядомъ маіора Арцу-Чермоева, былъ отброшенъ. Уйдя затѣмъ, съ своими товарищами, въ аулы Шароевскаго общества, расположенные подъ самымъ снѣжнымъ хребтомъ, Казо-Магома остановился тамъ, чтобы своимъ личнымъ присутствіемъ удержать въ повиновеніи хотя это племя, черезъ которое начавшееся народное движеніе могло распространиться и на лезгинъ. Пробывъ тамъ нѣсколько дней, онъ, 27-го августа, предпринялъ новую попытку противъ отложившагося аула Хачерой, отъ котораго войска наши были далеко; но и тутъ дѣло кончилось неудачно; хачероевцы сами, безъ посторонней помощи, отразили его нападеніе.

Безпокойный сосѣдъ этотъ, наконецъ, надоѣлъ Н. И. Евдокимову, и онъ приказалъ полковн. Бѣлику, которому ввѣренъ былъ особый отрядъ, двинуться къ верховьямъ Шаро-Аргуна и отбросить непріятеля за рѣку. 30-го августа, при переходѣ черезъ высокій перевалъ между руслами обоихъ Аргуновъ, отрядъ полк. Бѣлика, застигнутый сильною мятелью, принужденъ былъ остановиться; но состоявшія при немъ двѣ сотни чантійскихъ всадниковъ, поддержанныя мѣстными жителями, продолжали идти впередъ, неожиданно атаковали партію Кази-Магомы и опрокинули ее за Шаро-Аргунъ.

---

[1]) Въ эту осень вел. князья Николай и Михаилъ Николаевичи посѣтили Кавказъ и проѣхались по Аргунскому ущелью.

[2]) Арх. гр. Евдокимова, № 96.

Послѣ этой схватки военныя дѣйствія въ Аргунскомъ ущельѣ могли считаться покончеными, и Чеченскому отряду оставалось лишь продолжать и довершать предпринятыя имъ крупныя работы, въ число коихъ входило, между прочимъ, возведеніе трехъ укрѣпленій на Чанты-Аргунѣ: Зонахъ (около аула того же названія), Шатоевскаго (на урочищѣ Гакко, на послѣднемъ лагерномъ мѣстѣ нашей главной колонны) и Евдокимовскаго (близь аула Итумъ-Кале). Работы и, вообще, замиреніе края подвигались такъ быстро, что уже 5-го октября великіе князья Николай и Михаилъ Николаевичи, посѣщавшіе въ тотъ годъ Кавказъ, могли проѣхать по всему Аргунскому ущелью вполнѣ безопасно.

За постановкою тутъ русскаго дѣла на твердую почву, Н. И. Евдокимовъ, согласно желанію главнокомандующаго, перенесъ свою дѣятельность снова въ западную часть лѣваго крыла. Кн. Барятинскій, имѣя въ виду постоянно тревожное положеніе Военно-осетинскаго округа, приказалъ окончательно приступить къ предполагавшемуся уже (какъ мы видѣли выше) поселенію въ большіе аулы, правильнымъ образомъ, туземцевъ назрановскаго, галашевскаго и карабулакскаго обществъ, а прежнія ихъ жилища, лежавшія въ глубинѣ лѣсныхъ ущелій, уничтожить. Затѣмъ, приказано было проложить удобную дорогу въ верховьяхъ р. Ассы, дабы имѣть удобное сообщеніе съ вновь покорившимися обществами, жившими между верхними частями Терека и Аргуна. Для содѣйствія всѣмъ этимъ предпріятіямъ командировано было изъ Закавказья, въ распоряженіе начальника лѣваго крыла, еще 6 баталіоновъ, первые эшелоны коихъ уже 19-го октября прибыли во Владикавказъ.

Подъ наблюденіемъ и руководствомъ Н. И. Евдокимова дѣло по устройству большихъ ауловъ повелось энергично и успѣшно. Одновременно съ симъ часть войскъ рубила просѣку по Аки-Юртовскому ущелью, въ глубь Черныхъ горъ, а наибъ Малой Чечни, Саибъ-Дула, по приказанію начальника лѣваго крыла, собралъ партію вооруженныхъ жителей и производилъ набѣги на непокорныя намъ общества, гнѣздившіяся въ лѣсныхъ трущобахъ по верховьямъ Ассы и Фортанги. Абреки, проживавшіе тамъ, принуждены были, наконецъ, покориться, выдали находившихся у нихъ русскихъ плѣнныхъ и обязались выселиться на плоскость.

Къ концу года путь отъ Верхне-Сунженской линіи на Аргунскую былъ открытъ и отъ обитателей нагорныхъ мѣстъ, сведенныхъ на плоскость, отнята надежда на возможность возвращенія себѣ независимости. Между Терекомъ и Аргуномъ не оставалось болѣе ни одного непокорнаго общества.

Между тѣмъ Шамиль, убѣдившись, что въ Малой Чечнѣ дѣло его окончательно проиграно и что теперь русское оружіе обратится противъ Большой, еще съ половины ноября сталъ усиливать свои скопища на Шаро-Аргунѣ, а въ концѣ мѣсяца объявилъ поголовное ополченіе во всѣхъ еще подвластныхъ ему чеченскихъ, дагестанскихъ и лезгинскихъ обществахъ; одновременно съ этимъ, онъ распространялъ въ народѣ слухъ, что появившаяся въ томъ году комета служила вѣстницею гибели христіанъ и что султанъ турецкій уже выслалъ сильное войско, для поддержки угнетеннаго на Кавказѣ мусульманства. Извѣстія объ этомъ понудили Н. И. Евдокимова оставить (1-го декабря) Галашевскій отрядъ и прибыть къ предѣламъ Большой Чечни. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ далъ приказаніе начальнику Кумыкскаго округа, флигель-адъютанту полковн. кн. Святополкъ-Мирскому, двинуться въ Аухъ, въ видахъ содѣйствія предпріятіямъ войскъ Прикаспійскаго края и для развлеченія вниманія непріятеля.

Съ первыхъ же чиселъ декабря крупныя скопища противника начали спускаться на плоскость Большой Чечни. Часть ихъ расположилась около Маюртупа, а главныя силы, предводительствуемыя Кази-Магомой, остановились въ ущельи р. Басса. На Шаро-Аргунѣ остались тавлинцы, подъ начальствомъ трехъ наибовъ. Съ ихъ стороны, по приказанію Шамиля, сдѣлана была попытка овладѣть переправою черезъ Чанты-Аргунъ, у Башинъ-Кале, съ цѣлью отрѣзать Евдокимовское укрѣпленіе отъ Шатоевскаго; но начальство наше, предупрежденное о замыслахъ противника, своевременно приняло мѣры для защиты угрожаемаго пункта; да и мѣстные жители, опасаясь мести тавлинцевъ, зорко слѣдили за ними и немедленно подняли тревогу, когда тѣ, въ ночь съ 10 на 11-е декабря, поднялись на Чантійскій перевалъ. Непріятель, видя себя открытымъ, не рѣшился идти далѣе и опять отступилъ за Шаро-Аргунъ.

Такъ какъ около половины декабря работы въ западномъ раіонѣ лѣваго крыла могли считаться оконченными, то Н. И.

Евдокимовъ безотлагательно приступилъ къ распоряженіямъ по сосредоточенію своихъ силъ, для наступленія въ Большую Чечню.

Съ этою цѣлью собрано было, 20-го декабря, на правомъ берегу Аргуна, противъ укрѣпленія Бердыкель, $5^3/_4$ баталіоновъ пѣхоты, 1 дивизіонъ драгунъ, 11 сотенъ казаковъ и 3 сотни милиціи, при 18-ти орудіяхъ; а въ крѣп. Воздвиженской—6 баталіоновъ, 4 сотни и 10 орудій.

Планъ Н. И. Евдокимова, для ближайшихъ дѣйствій, состоялъ въ томъ, чтобы по возможности неожиданно и быстро занять ущелье Басса и тѣмъ отдѣлить населеніе, жившее между этою рѣкою и Аргуномъ, отъ вліянія тавлинцевъ. На сей конецъ сдѣланы имъ были слѣдующія распоряженія:

Полковнику Баженову, съ частью отряда, стоявшаго въ Воздвиженской, 21-го числа двинуться черезъ Аргунское укрѣпленіе и раззоренный аулъ Дуютень на перевалъ къ р. Бассу, дабы такимъ образомъ зайти въ тылъ чеченскимъ поселеніямъ, находящимся въ лѣсистой полосѣ между этою рѣкою и Аргуномъ, и, угрожая ичкеринскимъ ауламъ Таузень и Алистанжи, заставить непріятеля очистить аулы нагорной Чечни.

Полковнику Черткову, въ то-же время, съ остальными войсками, собранными у Воздвиженской, перейти на правый берегъ Аргуна и остановиться на Шалинской просѣкѣ, выжидая подкрѣпленія изъ главнаго отряда. Съ этими силами, полк. Чертковъ, составляя авангардъ главной колонны, двигавшейся вслѣдъ за нимъ, подъ начальствомъ генералъ-маіора Кемпферта, долженъ овладѣть урочищемъ Бассымъ-Берды и тамъ ожидать прибытія главнаго начальника Чеченскаго отряда.

Планъ этотъ былъ выполненъ какъ нельзя болѣе удачно. Непріятель, послѣ кратковременнаго сопротивленія, очистилъ урочище Бассымъ-Берды, а узнавъ о появленіи колонны полк. Баженова на пути къ ичкеринскимъ ауламъ, поспѣшно ушелъ на правый берегъ Басса. Въ тотъ же вечеръ старшины ауловъ лѣваго берега стали являться въ нашъ лагерь, съ изъявленіемъ покорности, а на другой день уже началось выселеніе мѣстныхъ жителей на плоскость. Такою же покорностію встрѣчаемъ былъ и полк. Баженовъ, во время исполненнаго имъ крайне затруднительнаго перехода; ему, такъ-же, мѣстные обыватели не оказали никакого сопротивленія.

Въ слѣдующіе затѣмъ дни главный отрядъ занимался вырубкою окрестнаго лѣса и проложеніемъ дороги отъ Бассымъ-Берды къ Воздвиженской. При этомъ непріятель, выставивъ орудія на правомъ берегу Басса, стрѣлялъ по нашему лагерю, но вреда не причинилъ почти никакого. 24-го числа прибыли въ Большую Чечню остальныя части войскъ, находившихся на работахъ въ Галашевскомъ и Акинскомъ обществахъ; изъ нихъ 3 баталіона, 2 сотни и 2 орудія присоединены къ главной колоннѣ, а 2 баталіона къ колоннѣ полков. Баженова.

Послѣднему, который при дальнѣйшемъ движеніи своемъ долженъ былъ выдержать двукратный бой съ устремившимися противъ него полчищами Кази-Магомы, дано было приказаніе направиться къ аулу Агашты, на Бассѣ, дабы тѣмъ облегчить движеніе главной колонны.

31-го числа, оставивъ при вагенбургѣ у Бассымъ-Берды большую часть кавалеріи и 8 ротъ при 14-ти орудіяхъ, Н. И. Евдокимовъ двинулъ остальныя войска далѣе, въ глубину Басскаго ущелья, при чемъ главныя силы наступали лѣвымъ берегомъ, а особая колонна, подъ начальствомъ полк. Черткова—правымъ. Непріятель, повидимому, вовсе не ожидалъ этого наступленія, потому что сопротивленія намъ почти никакого не было оказано, хотя на правомъ берегу рѣки войска наткнулись на укрѣпленіе, воздвигнутое по всѣмъ правиламъ фортификаціи. Тѣмъ не менѣе, въ такой лѣсной трущобѣ, какою представлялось тогда Басское ущелье, подвигаться впередъ надо было съ оглядкою. Н. И. Евдокимовъ, испытавшій всякіе сюрпризы горной войны, зналъ это лучше, чѣмъ кто либо; а потому, продвинувъ колонну генералъ-маіора Кемпферта версты на 4 впередъ, остановилъ ее на новой позиціи, верстахъ въ 2-хъ отъ Агашты, и тотчасъ же приказалъ приступить къ устройству дороги и вырубкѣ окрестнаго лѣса.

Почти одновременно съ главнымъ отрядомъ приблизилась къ Агаштѣ, съ другой стороны, колонна полк. Баженова. Находившаяся тамъ непріятельская партія, видя себя отовсюду угрожаемою, зажгла аулъ и отошла къ Таузеню, а мѣстные жители, одинъ за другимъ, стали являться съ изъявленіемъ покорности. Вообще, со времени движенія нашего въ Басское ущелье и до конца года, вышло на плоскость болѣе 800 семействъ; потеря же

наша, въ обѣихъ колоннахъ, ограничивалась 5-ю офицерами и 76 нижн. чинами, выбывшими изъ строя.

Такъ завершился 1858-й годъ, представляющій по истинѣ одну изъ самыхъ блестящихъ страницъ въ жизни Н. И. Евдокимова. Русская власть прочно водворилась на всемъ протяженіи недоступнаго дотолѣ Аргунскаго ущелья; Малая Чечня, прежнія экспедиціи въ которую стоили намъ столько крови—окончательно покорена; наконецъ, положено основаніе для овладѣнія главною резиденціею Шамиля—Веденемъ, откуда онъ, въ теченіи многихъ лѣтъ деспотически распоряжался имуществомъ и жизнью подвластныхъ ему племенъ. Теперь часы этой власти были уже сочтены.

За подвиги, оказанные въ продолженіе 1857-го и 1858-го годовъ, Н. И. Евдокимовъ, кромѣ четырехъ высочайшихъ благоволеній, награжденъ былъ золотою шашкою, украшенною алмазами, орденомъ Бѣлаго Орла и орденомъ св. Александра Невскаго съ мечами.

И. О.

ВОСПОМИНАНІЯ ХУДОЖНИКА В. В. ВЕРЕЩАГИНА.

АЛЕКСѢЙ ИВАНОВИЧЪ ШАДРИНЪ

РАЗСКАЗЪ СТРАННИКА-БОГОМОЛЬЦА [1]).

Родился я, знаете, въ 13 году, въ Архангельскѣ,—сынъ морскаго фейерверкера. Остался 3-хъ лѣтъ послѣ отца и 6-ти поступилъ кантонистомъ въ морской учебный полкъ. Сто десять человѣкъ насъ посадили, это самое, на корабль и повезли въ Кронштадтъ. Десять лѣтъ учился, побивали крѣпко, сѣкли больше, знаете, за баловство. Уроки я училъ хорошо-съ; учили св. исторію, катехизисъ, ариѳметику, до тройнаго правила, грамматику, начало геометріи; водили, это самое, на ученье портняжить, сапожничать, вязать ковры изъ веревокъ и изъ сукна. Пища, знаете, не важная была: щи почти что пустыя, а каша больше съ постнымъ масломъ—очень строго было-съ!

До 18 лѣтъ былъ кантонистомъ-съ, потомъ, знаете, унтеръ-офицеромъ. Въ 43-мъ году въ образцовый полкъ, въ Царскомъ Селѣ; генералъ-маіоръ Полишко—очень строгій былъ; 1 годъ два мѣсяца, знаете, хлѣбы пекъ, дрова носилъ, воду; потомъ на царскомъ смотру, это на Царицыномъ лугу, императоръ Николай Павловичъ смотрѣлъ—произведенъ образцовымъ унтеръ-офицеромъ-съ.

Потомъ поступилъ это обратно, для показанія пріемовъ взрослымъ кантонистамъ—ужъ на службѣ состоятъ, знаете, это называются ранжированныя роты. Десять человѣкъ дадутъ на выучку—9 убей, десятый чтобы былъ выученъ! Носокъ, знаете, черезъ порогъ ломали! Очень трудная-съ служба была.

Нашелъ, знаете, старушку, которая согласилась назвать меня

---

[1]) См. «Русскую Старину» изд. 1888 г., т. LX, стр. 445—468 и 671—688; изд. 1889 г., т. LXI, стр. 587—630.

сыномъ; пошли это къ военному министру Чернышеву, просьбу подали — перевели въ медико-хирургическую академію-съ, можетъ быть, изволите знать—унтеръ-офицеромъ въ фельдшерскую школу. Учили, знаете, анатомію, фармакологію-съ, рецептуру, ботанику-съ, цвѣтъ-съ, поданіе помощи мнимоумершимъ. Основанія человѣческаго тѣла-съ, значитъ, шкелетъ; онъ виситъ, все основаніе его, какая кость съ какою соединяется-съ; вскрытіе тѣлъ тоже-съ.

Президентъ былъ, Шлегель-съ, въ 1842 году, тайный совѣтникъ; послѣ его президентъ Бальбаяки, тоже тайный совѣтникъ-съ. Послѣ его въ 59-мъ году Чистовичъ, бывшій прозекторъ анатоміи. По латыни тоже учился. Это самое амо—люблю, лего — читаю, авдіо—слышу, даціо—тоже глаголъ, забылъ что значитъ-съ; или опять номинативусъ — родительный, дативусъ — дательный, аккузативусъ—винительный, аблативусъ—творительный, вокативусъ—не знаю ужъ какой-съ, не припомню. Голова—капутъ, глаза, знаете, окулусъ, зубы—дентисъ. Зубы раздѣляются на 3 части-съ, 32 зуба: пересѣкающіе, раздирающіе и расширяющіе. Лобная кость—осса фронтисъ; затылочная—осса цветтисъ; темянная—осса-асумъ-съ. Въ человѣкѣ 24 позвонка-съ и 24 ребра, а также эта подвздошная кость-съ, она показываетъ въ родѣ кинжала. Между бедряными костями, выше, находится тазъ-съ, называется пелевисъ. Въ 24 позвонкахъ находится мозгъ; когда поясница, знаете, заболитъ, первое средство въ лѣтнее время льду—очень уничтожаетъ.

Вотъ вы изволили слышать Пироговъ-съ операторъ, Николай Ивановичъ, дѣйствительный тайный совѣтникъ; три раза въ Севастополь ѣздилъ, когда у насъ была война. По высочайшему повелѣнію-съ ему приказано было вскрывать всѣхъ-съ, ни на кого не смотрѣть. Отъ великаго князя Михаила Павловича (онъ старше былъ Николая Павловича) докторъ былъ присланъ, умеръ, и велѣно было отнюдь не вскрывать-съ, а онъ, т. е. Н. И., мнѣ извѣстно доподлинно-съ, ночнымъ временемъ вскрылъ, чтобы узнать, какая болѣзнь—все практиковался-съ.

Медицинская часть—народъ хорошій. Чистовичъ былъ прозекторомъ, надворный совѣтникъ. Пришла старушка просить, знаете, не вскрывать тамъ родственника. Сиверсъ, помощникъ инспектора, сказалъ: «сейчасъ напишу записку, чтобы взять это самое тѣло изъ анатомическаго театра». Тѣло, знаете, отдали и вынесли не вскрытое въ часовню-съ. Часа черезъ два или три пришелъ Чистовичъ:

— Гдѣ тѣло?

Отвѣтъ, знаете, что, согласно приказу Сиверса, отдали это самое. Чистовичъ приходитъ въ конференцію-съ:

— Зачѣмъ же вы отдали тѣло?

— Имѣю право-съ.

— Нѣтъ! Вы можете распоряжаться пищею и дровами-съ, а не тѣлами.

— Я—графъ.

— Я графа не знаю, вы капитанъ, а я подполковникъ-съ, и велѣлъ, знаете, взять тѣло назадъ.

Я еще Чистовичу чинилъ перья. Золотую медаль они получили-съ, теперь президентъ академіи-съ. Пріѣзжалъ Енохинъ, штабъ-докторъ гвардіи, арміи и флота; 19 медалей имѣлъ-съ, тоже, знаете, тайный совѣтникъ, вмѣстѣ съ президентомъ сидѣлъ-съ.

Студенты были каверзники, особенно вольнослушатели; проживали, знаете, въ 1-й и 2-й Госпитальной улицѣ, на Выборгской сторонѣ. Когда, знаете, я ходилъ къ нимъ перья чинить, за это мнѣ платили-съ. Пошлютъ иногда къ родителямъ, это самое, съ письмомъ-съ—принесу кому 30, кому 50 цѣлковыхъ. На окошкахъ у нихъ эти черепа-съ.

Сейчасъ распоряженіе старушкѣ дадутъ на угощеніе-съ, приведутъ неблагородныхъ дѣвицъ разныхъ; прокутится—придешь, знаете, по утру, а онъ ходитъ по комнатѣ, свиститъ!

На лекцію придутъ, подполковникъ Шандрокъ-съ за безпорядки—тоже доносятъ—на недѣлю на хлѣбъ, на воду. Коли два года не выдержитъ, зачисляется въ фельдшера, въ Царское село-съ. Строго было.

Дежурные доктора, вмѣсто того, чтобы, знаете, дежурить, ходили-съ на практику-съ, и платили за себя тѣмъ, что побѣднѣе-съ, 25 рублей иногда, только чтобъ дежурный докторъ былъ.

* *
*

Въ 58-мъ ходилъ, знаете, въ Архангельскъ въ отпускъ и шелъ дорогою-съ по 50 и 60 верстъ въ сутки, желательно было, знаете, застать родительницу—ей 83 года было. Въ іюлѣ мѣсяцѣ у насъ въ Архангельскѣ ночью такъ свѣтло, какъ днемъ. Пришелъ въ Архангельскъ въ 11 часовъ вечера; прихожу, стучу въ кольцо-съ (кольцо большое у воротъ). У сосѣдей, прежде, знаете, спросилъ-съ, такая-то въ живности-ли?—въ живности, говорятъ. Отворяетъ сводная сестра—родительница, знаете, вышла второй разъ замужъ.

— Что вамъ, кавалеръ?

— Нельзя-ли переночевать, говорю-съ.

Пустили. Взошелъ въ комнату-съ, старушка сидитъ на кровати. Я говорю:

— Здравствуй, бабушка.

«Здравствуй, кавалеръ».

— Я тебѣ принесъ письмо отъ сынка Алексѣя Иванова.

«Нѣтъ, ужъ мой сынъ два года померъ!»

— Какъ-же такъ, онъ и посейчасъ со мною черезъ кровать спалъ?

«Нѣтъ, мнѣ черезъ полицію объявлено ужъ два года, что онъ померъ».

Она, знаете, просила перевести меня въ городъ Архангельскъ, для поддержки престарѣлыхъ силъ; отвѣтили: сынъ не можетъ быть переведенъ (потому что я, знаете, нуженъ былъ-съ). Сама родительница не могла, знаете, за отвѣтомъ-то идти въ полицейское управленіе, была въ параличѣ, послала дочь Матрену Ефремову, та и объявила ей, что мой братецъ, а твой сынокъ умеръ!

Встала она это на костылѣ, знаете,—я упалъ въ ноги:

— Маменька, я сынъ вашъ, вотъ, говорю, тутъ живетъ такой-то, тутъ такіе-то; сестра моя старшая пишетъ, ея письмо прочиталъ-съ, все не удостовѣряется, все смотритъ, смотритъ, а не признаетъ-съ! Слышу разъ говоритъ:

— Матрена, это не сынъ мой, у меня плѣшивыхъ не было.

Тоска меня взяла-съ; подхожу, это самое, къ ней:

— Маменька, я уйду, вы меня сыномъ не называете.

— Постой-ка, говоритъ, нагнись, а у меня тутъ на затылкѣ бородавочка—ощупала.—Нѣтъ, ты мой! Вотъ что я тебѣ скажу, и стала, знаете, тутъ говорить: «домикъ-то нашъ вѣдь проданъ».

— Кто же это?

— Да вотъ Матрена.

Видите-съ: портъ-то въ Архангельскѣ какъ уничтожили-съ, мужа ея въ Кронштадтъ, въ портовыя роты, и ей тоже надо въ Кронштадтъ ѣхать; она какъ, знаете, сказала, что я умеръ, родительница домъ-то и продала-съ, думала я больше не приду, себѣ по смерть уголъ выговорила-съ!

— Какъ такъ, говорю, вѣдь купчая и духовное завѣщаніе на мое имя!

Сейчасъ я, знаете, разсердился, пришелъ въ полицейское управленіе; тамъ на мѣсто моего крестнаго отца полковника Ольховскаго, знаете, былъ Пупковъ, подполковникъ-съ. Я стою, знаете; тутъ мои товарищи квартальные надзиратели, одинъ офицеръ, другой чиновникъ изъ учителей-съ. Я говорю: здравствуйте!

— А! Алексѣй Ивановичъ! Здравствуйте!

— Какимъ манеромъ, говорю, сестра моя могла продать домъ?

— Это не знаемъ, это она обдѣлала, говорятъ, съ Пупковымъ.

Потомъ дожидаюсь; Пупковъ пріѣзжаетъ.

— Здорово!

— Какимъ, позвольте, манеромъ моя сестра имѣла право продать домъ, который оставленъ мнѣ по духовному завѣщанію родителемъ-съ?

Онъ говоритъ:

— Много васъ шляется, черезъ 25 лѣтъ придетъ; нищій...

— Извольте удостовѣриться-съ, мои товарищи и сосѣди-съ, гг. квартальные надзиратели.

Онъ спрашиваетъ: — Развѣ знаете?

— Помилуйте, г. подполковникъ, вмѣстѣ были въ учебномъ полку, въ пѣвчихъ вмѣстѣ были. Говорю Пупкову: коли не можете по моему дѣлу, такъ и такъ-съ, подаю записку губернатору.

Онъ оробѣлъ, подзываетъ въ отдѣльную комнату:

— У васъ купилъ 9-го рабочаго экипажа отставной унтеръ-офицеръ, скажите, чтобы домъ очистилъ, или ко мнѣ чтобы явился.

Я пошелъ домой и объявилъ родительницѣ:

— Маменька, такъ и такъ; домъ бы очистилъ или самъ-бы явился къ полиціймейстеру Пупкову. Она говоритъ:

— Что хочешь, сынокъ, то и дѣлай.

Спустился внизъ, съ нимъ поздоровался, говорю:

— Кто вы такіе?

— Я, говоритъ, хозяинъ.

— Хозяинъ не ты, а я; впрочемъ, старикъ (онъ старше меня былъ), мнѣ съ тобою нечего говорить; очисти домъ или явись къ полиціймейстеру Пупкову.

Онъ надѣлъ, знаете, серягу и отправился.

Что онъ ему сказалъ—не знаю—къ вечеру же домъ мой очистилъ.

Такъ день, другой прошелъ. Родительница померла черезъ шестеро сутокъ. Сестра, знаете, и говоритъ-съ:

— Ты хлопоталъ, теперь какъ хочешь хорони.

— Я, говорю, знаю, что дѣлать, похороню.

Взялъ всѣ документы-съ, это знаете, пошелъ къ сосѣду Осипу Петрову, мяснику, денежному, знаю; поздоровался, онъ призналъ.

— Извольте купить домъ.

— Какъ же могу купить домъ, коли онъ проданъ.

— Вотъ тебѣ всѣ документы, и онъ мнѣ за домъ 245 цѣлковыхъ далъ. Ее похоронилъ приличнымъ образомъ; шесть недѣль старушки читали, а сестра моя въ скоромъ времени отправилась въ Кронштадтъ.

Потомъ, какъ знаете, похоронилъ ее, городъ-то не портовый сталъ, я отправился въ другое мѣсто, для пріисканія занятій, потому въ 60 г. въ отставку вышелъ.

* *
*

Жилъ я въ Москвѣ; опредѣлилъ меня—изволите знать, докторъ Крассовскій, лечитъ меланхолію—въ домъ умалишенныхъ, мужской и женскій; Крассовскаго зналъ, знаете, студентомъ. Тутъ еще находился, въ домѣ умалишенныхъ, Иванъ Яковлевичъ, можетъ изволили слышать; а послѣ него іеромонахъ Серафимъ—его разъ купечество увезли къ себѣ ворожить, 13 дней искали, нашли въ лаптяхъ.

Былъ тутъ, знаете, еще директоръ фабрики Мазурина, Эдуардъ Саксъ, съ ума сошелъ; денегъ много прогулялъ и въ самомъ жалкомъ-съ видѣ былъ доставленъ; всѣ деревья переломалъ, со священника шляпу схватилъ, бросилъ. Кто ежели свищетъ или кто, знаете, около идетъ только—дерутся! Въ шашки играютъ такъ умно, умно, а потомъ давай драться-съ!

Эдуардъ Саксъ очень труденъ сдѣлался, дали знать въ Англію, что выздоровленія, знаете, не предвидится, Крассовскій самъ писалъ-съ. Пріѣхалъ родной братъ и сынъ, но онъ его не могъ признать; вырвалъ у брата золотые часы и всѣ ихъ на полу растопталъ ногами-съ. Проплакали они и уѣхали обратно въ Англію-съ. Потомъ пришла бумага-съ, чего бы ни стало, какъ можно скорѣе привезти его туда по распоряженію его супруги и брата. Сдѣлали распоряженіе, былъ назначенъ-съ докторъ Ревельштейнъ изъ евреевъ, знаете, переводчикъ англичанинъ, я и еще служитель и взята была сумашедшая рубашка съ собою. Дорогою ужасное безпокойство дѣлалъ-съ! Руки, знаете, связаны, ничего не можетъ, такъ харкаетъ въ глаза, «чортъ русскій» кричитъ. Только одно средство и было: я возьму ему въ спину булавку и запущу, по самую головку иногда—крови то вѣдь не даетъ, знаете—реветъ, ногами брыкается, «чортъ, чортъ русскій», кричитъ-съ.

Привезли въ Англію, супруга встрѣтила, знаете, ихъ; версты за двѣ развязали сумашедшую рубашку-съ и ему это все сказали, переводчикъ уговаривалъ-съ—онъ умный, слушаетъ, присмирѣлъ, какъ-то по ихнему все говорилъ-съ.

Брудеръ — это братъ-съ, битки шкафомъ — сухарь, мелекъ дрынгомъ—молоко-съ; это ужъ я доподлинно знаю, потому много разъ слышалъ-съ; вонъ, ту, три, форъ, файфъ—вонъ рубль, ту рубль, файфъ рубль.... Это я тоже хорошо слышалъ; посѣщали англичане его-съ, брезитъ—подарить значитъ—ну т. е., знаете, подарить, что бы лучше смотрѣлъ. Денегъ у него не нашли, 2 чемо-

дана были, нашли только куклы по 20, 25 рублей, животъ надорвали отъ смѣха, гдѣ онъ это, гдѣ нибудь да досталъ-съ!

Только развязали—мы съ боку идемъ—какъ размахнулся, здоровый, знаете, такой-съ, товарища моего со всего размаха—тотъ изъ вагона, внизъ головой о камень, совсѣмъ лице разбилъ. Я уже остерегался, знаю, что за булавку не было-бы чего, а товарищъ прямо идетъ безъ всякой обороны! Схватили и прямо въ сумашедшій домъ. Супругу не могъ признать, никого не призналъ-съ. Въ сумашедшемъ домѣ обливаютъ-съ, ведеръ по 10 и болѣе знаете, на голову-съ, такъ что паръ отъ него идетъ; клеенчатыя комнаты; кровати съ мѣшками-съ, его туда съ руками и завяжутъ. Въ родѣ креста есть, знаете, его привяжутъ и шагъ впередъ, шагъ назадъ ходитъ; а окошко отворяютъ и зимою, чтобы холоднѣе было; иногда коли не успокоится, то и на 2, на 3 часа окошко откроютъ и случается служитель заснетъ, знаете, то и цѣлую ночь стоитъ открытое—морозъ! Холодныя ванны—все связанные-съ. Къ столбу привяжутъ рубашкою, кругомъ ходитъ, знаете, ногами брыкается.

Полковникъ Богдановъ, инженеръ—Исаакій достроивался, неудовольствіе отъ государя императора получилъ—былъ женатый человѣкъ, такъ какія забавы, знаете, дѣлалъ-съ! Какъ это самое былъ онъ по высочайшему повелѣнію—въ особой комнатѣ былъ. «Принеси, говоритъ, четыре палочки»,—я спроста и принесъ, а у него это пуховая подушка, сафьяновая. Тутъ была комната и въ ней шкафъ, гдѣ его обливали; онъ эти палочки воткнулъ какимъ-то манеромъ въ полъ-съ—ножикъ что ли у него былъ—простыней покрылъ и пухъ туда выбилъ подъ простыню знаете, а шкафъ поставилъ въ дверь, дверь завязалъ полотенцемъ. Щипцы отъ свѣчекъ привязалъ къ палкѣ, а свой мундиръ — въ теченіи ночи, знаете, работалъ — на гвоздь привязалъ какъ будто удавился, а самъ палкой со щипцами стращаетъ: «Я васъ, говоритъ, кто подойдетъ.»

Я большимъ ножемъ полотенце перерѣзалъ, а тутъ служитель былъ за наказаніе изъ студентовъ (безчестіе барышнѣ большое сдѣлалъ), тотъ взялъ шкафъ, толкнулъ, шкафъ на полковника, а тотъ выскочилъ, да въ свою комнату, да этому, знаете, служителю глазъ совсѣмъ щипцами и выворотилъ-съ. Его перевели на 9 версту, въ домъ умалишенныхъ по высочайшему повелѣнію-съ. Впослѣдствіи выздоровѣлъ, въ генералъ-маіоры былъ произведенъ; пять рублей награжденья я получилъ отъ него; ужасно памятливый—чудеса творилъ-съ.

* *
*

Въ 73 году не захотѣлъ-съ больше служить тутъ. Ушелъ въ городъ Богородскъ, Московской губерніи, можетъ изволите знать?—

Въ Зуевѣ—Орѣховѣ была холера-съ, почти что 2 мѣсяца. Въ Шуйскѣ-Ивановѣ, тоже фельдшеромъ, знаете.

Тутъ старость постигла, вздумалъ пойти Богу молиться.

Денегъ было у меня скоплено 32 рубля-съ,—виноватъ, водку тогда употреблялъ-съ. Сплю и вижу знаете, что надобно это самое идти постранствовать.

Пошелъ я въ Саровскую пустынь Тамбовской губерніи-съ, къ отцу Серафиму; ничего особеннаго нѣтъ,—монашествующіе-съ.

Оттуда пошелъ къ Тихону Задонскому, мощи на открытіи находятся. Потомъ въ Кіевъ-съ; тамъ любопытно. Монастырь великолѣпный это, и мощи на открытіи-же; гробы простые-съ, есть и кипарисоваго дерева-съ. Иванъ страдатель безъ гроба, пеленою покрытъ, Богу такъ угодно: 12 братьевъ-съ, которые монастырь строили; 11 братьевъ, когда Господь Богъ спросилъ, чего они желаютъ, спасенія спросили, а 12-ый братъ женатъ былъ, имѣлъ, знаете, дѣтей, тотъ пожелалъ злата и сребра. Одинадцать братьевъ на нарахъ такихъ лежатъ всѣ, гробовъ нѣтъ, подъ одною пеленою, а 12 братъ сперва, знаете, на бочку лежалъ за это сребро и злато, а теперь Господь Богъ простилъ, на спинкѣ, и они подвинулись къ нему.

Въ монастырѣ очень хорошо. Внизу къ мощамъ ходъ, идутъ со свѣчами, все угоднички-съ! Возлѣ этого монастыря верстахъ въ $2^1/_2$, еще монастырь-съ. Игуменъ, до 40 человѣкъ содержитъ, выстроилъ своими, знаете, трудами; продовольствіе, это самое, тамъ странничкамъ производитъ и дѣлаетъ наставленія; когда подъ благословеніе подходятъ-съ, спрашиваютъ его: кому скажетъ «идти» благословитъ—иди, а нѣтъ, говоритъ «костямъ на мѣсто»—ужъ лучше не ходи. Очень худащавъ-съ и наставленіе и просфору-съ и деньгами знаете награждаетъ-съ, небольшимъ количествомъ, 20, 30 копѣекъ.

Кіевъ очень, весьма хорошъ; войска много-съ; 4 дивизіи-съ; митрополитъ стоитъ; монашества много-съ; пѣніе по хохлацки, говорятъ тоже-съ больше по хохлацки.

Къ Почайской Божьей матери пойдутъ поляки и жиды-съ; поляки добрые, чайку дадутъ-съ, или сахарку-съ; ну отъ жидовъ и просить грѣшно!

Оттуда обратнымъ образомъ, знаете, въ Софроньевской пустыни, въ Черниговской губерніи,—хорошій съ украшеніями монастырь-съ. Игуменъ отецъ Обросимъ предсказываетъ; келейникъ пускаетъ къ нему кто дастъ, да кто въ хорошемъ одѣяніи-съ. Я говорю: «я прошелъ 4,000 верстъ, да что-бъ мнѣ къ благословенію не подойти, мнѣ говорю, знаете, можетъ быть никогда больше и не предвидится».—«Подожди, говоритъ, старичекъ»—въ скоромъ времени меня

и пустилъ-съ; ну, знаете, пустилъ, а онъ на полу сидитъ-съ, на подушечкѣ. Я согрѣшилъ, знаете, къ благословенію подошелъ, а самъ подушечку пощупалъ, думаю не пуховая-ли— соломой набита-съ!

Благословилъ, я ему и имя не говорю; онъ говоритъ, что братъ Алексѣй нужно-бы воздержанія, ты крѣпко пилъ; теперь одумался ужъ поздно; не употребляй, лучше 3, 4 раза чаю напейся. Богъ отъ этого избавитъ и благословилъ идти къ Соловецкимъ угодникамъ-съ.— «Я, говоритъ, знаю, что ты изъ холодной стороны»,—все мнѣ правду истинную сказалъ-съ и имя мое ужъ какъ и не знаю узналъ-съ! Далъ онъ мнѣ 60 копѣекъ, просфору и послалъ меня къ отцу Варнавѣ-съ, самый ихъ казначей, знаете, я отъ него награжденіе получилъ чаемъ и сахаромъ-съ.

Въ Кіевѣ хохлы не пьютъ чаю-съ, только у евреевъ въ корчмѣ развѣ; виноградную водку пьютъ-съ, пьяны не напиваются.

Монахи хорошо живутъ; по праздникамъ, знаете, 3, 4 рюмки водки-съ и бутылка пива; 3, 4 кушанья; службы много; поведенія хорошаго-съ.

Вотъ въ Спасо-Яковлевскомъ монастырѣ въ Ростовѣ-съ, гуляющіе монахи. Архимандрита услали за разныя штуки; родственниками всѣ мѣста занялъ-съ, лавочку родственнику открылъ.

У Сергія Троицы, знаете, слабы, ой слабы!

Въ Глинской пустыни слабо тоже-съ; поминки были, настоятель померъ. . . . . Избираютъ себѣ намѣстника, одна сторона хочетъ, другая не хочетъ, знаете,—безпорядокъ. «Я, говоритъ, на тебя прошеніе подамъ, ты мужикъ». «А ты мѣщанинишко» . . . . . .
. . . . . .
. . . . . .

Изъ хорошихъ, знаете, монастырей Вологодской губерніи Семигородской Божьей Матери—монашество хорошее-съ. Въ Соловецкой обители строго, слѣдятъ сильно, знаете; женскому полу не даютъ жить больше 3-хъ, 4-хъ, 5-ти дней.

* *
*

Шелъ я на Глинскую пустынь, Давыдовскую, къ Николѣ Грѣша, подъ Москвою, Новый Іерусалимъ, Сергія Троица; оттуда къ Спасителю-съ, потомъ въ Ярославль. Въ Соловецкой обители уже два раза былъ.

Между Ярославской и Вологодской губерніями Селиверстъ Преподобный, въ старыя времена былъ монастырь; когда Литва шла-съ, его раззорили, а мощи были русскими закопаны-съ. На этомъ мѣстѣ построена эта самая церковь, въ 1860 году. Явилась, знаете, странница къ священнику, проситься на ночлегъ; ей во снѣ является

батюшка Селиверстъ преподобный-съ: «возьми ключъ изъ-подъ подушки и объяви священнику, вмѣстѣ съ нимъ иди, дорога указана». Она встала-съ и священнику не объявляла, знаете, ничего-съ; не объявила она, думала, приснилось ей пустое, безъ всякаго вниманія-съ; умылась, Богу, знаете, по обряду христіанскому помолилась и хотѣла къ священнику подойти подъ благословенье, проститься-съ—и сдѣлалась она, знаете, недвижимая-съ. Она говоритъ: «Господи, что это значитъ?» такъ все это было какъ слѣдуетъ, обояніе было-съ — и вспомнила этотъ сонъ-съ, стала кричать: «Батюшка, говоритъ,—ползкомъ къ нему подползла,—я видѣла, говоритъ, сонъ, только вамъ говоритъ не объяснила; что, говоритъ, у меня, гдѣ спала, видѣла, говоритъ, ключъ, возмемьте ключъ и пойдемте вмѣстѣ». Потомъ, знаете, священникъ одѣлся, думаетъ, что это вздоръ. Она ползкомъ пошла-съ—не могу, говоритъ, ходить—поползла на то мѣсто, гдѣ ночевала, открыла подушку и видитъ ключъ, беретъ его и отдаетъ священнику; священникъ взялъ и она съ нимъ ползкомъ пошла-съ. А тутъ около церкви часовенка—служили когда то—доползла, ну, говоритъ, батюшка, отворяйте: 3 раза вернули ключемъ, отворяются двери и тутъ гробъ-съ и надпись: «Батюшка Селиверстъ преподобный». Она недвижимая; батюшка, говоритъ, за мое прегрѣшеніе оставьте меня Богу молиться въ этой часовнѣ и она продолжала это молебствіе свое, знаете, 3 дня и 3 ночи, все недвижимая была-съ. Послѣ услыхала голосъ: «Ты не хотѣла вѣрить, что тебѣ снилось, хотѣла тайно уйти, не хотѣла объявить духовника; я тебя хотѣлъ по смерть наказать и прощаю тебя за твое, говоритъ, поклоненіе 3 дня и три ночи—вставай!» Она встала какъ будто-бы невредима, какъ будто, знаете, ни въ чемъ не бывало-съ.

Потомъ священникъ повелъ ее къ себѣ и сталъ просить, чтобы нѣсколько времени прожить у него, и донесъ объ этомъ преосвященному владыкѣ; тотъ, какъ слѣдуетъ, знаете, быть, освидѣтельствовалъ гробъ Селиверста преподобнаго, донесъ въ высочайшій Синодъ. По разобраніи Св. Синода, какъ въ одинъ годъ было съ Тихономъ Задонскимъ-съ—два раза мощи въ одинъ годъ не открываются-съ,—монастыря не построили, одна церковь, для странниковъ 2 флигеля—множество, знаете это самое, народа ходитъ на поклоненіе-съ. Такъ будетъ въ лѣсу, нѣсколько чистаго мѣста будетъ-съ. И каждый день ему бываютъ панихиды-съ. Бываетъ много исцѣленій, даже которые безъ ногъ были, глухонѣмые; зрѣніе давалъ батюшка!

* *
*

Во всѣхъ вообще монастыряхъ-съ даровыя обители. Разныхъ пустынь до 30 прошелъ. Въ пустынѣ лучше, чѣмъ въ большомъ бога-

омъ монастырѣ-съ, и примутъ, знаете, и накормятъ лучше; 500, 600 человѣкъ пройдутъ. Въ Кіевѣ 6—700 человѣкъ разговлялось, обѣдало все даромъ-съ, каждому по $^1/_2$ яйца-съ—вѣдь надобно яицъ начистить! по куску пасхи и кулича и три дня это продолжалось.

Теперяче какъ вамъ объяснить: Троица Сергія вѣдь богаче Кіева, но монашества благочестиваго только человѣкъ 6—7. . . . . .

* * *

Семигородской Божьей Матери, въ Вологодской губерніи. Она матушка отъ 7 городовъ удалялась, избрала отъ большой дороги въ 9 верстахъ въ лѣсу; явилась тутъ, знаете, сотворила много чудесъ исцѣленій, старинная самая, историческая, въ 1329 году!

Въ настоящее время архимандритъ Александръ, изъ Архангельской губерніи-съ, годовъ ему не болѣе 55, не имѣетъ бороды и усовъ-съ; благочестивый человѣкъ, росту 2 аршина $13^3/_8$ вершка-съ, силы необыкновенной! При моей бытности-съ, когда я былъ, возьметъ подъ лѣвую мышку соли куль и несетъ; самъ трудится, работаетъ, хомуты, знаете, переправляетъ-съ, пашетъ вмѣстѣ съ братіею-съ!

Около ея Матушки Семигородской, лѣсъ, принадлежитъ ей; придутъ крестьяне, знаете-съ, у него просить лѣсу, на мельницу—онъ имъ велитъ, какой угодно, говоритъ, выбирайте, и дастъ. Пища для странниковъ и странницъ весьма великолѣпная. У монашествующихъ 2 или 3 подрясника и двое или трое сапогъ—онъ, знаете, имъ нашиваетъ. Странниковъ награждаетъ по 50, 60 коп. серебромъ и чай, сахаръ дается-съ. Монашествующимъ зависть сдѣлалась, что раздаетъ лѣсъ на мельницу, на дома, сдѣлали на него негодованіе, знаете, доносъ, владыкѣ высокопреосвященному Вологодскому. Внезапно пріѣзжаетъ высокопреосвященнѣйшій, въ 1882 году, и пошелъ по кельямъ, а они, знаете, донесли, что находятся въ самомъ безпомощномъ положеніи, что отецъ Александръ все истощилъ; онъ и пріѣхалъ внезапно-съ и видитъ, что въ кельяхъ-съ 2, 3 подрясника, 2, 3 сапогъ; потомъ обошелъ и въ монастырѣ—встрѣчаетъ его Александръ, какъ по военному, знаете, такъ и по духовному, съ честью, съ крестомъ, отворили двери—и видитъ, что монастырь красотою и всѣмъ въ 5 разъ больше, чѣмъ прежде былъ, и потомъ, выходя, знаете, изъ монастыря-съ и объявляетъ архимандриту Александру: «что мнѣ сдѣлано донесеніе твоими подчиненными братіями, что будто-бы ты весь монастырь привелъ въ самую бѣдность, но какъ я вижу въ настоящее время, что какъ онъ у тебя находится въ 5 разъ лучше и какъ ты роздалъ принадлежащій къ монастырю лѣсъ, даю тебѣ въ полное распоряженіе лѣсъ и монастырь, и монашествующихъ», и его наградилъ

крестомъ. И теперь находится въ здравомъ положеніи-съ. Коровъ имѣетъ до 70, всякую лошадь самъ объѣзжаетъ. Въ какой праздникъ, знаете, въ его келейкѣ сидятъ всѣ монашествующіе, а онъ въ концѣ и ихъ поучаетъ — благочестивый человѣкъ! Подкову разгибаетъ; ни обѣдни, ни утрени не проспитъ. Онъ строго монашествующихъ держитъ: однимъ словомъ, говоритъ, не дозволяю по деревнѣ ходить....., а водочки рюмку дастъ, $^1/_2$ фунта сахару и $1^1/_2$ осьмушки чаю. Иконы у нихъ очень древнія-съ!

Въ Шенкурскѣ явленная икона Божіей Матери; игуменъ тоже весьма хорошій, монахи въ полномъ распоряженіи (послушаніи?), для странниковъ пища хорошая. Въ Шенкурскомъ уѣздѣ церкви очень рѣдки-съ.

Въ Кунгурѣ было, знаете, недавно-съ, будто странники выставили окошко, а потомъ первоначально залѣзли въ келью къ архимандриту и спрашивали будто-бы денегъ, знаете, а онъ это самое говоритъ: «у меня денегъ нѣтъ, а деньги въ кассѣ», и били его будто-бы молоткомъ, а потомъ взяли да прирѣзали и взяли деньги, нашли, вышли въ окошко и ушли. Потомъ денегъ не нашлось у архимандрита, а деньги большія у него были. . . . . .

. . . . . .

* *
*

Въ Черниговской губерніи въ селѣ Велейки—селеніе у нихъ, знаете, называется по большой дорогѣ—явилась икона Николая Угодника хохлушкѣ Марфѣ, которая объявила священнику; тотъ донесъ высокопреосвященному и пріѣзжалъ и эту икону не тронулъ; хотѣли ее вынести, она не дается въ руки и на этомъ мѣстѣ выстроятъ монастырь. Она, Марфа вдова, знаете, плачетъ-съ, что «у меня, говорятъ, возьмутъ икону», но ее утѣшаютъ священникъ и проч.; говорятъ тебѣ, новый хорошій домъ построятъ. Много, всѣ странники и странницы въ Кіевъ и изъ Кіева туда заходятъ. Много исцѣленій было. Священнику того не попадаетъ, что ей всего носятъ, и куда ей, она вдова, вотъ по случаю этому и сдѣлано-съ распоряженіе-съ—священникъ извѣстно желаетъ, чтобы это въ церковь шло, но только икону взять нельзя, недвижима. Вотъ вѣдь что: 2 краски глаза перемѣняютъ! богомольцы тутъ и ночуютъ и наблюдаютъ; свѣчей до 5 т., многія можетъ дорогія въ 1 рубль, все красныя свѣчи, большія, вотъ въ этомъ удивленіе болѣе—чудотворная икона!

Я три дня ночевалъ, очень даже хотѣлось, только видно Богу не угодно; видитъ, знаете, кто проще, даже удостовѣряютъ-съ!

Священникъ и тотъ не видалъ. У одного глазъ болѣлъ, бѣльмо—надумался, взялъ воску отъ свѣчи и помазалъ—точно лопнуло что,

Центральная Работа
Библиотека-Читальня
Московского совета
профессиональных

какъ тряпку снялъ бѣльмо-то-съ! Пошелъ къ священнику, тотъ говоритъ: молебенъ надо безпремѣнно отслужить.

У Тихвинской раза три былъ, какъ вамъ объяснить—такого ничего.

* *
*

Въ Архангельскѣ есть домикъ Петра Великаго и памятникъ Ломоносову, который громъ и тучу отводилъ, и ему честь дѣлаютъ, когда парадъ, почесть, какъ въ Петербургѣ генералиссимусу Суворову дѣлается. Во дворцѣ лодка; какъ онъ лапоть плелъ, пятки не могъ доплесть. Тутъ рѣка Двина; Петръ I ѣхалъ, знаете, на лодкѣ, на островъ; поднялся вѣтеръ и волны-съ и онъ, знаете, самъ почти что совершенно хотѣлъ погибнуть. У него тутъ была плеть; онъ ударилъ этой плетью по водѣ и вода раздѣлилась, на одну сторону бѣлая, а на другую черная—и въ настоящее время видно—такъ онъ и проѣхалъ благополучно и назадъ воротился-съ. Дворецъ деревянный и теперь стоитъ благополучно, не поправляютъ-съ. Въ этомъ дворцѣ есть деньги кожанныя, есть и серебряныя, клинчиками. Соборъ великолѣпенъ. Народъ добрѣйшій, только поговорка, знаете, сѣверная.

Тамъ, изволите знать, самоѣды въ оленьей шкурѣ, ни штановъ, ни рубашки, также и у женскаго пола-съ. Понять ихъ нельзя-съ. Глаза круглые. У каждаго самоѣда на каждомъ пальцѣ 2, 3, 4 кольца; ѣдятъ сырое мясо; только, знаете, погрѣетъ и ѣстъ.

Народъ еще зыряне, черемисы, по русски очень худо-съ говорятъ и по своему тоже говорятъ. Младенцевъ какъ крестятъ: возьмутъ его на снѣгъ и катаютъ по снѣгу—«терпи холодъ, терпи голодъ», а впослѣдствіи ужъ, знаете, привозятъ либо въ Архангельскъ, либо въ Холмогоры крестить по христіанскому обряду. Прежде они не были крещены, это ихъ Николай Павловичъ привелъ.

Нужно имъ пищи, сейчасъ: «Гесъ, гесъ, гесъ!» Олень сейчасъ подбѣжитъ, зарѣжетъ и ѣстъ.

У насъ все животныя, знаете, добрыя; медвѣдь никогда не тронетъ, только лягъ передъ нимъ—понюхаетъ и уйдетъ. Которую ему Егорій коровушку опредѣлилъ, ту съѣстъ, а больше не тронетъ. Часто съ коровами медвѣдь идетъ и не боятся. Лосей ужасно много. Тюленей, знаете, около устья Двины много; въ тоже время на берегъ выходятъ-съ, тутъ ихъ застаютъ охотники. Волковъ очень рѣдко. Дикія свиньи и козы есть.

На одномъ ночлегѣ ночевалъ я; ихъ тамъ два брата, такъ они въ теченіи года 17 медвѣдей убили; а 18-й,—былъ сдѣланъ у нихъ такой, знаете, шалашъ и на этомъ шалашѣ есть гдѣ имъ залѣзть, съ ружьями они; потомъ веревки привязали къ тумбѣ снизу, провизіи

самой положено. Потомъ, если медвѣдь придетъ, они его и раздразнятъ, выстрѣлъ сдѣлаютъ, онъ разсердится и хочетъ къ нимъ ползти, а они раскачаютъ тумбу, да его по лбу и еще, и еще, въ лобъ да въ лобъ, попадетъ ему разъ 7 и болѣе; когда они его умаютъ, онъ ляжетъ, кричать станетъ, они и сдѣлаютъ выстрѣлъ. Одинъ соскочилъ, думалъ, убилъ, а тотъ на него, это самое, да подъ себя, знаете—хорошо, что другой братъ выстрѣлилъ въ ухо, убилъ-съ, только брату въ палецъ, оторвалъ-съ, а таки убилъ его. Тумбою въ лобъ надо обезсилить, умаять, а то онъ къ вамъ сейчасъ полѣзетъ!

Гусей и лебедей много-съ, всѣ птицы прилетаютъ; тамъ озеръ много, такъ по 3—4,000 птицъ, знаете, сидятъ вмѣстѣ. Куропатокъ, глухарей, рябчиковъ очень много—ни почемъ-съ! Зайцевъ, просто, хоть палкой бейте, у насъ не ѣдятъ. Яйцо 3 копѣйки и курица 3 копѣйки: у насъ простой народъ ни за что не станетъ ѣсть курицы; въ домъ не пустятъ кто ѣстъ, знаете, ни за что—пѣтухъ, говорятъ, курицу топчетъ. Нѣмцевъ много, они кушаютъ. Много оленей, а не ѣдятъ, лососины тоже ни за что не будутъ ѣсть-съ! Лебедей запрещено по высочайшему повелѣнію бить, такъ и называется птица царская, а бьютъ потихоньку. Тамъ два завода—перяной и пуховой—раздѣляется. Оленья шерсть идетъ въ Петербургъ въ матрасы, въ Англію идетъ тоже-съ, въ мирное время, знаете. Нынче народъ бѣднѣе, хуже стало, только и работы въ лѣтнее время, когда приходятъ англійскіе корабли. Были шведы тоже, 3 шведскіе корабля въ 1829 году; еще я небольшой былъ, такъ порохъ отъ нихъ отобрали; и обѣды, знаете, и балы, однако, дѣлалъ—когда поѣхали, выдали порохъ обратно.

Самый добрый народъ Архангельской и Вологодской губерніи и баню вытопятъ, и бѣлье тебѣ помоютъ. «Мы сами, говорятъ, въ работѣ, намъ не удается помолиться, такъ рады хоть принять». Въ праздникъ всѣ пива, эти самыя, варятъ, самыя крѣпкія; странникъ у нихъ первый гость и постель, все шерстяные тюфяки, а подушки пухъ и полъ-пухъ—самая этая эссенція хорошая-съ!—еще и на вторую ночь оставляютъ. Народъ, знаете, нечистоплотенъ, у странниковъ насѣкомыхъ много-съ, другіе и въ баню-то не ходятъ. Въ монастыряхъ больницы есть.

* *
*

Одинъ капитанъ 1-го ранга, по русски перевести—полковникъ, у Николая Павловича разрѣшенія, знаете, просилъ-съ, чтобы до края свѣта, конецъ моря дойти-съ. Корабль «Нидерманландъ» 196-пушечный-съ—на которое разрѣшеніе получилъ и было провизіи приготовлено на 10 лѣтъ, и онъ странствовалъ три года, знаете. Теперь корабли винтовые, а прежде были мачтовые, и онъ дошелъ, знаете,

дотуда, гдѣ ужъ мачты стали за облака задѣвать-съ, жидкость пускать стало! Это описано было, книга есть объ этомъ—и сдѣлалъ обратное обращеніе-съ, назадъ; книга эта сборникъ, въ Кронштадтѣ-съ. Донесъ государю императору; по разсмотрѣніи дѣла, государь императоръ произвелъ его въ адмиралы, по русски перевесть—генералъ-маіоръ. У нихъ теперича: ничманъ—прапорщикъ, капитанъ 2-го рангу—подполковникъ, а этотъ былъ перваго—полковникъ—значитъ, чинъ только далъ ему, одинъ. А генералъ-лейтенантъ—контръ-адмиралъ называется; а генералъ отъ инфантеріи—контръ-мейстръ! А потомъ ужъ графа они получаютъ-съ.

* *
*

Къ Артемію Праведному, 140 верстъ не доходя Архангельска-съ, въ лѣвую сторону-съ. Переходы очень трудны-съ, такъ случается 40 и 50 верстъ и выстроены отъ монастыря, знаете, церковныя сторожки. Въ сторожку зайдешь, тутъ находится-съ пища, отъ монастыря приготовленная; треска-съ, сельди-съ, толокно-съ, хлѣба сколько угодно, знаете, 2 или 3 хлѣба-съ. Малыя очень деревни, по 12, по 9 дворовъ: народъ добрый, все больше зыряне, худо понимаютъ по русски, послѣднее слово протягиваютъ-съ. Соломата есть изъ ржаной муки, свѣжее молоко и со сметаной и масло съ этой кашей.

Дойдя до Артемія Праведнаго былъ тамъ, архимандритъ Амфилогій, знаете, очень добрѣющій былъ, страннику давалъ одежду, рубашку, сапоги-съ.

Все больше хожу я одинъ; отъ Артемія Праведнаго пошелъ, знаете, другою дорогою, чтобы поближе выйти; монашествующіе дали на дорогу хлѣба, палтасины, трески и сельдей и сказали:

— Можешь тутъ скорѣе выйти на большую дорогу.

Я шелъ знаете, дорогою, можетъ верстъ 13 прошелъ, вдругъ-съ мнѣ встрѣчаются 3 дороги-съ! Я самъ ужъ не знаю, которою дорогою; солнце закатывается, знаете, въ 11 часовъ вечера. Остановился въ лѣсу—звѣрей много ходитъ-съ. Заснулъ, опять проснулся. И вторую ночь остался; сумку эту самую снялъ, лежу, заснулъ: опять проснулся—сумки нѣтъ; а тамъ вся провизія и хлѣбушко былъ-съ, ни при чемъ остался. Поѣсть нечего, отощалъ; тамъ грибовъ много, бѣлыхъ, груздей. Какъ курю, такъ у меня огонь есть: набралъ грибовъ, да на палочкѣ сжарилъ-съ—какое, знаете, это питаніе, воздушное самое! Отощалъ до того, соли нѣтъ; 9 сутокъ продолжалось; ни строенія никакого,—только грибы жарилъ.

На десятые сутки иду, иду, знаете, вижу дорога получше, вижу стогъ сѣна—и такъ я обрадовался! Отрылъ сѣна и туда залѣзъ, только чтобъ звѣрей не видать-съ—помилуйте, медвѣди, лоси, дикія свиньи

такъ и снуютъ! Въ стогѣ, знаете и заснулъ-съ. Поутру вставши, это самое, очень рано, осмотрѣвши, вижу сторожка, деревянная. Потомъ я въ эту сторожку зашелъ-съ, отощалъ, знаете, просто вотъ какъ! Думаю, не найду ли, думаю, корочки—нашелъ двѣ корочки на окошкѣ, потомъ ихъ въ ведросъ-съ, пропустилъ,—какъ будто получше стало-съ; перекрестился, думаю, Господи, не придетъ ли кто, дожидался почти полчаса—нѣту-съ, никто не приходитъ.

Вышелъ, знаете, изъ сторожки, тутъ дорога; иду, иду, пройдя такъ почти что версты полторы отъ этой сторожки, вижу, знаете, двое мущинъ и три бабы сгребаютъ сѣно-съ. Я, подойдя къ нимъ, поклонился, знаете-съ, говорю:

— Богъ на помочь!

— Здравствуй, здравствуй, старичекъ, откудова?

Такъ и такъ, объявляю, 10 дней иду безъ пищи, безъ всего, одними грибами питался.

— Да ты бы, старичекъ, и вовсе не вышелъ, напрасно тебя направили такъ, еще Богъ тебя вынесъ.

— Я, говорю, совсѣмъ отощалъ, ноги мои не ходятъ.

Они, знаете, народъ добрый, сейчасъ вынули изъ берестовъ кулебякъ съ рыбой, съ селедкой: пирогъ тамъ такой, сверху толокномъ посыпаютъ, а пекутъ на сковородкахъ, въ каждомъ семействѣ, знаете, штукъ 30, 40 сковородокъ.

И на путь меня направили: «вотъ тутъ, старичекъ, иди, все тутъ иди, никуда не сворачивай»—такъ, знаете, верстъ около 13 прошелъ; версты, знаете, тутъ не обозначаются, такъ по моимъ ногамъ считаю. Тутъ немного, самую бездѣлицу закусилъ. Какъ я медицинскую-то часть знаю, такъ вдругъ, знаете, знаю, не годится много ѣсть, а они мнѣ дня на три дали.

Знаете, до рѣчки дошелъ; стоятъ тамъ три лодки, никого нѣтъ перевозчиковъ. И около этой рѣчки я ходилъ почти съ часъ и болѣе — никого нѣту-съ! Думаю, я самъ умѣю грести, флотскую-то часть знаю.

Я съ однимъ весломъ переѣхалъ, а тѣ весла, должно быть, спрятаны-съ; переѣхалъ, знаете, я, какъ слѣдуетъ быть, привязалъ ее и вышелъ на берегъ—вижу, самое, деревня, съ полверсты. 2 мужичка плетутъ веревки изъ пакли. Знаете, имъ говорю:

— Богъ на помочь.

— Спасибо, старикъ.

Я и прошу, нельзя-ли, говорю, нѣтъ-ли гдѣ самоварчика, у меня чай и сахаръ есть—они и послали: «иди, говорятъ, въ этотъ домъ». Зашелъ я: со старушкой и молодые люди находятся и прошу, двое,

говорю, послали къ вамъ—они говорятъ: «милости просимъ, самоваръ готовъ». Накормили меня опять, крынку молока. Объ этомъ происшествіи и говорю, какъ я заблудился.

— Куда-же вы теперь?

Говорю, какъ бы выйти на Вологду. Они говорятъ:

— Зачѣмъ же вы переѣзжали, вѣдь вамъ опять надо переѣзжать назадъ.

Такъ, знаете, напившись чая, опять надавали всего, я ужъ имъ старое отдалъ, а новенькое-съ взялъ.

Я, знаете, простился и вышелъ изъ ихъ квартиры—думаю, не врутъ-ли? У этихъ, что плетутъ веревочки, спрашиваю—не перевезутъ-ли—а тучи такія нависли—и указали, говорятъ, не заходите мимо огорода, когда переѣдете, а идите прямо. А тутъ-съ лодка, я отъ дождя отъ проливнаго скорѣе подъ лодку, она опрокинута была; я подлѣзъ—перекладина-то и выскочила, лодка на меня упала! Грудь стѣснила; на спинѣ перекладина, а подъ животомъ ранецъ мой — совсѣмъ задавило! Я кричу благимъ матомъ, никто не слышитъ.

Молитвы ужъ тутъ, знаете, всѣ перебралъ—лодка тяжелая, — даже, знаете, собакой лаялъ, думалъ, не придетъ-ли это кто хоть на собачій-то лай—народъ тутъ дикій! Звалъ Николая Угодника, перваго его батюшку звалъ, помоги ты, говорю, батюшка! Артемій Праведный, можетъ моя молитва не дошла! избавилъ Ты меня отъ звѣря, отъ голода. Изосимъ и Саватій батюшки, помогите, говорю! Это самое, Матушка Семигородская Божья Матерь—она за Вологду будетъ — всѣхъ угодничковъ прошу, никто не приходитъ—давай опять собакой лаять, не придетъ ли кто на собаку!

Вѣдь цѣлую ночь лаялъ, мучался. И дождикъ то пересталъ-съ; промучился такъ почти что до 5 часовъ утра—съ 6 часовъ вечера маялся. Потомъ, знаете, слышу разговоръ, къ перевозу подходятъ, я кричу лихимъ матомъ—не знаютъ-съ, откуда кричу, да народъ дикій и на крикъ не пойдутъ. Батюшки, кричу, подойдите говорю, ради Господа Бога! Что же вы думаете? сѣли и уѣхали....

Потомъ знаете опять двое—голосъ-то у меня осипъ — «Дайте, кричу, душу мнѣ на покаянье!» — Вслушались, подходятъ ко мнѣ. Поднимите, говорю, лодку—такъ и такъ!

Какъ ты, говорятъ, остался живъ! совсѣмъ я, знаете, одрябъ; вытащите говорю меня—вытащили, нужно очувствоваться.

«Вотъ тебѣ тутъ тропка, по этой тропкѣ версты $1^1/_2$ или 2—на большую дорогу и выйдешь». Около этой лодки часа три сидѣлъ и пища-то нейдетъ, не о пищѣ думаю, только какъ бы Господь Богъ поднялъ, одрябъ совсѣмъ.

Спустя часа 3 мужичковъ четверо пришли къ перевозу, я ужъ поправился, и прошу ихъ убѣдительно: вы ужъ меня перевезите черезъ эту самую рѣку-съ. Ну, они говорятъ, садись, садись, говорятъ, старичекъ, и перевезли меня и сдѣлали мнѣ направленіе, на большую дорогу, и сказали, по этой самой дорогѣ иди версты $1^1/_2$. Такъ, знаете, прохожу по этой самой тропкѣ въ лѣвой сторонѣ и вижу колокольня деревянная, знаете, низенькая колокольня, пять колоколовъ-съ и потомъ стоитъ противъ нея одинъ крестъ. Тутъ я немножко, знаете, посидѣлъ и немного пищи употребилъ и опять пошелъ въ путь по указанію.

Знаете, это самое-съ, вышелъ на большую дорогу; пройдя 7 или 8 верстъ, стоитъ деревня, домовъ около 13; попросился ночевать. О своемъ происшествіи — тутъ старички были и молодые были — разсказывалъ. «Какъ, говорятъ, ты живъ остался?»

Потомъ, знаете, переночевалъ, напоили, накормили; пошелъ по большому тракту. Дня 3, 4 шелъ благополучно, какъ слѣдуетъ быть.

* * *

Иду, тутъ-съ городъ Вельскъ, не доходя его опять перевозъ, паромъ, извольте знать, по веревкѣ — со мной вмѣстѣ жандармъ, не знаю откуда онъ. Мы тогда сами испужались втроемъ съ перевозчикомъ!—Богъ его знаетъ, должно быть рыба большая прошла, паромъ совсѣмъ поднялся, мы за веревку схватились, висѣли! Кабы лошадь съ телѣгой хоть одна была, упала-бы она въ рѣку. Какъ прошла рыба, паромъ такъ и леснулся назадъ объ воду, а за рыбой такая волна сильная шла! Жандармъ говорилъ должно быть бѣлужина большая это была-съ.

Такъ, знаете, шелъ я это самое потомъ дня 2. Не доходя до города Вельска верстъ 7-съ, попадается мнѣ одна старушка, годовъ 85 будетъ. Я съ ней поздоровался.—«Откудова, старушка?» Она говоритъ: «я, батюшка, иду изъ Кіева и проживала въ Кіевѣ 8 лѣтъ, говоритъ». Я говорю, знаете, «куда-же ты теперича идешь?» «Я, говоритъ, дальняя, Вятской губерніи-съ». Сзаду у ней мѣшокъ больше пуда, а на плечахъ 2 шубы, заплата на заплатѣ; повѣрите Богу! копѣекъ по 6 шуба, продавать такъ 10 копѣекъ не дадутъ, а спереди 2 корзины тяжелыя, просфорокъ до 30, знаете, въ нихъ лежитъ-съ, въ корзинахъ. Я говорю: ты бы наняла подводу,—а гдѣ же, говоритъ, денегъ-то взять! Я какъ грѣшнымъ дѣломъ курю, такъ снижу курю, а она такъ отъ меня шагахъ въ 50 и не видитъ меня, не опасается. Вижу она что-то перебираетъ долгое время, съ полъ-часа все я на нее смотрѣлъ. Потомъ, знаете, тихонько къ ней подхожу-съ (самъ въ дорогѣ люблю полюбопытствовать—вѣдь старый да малый тутъ бываетъ), я крадучись по-

дошелъ—вижу просвирокъ до 30, поминальниковъ до 13 или 15; денегъ бумажекъ 9 пятирублевыхъ, 7 бумажекъ по 1 рублю серебромъ.

Я, знаете, ее тронулъ: бабушка, говорю, какъ же ты говоришь, что у тебя нѣтъ денегъ». Она, знаете, оробѣла, такъ испугалась! Я говорю: «вѣдь ты себѣ смерть расклала, вѣдь если-бы ты въ другомъ мѣстѣ расклалась, смерть могла бы получить, обрали-бы все»!

— Батюшка, вѣдь мнѣ дома нужно, до дома надо донести, все пригодится». Такъ я съ ней поговорилъ: «ты деньги не оказывай»!

— «Да вѣдь я думала никого нѣтъ».

— «Да шубы то, говорю, брось»!

— «Нѣтъ, батюшка, все пригодится, ужъ какъ нибудь доплетусь».

* * *

Съ этой старухой я простился; иду верстъ 5 или 4—идетъ мущина одинъ, чуть чуть ногами переступаетъ, за плечами два листа кровельнаго желѣза; шелъ босикомъ-съ, ему не болѣе, знаете, какъ 28, 30 лѣтъ. Я говорю: «ты что тихо идешь»?—«А, вотъ, говоритъ, посмотри»! Три человѣка его обыскали, обобрали, 6 р. 80 коп. нашли и сапоги сняли, а пятки палками избили почти до костей, чтобы бѣжать за ними не могъ. Онъ былъ изъ Костромы, ведерки поправлялъ, заработалъ эти деньги-то.—И я то оробѣлъ!

Верстъ 7 не доходя Вельска, знаете, идетъ, самое это, попался мнѣ одинъ на встрѣчу человѣкъ, и замѣтилъ я въ немъ подозрительное, только что же я могъ сдѣлать, я старикъ!

Прихожу въ городъ Вельскъ, было часовъ 8 вечеромъ, захотѣлось чаю попить, въ трактирное заведеніе зашелъ я. Меня хозяинъ послалъ кверху, потому внизу буфетъ-съ, а вверху комнаты есть-съ. Я, знаете, наверху попросилъ кипяточку, чай заварить. И приходитъ ко мнѣ одинъ человѣкъ; на немъ пальто хорошее, штаны хорошіе, босикомъ, безъ сапогъ, а штаны, знаете, запачканы въ краскѣ, и проситъ у меня чашечку. А онъ выпивши.—«А отъ меня, говоритъ, не угодно-ли рюмку»?—Я говорю: «не хочу».—«Вотъ, говоритъ, какое дѣло: подхожу себѣ къ дому (чай-то мой пьетъ), жена меня, говоритъ, не пущаетъ».—Я говорю: что-же ты можешь сдѣлать, вѣдь ты выпивши! — «Нѣтъ, говоритъ, я хочу свою жену зарѣзать». — «Что-жъ, говорю, вѣдь въ Сибирь пойдешь, если зарѣжешь!»—Въ такомъ случаѣ, другое могу сдѣлать, возьму да краснаго пѣтуха пущу!—Ну знаете, это самое, это видно доля твоя, коли тебѣ надоѣло на бѣломъ свѣтѣ жить... Потомъ, знаете, я не сталъ этакіе пустяки говорить.—«Ступайте, говорю, въ свое мѣсто;» онъ пошелъ внизъ.

Я чай окончилъ, спускаюсь, знаете, и говорю буфетчику: «вотъ что хочетъ сдѣлать!» Онъ говоритъ: «это по городу, говоритъ,

первый мастеръ, рѣщикъ и гармоніи, и скрипки дѣлаетъ и настройщикъ, до 5 цѣлковыхъ въ сутки заработывать можетъ».

Потомъ я, знаете, вышелъ изъ трактира, какой то старичекъ подходитъ: «пойдемте, говоритъ, ночевать ко мнѣ-съ». Я, знаете, съ нимъ вмѣстѣ пошелъ-съ, въ его собственный домъ и вижу, какъ онъ сапожникъ, мастерство имѣетъ, мастеровыхъ человѣкъ до 6.

Ну, знаете, самоваръ готовъ, хочетъ меня чаемъ поить; я говорю: «я сейчасъ изъ трактира», и разсказываю, то и то говорю.—«Да вѣдь, говоритъ, вотъ его домъ, видно отсюда, двое сосѣдей черезъ него дома продали, во избѣжаніе, такъ какъ того и смотри пожаръ сдѣлаетъ: стружки возьметъ, зажгетъ около дома, а самъ катается, точно шутитъ-съ! Первый, говоритъ, первый мастеръ. 5 или 6 цѣлковыхъ заработать можетъ!» . . . . . .

Такъ мы, знаете, самое поужинали и улеглись спать. Около такъ 12 или 1 часу ночи вдругъ забили въ набатъ; я, знаете, почти что не спалъ ничего. Хозяина бужу—что это, говорю, звонятъ?—А это говоритъ, набатъ; вотъ, говоритъ, этотъ самый домъ и горитъ! Мы побѣжали, знаете, съ хозяиномъ-съ; хорошо, что въ эту самую ночь тихая ночь то была. Сейчасъ тутъ его схватили, въ полицію повели; а онъ ужъ безъ пальто, знаете, въ одной сорочкѣ-съ. Жена и 3 дѣтей выбѣжали въ одной же сорочкѣ изъ своего дома.

Его посадили въ полицію.– Обыкновенное дѣло, въ Сибири будетъ-съ!

* * *

Въ Шенкурскомъ уѣздѣ отецъ свою дочку привелъ въ монастырь, представилъ къ игуменьѣ для опредѣленія въ монастырь-съ; у него для вклада въ этотъ самый монастырь не достаетъ, знаете, денегъ—тутъ, знаете, вкладъ дѣлается. Игуменья говоритъ, что когда ты, старичекъ, всѣ деньги сполна доставишь, тогда, говоритъ, и дочку твою могу принять!» Богъ его знаетъ, какой вкладъ, можетъ быть 60 рублей, а у него, знаете, можетъ быть рублей 40. Эти деньги ужъ остаются, знаете, если она и выйдетъ.

Отецъ этотъ самый и дочка, знаете, самая пошли обратно домой-съ. Старику и дочкѣ вздумалось посчитать деньги, сколько молъ у насъ не достаетъ. И вдругъ, знаете, прискочили три человѣка, схватили его, а она то вырвалась, убѣжала въ лѣсъ. Взяли деньги-съ, его зарѣзали, сняли съ него поддевку и сапоги. А дочка то убѣжала и объявила становому: «вотъ такъ и такъ, говоритъ, дорогою напали и меня поранили» —2 раны въ руку и она то получила, годовъ будетъ ей 17; «сдѣлайте, говоритъ, милость, гдѣ ужъ ихъ взять, хоть приберите тѣло отца».

Тотъ сейчасъ сдѣлалъ распоряженіе, и дѣвочку взяли они съ собой-съ. Пройдя такъ, знаете, 2 или 3 версты-съ, попадаются 2 человѣка; она понятымъ говоритъ: «да вотъ, говоритъ, тятеньки моего поддевка, а вотъ, говоритъ, на другомъ сапоги». Понятыхъ было 9 человѣкъ, и привели ихъ къ этому зарѣзанному человѣку-съ, вмѣстѣ съ дочерью-съ, этою самою, — они тутъ и повинились, да какъ-же съ, вѣдь поддевка и сапоги!

* * *

Примешь холоду и голоду въ странствіи! Рязанская и Тамбовская губерніи самыя нечистоплотныя, топятъ соломой и каломъ; въ избѣ тутъ-же и коровы, и свиньи, и поросята, корова гадитъ и у ней (у хозяйки) только одна рубаха да понева. Топятъ все еще по черному дыму—какъ-бы только уйти. На одномъ ночлегѣ ночевать выпросился, знаете, никого-съ, ни десятскаго, никого. Она меня пустила-съ, женщина молодая; ну ничего, говоритъ, дѣдушка, можно, у ней мужъ въ Петербургѣ живетъ. Знаете, самое это, поужинали съ ней, такъ съ вечера разговариваемъ мы: что же, я говорю, у васъ?—Извини, старичекъ, молочка у меня нѣтъ, коровушка, знаете, стельная, можетъ быть она скоро отелится, у меня молочко свое, говоритъ, будетъ.

Хорошо, знаете, я легъ на печку, она противъ печки. Слышу кричитъ корова.—«Тетенька, посмотри ты, говорю, стельная корова-то»! «Вѣдь я знаю время-то», говоритъ. «Да, я говорю, она кричитъ!»—«Богъ съ ней, пускай кричитъ, холодно». Потомъ, знаете, часа 2. 3 прошло, опять кричитъ, лихимъ матомъ. Я опять говорю: тетка, да неужели ты Бога то не боишься, встань ты, посмотри пожалуйста.—Она говоритъ: да что ты, старичекъ, безпокоишься, взяла она лучину, зажгла, да теленка въ подолѣ и принесла, ужъ онъ холодный! Она его на печку отогрѣвать; я говорю: «что его отогрѣвать коли копытца ужъ бѣлыя»!—Такъ, говоритъ: «дѣдушка, ты никому, сосѣдямъ то въ деревнѣ не говори, будутъ, говоритъ, смѣяться».

Вотъ вѣдь какой народъ, лѣнивый народъ! Кому я буду говорить? Грязно ужасъ, какъ грязно-съ, что Тамбовъ, что Рязань.

И клоповъ вездѣ по монастырямъ-съ, просто обсыплютъ, знаете! Такъ цѣлую ночь и сидишь, ждешь заутрени!

Чего, чего не примешь, не натерпишься!

В. В. Верещагинъ.

НИКОЛАЙ ПЛАТОНОВИЧЪ ОГАРЕВЪ.

XLIII [1]).

Съ полуночи вѣтеръ холодный подулъ
И листъ пожелтѣлый на землю свалился
И съ ропотомъ грустно по ней пропорхнулъ,
Отъ вѣтки родной далеко укатился.

***

Съ родимой сторонки уноситъ меня
Безвѣстной судьбы приговоръ неизмѣнный,
И грустно, что край оставляю тотъ я,
Гдѣ жилъ и любилъ я въ тиши отдаленной.

Августъ 1839 г. Чертково.

XLIV.

Тяжела голова моя,
Мои очи заплаканы,
Тяжело на душѣ моей;
Тяжело моя милая.
Дай склонюсь головою я
Къ тебѣ, другъ мой, на плечико,
Къ тебѣ къ сердцу прижмусь я
Моимъ сердцемъ измученнымъ.
Сердце сердцемъ излечится
И забудусь сладкимъ сномъ
У тебя я на плечикѣ,
И во снѣ стану видѣть я
Свѣтлыхъ Ангеловъ Божіихъ,
И увижу въ срединѣ ихъ
Я тебя, моя милая....

3-го августа 1839 г. Н. П. Огаревъ.

---

[1]) См. „Русскую Старину“ изд. 1888 г., томъ LX, стр. 469—490, 601—616; изд. 1889 г., т. LXI, стр. 336, 352, 354, 430, 556, 644; т. LXII, стр. 134, 160, 388.

КЪ НОВѢЙШЕЙ ИСТОРІИ МОНАСТЫРЕЙ

ЗАПИСКА АРХИМАНДРИТА ИГНАТІЯ

ПО ПОВОДУ ПРОЕКТА УСТАВА

объ учрежденіи епархіальныхъ обществъ Сестеръ Милосердія

1869 г.

КЪ НОВѢЙШЕЙ ИСТОРІИ МОНАСТЫРЕЙ ВЪ РОССІИ.

Записка архимандрита Игнатія

1869 г.

Въ 1869 году извѣстная въ то время игуменья Митрофанія составила удостоившійся нѣкотораго вниманія проектъ устава псковской епархіальной общины сестеръ милосердія и другихъ имѣющихся открыться въ нашемъ государствѣ; проектъ этотъ едва не получилъ утвержденія, но, по разсмотрѣніи назначенною для сего правительствомъ коммиссіею, былъ отвергнутъ. Воспослѣдовало это на основаніи записки, составленной и представленной однимъ изъ членовъ помянутой коммиссіи, отцомъ архимандритомъ Сергіевой пустыни, что близь Петербурга, Игнатіемъ (Малышевымъ). Вотъ эта записка [1]. Ред.

Проектъ игуменьи Митрофаніи не примѣнимъ къ монастырямъ и къ монашествующимъ лицамъ: это вполнѣ свѣтское учрежденіе, а монастыри и монашество вполнѣ духовныя учрежденія. Справедливость требуетъ всякому предоставить идти своимъ путемъ; желающая быть сестрой милосердія не пойдетъ въ монахини, а призванная въ монашество не пойдетъ въ сестры милосердія. Насиліе же ни въ какомъ случаѣ не должно быть допущено: крѣпостное право уже не существуетъ. И потому, чтобы уяснить задачу и положить грань между свѣтскими и духовными учрежденіями, мы намѣрены по возможности сказать: что́ есть монахъ, или каковъ долженъ быть монахъ по обѣту,

[1]) Оттиски этой записки изъ «Русской Старины» были выпущены въ свѣтъ еще въ 1887 году, но въ журналѣ нашемъ она появляется лишь въ этой книгѣ. Ред.

данному имъ предъ Богомъ, и насколько будетъ способствовать его духовному восхожденію или нисхожденію такого рода занятія, какія предназначаются проектомъ устава объ обращеніи монахинь въ сестеръ милосердія.

Жаль, что составительница проекта не пожелала обратить вниманіе ни на священное писаніе, ни на каноническія правила, ни на ученіе и уставы святыхъ отцовъ православной церкви; собранныя ею правила заимствованы изъ разныхъ свѣтскихъ учрежденій и къ монашескому быту не приложимы.

Мы увѣрены, что если-бы составительница проекта устава воспользовалась уставомъ для монашествующихъ св. угодника Божія Нила Сорскаго, то не помыслила бы касаться монастырей, да и самой бы ей было бы трудно удаляться изъ своего монастыря.

Живо бы, живо стучали у нея на сердцѣ слова Спасителя послѣдовавшей за Нимъ: „Остави мертвыя погребсти своя мертвецы“.

А чтобы монахъ погребъ своя мертвецы, должно имѣть особенное вниманіе въ жизни, умереть для міра, а жить для Бога: „Мнѣ міръ распяся и азъ мірови“, говоритъ святый апостолъ Павелъ.

Эти многознаменательныя слова требуютъ совершенной чистоты плоти и духа; на этотъ путь и выступаютъ избранники Божіи, преимущественно въ ликѣ монашествующихъ, о чемъ свидѣтельствуютъ исторія и святыя чудотворныя ихъ мощи. Равноангельная жизнь ихъ свидѣтельствовалась Духомъ Святымъ, еще во время пребыванія ихъ на земли, почему и церковь именуетъ ихъ земными ангелами и небесными человѣками.

Дерзаемъ, за молитвами угодниковъ Божіихъ, сдѣлать хотя краткое извлеченіе изъ духовнаго состоянія.

Блаженный Исихій Іерусалимскій говоритъ: „Какъ невозможно пребывать въ сей жизни безъ пищи и питія, точно также невозможно душѣ, безъ храненія ума, называемаго трезвеніемъ, достигнуть чего нибудь духовнаго, хотя бы кто и понуждалъ себя страхомъ вѣчныхъ мукъ къ удаленію отъ грѣховъ“.

Отцы говорятъ, что истинный исполнитель заповѣдей Божіихъ не только охраняется отъ злыхъ дѣлъ, но остерегается даже того, чтобы и умомъ не преступить заповѣданнаго. „Нѣсть наша брань къ плоти и крови, но къ началомъ и властемъ и

міродержателемъ тьмы вѣка сего, къ духовомъ злобы поднебеснымъ". (1. Къ Ефес. Гл. 6. Зач. 233. Ст. 12).

Всякій внимательный дѣлатель заповѣдей Христовыхъ долженъ вступить въ эту борьбу противъ духа тьмы.

По сказаніямъ отцевъ, что въ мысленной нашей брани побѣды и побѣжденія бываютъ различныхъ степеней: первая степень брани называется прилогъ, потомъ—сочетаніе, далѣе—сложеніе, за нимъ—плѣненіе и, наконецъ,—страсть. „Блаженъ иже иметъ и разбіетъ младенцы [1]) твоя о камень".

Блаженный Исихій полагаетъ въ семъ мысленномъ дѣланіи четыре образа дѣйствованія. „Наблюдать за прилогами, или сохранять сердце въ глубокомъ молчаніи отъ всякаго помысла, или молиться и призывать на помощь Господа Іисуса Христа, или имѣть память смертную".

Все сіе, сказалъ онъ, возбраняетъ входъ лукавымъ помысламъ. Каждое изъ сихъ дѣланій называется трезвеніемъ ума нашего, т. е. мысленнымъ дѣланіемъ.

Разсмотрѣвъ все сіе, каждый изъ насъ да подвизается приличествующимъ себѣ способомъ о Христѣ Іисусѣ. Умное дѣланіе, по разуму святыхъ отцевъ, превыше всякаго тѣлеснаго дѣланія, и по преимуществу занимаются имъ въ монастыряхъ.

Противъ всѣхъ злыхъ помысловъ призывается Имя Божіе, потому что мы не имѣемъ силы во всякое время сопротивляться лукавымъ помысламъ, какъ сказалъ св. Исаакъ: „Нѣтъ другой таковой помощи, какъ Богъ".

Посему должно молиться прилежно Владыкѣ Христу съ воздыханіемъ и слезами, говоритъ Нилъ Синайскій: „Помилуй мене, Господи, и не попусти мене погибнуть, помилуй мене, Господи, ибо я немощенъ! Господи, посрами борющаго мене бѣса! Упованіе мое! Осѣни надъ главою моею во время бѣсовской брани! Господи, поборн борющаго мене врага, и укрѣпи, слове Божій, обуревающіе меня помыслы твоею тишиною!"

Мы должны строго внимать и тому, чтобы не быть самимъ причиною упорнаго нападенія на насъ лукавыхъ помысловъ, за неправильное, ложное и небрежное шествіе путемъ Божіимъ;

---

[1]) Начатки грѣховныхъ помысловъ.

ибо мы должны препровождать сіе духовное жительство съ великимъ усердіемъ и прилежаніемъ, руководствуясь во всемъ божественнымъ писаніемъ, поступая во всѣхъ случаяхъ благочестиво и смиренно. Хотящій достигнуть любви Божіей и истинно спастись всегда долженъ дѣлать дѣло Господа безъ лѣности и тщательно.

Внимай же послѣдующему со страхомъ: если твой образъ мыслей не будетъ смиренъ, то благодать оставитъ тебя и ты будешь впадать самымъ дѣломъ въ тѣ согрѣшенія, въ которыхъ ты искушаешься только одними помыслами. А постоянное пребываніе въ добродѣтели не отъ тебя зависитъ, но отъ благодати, она носитъ тебя на рукахъ своихъ, сохраняя отъ всѣхъ противныхъ обстоятельствъ.

Конечно, намъ скажутъ, что нынѣшнее монашество не такъ занимается умнымъ дѣланіемъ.

На это святый Григорій повелѣваетъ отвѣчать отъ писанія отцевъ такъ: „Не во всѣхъ все было въ совершенствѣ, по недостатку тщанія и по слабости силъ, впрочемъ, малое въ великихъ не всегда мало, великое же въ малыхъ не всегда совершенно; ибо не всѣ подвижники, какъ нынѣшніе, такъ и древніе, не всѣ сохранили до кончины своей одинъ и тотъ же образъ жизни“.

О предуспѣвшихъ же и достигшихъ просвѣщенія св. Григорій говоритъ: „Они не нуждаются въ чтеніи псалмовъ, они пребываютъ въ молчаніи, неослабной молитвѣ и созерцаніи, они соединены съ Богомъ, имъ не слѣдуетъ отвлекать отъ Бога умъ свой и ввергать его въ смущеніе. Ибо умъ таковыхъ прелюбодѣйствуетъ, когда отступитъ отъ памяти Божіей и займется со вниманіемъ низшими предметами“.

Святый Исаакъ Сирскій, который пишетъ о семъ еще выше, говоритъ слѣдующее: „Когда находитъ сія несказанная радость, тогда отъемлется и молитва отъ устъ, тогда умолкаютъ уста, и языкъ, и сердце—хранитель помысловъ, умъ—кормчій чувствъ, мысль—быстролетающая и неудержимая птица. Тогда мысль не имѣетъ ни молитвы, ни движенія, ни самовластія, но управляется другою силою, а не своею собственною, содержится въ тотъ часъ въ плѣну, занимается непостижимыми предметами; гдѣ находится—не понимаетъ“. Онъ называетъ сіе ужасомъ и видѣ-

ніемъ молитвы, а не молитвою. Тогда имъ не молится, но бываетъ выше молитвы, оставляетъ молитву, достигши лучшаго, бываетъ въ изступленіи, не имѣетъ воли, „аще въ тѣлѣ или внѣ тѣла, не вѣдаетъ“, по словамъ апостола (2 Корин. Гл. 12, стихъ 2).

Святый Исаакъ называетъ молитву — сѣменемъ, а сіе взятіемъ рукоятій, когда жнущій удивляется несказанному зрѣлищу, какъ отъ худыхъ и голыхъ зеренъ, которыя онъ сѣялъ, внезапно въ виду его выросли столь зрѣлые колосья.

Отцы называютъ сіе состояніе молитвою только потому, что оно имѣетъ начальную причину свою отъ молитвы и во время молитвы даруется святымъ сіе неизреченное дарованіе. Отцы, объясняя сіе состояніе для пользы душъ, употребляютъ произвольныя слова, а наименовать оное съ опредѣлительностію никто не можетъ. Когда душа духовнымъ дѣйствіемъ подвигнется къ сему Божественному состоянію, содѣлается непостижимымъ соединеніемъ подобною Божеству и просвѣтится лучами великаго Свѣта въ своихъ движеніяхъ; когда умъ сподобится ощутить будущее блаженство, тогда забываетъ себя и все земное и уже не будетъ имѣть никакой мысли.

Еще говоритъ святый Исаакъ въ другомъ мѣстѣ: „Умъ во время молитвы восхищается внѣ своей воли, въ мысли безплотныхъ, которыя невозможно выразить чувственнымъ языкомъ; потомъ внезапно возгарается въ тебѣ радость отъ сей, ни съ чѣмъ несравненной, пищи, умолкаетъ языкъ; изъ сердца непрестанно кипитъ какая-то сладость, и неощутительно часъ отъ часу отвлекаетъ всего человѣка отъ всего; является во всемъ тѣлѣ какое-то наслажденіе и радость, необъяснимая плотскимъ языкомъ, и земное онъ считаетъ пепломъ и прахомъ, отъ дѣйствія въ немъ памяти Божіей. Когда, сказалъ онъ, явится въ человѣкѣ сіе наслажденіе, кипящее во всемъ тѣлѣ его, тогда человѣкъ думаетъ, что Царство небесное не что иное, какъ сіе состояніе“.

Еще въ другомъ мѣстѣ тотъ же святый Исаакъ говоритъ: „Сподобившійся радости о Богѣ не только не обратитъ вниманія на страсти, но даже не помыслитъ о своей жизни: ибо любовь Божія сладостнѣе жизни и разумъ о Богѣ, отъ котораго рождается любовь, гораздо сладостнѣе меда и сота“.

Но все сіе непостижимо и невыразимо, какъ говоритъ Симеонъ новый Богословъ:

„Какой языкъ скажетъ! Какой умъ объяснитъ! Какое слово выразитъ! Страшно, по истиннѣ страшно и превыше всякаго слова! Сидя въ келіи на одрѣ, вижу свѣтъ, котораго міръ не имѣетъ. Внутри же себя вижу Творца міра, бесѣдую съ Нимъ, люблю Его и вкушаю, питаясь до сытости Боговидѣніемъ, соединившись съ Нимъ, превышаю небеса. Сіе знаю вѣрно и истинно, гдѣ же тогда мое тѣло? Не знаю".

Бесѣдуя о Господѣ, онъ говоритъ: „Онъ любитъ меня, принимаетъ меня въ Себя Самого, на объятіяхъ носитъ. Живущій на небѣ находится въ сердцѣ моемъ, вижу Его и здѣсь, и тамъ". И потомъ говоритъ къ Господу: „Вотъ Владыка дѣлаетъ меня равноангельнымъ, даже поставляетъ меня превыше ангеловъ, ибо Онъ для нихъ невидимъ по существу, по естеству неприступенъ; а я вижу Его всячески и Онъ своимъ существомъ соединился съ моимъ естествомъ".

О семъ разсуждая, св. Симеонъ говоритъ: „Вижу я то, что око не видѣло, ухо не слышало и чего на плотское сердце не приходило; находясь въ семъ состояніи, не только не желаю выдти изъ келіи, но хочу сокрыться въ пещерѣ, ископанной подъ землею, чтобъ, находясь тамъ внѣ всего міра, смотрѣть мнѣ на безсмертнаго Владыку моего Создателя".

Согласно сему и святый Исаакъ сказалъ: „когда снимется съ умственныхъ очесъ человѣка покрывало страстей и онъ возритъ на сію славу, то немедленно умъ возвышается и приходитъ въ ужасъ. Если бы Богъ не положилъ предѣла таковому состоянію въ сей жизни, сколько пребывать въ немъ, то человѣкъ, когда бы сіе было допущено, пребылъ бы въ немъ всю жизнь, никогда бы не пересталъ отъ взиранія на предметы, столь удивительные. Богъ дѣлаетъ сіе по Своей милости, умаляя на время въ святыхъ благодать, чтобъ они промышляли и пеклись о братіи служеніемъ слова, то есть наставляли ихъ на благочестіе".

Святый Макарій говоритъ: „достигшіе мѣры совершенства бываютъ вполнѣ поглощены любовію и сладостію сихъ чудныхъ видѣній, и если бы, сказалъ онъ, человѣкъ имѣлъ въ себѣ дѣйствіе благодати всегда равное, то не былъ бы въ силахъ нести обязанность и тяжесть служенія слову, ни слышать что-либо,

ни говорить о чемъ-либо земномъ, ни имѣть малѣйшаго о чемъ-либо попеченія". И объяснилъ состояніе совершенныхъ въ благодати притчею: они подобны взошедшимъ на двѣнадцать степеней; но благодать нѣсколько ослабляетъ свое дѣйствіе и они, низшедши на одиннадцатую ступень, на ней пребываютъ. Они не допущены до мѣры полнаго совершенства, чтобъ имѣть время заниматься съ братіею и пользовать ихъ служеніемъ слова.

Что сказать о тѣхъ, которые, будучи еще въ семъ тѣлѣ, вкусили безсмертныя пищи и, будучи въ семъ маловременномъ мірѣ, отчасти сподобились радости, предуготованной въ небесномъ отечествѣ: таковые не прельстятся ни красотою, ни сладостію сего міра, не убоятся скорбей и бѣдствій, ибо дерзаютъ говорить съ Апостоломъ: „Ничтоже насъ разлучитъ отъ любве Божія" и прочее... (Римл., гл. 8, ст. 39), но сіе относится, по словамъ святаго Исаака, только къ тѣмъ, которые сами были зрителями видѣній и служителями сихъ таинствъ, или, наставившись святыми отцами и отъ устъ ихъ научившись истинѣ, провели жизнь свою въ исканіи сего блаженства.

Мы же, непотребные, повинные многимъ грѣхамъ и исполненные страстей, недостойны и слышать таковыя слова, но уповая на благодать Божію, дерзнулъ я отчасти привести здѣсь сіи святыя писанія духовныхъ отцовъ, чтобъ познать намъ, какого мы исполнены окаянства и какому безумію предаемся, заботясь о пріобрѣтеніяхъ и преуспѣяніи сего міра, пріобрѣтая тлѣнныя вещи, ради сего входя въ молвы и распри, причиняя вредъ душамъ нашимъ, думая симъ дѣлать добро и вмѣняя сіе въ похвалу себѣ.

Но горе намъ! мы не познаемъ душъ нашихъ, не разумѣемъ къ какой мы призваны жизни, какъ говоритъ Святый Исаакъ: „мы вмѣняемъ житіе сего міра, или скорби, или покой его, какъ бы значущіе что либо".

Отъ лѣности, міролюбія и небреженія нашего говоримъ, что сіе свойственно было только древнимъ святымъ отцамъ, а намъ невозможно.

Нѣтъ, нѣтъ!

Невозможно только тѣмъ, которые предаются страстямъ самоизвольно, не хотятъ истинно покаяться и потрудиться въ дѣлѣ Божіемъ, которые любятъ вредныя попеченія сего міра.

Господь принимаетъ всѣхъ истинно кающихся, благодѣтельствуетъ и даруетъ славу всѣмъ тѣмъ, которые съ великою любовію и страхомъ ищутъ Его, взираютъ на Его единаго и исполняютъ Его заповѣди. Такъ свидѣтельствуетъ все божественное писаніе.

Между древними отцами было много дѣлателей и учителей сего, они назидались и укрѣплялись одинъ отъ другаго; нынѣ же хотя и умалилось число таковыхъ, но если кто съ усердіемъ потщится о дѣлѣ Божіемъ, того благодать наиболѣе вразумляетъ и тому помогаетъ отъ нынѣ и до вѣка; напротивъ, она называетъ прельщаемыми и прельщающими (Рим., гл. 3, ст. 18) тѣхъ, которые сами не произволяютъ подвизаться и приводятъ другихъ въ нерадѣніе и отчаяніе, говоря: Богъ не ниспосылаетъ нынѣ древнихъ дарованій.

Нѣкоторые не хотятъ слышать, что въ нынѣшнее время есть благодать.

Таковые омрачены великимъ нечувствіемъ, неразуміемъ и маловѣріемъ, говоритъ св. Григорій Синайскій.

Но мы, познавши все сіе изъ святыхъ писаній, если хотимъ имѣть истинное прилежаніе къ Божію дѣлу, то прежде всего удалимся какъ можно болѣе отъ суеты сего міра и постараемся умалить страсти, сохраняя сердца отъ лукавыхъ помысловъ; въ сердцѣ исполняя Божіи заповѣди, при храненіи сердца будемъ непрестанно имѣть молитву.

Это первая степень иноческаго возраста и иначе невозможно умалить страстей, говоритъ Симеонъ новый Богословъ.

Итакъ, по разуму святыхъ отецъ: „безъ совершенной чистоты плоти и духа“ невозможно привлечь благодать: „Блаженни чистіи сердцемъ, яко тіи Бога узрятъ“. (Мат., гл. 5, ст. 10).

Узрятъ Его въ благодатныхъ дѣйствіяхъ, которыя преизобильно изливались и изливаются на дѣлателей заповѣдей Христовыхъ.

Да не скажутъ намъ, что нынѣ нѣтъ духоносныхъ отцевъ.

Нѣтъ, нѣтъ, Святый Духъ есть и будетъ, ниже начинаяй, ниже престаяй.

Мы видѣли многихъ современныхъ намъ отцевъ и пользовались ихъ духоносными наставленіями.

Не мѣсто здѣсь исчислять ихъ подвиги и вышеестественныя дарованія; эту истину засвидѣтельствуютъ всѣ тѣ, на которыхъ падали лучи свѣта благочестивой жизни ихъ.

Кому изъ чтущихъ отечественную святыню неизвѣстны современные намъ подвижники и подвижницы благочестія; мы могли-бы указать на многихъ, но здѣсь не мѣсто исчислять.

Эти Богомъ избранные сосуды благодати сіяли подвигами вѣры и благочестія; надѣемся, что наши слова будутъ засвидѣтельствованы всѣми тѣми, которые внимали окомъ вѣры и не были слѣпы, чтобы видѣть, ни глухи, чтобы слышать. Пусть вознесется за нихъ молитвенное воспоминаніе всѣми, которые молитвами ихъ и любовію, растворенною жалостію, получили исцѣленіе душевной болѣзни.

Кто сознаетъ, что его жизнь сохранена отъ погибели, кому путь указанъ къ вѣчности, кто избавленъ отъ невѣренія, кому дана живая вѣра, кому тернистый путь углаженъ, въ чье сердце, изнывающее страданіями, влита была отрада! Вмѣстѣ съ ними скажемъ: это звѣзды путеводныя, это маяки, охраняющіе отъ подводныхъ скалъ, это свѣтила, вѣчно сіяющія и просвѣщающія концы земли.

Небезопасно колебать глубоко-духовныя иноческія учрежденія, засвидѣтельствованныя духомъ святымъ, освященныя вѣками и усвоенныя всею православною церковью.

Пресловутая по учрежденіямъ Англія съ завистью смотритъ на наши обители, усиливается учредить у себя подобныя, но одни человѣческія средства недостаточны безъ благодати Божіей.

Не имѣя Антоніевъ, Пахоміевъ, Пименовъ, Сисоевъ, Макаріевъ, Ѳеодосіевъ, не въ состояніи насадить подобный чинъ и благочестіе.

Къ несчастію, многіе изъ насъ порицаютъ безъ разбора все свое, громко возглашая противъ святыхъ обителей.

Не защищаю ихъ недостатковъ,—это иной вопросъ, требующій уясненія, кто въ этомъ болѣе виноватъ; но не слѣдуетъ забывать повелѣнія нашего Искупителя, который въ притчѣ о плевелахъ, на предложеніе исторгнуть ихъ, отвѣчалъ; „Ни, да не когда восторгающе плевелы, восторгнете купно съ ними и пшеницу. Оставите расти обое купно до жатвы“. (Мат., гл. 13. Зач. 52).

Все очистится въ свое время, въ горнилѣ искушенія: чье дѣло сгоритъ, а чье останется по суду Божію, и мы должны быть осторожны въ сужденіяхъ и осужденіяхъ, дабы не явиться жесточайшими тѣхъ фарисеевъ, которые привели ко Христу жену грѣшницу; Господь предложилъ имъ, говоря: Иже въ васъ безъ грѣха, первый верзи камень на ню. (Іоанна, 8. Зач. 28). Никто не дерзнулъ исполнить предложеніе; обличаемые совѣстію, разошлись единъ по единому.

Неужели нынѣшніе праведники наложатъ руки на святыя обители, и въ подражаніе инославнымъ промѣняютъ чистое золото на мѣдную монету и истинное дѣланіе на призрачное.

Если попущеніемъ Божіимъ совершится что не въ пользу обителей, тогда монашествующіе должны будутъ пѣть вмѣстѣ съ израильтянами: „На рѣкахъ Вавилонскихъ тамо сѣдохомъ и плакахомъ“. (Псаломъ, 136, ст. I).

Какъ древній Израиль послѣ многихъ плѣненій былъ отведенъ въ плѣнъ вавилонскій, такъ и новый Израиль-Христіанинъ, послѣ многой борьбы противъ плоти и духа, изшедшій изъ міра и плѣна страстей, опять привлекается въ міръ, опять въ Вавилонъ.

Міръ, съ своей суетой, именуется Вавилономъ, дѣянія его протекаютъ какъ рѣка: и сидитъ Израиль при рѣкахъ вавилонскихъ, вспоминая объ утратѣ Сіона.

Сидитъ и инокъ при рѣкахъ дѣяній, какъ зритель временъ, не безъ страха взирая на мирныя обители, виновныя многихъ духовныхъ дарованій, чтобъ на мѣстѣ созерцательной духовной жизни не водворилась бы суета, молва и мятежъ, которые изгонятъ изъ обителей собранные плоды благодати и не допустятъ заниматься дѣяніемъ духовнымъ.

Тогда подвижники благочестія опять отведутся въ плѣнъ мысленныхъ браней и рабства страстей.

Какъ древній Израиль въ плѣну вавилонскомъ обѣсилъ органы хваленія Богу, такъ и новый Израиль, возрожденный Богомъ, отложитъ мысли святыя, дерзновеніе къ Богу и дѣянія благія.

Насмѣшливо спросятъ ихъ плѣнившія страсти о пѣсняхъ сіонскихъ?

Молчаніемъ отвѣтятъ во узахъ грѣховныхъ сѣдящіе, и новый Израиль, какъ древній въ тѣ горькіе дни лишь мыслію скорбною

вспомянутъ о пѣсняхъ сіонскихъ: „Како воспоемъ пѣснь Господню на земли чуждой. Аще забуду тебе, Іерусалиме, забвена буди десница моя, прилпни языкъ мой гортани моему, аще не помяну тебе, аще не предложу Іерусалима, яко въ началѣ веселія моего". (Въ началѣ духовной свободы, происходящей отъ дѣланія заповѣдей Божіихъ). „Помяни, Господи, сыны Едомскіе въ день Іерусалимль". (Въ день общаго восхожденія праведныхъ въ горній Іерусалимъ).

„Дщи Вавилона окаянная (плоть и плотское мудрованіе), блаженъ иже воздастъ тебѣ воздаяніе твое, еже воздала еси намъ. Блаженъ иже иметъ и разбіетъ младенцы (начатки грѣховныхъ помысловъ) твоя о камень".

Мы боимся, чтобы не повторился плачъ Израиля и въ настоящее (1869 г.) время.

Новое предположеніе проекта не есть ли посягательство на отнятіе умнаго дѣланія и созерцательной жизни, ублажаемой самимъ Господомъ.

„Марѳо, Марѳо! сказалъ Господь, печешися и молвиши о мнозѣмъ, едино же есть на потребу. Марія же благую часть избра, яже не отымется отъ нея".

Не слѣдуетъ тревожить Марію,—Марѳы найдутся.

Мы указали, по возможности, съ духовной точки зрѣнія, на невозможность соединить свѣтскія учрежденія съ духовными.

Архимандритъ Игнатій.

10 іюля 1869 года.

Примѣчаніе. Напечатанная здѣсь записка написана от. архимандритомъ Игнатіемъ по поводу проекта бывшей игуменіи Митрофаніи (въ мірѣ баронеса Розенъ), объ обращеніи женскихъ монастырей въ епархіальныя общины сестеръ милосердія, каковая записка от. Игнатія была повергнута на высочайшее воззрѣніе блаженной памяти государыни императрицы Маріи Александровны и имѣла послѣдствіемъ то, что проектъ игуменіи Митрофаніи былъ отвергнутъ. Помѣщаемъ эту записку на страницахъ „Русской Старины" какъ документъ, имѣющій нынѣ исключительно интересъ историческій. Въ 1888 году Записка эта была издана нами, по просьбѣ почтеннаго отца архимандрита Игнатія, въ небольшомъ числѣ отдѣльныхъ оттисковъ. Ред.

15-го мая 1889 г.

БРАТЬЯ В. В. и К. В. СИКОРСКІЕ,

ординарцы генерала Хрулева.

I.

Къ очерку П. В. Алабина.

Въ «Русской Старинѣ» 1889 года, т. LXI, январь, помѣщена замѣтка одного изъ участниковъ Севастопольской обороны П. В. Алабина, объ ординарцахъ генералъ-лейтенанта Хрулева, бывшаго комендантомъ лѣвой половины оборонительной линіи города Севастополя.

Всякое сообщеніе объ эпохѣ Севастопольской обороны, эпохѣ, которая составляетъ лучшую страницу русской военной исторіи, читается съ удовольствіемъ всякимъ истинно-русскимъ человѣкомъ, а еще болѣе дороги эти сообщенія тѣмъ немногимъ участникамъ этой славной обороны, которыхъ еще пощадило неумолимое время. П. В. Алабинъ, сдѣлавъ ссылку на № 5 иллюстрированнаго изданія «Пчела» за 1877 годъ, въ которой былъ помѣщенъ портретъ и краткая біографія бывшаго ординарца генерала Хрулева—Константина Викентіевича Сикорскаго, убитаго 16-го сентября 1876 г. въ Сербіи, подъ Шеллеговацемъ, говоритъ, что «не должно безмолвствовать, если въ рѣчахъ о бывшихъ боевыхъ товарищахъ встрѣчается что-либо противное истинѣ», и на этомъ основаніи исправляетъ въ «Пчелѣ» имя убитаго Сикорскаго, называя его не Константиномъ, а Василіемъ. Позволяю себѣ сдѣлать замѣчаніе, что многоуважаемый П. В. Алабинъ, по давности Севастопольскихъ событій, такъ-же впалъ при этомъ въ ошибку. При бывшемъ комендантѣ корабельной стороны и начальникѣ лѣвой половины обороны г. Севастополя генералъ-лейтенантѣ Степанѣ Александровичѣ Хрулевѣ состояли, въ числѣ другихъ безсмѣнныхъ ординарцевъ, два брата Сикорскіе—Василій и Константинъ Викентьевичи.

Василій Сикорскій поступилъ къ генералу Хрулеву въ началѣ марта 1855 года, при самомъ назначеніи генерала начальникомъ лѣвой половины обороны, младшій же Сикорскій Константинъ—нѣсколько позже; оба брата состояли на службѣ юнкерами въ Якутскомъ пѣхотномъ полку. Оба они были юноши доброй нравственности, оба не по лѣтамъ ретивые и исполнительные служаки, поэтому-то они и пробыли при генералѣ Хрулевѣ до окончанія осады. Бывши еще юнкерами-ординарцами, они заслужили знаки военнаго ордена

Св. Георгія, затѣмъ оба произведены за отличіе въ прапорщики и затѣмъ въ подпоручики и получили ордена Св. Анны 4-й степени съ надписью «за храбрость» и 3-й степени съ бантомъ. По окончаніи же обороны, при назначеніи Хрулева на Кавказъ на мѣсто генерала Муравьева-Карскаго, Василій Сикорскій, по его просьбѣ, былъ переведенъ на Кавказъ къ генералу Хрулеву, гдѣ и произведенъ за отличіе по службѣ въ поручики; затѣмъ, по окончаніи Восточной войны, оба брата Сикорскіе вышли по домашнимъ обстоятельствамъ въ отставку. Въ 1876 году въ Сербіи подъ Шеллеговацемъ былъ убитъ младшій изъ Сикорскихъ, т. е. Константинъ Викентіевичъ, старшій же братъ Василій Викентіевичъ жилъ, въ то время, въ Кіевѣ, находясь въ отставкѣ, и о дальнѣйшей его судьбѣ я не имѣлъ возможности собрать никакихъ свѣдѣній.

Приведенная въ замѣткѣ П. В. Алабина интересная переписка о револьверахъ, рисующая всю мелочность военной администраціи времени (Сухозанета?), вызываетъ невольную улыбку. Зачѣмъ это могли потребоваться, по окончаніи войны, револьверы, выданные офицерамъ по одному экземпляру на полкъ? Выданы они были тѣмъ лихимъ, боевымъ офицерамъ, которые что-день были лицомъ къ лицу со врагомъ, и понятно, что эти револьверы ежедневно могли быть утрачены со смертію владѣльца револьвера, или отбиты непріятелемъ, а если бы они и уцѣлѣли, то какая же бѣда, если и въ мирное время хотя одинъ офицеръ въ полку будетъ владѣть порядочнымъ оружіемъ?! Нѣтъ, ужъ таковъ былъ въ то время (до назначенія военнымъ министромъ Д. А. Милютина) педантизмъ въ военномъ вѣдомствѣ, что обо всемъ и обо вся плодились переписки въ ущербъ самого дѣла!

Я такъ-же получилъ подобный револьверъ при слѣдующихъ обстоятельствахъ: исполняя должность помощника, по артилерійской части, начальника 5-го отдѣленія оборонительной линіи, съ 31-го мая 1855 года, я, въ славный день отбитія штурма 6-го іюня, когда троекратныя атаки на батареи 5-го отдѣленія были отражены, былъ потребованъ къ генералу Хрулеву для составленія донесенія начальнику Севастопольскаго гарнизона, генералъ-адъютанту графу Остенъ-Сакену.

Выслушавъ мой словесный докладъ, что непріятель при штурмѣ, дѣйствіемъ огня батарей, не былъ допущенъ даже до рва, усталый до изнеможенія герой этого дня (какъ названъ генералъ Хрулевъ въ приказѣ главнокомандующаго арміею) поблагодарилъ меня за труды по артиллерійской части и, подавая мнѣ револьверъ, сказалъ: «возьмите его, благодѣтель, на память славнаго нынѣшняго дня».—Черезъ нѣсколько дней я получилъ отъ генерала бумагу слѣдующаго содержанія:

«Помощнику начальника 5-го отдѣленія оборонительной линіи артилеріи подпоручику и кавалеру Вроченскому.

«Господинъ главнокомандующій прислалъ четыре револьвера съ тѣмъ, чтобы я подарилъ ихъ офицерамъ, отличившимся своею храбростію. Препровождая вамъ, господинъ подпоручикъ, одинъ изъ сихъ револьверовъ, прошу принять его въ знакъ моего уваженія къ отличной вашей храбрости и распорядительности.—Начальникъ 3-го, 4-го и 5-го отдѣленій оборонительной линіи и комендантъ корабельной стороны генералъ-лейтенантъ Хрулевъ. № 305, іюня 10-го дня 1855 года. Г. Севастополь».

По всей вѣроятности и ординарцы генерала — подпоручики Сикорскіе, Негребецкій и Кишельскій, получили вмѣстѣ съ револьверами предписанія въ родѣ вышеприведеннаго, и совершенно естественно, что возвратить въ штабъ

дивизіи оружіе, полученное на память отъ безгранично-уважаемаго начальника-героя, они не могли, да и требовать это оружіе никто не имѣлъ права. Револьверы были высланы одновременно, какъ въ штабы дивизій, такъ и генералу Хрулеву, а потому не было, кажется, и причины брать ему еще и у начальника 11-й пѣхотной дивизіи револьверы, предназначенные въ полки, тутъ просто вышло какое то недоразумѣніе. Ежедневно, встрѣчая на своихъ батареяхъ ординарцевъ генерала Хрулева, я никогда не слышалъ отъ нихъ ни о какихъ другихъ револьверахъ, кромѣ тѣхъ четырехъ, о которыхъ упомянуто въ предписаніи ко мнѣ за № 305. Револьверъ, полученный мною, и препроводительная грамота моего доблестнаго начальника, изложенная въ столь лестныхъ для меня выраженіяхъ, хранится у меня почетно до нынѣ и, какъ воспоминаніе славной, безпримѣрной Севастопольской защиты, вмѣстѣ съ моимъ офицерскимъ Георгіевскимъ крестомъ будутъ завѣщаны моимъ сынамъ.

Да вѣдаютъ потомки православныхъ
Земли родной минувшія судьбы,
Усердныхъ слугъ отчизны вспоминаютъ
За ихъ труды, за славу, за добро.....

М. Врочевскій.

6-го марта 1889-го года,
г. Кіевъ.

II.

К. В. Сикорскій.

Покойный братъ мой Константинъ Сикорскій, убитый въ Сербіи, въ бою съ Турками, служилъ вмѣстѣ со мной въ Якутскомъ пѣхотномъ полку и 1-го апрѣля 1855 г., бывши еще юнкеромъ, назначенъ былъ ординарцемъ къ генералъ-лейтенанту Хрулеву, кажется на мѣсто умершаго отъ ранъ юнкера Чекеруль-Куша, и состоялъ ординарцемъ, вмѣстѣ со мной, до конца осады Севастополя, и въ послѣднемъ штурмѣ у горжи Малахова кургана былъ сильно контуженъ осколкомъ гранаты въ плечо.

Во время осады онъ получилъ награды: знакъ отличія военнаго ордена, чинъ прапорщика и чинъ подпоручика, а послѣдующіе чины и ордена на Кавказѣ въ рядахъ Виленскаго пѣхотнаго полка, за дѣйствія при покореніи Чечни. П. В. Алабинъ лично зналъ моего брата Константина, но неудивительно, ежели чрезъ 33 года забылъ о немъ.

Въ отношеніи же сообщеннаго свѣдѣнія о полученномъ мною отъ генералъ-лейтенанта Хрулева револьверѣ дополняю, что получилъ его при слѣдующемъ предписаніи:

«Состоящему при мнѣ безсмѣннымъ ординарцемъ Якутскаго пѣхотнаго полка господину прапорщику и кавалеру Сикорскому 1-му.

Господинъ главнокомандующій прислалъ четыре револьвера, съ тѣмъ, чтобы я подарилъ ихъ офицерамъ, отличившимся своею храбростью.

Препровождая вамъ, господинъ прапорщикъ, одинъ изъ сихъ револьверовъ, прошу принять его въ знакъ моего уваженія къ отличной вашей храбрости.

Начальникъ 3-го, 4-го и 5-го отдѣленій оборонительной линіи и комендантъ Корабельной стороны генералъ-лейтенантъ Хрулевъ».

№ 308.
10 іюня 1855 года.
Г. Севастополь.

Подлинный этотъ документъ у меня сохранился.

Слѣдовательно, это былъ подарокъ лично мнѣ и возвращать его въ дивизію не было основанія и я получилъ одинъ револьверъ, а не два, какъ предполагаетъ г. Алабинъ, да Степанъ Александровичъ и не далъ бы мнѣ двухъ, такъ какъ и другіе его окружавшіе нуждались въ подобномъ оружіи.

Револьверъ этотъ оказался непрактичнымъ,—съ него надо было очень хладнокровно стрѣлять, такъ какъ послѣ каждаго выстрѣла необходимо было снимать разбитый пистонъ, что очень копотно, а иначе пистонъ попадалъ подъ барабанъ и второй выстрѣлъ сдѣлать: было невозможно, что и было 27-го августа, во время послѣдняго штурма мнѣ пришлось сдѣлать только два выстрѣла, потомъ я былъ уже обезоруженъ. Въ этомъ дѣлѣ я былъ раненъ и получилъ орденъ Св. Владиміра 4-й ст. съ мечами.

Въ отношеніи же назначенія меня ординарцемъ къ генералъ-лейтенанту Хрулеву тоже вкралась неточность; по требованію Хрулева были назначены къ нему ординарцами отъ 11-й дивизіи юнкера: отъ Охотскаго полка Лукинъ, отъ Камчатскаго Негребецкій, а отъ Якутскаго юнкеръ, фамилію котораго я забылъ; я же поступилъ ординарцемъ 9-го марта при слѣдующихъ обстоятельствахъ: 5-го марта нашъ Якутскій полкъ занималъ Камчатскій редутъ и траншеи впереди его, ночью непріятель сдѣлалъ нападеніе на наши траншеи и часть ихъ занялъ, но вскорѣ якутцы опрокинули французовъ и заняли траншеи обратно.

9-я рота, въ которой я состоялъ, находилась въ редутѣ и въ дѣлѣ не участвовала. Изъ траншей дали знать, что недостатокъ въ патронахъ, и требовали присылки ихъ; мой полковой командиръ,

полковникъ Бѣлый, приказалъ мнѣ взять 6 человѣкъ, отнести патроны въ траншеи и роздать ихъ по ротамъ; возвращаясь обратно, я наткнулся на кучку французовъ, отставшихъ при отступленіи изъ нашихъ траншей, которыхъ и привелъ въ Камчатскій редутъ къ полковому командиру; въ то время разговаривалъ съ нимъ какой-то генералъ, какъ оказалось Хрулевъ; я отрапортовалъ полковому командиру объ исполненіи порученія и передалъ плѣнныхъ французовъ. Генералъ Хрулевъ подробно меня разспросилъ о видѣнномъ мною, потомъ обратился къ полковому командиру, прося, чтобы меня назначить къ нему ординарцемъ, а состоявшаго при немъ юнкера Якутскаго полка взять обратно въ полкъ, и я только 9-го марта былъ назначенъ ординарцемъ, въ тотъ же день явился къ генералу Хрулеву и оставался при немъ до конца осады.

В. В. Сикорскій.

Г. Дубно, Волынской губерніи.
22 марта 1889 г.

Два указа о военныхъ наказаніяхъ въ XVIII вѣкѣ [1]).

I.

Указъ о наказаніи солдатъ за побѣгъ и кражу лошадей

1734 г.

«Указъ Ея Императорскаго Величества Самодержицы всероссійской изъ государственной военной коллегіи въ канцелярію отъ артиллеріи и фортификаціи сего сентября 4 дня, по Ея Императорскаго величества указу государственная военная коллегія слушавъ поданнаго при меморіалѣ изъ оной канцеляріи экстракта изъ держаннаго Фергера и кригсърехта приказали: фуркнейхтовъ Осипа Косырева и Максима Сушилина, которые въ прошломъ 1733 году іюня 30 дня, согласясь съ товарищи со артиллерійскими-жъ фурлейты двумя человѣками, чрезъ артиллерійскаго рекрута за денги сочинили себѣ фальшивые пашпорты, съ которыми бѣжали, и въ бѣгахъ украли четырехъ лошадей, съ которыми ихъ въ Переяславлѣ Рязанскомъ при продажѣ тѣхъ лошадей переловили и приведены были въ Переяславскую воеводскую канцелярію, гдѣ по распросамъ они разыскиваны трижды и огнемъ жжены, и по розыскѣ тѣ лошади отданы у кого были украдены, за что по кригсрехту, по силѣ 95, 189 и 201 артикуловъ, положено было бить ихъ кнутомъ и послать на селитреные заводы въ работу, а понеже оные фуркнехты за тотъ побѣгъ и кражу лошадей уже пытаны и огнемъ жжены, и затѣмъ въ прежней службѣ быть имъ неможно, того ради отъ приговореннаго наказанія ихъ освободить и послать на вышеписанные селитренные заводы въ работу вѣчно, безъ наказанія, и въ канцеляріи отъ артиллеріи и фортификаціи учинить о томъ по Ея Императорскаго величества указу, сентября 6 дня 1734 года Степанъ Игнатьевъ, канцеляристъ Андрей Васильевъ.

---

[1]) Дѣла сенатскія и военной коллегіи.

II.

Указъ о наказаніи офицера, не объявившаго объ оставшихся у него деньгахъ отъ казенной покупки.

1734 г.

«Указъ Ея Імператорскаго величества самодержицѣ (sic) всероссійской изъ государственной военной коллегіи въ канцелярію главной артиллеріи и фортификаціи:

Сего марта 13 дня по Ея Імператорскаго величества указу государственная военная коллегія слушавъ присланнаго при доношеніи генерала и кавалера графа Іонъ-Вейзбаха экстракта, изъ держаннаго фергера и кригсърехта, приказали: Ландмилицкаго коннаго Ефремовскаго полку, прапорщика Максима Домашнева, который командированъ былъ отъ онаго полку съ командою въ Саратовъ для покупки лошадей подъ ландмилицію, и дано ему было денегъ три тысячи четыреста семдесятъ четыре рубли, на которые велѣно покупать лошадей каждую по шести рублевъ, и для записокъ и росписокъ дана ему шнуровая книга, въ которую записывать каждую лошадь покупкою по шти рублевъ; а бывшіе съ нимъ въ командѣ каптенармусъ Аѳанасьевъ, капралъ Козьминъ доношеніями объявили, что оный прапорщикъ, будучи въ Саратовѣ, купилъ лошадей десять по шти рублевъ, а триста тридцать четыре лошади куплены разными цѣнами, по четыре и по пяти рублевъ, и осталось у него, прапорщика, денегъ за заплатою съ шерсти изъ денегъ пошлинъ сто семдесятъ четыре рубля тридцать двѣ копѣйки, о чемъ онъ, прапорщикъ, показалъ, что яко бы означенный остатокъ, по прибытіи въ полкъ, хотѣлъ объявить, токмо черезъ три дня оныхъ денегъ не объявилъ, за что по сентенціи и конфирмаціи повелѣно по силѣ 194 артикула учинить ему смертную казнь, чему-бъ весьма подлежалъ, но понеже какъ изъ дѣла видно, что прежде сего безпорочно служилъ, и изъ того вящшаго въ интересѣ траты не приключилось, того ради отъ приговоренной смертной казни освободить, а лиша всѣхъ чиновъ, послать на каторгу на три года, а по прошествіи оныхъ лѣтъ написать въ солдаты, и о томъ къ нему генералу и кавалеру тако-жъ о публикаціи (дабы каждый о томъ вѣдалъ и впредь отъ такихъ продерзостей воздержался) къ полевымъ и гарнизоннымъ командирамъ и къ обрѣтающимся у набору рекрутъ штабъ и оберъ-офицерамъ послать указы, которые и посланы, и въ канцеляріи отъ артиллеріи и фортификаціи о томъ вѣдать и чинить по Ея Імператорскаго величества указу. Марта 28 дня 1734 года. Петръ Измайловъ, примеръ-маіоръ Ломовъ, канцелярист Андрей Васильевъ».

Сообщилъ **Ал. И. Савельевъ.**

РУССКІЕ НА ШПИЦБЕРГЕНѢ

въ 1747—1748 гг.

Что сѣверные русскіе мореходы въ XVII и XVIII столѣтіяхъ считали плаваніе къ отдаленному Шпицбергену для промысловъ дѣломъ заурядным, на это имѣется въ нашей исторической литературѣ достаточно фактовъ, наглядно говорящихъ въ пользу нашей предпріимчивости и отваги. Даже въ первой половинѣ текущаго столѣтія такія плаванія почитались обыкновеннымъ на сѣверѣ явленіемъ.

Въ архивѣ Д-та Таможенныхъ Сборовъ есть, между прочими, дѣло коммерцъ-коллегіи, въ которомъ по поводу этихъ поѣздокъ заключаются любопытныя гигіеническія свѣдѣнія, знакомящія насъ съ охранительными средствами, употреблявшимися промышленниками во время зимованія на излюбленномъ ими Шпицбергенѣ, или, какъ тогда назывался онъ на языкѣ нашихъ молодцовъ-поморовъ, Грумантѣ, Груландѣ, для борьбы съ его убійственнымъ, суровымъ климатомъ.

Интересно, что еще въ старину скудная флора Шпицбергена была уже тщательно изучаема нашими мореходами, не съ научною, конечно, но съ чисто-практическою цѣлью найти въ этой скудной флорѣ, такъ сказать, противоядіе отъ скорбута, уносившаго въ могилу многихъ изъ нихъ, менѣе опытныхъ.

Въ 1747 году коммерцъ-коллегія затребовала изъ Архангельской Коммерцъ-конторы справку о томъ, ходили-ли въ прошломъ и нынѣшнемъ-де году кто изъ промышленниковъ въ Шпицбергъ, лежащій въ ледяномъ морѣ, въ Груландѣ, повыше называемаго острова Бриэнландъ, и если ходили, то откуда, и на какихъ судахъ, какіе предметы промысла были съ острова вывозимы, и въ какое время, и какимъ количествомъ людей ходятъ они туда для промысловъ?

Архангельская коммерцъ-контора обратилась было за справками въ мѣстную губернскую канцелярію, въ портовую таможню и въ казенное сальное управленіе, но въ этихъ учрежденіяхъ она не получила желаемыхъ данныхъ и поспѣшила отписать, что никакихъ-де свѣдѣній она не могла собрать по интересующимъ коммерцъ-коллегію вопросамъ, и уже готовилась опочить на этомъ отвѣтѣ, но въ апрѣлѣ 1748 года коммерцъ-контору выручилъ изъ затрудненія явившійся выгорѣцкой раскольникъ Амосъ Корниловъ, у котораго казенная сальная компанія покупала въ прошлыхъ годахъ моржовое сало, кожи и зубье. На предъявленные конторою вопросы Корниловъ сообщилъ слѣдующее: «о вышеименованномъ-де находящемся въ ледяномъ морѣ въ Грунландіи Шпицбергѣ, который повыше называемаго острова Берн-Эландъ (а не Бріэнландъ), то-де онъ, Корниловъ, признаваетъ по картѣ, и называется оной Шпицбергъ россійскими промышленниками Груландъ, а признаваетъ-де потому, что на Груландѣ онъ, Корниловъ, бывалъ самъ въ 737, въ 738 и въ 739 годѣхъ, для собственныхъ своихъ моржовыхъ промысловъ, и тамо-де въ тѣхъ годѣхъ зимовалъ, а отъ 739 года и понынѣ повсягодно для оныхъ промысловъ посылаются отъ него, Корнилова, по одному судну съ промышленниками, изъ которыхъ-де тамо и зимуютъ повсягодно; а въ прошлыхъ-де 1746 и 1747 годѣхъ на оной Груландъ или Шпицбергъ ѣздили посланные отъ него, Корнилова, для промысла моржевыхъ звѣрей промышленники: въ 1746 году двинскаго уѣзда изъ поморскихъ волостей, а въ 1747 году отъ города Архангельскаго на новоманерныхъ судахъ, на щерботѣ и на гукорѣ, изъ которыхъ де посланные въ 1746 году на щерботѣ промышленники обратно вывезли къ городу Архангельскому въ 1747 году оныхъ моржовыхъ звѣрей кожи, сало и зубье, а другихъ де никакихъ вещей въ вывозъ съ Груланда не было; а посланные-де въ 747 году на гукорѣ промышленники и нынѣ зимуютъ тамо, которыхъ-де надлежитъ быть обратно въ нынѣшнемъ 1748 году въ августѣ или сентябрѣ мѣсяцѣ, а отъѣздъ туда и пріѣздъ назадъ бываетъ обыкновенно: отъѣздъ въ іюнѣ и въ іюлѣ, а пріѣздъ чрезъ годъ въ августѣ и въ сентябрѣ мѣсяцѣ; а людей-де послано было отъ него, Корнилова, въ 1746 году на щерботѣ десять, а въ 747 году на гукорѣ пятнадцать человѣкъ, которые посылаются по корпусу судовъ; также-де на Груландѣ бываетъ ловъ песцовъ, оленей и бѣлыхъ медвѣдей, находится-жъ-де и пухъ гагачій, а другихъ-де промысловъ тамо, кромѣ вышеизъявленныхъ, никакихъ онъ, Корниловъ, не знаетъ, и отъ другихъ ни отъ кого о томъ не слыхалъ».

Коммерцъ-коллегія, интересуясь, видимо, этими свѣдѣніями, пожелала имѣть дальнѣйшія, и въ томъ-же 1748 году потребовала,

чтобы Архангельская коммерцъ-контора взяла отъ раскольника Корнилова извѣстіе: посылаемые отъ него промышленники какую больше для тамошняго зимованія берутъ съ собою провизію, и въ случаѣ оной недостатка чѣмъ тамъ довольствуются; а во время того зимованія жительство имѣютъ на берегу-ли, или на своихъ судахъ? И въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ они имѣютъ зимовье, какое жилье на берегу имѣется-ли, и какіе народы тамъ живутъ, и чѣмъ питаются; и кромѣ его, Корнилова, кто другіе туда промышленники ѣздятъ-ли, и на какихъ судахъ?

Коммерцъ-контора отвѣчала, что выгорѣцкой раскольникъ Корниловъ, въ дополненіе перваго показанія, объявилъ, «посылающіеся отъ него въ вышепоказанное мѣсто промышленники для тамошняго зимованія берутъ съ собою провизію: муку ржаную и яшную, крупу овсяную и яшную, просо, толокно и горохъ, солодъ ржаной, масло коровье и постное, молоко съ творогомъ и проч. съѣстные припасы, а за недостаткомъ провизіи довольствоваться тамъ нечѣмъ, понеже-де въ тамошнемъ мѣстѣ, кромѣ оленьяго мяса, другой провизіи ничего не имѣется; тамъ-же-де промышленники отъ тяжелаго воздуха весьма цинжаютъ и отъ того много умираетъ, а для пользованія-де себя отъ той болѣзни берутъ съ собою ягоду морожку, да сосновыя шишки; да тамо подъ горами въ такихъ мѣстахъ, гдѣ птицы гнѣзда вьютъ, растетъ трава, которая называется салата, и тою-де травою отъ оной болѣзни промышленники пользуются-жъ, чего-де для оную траву и въ зиму запасаютъ; и во время-де того зимованія промышленники имѣютъ жительство на берегу въ избахъ, а оныя избы, такожъ и дрова отсюда въ тамошнее мѣсто возятъ на своихъ судахъ, и при тѣхъ судахъ бываетъ при каждомъ суднѣ по два промышленныхъ карбаса: одинъ побольше, а другой поменьше; а тамо на берегу никакого жилья и жителей, кромѣ пріѣзжающихъ для означеннаго промысла промышленниковъ, такожъ и лѣсу не имѣется; а кромѣ-де его, Корнилова, другіе промышленники туда на лѣтніе промыслы ѣздятъ иностранные люди на корабляхъ для китоловнаго промысла, а тамо не зимуютъ; а изъ россійскихъ-де напредь сего ѣздили на большихъ мореходныхъ судахъ мезенцы, токмо-де отъ великихъ тамошнихъ льдовъ, за погубленіемъ судовъ ихъ и бывшихъ на тѣхъ суднахъ людей, нынѣ уже не ѣздятъ».

Но коммерцъ-коллегія и на этихъ извѣстіяхъ еще не успокоилась. Ее заинтересовалъ самый способъ употребленія травы салаты: вареною ли салатою пользуются, или сырою, или другимъ какимъ образомъ употребляютъ, и въ чемъ именно? Этотъ рядъ вопросовъ снова полетѣлъ въ Архангельскую коммерцъ-контору, которая по допросѣ

Корнилова и сообщила, со словъ послѣдняго, въ коммерцъ-коллегію слѣдующее: «въ лѣтнее-де время свѣжую салату парятъ въ печи и варятъ на огнѣ въ водѣ и въ квасу, и какъ упрѣетъ, то оную воду и квасъ пьютъ теплое, а и свѣжую по нуждѣ, кто пожелаетъ, ѣсть можно, а въ зиму запасаютъ квашеную на подобіе капусты сѣченой, и сѣкутъ такъ, какъ капусту, и варятъ вмѣсто щей, съ мясомъ и съ рыбою и постное, и употребляютъ такъ, какъ щи, а сушеной не запасаютъ для того, что оная трава сушеная быть не можетъ, но отсыриваетъ, и оттого портится. А растетъ та трава вышиною въ четверть аршина и повыше, а листья у нея круглыя, величиною съ нынѣшній мѣдный грошевикъ, а стебелекъ тонкой, а берутъ ее и употребляютъ тѣ стебельки съ листами, кромѣ коренья, а коренья не берутъ и не употребляютъ».

Любознательность коммерцъ-коллегіи была этимъ послѣднимъ сообщеніемъ исчерпана, и она сочла нужнымъ подѣлиться свѣдѣніями о свойствѣ травы салаты съ Академіей Наукъ въ 1749 году [1]).

С. Ѳ. Огородниковъ.

С.-Петербургъ, 1889 г.

---

[1]) Арх. Д-а Таможен. Сб. Дѣло Коммерцъ-Коллегіи № общ. описи 2221, № 529, связ. 24.

КНЯГИНЯ ІОАННА (ЖАНЕТА) АНТОНОВНА ЛОВИЧЪ,

супруга цесаревича Константина Павловича,

род. 17-го мая 1795 г. въ Позенѣ, † 17-го ноября 1831 г. въ Царскомъ Селѣ.

Княгиня Ловичъ, супруга цесаревича Константина Павловича, старшая дочь польскаго помѣщика, прусскаго подданнаго графа Антона Грудзинскаго, получила отличное воспитаніе въ одномъ изъ лучшихъ, въ началѣ XIX вѣка, пансіоновъ въ Варшавѣ; то былъ пансіонъ французской эмигрантки дѣвицы Vaucher. Пансіонъ этотъ отличался, какъ разсказываетъ, со словъ своего отца К. П. Колзаковъ, превосходно нравственнымъ направленіемъ; главнымъ руководителемъ этого учебнаго заведенія былъ умный и ученый французскій аббатъ Malherbes.

Этому аббату обязана была княгиня Ловичъ тѣми твердыми зачатками религіозныхъ убѣжденій, безъ примѣси ханжества и фанатизма, на прочномъ основаніи котораго создалось впослѣдствіи все ея нравственное развитіе и образованіе [1]); воспитаніе свое довершила она въ Парижѣ, подъ руководствомъ умной и талантливой гувернантки мисъ Коллинсъ.

Превосходно образованная и блестящая красавица Жанета Грудзинская вернулась изъ Парижа въ Варшаву въ концѣ 1815 года и въ теченіи пяти лѣтъ пребывала предметомъ поклоненія многихъ и во главѣ ихъ цесаревича Константина Павловича, но держала себя съ такимъ тактомъ и достоинствомъ, что предъ нею смолкало всякое злословіе и она пользовалась самою высокою репутаціею. Умъ и красота ея совершенно полонили строптиваго, своенравнаго Константина Павловича,—онъ не только отдалъ ей свою руку и сердце,

---

[1]) См. «Русскую Старину», изд. 1873 г., т. VIII, стр. 398—400: «Княгиня Ловичъ», очеркъ К. П. Колзакова.

сочетавшись съ ней, 12-го мая 1820 г., бракомъ, но и отрекся отъ престола Россійской Имперіи [1]).

Дальнѣйшее поведеніе княгини Жанеты Ловичъ (этотъ титулъ данъ былъ ей послѣ брака съ цесаревичемъ) отличалось тѣмъ же достоинствомъ и тактомъ; во время революціи 1830 года молодая женщина проявила мужество и самоотверженную преданность супругу; но глубоко потрясенная кровавыми событіями польской смуты и затѣмъ внезапною кончиною мужа, Жанета Антоновна скончалась почти вслѣдъ за нимъ, въ Царскомъ Селѣ, 17-го ноября 1831 года.

Портретъ Жанеты Антоновны Ловичъ, въ превосходной гравюрѣ академика Л. А. Сѣрякова, исполненный съ живописнаго ея портрета,—приложенъ при «Русской Старинѣ», изд. 1877 г., томъ XX, октябрь, стр. 252, и кромѣ того въ двухъ нами изданныхъ сборникахъ гравюръ рѣзца помянутаго художника.

О княгинѣ Ловичъ сохранилось въ русской печати мало свѣдѣній, но все, что извѣстно и изложено, между прочимъ, въ обширномъ историко-біографическомъ очеркѣ о цесаревичѣ Константинѣ Павловичѣ, составленномъ покойнымъ Е. П. Карновичемъ («Русская Старина» изд. 1877 и 1878 гг., томы XIX, XX и XXI), все говоритъ въ пользу ума, характера и вообще нравственныхъ качествъ княгини Ловичъ [2]).

Судьба соединила ее съ человѣкомъ весьма строптиваго, безпредѣльно вспыльчиваго характера; в. к. Константинъ Павловичъ, что всѣмъ извѣстно, въ моменты гнѣва былъ весьма суровъ, онъ впадалъ иногда въ совершенное раздраженіе и въ эти часы причинялъ не мало огорченія его окружающимъ или подчиненнымъ (см. «Русскую Старину» изд. 1877 и 1878 гг.). Между тѣмъ, его супруга была женщина глубоко-религіозная, нѣжно любила его и дѣйствовала на него возможно умиротворяющимъ образомъ... Вліянію княгини Ловичъ приписывается та настойчивость, съ которою цесаревичъ Константинъ Павловичъ подтвердилъ отреченіе отъ престола въ ноябрѣ и декабрѣ 1825 года.

Какъ бы то ни было, но при незначительности свѣдѣній о личности княгини Ловичъ, при крайне маломъ знакомствѣ съ нею, читателямъ нашимъ, конечно, не безъинтересно будетъ прочитать ея собственноручныя замѣтки о различныхъ религіозно-нравственныхъ правилахъ. Онѣ сохранились на шести весьма маленькихъ лоскуткахъ, исписанныхъ ею на французскомъ языкѣ, крайне мелкимъ, съ трудомъ разбираемымъ, почеркомъ. Сообщены онѣ въ ред. «Русской Старины» весьма обязательно П. П. Исаевичемъ; разобраны, пере-

---

[1]) Манифестъ Александра I о бракосочетаніи цесаревича Константина Павловича съ княгинею Ловичъ былъ обнародованъ въ Царствѣ Польскомъ 8-го іюля 1820 года.

[2]) См. «Русскую Старину», изд. 1878 г., т. XX, стр. 375—382, т. XXI, стр. 28, 242, 374—377.

писаны и переведены нашею сотрудницею В. В. Тимощукъ. Замѣтки относятся къ 1830 году; въ ноябрѣ этого года вспыхнула въ Варшавѣ революція, удалившая цесаревича Константина Павловича и его супругу изъ Варшавы. Ред.

I.

1-er de l'an 1830.

De la douceur, de la tempérance et de la résignation.

Notre accord avec les objets hors de nous, c'est à dire la manière de traiter avec les objets extérieurs, peut se reduire à ces trois points: l'art d'en jouir, l'art de s'en passer, l'art de les supporter.

Trois qualités à cet effet, me paraissent, indispensables: être doux avec ses semblables, fort contre les plaisirs, soumis aux maux nécessaires.

Il faut prendre garde, qu'aucune de ces qualités ne se détourne de son objet, car si au lieu d'être fort contre les plaisirs, on est fort contre ses semblables, on les repousse, on en est haï. Si la douceur descend jusqu'à la soumission, elle perd de son caractère, elle devient de la faiblesse. Si on est fort contre les maux nécessaires, c'est à dire, si on veut les combattre, on augmente leur action: on devient impatient et colère. Si on est doux et soumis avec les plaisirs, on devient mou et affémine. La douceur n'est pas précisement de la bonté. La rudesse est l'opposé de la douceur. La douceur n'est pas non plus l'aménité qui appartient spécialement aux manières. Un homme du monde peut avoir de l'aménité sans être doux. La douceur est une disposition générale produite par la bonté—c'est la condescendance et la fléxibilité de notre ton au ton des autres. Mais cette fléxibilité doit être volontaire, elle doit être produite avec ressort. Sans ressort, l'homme n'est plus doux, il est faible. Il n'y a pas d'abandon de sa part, il n'y a point de sacrifice, il y a soumission, servitude. La raideur est la trempe dure d'un égoiste; elle est différente de la rudesse. Elle est une arme de l'homme faible pour ne pas se laisser atteindre. Sa violence est la déffence de l'homme faible quand il est atteint. La douceur, mansuétude et gentleness. C'est par l'humilité qu'on aborde les hommes, c'est par l'esprit qu'on les pénètre; c'est par la bonté qu'on les gagne et qu'on les conserve. La tempérance nous conduira elle même à dominer le sentiment vif de peines. Résignation—l'orgueil de déployer de la résistance où il ne faudrait que de la soumission.

1-е число 1830 г.

О кротости, воздержаніи и покорности.

(Переводъ). Наши отношенія къ предметамъ внѣшняго міра, т. е. способъ вступать съ этими предметами въ соотношеніе, сводится къ слѣдующимъ тремъ пунктамъ: умѣнью пользоваться ими, умѣнью обходиться безъ нихъ и умѣнью переносить ихъ.

Для этого необходимо, мнѣ кажется, имѣть три качества: быть кроткимъ съ людьми, не увлекаться удовольствіями и переносить неизбѣжныя страданія съ покорностью.

Слѣдуетъ остерегаться, чтобы эти качества не были обращены на несоотвѣтствующіе предметы, ибо если человѣкъ, вмѣсто того, чтобы быть стойкимъ противъ удовольствій, будетъ твердъ со своими ближними, то онъ этимъ оттолкнетъ ихъ и возбудитъ ненависть къ себѣ. Если кротость будетъ доходить до подчиненія, то она утратитъ свой характеръ и перейдетъ въ слабость. Если человѣкъ будетъ стоекъ противъ неизбѣжныхъ страданій, т. е. если онъ вздумаетъ побороть ихъ, то этимъ только усилитъ ихъ и самъ станетъ нетерпѣливъ и раздражителенъ. Если будетъ снисходителенъ и податливъ къ удовольствіямъ, то сдѣлается вялымъ и изнѣженнымъ. Кротость не есть синонимъ доброты. Суровость есть противуположность кротости. Кротость не есть привѣтливость, которая относится главнымъ образомъ къ манерамъ. Человѣкъ свѣтскій можетъ быть любезенъ, не будучи кротокъ. Кротость есть общее настроеніе, вызываемое добротою. Это—уступчивость и снисходительность съ нашей стороны къ мнѣнію другихъ. Но уступчивость эта должна быть добровольная, должна быть плодомъ собственнаго побужденія. Иначе человѣкъ становится уже не кроткимъ, а слабымъ. Въ такомъ случаѣ съ его стороны не будетъ уступки или жертвы, а явится подчиненіе, рабство.

Непреклонность составляетъ отличительную черту характера эгоиста; она отличается отъ грубости. Она есть орудіе человѣка слабаго, когда онъ не хочетъ подчиниться другому. Доведенная до крайности, она является защитою человѣка слабаго, когда ему угрожаетъ опасность подчиненія. Кротость, тихій нравъ и мягкость. Какъ кротостью можно расположить людей въ свою пользу, умомъ можно покорить ихъ; добротою можно привлечь ихъ и сохранить ихъ расположеніе. Умѣренность дастъ намъ возможность преодолѣть живое чувство страданій. Покорность судьбѣ.

Гордость побуждаетъ насъ прибѣгать къ противодѣйствію въ тѣхъ случаяхъ, когда слѣдовало бы проявить лишь покорность.

II.

1830.

Comment pouvoir combattre une passion dominante, qui s'est rendue la maîtresse du coeur?

Comment se mortifier et se résoudre à mourir à tout, quand on est sensuel?

Comment pratiquer cette vie intérieure, quand on a toujours aimé la dissipation?

Comment vivre dans un perpétuel renoncement à soi même quand on a toujours aimé le plaisir?

Enfin comment se déterminer à entrer dans une carrière pénible de la pénitence et la soutenir jusqu'à la mort, quand on est accoutumé à la molesse?

N'est ce pas là votre language? Sans faire attention, que rien n'est impossible à l'homme chrétien avec la grâce.

***

Sensuel. Voluptueux attaché au plaisir des sens. L'homme sensuel attend toute sa félicité d'une frêle machine, qui produit plus souvent la douleur, que la volupté. Sensualisme, système de ceux qui dédaignent la métaphysique, la pensée, ne reconnaissent que les sens et leur empire.

***

Dissipation. Action de se dissiper partout des regrets. Dissiper, consumer, détruire, déffaire, disperser une armée; le vent dissipe les nuages, la fumée, action de se dissiper, de se délasser de l'étude, ce qui l'opère, lui aide (la lecture, la conversation, le jeu, la promenade etc.) sont des dissipations, évaporations, consumations, consomptions, déperditions. Une vie passée dans la dissipation s'achève dans la langueur et dans la tristesse.

***

Toutes les créatures que l'homme veut faire servir à ses plaisirs deviennent les instruments de ses peines.

1830.

(Переводъ). Какимъ образомъ побѣдить преобладающую страсть, овладѣвшую сердцемъ?

Какимъ образомъ умертвить себя и рѣшиться умереть для всего, когда ты отъ природы человѣкъ чувственный?

Какимъ образомъ поступать по правиламъ этой внутренней жизни, когда человѣкъ всегда любилъ разсѣянную жизнь?

Какимъ образомъ жить въ постоянномъ самоотреченіи, когда человѣкъ всегда любилъ удовольствія?

Наконецъ, какимъ образомъ рѣшиться вступить на трудный путь покаянія и пребывать въ немъ до смерти, когда человѣкъ привыкъ къ изнѣженной жизни?

Не такъ ли вы говорите? Не обращая вниманія на то, что для христіанина нѣтъ ничего невозможнаго, если его поддерживаетъ благодать Божія.

***

Чувственный. Чувственность есть сладострастіе по отношенію къ чувственнымъ удовольствіямъ. Человѣкъ чувственный ждетъ высшаго блаженства отъ слабой машины, причиняющей чаще страданіе, нежели ощущеніе сладост-

наго чувства. Чувственность присуща людямъ, пренебрегающимъ метафизикой, мыслію и признающимъ лишь одни чувства, подчиняясь ихъ власти.

***

Разсѣяніе. Есть способъ искать развлеченіе отъ угрызеній совѣсти. Разсѣять, истратить, уничтожить, передѣлать, разсѣять войско; вѣтеръ разсѣеваетъ тучи, дымъ, развлекаться отъ занятій; то, что доставляетъ развлеченіе, что помогаетъ ему (чтеніе, разговоръ, игра, прогулка и т. д.), называется развлеченіемъ, легкомысліемъ. Жизнь, проведенная въ суетныхъ развлеченіяхъ, оканчивается въ истощеніи и скукѣ.

***

Всѣ существа, конхъ человѣкъ хочетъ сдѣлать орудіемъ своихъ удовольствій, становятся источникомъ его страданій.

III.

La charité et le monde.
La justice et le monde.

Conscience.

Tôt ou tard, quand les passions sont calmées, la conscience se soulève et imprime à notre conduite le sceau de la forfaiture.

1830.

(Переводъ): Благотворительность и міръ.
Справедливость и міръ.

Совѣсть.

Рано или поздно, когда страсти улягутся, поднимается совѣсть и придаетъ нашимъ поступкамъ характеръ вѣроломства.

IV.

1830.

Les moines passaient le jour à travailler faisant des nates, des paniers et d'autres ouvrages faciles, en méditant l'Ecriture Sainte. Ils jeunaient tous les jours, ne prenant leur nourriture que vers le soir, et ne vivant la plupart que de pain et d'eau. Ils s'assemblaient pour prier le soir et la nuit. Ils dormaient peu; gardaien un grand silence et s'exerçaient continuellement à toutes sortes de vertus. Leur travail suffisait non seulement pour les nourrir, mais encore pour fournir à des grandes aumônes.

1830.

(Переводъ). Монахи проводили весь день въ работѣ, дѣлая цыновки, корзины и другія легкія работы и обдумывая текстъ Священнаго Писанія. Они постились ежедневно, вкушая пищу лишь подъ вечеръ и питаясь, по бо́льшей части, лишь хлѣбомъ и водою. По вечерамъ и по ночамъ они сходились вмѣстѣ на молитву; спали мало; проводили большую часть времени въ безмолвіи и изощрялись постоянно во всевозможныхъ добродѣтеляхъ. Ихъ заработка хватало не только на прокормленіе ихъ, но на раздачу весьма значительной милостыни.

V.

1830.

Spiritualité de l'âme.—L'abbé James.

L'abbé James établit la spiritualité des l'âmes par de preuves morales et par des preuves métaphysiques.

Dans le premier point (preuves morales) par les passions et par la parole.

Dans le second (preuves métaphysiques) par la facultée que nous avons de penser, de nous mouvoir et de nous déterminer librement.

La matière ne peut se mouvoire d'elle même, ce qui renverse tout le matérialisme.

***

Immortalité de l'âme.

M-r le curé de St. Etiénne (en France) prouve dans un traité l'immortalité de l'âme par les attributs divers de sagesse, de bonté, de justice. Par le sentiment unanime de tous les peuples et par le désir que nous avons d'un bonheur sans fin.

***

Eau vive et surnaturelle, qui fait qu'on ne sent plus l'altération qui inquiète.

***

Donnez moi cette eau vive de la grâce qui me désaltère pour toujours des plaisirs sensuels.

***

La samaritaine, elle était schismatique et idolâtre, voilà la corruption de l'Esprit.

L'amour charnel était sa passion et elle était pécheresse publique. Voilà la corruption de son coeur et de toute sa personne.

***

Ecoutez, rendez vous et travaillez avec la grâce et vous emporterez tout, ce que vous voudrez sur votre esprit et sur votre coeur.

Il faut travailler et ne pas s'effrayer de la rudesse du travail, que la grâce exige quelque affreux qu'il paraisse à la molesse, la grâce saura bien l'adoucir!

Elle va expéer ses désordres par une confession publique.

L'eau morte de ces puits est la figure des voluptés criminelles, ou les âmes charnelles, qui en sont altérées puisent ces eaux corrompues et empoisonnées qui leur donnent la mort.

Elle les quitte et J. C. [1]) lui donne en leur place l'eau pure et vivifiante de la grâce et elle lui rend par sa pénitence l'eau précieuse par ses larmes.

***

Craignez et redoutez la corruption:

de l'esprit, la pensée;
du coeur, le désir, la volonté;
et de toute la personne, action;

Mon Dieu!

***

Jésus dans sa passion souffre pour nous, dans son esprit, dans son coeur, dans son corps.

1830.

(Переводъ). Духовность нашей души.—Аббатъ Джемсъ.

Аббатъ Джемсъ доказываетъ духовность нашей души нравственными и метафизическими доводами.

Въ первомъ случаѣ (доказательства нравственныя) нашими страстями и даромъ слова.

Во второмъ (доказательства метафизическія) нашей способностью свободно мыслить, двигаться и принимать самостоятельныя рѣшенія.

Матерія не можетъ двигаться самостоятельно, это опровергаетъ всю теорію матеріализма.

***

---

[1]) Jésus Christ.

Безсмертіе души.

Священникъ церкви св. Стефана (во Франціи) доказываетъ въ своемъ трактатѣ безсмертіе души присущимъ человѣку умомъ, добротою и чувствомъ справедливости, а также нѣкоторыми другими чувствами, общими всѣмъ народамъ и присущимъ всѣмъ намъ стремленіемъ къ вѣчному блаженству.

***

Живая, чудесная вода, утоляющая мучительную жажду.

***

Дайте мнѣ этой живой воды, которая отвратила бы меня навсегда отъ чувственныхъ удовольствій.

***

Самаритянка была раскольница и идолопоклонница—въ этомъ состояло звращеніе Духа.

Плотская любовь была ея страстью—она была публичной женщиной. Въ этомъ заключилось извращеніе ея сердца и всего ея существа.

***

Внимайте, предайтесь и дѣйствуйте съ благодатью Божіей и вы одержите какую угодно побѣду надъ вашей душою и сердцемъ.

Надобно трудиться, не боясь суровости труда, коего требуетъ благодать Божія, какъ бы ужасенъ онъ ни казался нашей лѣни; благодать Божія смягчитъ его.

Она искупитъ свои грѣхи всенароднымъ покаяніемъ.

Мертвая вода этого колодца есть прообразъ грѣховныхъ страстей, въ коихъ чувственныя души почерпаютъ ту гнилую и зараженную воду, которая причиняетъ имъ смерть.

Она отрекается отъ нихъ и І. Х. даетъ ей взамѣнъ чистую и живительную воду милосердія. Она же своимъ покаяніемъ и своими слезами дѣлаетъ эту воду для него драгоцѣнною.

***

Бойтесь и опасайтесь извращенія:

души, мысли;
сердца, желаній, воли;
и всего существа, поступковъ.

Боже мой!

Христосъ въ своихъ страстяхъ страдалъ за насъ духомъ, сердцемъ и плотію.

VI.

Devoirs.

1830.

Si l'homme ne remplit pas ses devoirs envers Dieu, comment les remplira-t'il envers ses semblables? Que deviendront alors le respect et la soumission que les enfants doivent à leurs parents. La probité des serviteurs envers leurs maîtres. Les engagements sacrés des époux? On règneront l'équité, la tempérance, la justice, la clémence? La connaissance de Dieu et de sa loi venant à disparaître sera bientôt remplacée par les malédictions, les passions, l'hommicide, le larcin, l'adultère et le carnage. Car tel est selon un prophète le résultat de l'oubli de Dieu et de sa réligion. Revenons à Dieu et servons le avec fidélité.

Обязанности.

1830 г.

(Переводъ). Если человѣкъ не исполняетъ своихъ обязанностей по отношенію къ Богу, то въ состояніи ли онъ исполнить ихъ по отношенію къ своимъ ближнимъ? Во что обратятся тогда уваженіе и покорность, которыя дѣти обязаны питать къ своимъ родителямъ? Честность слугъ по отношенію къ господамъ? Священныя обязательства, существующія между супругами? Гдѣ будетъ царствовать тогда справедливость, воздержаніе, правосудіе и милосердіе? Истинное богопочитаніе и повиновеніе его закону исчезнетъ съ лица земли, уступивъ мѣсто страстямъ, проклятію, смертоубійству, воровству, прелюбодѣянію и разбою. Ибо таковы, по словамъ одного пророка, бываютъ послѣдствія забвенія Бога и его вѣры. Обратимся же къ Богу и будемъ служить ему вѣрою и правдою.

Сообщ. П. П. Исаевичъ.

РОССІЯ НА ЧЕРНОМЪ МОРѢ И ВЪ ПАЛЕСТИНѢ

въ 1856 — 1860 гг.

Въ истекшемъ 1888 году въ печати появилась весьма интересная брошюра М. И. Кази „Добровольный флотъ и Русское Общество пароходства и торговли передъ государствомъ". (Спб., 1888 г., въ 8 д., стр. 74). Въ этой брошюрѣ многое вполнѣ вѣрно замѣчено о „важныхъ отрицательныхъ сторонахъ дѣятельности Русскаго Общества пароходства и торговли", именно той дѣятельности, каковую оно проявило въ концѣ 1870-хъ годовъ, что даже вызвало строгое порицаніе со стороны одного изъ высшихъ государственныхъ учрежденій, именно комитета гг. министровъ (Высочайше утвержденное 19 мая 1879 г. мнѣніе комитета гг. министровъ).

Появленіе очерка г. Кази напомнило намъ о нахожденіи въ архивѣ «Русской Старины» другаго, значительно меньшаго, очерка, но относящагося ко времени основанія этого Общества, и той эпохѣ, когда оно, между прочимъ, много потрудилось къ укрѣпленію положенія и значенія Россіи на дальнемъ Востокѣ вообще и въ Палестинѣ въ особенности. Этотъ послѣдній очеркъ интересенъ въ томъ отношеніи, что онъ ясно выражаетъ тѣ высокія государственныя политическія цѣли, какія были преслѣдуемы при основаніи помянутаго общества, значительно впослѣдствіи отъ нихъ уклонившагося.... Мы помѣщаемъ этотъ очеркъ съ особымъ удовольствіемъ на страницахъ «Русской Старины», такъ какъ онъ являетъ новый актъ государственной прозорливости Императора Александра II и одного изъ самыхъ

ближайшихъ его сподвижниковъ, имѣвшаго счастіе четверть вѣка постоянно раздѣлять труды Державнаго Вождя Россіи [1]).

Ред.

I.

Русское общество пароходства и торговли существуетъ нынѣ [2]) около 30 лѣтъ и въ мысляхъ у всѣхъ значится въ числѣ промышленныхъ предпріятій, заработывающихъ своимъ акціонерамъ великіе барыши. Всѣ свыклись съ мыслію, что это общество имѣетъ свою нормальную жизнь и устройство и никому и въ голову не приходитъ, что можно обойтись безъ него. Кто теперь и думаетъ о томъ, что учрежденіе общества было однимъ изъ самыхъ трудныхъ, щекотливыхъ, даже однимъ изъ самыхъ рѣшительныхъ и знаменательныхъ дѣлъ минувшаго великаго царствованія?

Стоитъ только припомнить о томъ, что означенное общество было учреждено въ 1856 году, немедленно послѣ разрушенія всѣхъ русскихъ морскихъ силъ въ Черномъ морѣ, въ то время, когда Россія еще находилась подъ свѣжимъ гнетомъ Парижскаго трактата, когда всякій шагъ нашего правительства былъ заподозрѣваемъ и встрѣчалъ дружный отпоръ со стороны всѣхъ Европейскихъ державъ [3]).

Сколько было нужно дальновидности, вѣрнаго пониманія русскихъ интересовъ на югѣ, вѣрной оцѣнки развитія русской дѣятельности въ виду неизбѣжной перемѣны обстоятельствъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ сколько было необходимо ума, искусства и рѣшимости, чтобы тотчасъ послѣ Парижскаго трактата гласно

---

[1]) См. также свѣдѣнія по предмету настоящаго очерка въ «Обзорѣ дѣятельности морскаго управленія въ Россіи въ 25-ти лѣтіе 1855—1880 г., составленномъ подъ руководствомъ покойнаго Манна (изд. 1880 г.), и въ біографическомъ очеркѣ ген.-адъютанта адмирала Н. А. Адеркаса, составленномъ А. И. Денисовымъ. Севастополь, 1888 г., ч. II-я, стр. 99, 101—106.

[2]) Записка эта писана въ 1881-мъ году.

[3]) Парижскій трактатъ подписанъ былъ 30-го марта 1856 г.,—а уставъ Русскаго Общества пар. и торг. уже высочайше утвержденъ 3-го августа 1856 г.

и открыто поставить вопросъ о возрожденіи въ Черномъ морѣ русскаго флота?

Должно припомнить, что въ то время еще не существовало ни броненосцевъ, ни даже сильныхъ желѣзныхъ военныхъ судовъ. Англія и Франція только подъ Севастополемъ начали дѣлать опыты блиндированія деревянныхъ кораблей. Понятія о новыхъ размѣрахъ и формахъ судостроенія въ 1856 г. были еще такъ мало развиты,—что выговоренные для Россіи по Парижскому трактату 6 деревянныхъ корветовъ длиною около 200 фут. считались и нами, и нашими противниками дѣйствительною, хотя не значительною военною силою.

Понятно, что теперь желѣзные пакетботы, сколько бы ихъ ни было, никого не могутъ потревожить и не могутъ даже возродить подозрѣнія о желаніи обратить ихъ въ равносильные противникамъ военныя суда. Въ то время смотрѣли на дѣло совершенно иначе и нельзя не сообразить, что наши противники могли съ большою опасливостью отнестись къ созданію на Черномъ морѣ цѣлой флотиліи судовъ, вооруженныхъ тѣми же моряками, которые такъ высоко держали русскій флагъ подъ командою Лазарева, Корнилова, Нахимова, Новосильскаго, Панфилова, Истомина и т. д.

Надо замѣтить, что „Русское общество пароходства и торговли“, при началѣ своей дѣятельности, вовсе даже не было стѣснено обязанностію имѣть только желѣзныя суда того облегченнаго типа, который уже тогда наблюдался при постройкѣ пакетботовъ. Общество не только могло имѣть деревянные пароходы, но ихъ и имѣло въ самые первые года: оно могло смѣло обратить въ пакетботы пароходъ „Херсонесъ“, такъ много послужившій при оборонѣ Севастополя, и нѣкоторые другіе пароходы бывшаго славнаго Черноморскаго флота.

Государственная, великая заслуга е. и. в. великаго князя Константина Николаевича является въ той немедленной рѣшимости, съ которою онъ поставилъ вопросъ о поддержаніи нашихъ морскихъ силъ въ Черномъ морѣ, и въ томъ исполненномъ такта искусствѣ, съ которымъ онъ провелъ вопросъ объ учрежденіи въ Черномъ морѣ сильнаго мореходнаго предпріятія, неразрывная связь котораго съ правительственными цѣлями гласно выражалась опредѣленною значительною субсидіею.

Все это совершилось по личной иниціативѣ великаго князя генералъ-адмирала, при личномъ его настояніи, гласно, открыто, безъ всякой тайны даже предъ иностранными правительствами.

Кто близко знаетъ обстоятельства того времени, тому извѣстно (и на это существуютъ самыя неоспоримыя документальныя доказательства), что при учрежденіи Русскаго общества не только не приходила никому въ голову мысль о большихъ барышахъ, но было твердое убѣжденіе, что уставъ общества не можетъ открывать надежды на вѣрныя выгоды.

Уставъ этотъ былъ построенъ преимущественно на интересахъ государственныхъ, политическихъ и именно въ виду этого рѣшено было дать обществу субсидію, безъ которой, при исполненіи первоначальнаго устава, общество не могло бы даже покрывать расходовъ на содержаніе судовъ. Субсидія была назначена въ размѣрахъ не многимъ большихъ противъ тѣхъ, которыми пользовались конкуренты общества — французскіе пароходы Messageries и австрійскіе Ллойда.

Первоначальная и, конечно, правильная мысль при учрежденіи общества состояла въ томъ, чтобы при помощи субсидіи оно могло давать акціонерамъ хорошій, но умѣренный дивидендъ, а чтобы бо́льшая часть выгодъ, которыхъ удалось бы достигнуть, обращалась на развитіе морской и торговой дѣятельности въ Черномъ морѣ, т. е. на пользу общественную и государственную, а не въ карманъ акціонеровъ и биржевыхъ дѣятелей.

Барыши Русскаго общества стали поступать и расти только съ того времени, когда, въ противоположность первоначальнымъ мыслямъ вел. князя, стали допускаться послабленія въ сохраненіи устава, а затѣмъ и измѣненія.

Весьма важную роль въ первоначальныхъ основаніяхъ учрежденія Русскаго общества п. и т. играли тѣ заграничныя линіи, содержаніе которыхъ обязательно было на оное возложено.

Линіи эти были: 1) Константинопольско — Аѳоно — Смирно—Яффа—Александрійская; 2) Одессо—Галацкая; 3) условная Одесса—Редутъ-Кале — Анатолійская — Константинополь—Галацо—Одесская; 4) Одессо—Марсельская и 5) Одессо—Тріестская.

На всѣхъ этихъ линіяхъ Русское общество впередъ стѣснялось на первыхъ трехъ значеніемъ срочной почтовой службы и

конкуренціею съ двумя сильными иностранными компаніями, успѣвшими издавна укрѣпиться на всѣхъ сообщеніяхъ Средиземнаго моря, а на послѣднихъ двухъ—конкуренціею тѣхъ же компаній, какъ хозяевъ конечныхъ портовъ назначенія, т. е. соперничествомъ вдвое опаснымъ, и конкуренціею всѣхъ прочихъ заграничныхъ судовъ, фрахтующихъ товары прямо въ Одессѣ.

Такой характеръ обязательныхъ заграничныхъ линій служитъ наглядным доказательствомъ того, какъ мало можно было по уставу 1856 г. ожидать выгодъ отъ заграничныхъ оборотовъ общества и какъ необходима была сильная субсидія для поставленія дѣла на твердое основаніе.

Всѣ три срочныя турецкія линіи имѣли, очевидно, значеніе если не исключительно, то преимущественно политическое. Едвали нужно кому либо доказывать какое значеніе въ русскихъ дѣлахъ на востокѣ можетъ имѣть появленіе тамъ русскаго флага и поддержаніе сношеній съ турецкими портами. Кому не извѣстно, съ какими ревнивыми чувствами относятся къ русскимъ всѣ соперники Россіи на обширномъ востокѣ и какъ важно для Россіи не упускать благопріятнаго времени для завязыванія тамъ такихъ узловъ, изъ которыхъ всегда образуются современемъ выгодныя путеводныя нити.

Великая заслуга в. к. Константина Николаевича заключается именно въ томъ, что онъ имѣлъ искусство создать Русское общество пароходства и торговли къ августу 1856 г. и дать ему возможность тотчасъ же образоваться и достаточно укрѣпиться въ теченіе тѣхъ короткихъ годовъ, пока политическій горизонтъ былъ нѣсколько ясенъ. Съ 1861 года начинается уже рядъ годовъ, среди которыхъ трудно было бы выбрать удобное время для начинанія новой дѣятельности на востокѣ и трудно было бы найти для такого большаго дѣла необходимыя финансовыя средства.

II.

Въ тѣ же благополучные года (съ 1856-го—по 1866 г.) задумано и совершено было другое дѣло, о которомъ сказано въ началѣ, т. е. основаніе у св. гр. Іерусалима обширныхъ русскихъ страннопріимныхъ заведеній.

Въ какой степени начинаніе этого дѣла могло быть труднымъ—доказывается уже тѣмъ, что въ 1856 году всѣмъ былъ, конечно, крѣпко памятенъ тотъ фактъ, что однимъ изъ пунктовъ ультиматума князя А. С. Меншикова въ 1853 г. былъ вопросъ о разрѣшеніи учредить въ Іерусалимѣ русскій страннопріимный домъ.

Кто въ 1856 г. еще не памятовалъ о томъ, что весь послѣдній восточный вопросъ возгорѣлся на почвѣ Іерусалимскихъ притязаній, и кто тогда въ Европѣ не повторялъ ежедневно, что Россіи нельзя позволять и заикнуться о какихъ либо преимуществахъ въ св. землѣ, такъ какъ и изъ малой претензіи непремѣнно выростетъ громадное право!

Не смотря на такія затрудненія, в. кн. Константинъ Николаевичъ не остановился тотчасъ послѣ заключенія трактата, въ мартѣ 1856 г., открыто связать учрежденіе Русскаго общества пар. и торговл. съ вопросомъ объ установленіи, въ видѣ первой обязательной линіи, постоянныхъ срочныхъ сообщеній съ Палестиной и св. горою Аѳонскою. Въ томъ же 1856 году уже было послано въ Палестину особое довѣренное отъ великаго князя лицо для изученія на мѣстѣ всѣхъ вопросовъ, касающихся русскаго паломничества ко святымъ мѣстамъ.

По полученіи отъ сего лица подробныхъ свѣдѣній, доказывавшихъ, что русское паломничество находится въ самыхъ плачевныхъ условіяхъ по неимѣнію нигдѣ русскихъ страннопріимныхъ учрежденій, великій князь тотчасъ приступилъ къ восполненію такого важнаго недостатка.

Въ 1857 и 1858 гг. получено уже было наглядное доказательство того, какая преимущественно политическая цѣль преслѣдовалась великимъ княземъ въ учрежденіи Русскаго общества пароходства и торговли. Тому же довѣренному отъ великаго князя лицу, по соглашенію съ Обществомъ, въ 1857 году было поручено открытіе и установленіе Яффской и Аѳонской линій, учрежденіе вездѣ агентствъ и почтовыхъ мѣстъ. Въ 1858 году

въ Іерусалимѣ, Назаретѣ, Яффѣ, Рамлѣ и Кайфѣ уже были открыты временныя русскія странноприимницы, а въ 1860 году, благодаря, прежде всего, тому личному монаршему участію, которое приняли въ этомъ дѣлѣ въ Бозѣ почившій государь императоръ Александръ Николаевичъ и государыня императрица Марія Александровна, совершена была закладка тѣхъ обширныхъ русскихъ странноприимныхъ заведеній, собора св. Троицы и госпиталя, о которыхъ всѣ иностранцы всегда такъ восторженно и съ такою завистью отзываются, а русскіе вообще такъ равнодушно молчатъ.

Въ 1863 году пунктъ ультиматума кн. А. С. Меншикова (1853 г.) оказался исполненнымъ съ тою разницею, что кн. Меншиковъ требовалъ одного незначительнаго дома вмѣстимостью въ 20 комнатъ, а предсѣдатель палестинскаго комитета великій князь Константинъ Николаевичъ сдалъ Россіи: въ самомъ св. градѣ Іерусалимѣ историческое мѣсто близь самаго храма гроба Господня,—у яффскихъ воротъ странноприимные пріюты на 600 женщинъ и 300 мужчинъ, госпиталь на 60 кроватей, благолѣпный соборъ, домъ для духовной миссіи, съ помѣщеніемъ на 80 чел. и съ зимнею церковью, и консульскій домъ; а также пріюты въ Назаретѣ, Яффѣ, Кайфѣ, Рамлѣ и горнемъ градѣ Іудовомъ.

Всѣ эти заведенія уже существуютъ болѣе 18 лѣтъ (писано въ 1881 году) и благоденствуютъ къ славѣ Россіи и ко благу тысячей русскихъ поклонниковъ, ровно ничего не требуя отъ государственнаго казначейства.

На всѣ эти заведенія было пожаловано въ Бозѣ почившимъ государемъ Александромъ Николаевичемъ 500,000 р., а остальныя 600 слишкомъ тысячъ были собраны отъ частныхъ пожертвованій и кружечныхъ сборовъ.

Ежегодное содержаніе заведеній вполнѣ обезпечено кружечными копѣечными сборами, имѣется даже въ запасѣ незначительная капитальная сумма, а съ самаго основанія и понынѣ государственная казна не истратила ни копѣйки кромѣ той суммы, которую покойный государь изволилъ опредѣлить на первоначальное устройство.

М.

4-го августа 1881 г.

НИКОЛАЙ ПЛАТОНОВИЧЪ ОГАРЕВЪ.

XLVIII [1]).

Augenblick.

Нѣтъ, право, эта жизнь скучна,
Какъ небо сѣрое безцвѣтна,
Тоской сжимаетъ грудь она
И желчь вливаетъ непримѣтно,
И какъ-то смотрится кругомъ
На все сердитѣй понемногу
И что-то ничему потомъ
Уже не вѣрится, ей Богу!

1839 г.

XLIX.

За тучами чуть видима луна,
Бѣлѣетъ снѣгъ въ туманномъ освѣщеньѣ,
Безмолвны стогны, всюду тишина,
Затихло дня бродящее движенье.
Старинный кремль угрюмо задремалъ
Надъ берегомъ рѣки оледенѣлой
И колоколъ гудящій замолчалъ,
Затворенъ храмъ и теремъ опустѣлой,
Какъ старый кремль въ полночной тишинѣ
Является и призраченъ и страшенъ,
Въ своей зубчатой затворясь стѣнѣ
И вѣя холодомъ отъ темныхъ башенъ!
Лежитъ повсюду мертвенный покой,
Его кругомъ ничто не возмущаетъ,
Лишь каждый часъ часовъ унылый бой
О ходѣ времени напоминаетъ.

Н. Огаревъ.

1839 г.

---

[1]) См. «Русскую Старину» изд. 1888 и 1889 гг.

ѲЕОФАНЪ ГАВРИЛОВИЧЪ ЛЕБЕДИНЦЕВЪ,

редакторъ журнала «Кіевская Старина», † 12-го марта 1888 г.

Въ мартѣ 1888-го года скончался одинъ изъ самыхъ симпатичныхъ тружениковъ русской исторической науки, бывшій редакторъ журнала «Кіевская Старина», д. с. с. Ѳ. Г. Лебединцевъ. Краткіе газетные некрологи гласили, что «Ѳеофанъ Гавриловичъ Лебединцевъ получилъ образованіе въ кіевской духовной академіи, въ которой окончилъ курсъ наукъ въ 1851 году со степенью магистра. До 1864 года онъ проходилъ должности преподавателя воронежской, потомъ кіевской семинаріи и экстраординарнаго профессора той же академіи. Съ 4 декабря 1864 г. занималъ должность начальника холмской учебной дирекціи, а въ 1872 г. перемѣщенъ на таковую же должность въ городъ Радомъ. По выходѣ въ отставку въ 1882 году, Ѳеофанъ Гавриловичъ предпринялъ изданіе журнала «Кіевская Старина» и продолжалъ его до 1 января 1888 г., когда разстроенное здоровье заставило его передать этотъ трудъ другому лицу».

Дѣятельность Ѳ. Г. Лебединцева въ Холмскомъ краѣ направлена была къ возрожденію греко-уніатскаго населенія въ духѣ православія и русской народности, съ соблюденіемъ уваженія къ его языку и мѣстнымъ обычаямъ. Ѳ. Г. Лебединцеву пришлось работать въ этомъ краѣ въ самую трудную пору переходнаго его состоянія отъ укоренившихся въ странѣ польско-католическихъ культурныхъ вліяній къ южнорусскому строю жизни, сохранившемуся въ языкѣ и бытѣ простаго народа. Энергическая и разумная дѣятельность Ѳ. Г. была оцѣнена правительствомъ и обществомъ. Въ 1886 году 14 января Ѳ. Г. писалъ мнѣ: «Я думалъ, что меня уже миновали всякія почести, а вчера получаю отъ люблинскаго епископа бумагу, что холмское братство святобогородицкое, «высоко цѣня мои заслуги на пользу православія и народности русской» въ бытность мою начальникомъ

холмской и радомской учебной дирекціи, единогласно избрало меня почетнымъ своимъ членомъ. Припоминаю, что тамъ я получилъ пять разъ благословеніе св. Синода»..... Въ другомъ письмѣ, отъ 9 ноября 1887 г., Ѳ. Г. мимоходомъ сообщилъ еще одну черту изъ своей дѣятельности въ Холмщинѣ: «Выходитъ, что у меня глаза завидущи, что замѣтилъ мнѣ еще покойный князь В. А. Черкасскій, когда я выпрашивалъ для гимназій и школъ одно за другимъ зданія упраздненныхъ монастырей»....

Важнѣе была дѣятельность Ѳ. Г. какъ основателя и издателя «Кіевской Старины». Давно уже въ Кіевѣ чувствовалась потребность въ мѣстномъ историческомъ изданіи. Еще въ 1880 году, въ 282 № «Кіевлянина», появился фельетонъ «Кіевская старина и новина» за подписью К. Желѣзняка (повидимому, псевдонимъ) съ слѣдующимъ любопытнымъ предисловіемъ:

«Сегодня, 18 декабря, въ день рожденія приснопамятнаго кіевскаго митрополита Евгенія (1767 г.), мы открываемъ въ «Кіевлянинѣ» особый отдѣлъ, посвященный воспоминанію прошлаго въ кіевской землѣ. Вспоминая съ глубокимъ уваженіемъ о великомъ дѣятелѣ, мы искренно желали-бы позаимствовать у него хотя долю той любви къ родной старинѣ, той ревности и точности въ трудѣ, какими отличался митроносный трудолюбецъ. Уже нѣсколько лѣтъ занимала насъ мысль основать въ Кіевѣ особый періодическій сборникъ—«Кіевская Старина и Новина»; этой мысли оказали было полное сочувствіе почетнѣйшія лица кіевскаго духовенства, нѣкоторые профессора университета и академіи и покойный основатель «Кіевлянина»; были предлагаемы готовые матеріалы и даже средства на изданіе, но когда стали искать человѣка, который согласился бы принять на себя редакцію сборника, то—вси начаша отрицатися... Одни отговаривались недосугомъ, другіе ссылались на тяжелое въ цензурномъ отношеніи время, третьи не вѣрили въ матеріальный успѣхъ дѣла,—и добрая мысль заглохла»...

Въ 1882 г. въ лицѣ Ѳ. Г. Лебединцева нашелся человѣкъ, настолько любившій историческое прошлое роднаго края, что не побоялся ни матеріальныхъ, ни цензурныхъ препятствій, и «заглохшую добрую мысль» объ изданіи въ Кіевѣ историческаго сборника осуществилъ въ формѣ ежемѣсячнаго историческаго журнала подъ названіемъ «Кіевская Старина». «Когда начиналась «Кіевская Старина», писалъ мнѣ Ѳ. Г. 18 іюля 1885 г., ни одного листка писаннаго не оказалось, а увѣреній, обѣщаній цѣлыя горы. Есть люди, что за четыре года ни одной строчки не дали, а послушать ихъ, какъ они разсуждаютъ о «Кіев. Стар.», такъ подумать можно, что они горы написали».

Здѣсь должно еще добавить, что Ѳ. Г., настойчиво продолжая изданіе «Кіев. Старины», имѣлъ въ виду блестящій примѣръ въ «Русской Старинѣ» и надѣялся поставить со временемъ и свое изданіе такъ же высоко, какъ поставлена «Русская Старина», что можно видѣть изъ слѣдующаго его письма ко мнѣ отъ 5 окт. 1884 г. «Кончается годъ; надо готовиться къ слѣдующему. Подписка, не смотря на стараніе многихъ доброчинцевъ, осталась на цифрѣ двухъ первыхъ годовъ. Угнетаетъ долгъ, тяжесть работы, невозможность сдѣлать улучшенія, и тѣмъ не менѣе бросать дѣло не хочется. Найдя объявленіе о продолженіи «Кіевской Старины» въ 1885 году, не удивляйтесь дерзости моей. Иначе я не могу назвать этого шага, который дѣлаю, имѣя около 750 подписчиковъ и совсѣмъ опустѣвшій портфель. Но хуже было въ прошломъ году. Авось, Богъ дастъ, переживемъ кризисъ и выбьемся на гладкую дорогу. М. И. Семевскій пять лѣтъ такъ перебивался, а теперь говорятъ, что у него матеріала на десять лѣтъ minimum» [1]).

Мнѣ не пришлось лично познакомиться съ Ѳ. Г. Лебединцевымъ и я знаю его только по письмамъ, которыя онъ присылалъ мнѣ, по поводу печатавшихся въ «Кіевской Старинѣ» моихъ статей. Всѣ его письма полны интереса, содержательны, съ научными или литературными новостями. Въ нихъ ярко отразилась любознательная, энергичная и просвѣщенная личность автора. Въ письмахъ разбросаны меткіе и характерные отзывы о разныхъ лицахъ, приходившихъ въ соприкосновеніе съ «Кіевской Стариной».

Не имѣю данныхъ, чтобы судить объ общемъ характерѣ отношеній Ѳ. Г. къ сотрудникамъ; могу только здѣсь замѣтить, что ко

---

[1]) Эта истина остается таковою же и въ настоящее время (май 1889 г.). Всѣхъ мемуаровъ, воспоминаній, изслѣдованій, очерковъ, замѣтокъ и цѣлыхъ серій матеріаловъ поступило, въ 1870—1889 гг. (по 1 мая), въ распоряженіе «Русской Старины» 6,870 нумеровъ; около половины этихъ сообщеній напечатано; нѣкоторыя же почему либо возвращены; затѣмъ безъ малаго половина сообщеній—признаны нами вполнѣ интересными и совершенно приготовленныя къ печати ожидаютъ времени и мѣста къ появленію на страницахъ «Русской Старины». Вполнѣ вѣрно то, что если бы притокъ мемуаровъ, статей и матеріаловъ внезапно прекратился бы,—а онъ продолжается ежедневно,—то, не выходя изъ кабинета нашей редакціи, мы могли бы продолжать лѣтъ двѣнадцать ежемѣсячный выпускъ книгъ «Русской Старины» въ томъ же объемѣ и столь же интересныхъ по содержанію, какъ то ведется уже двадцать лѣтъ,—такъ богатъ архивъ нашего журнала; это не мѣшаетъ намъ, однако, и просить, и принимать новыя сообщенія, такъ какъ таковыя печатаются—не по времени поступленія оныхъ въ редакцію, а по степени интереса и тѣхъ или другихъ соображеній редакціи.

Ред.

мнѣ лично по научнымъ вопросамъ онъ относился съ рѣдкою доброжелательностію, не смотря на письменное лишь знакомство со мною. Когда я не могъ достать въ Харьковѣ какого-либо спеціальнаго сочиненія, относящагося къ южнорусской исторіи или этнографіи, я обращался къ Ѳ. Г—у съ просьбой отыскать таковое въ Кіевѣ и выслать мнѣ для временнаго пользованія, что Ѳ. Г. исполнялъ со скоростью. Однажды Ѳ. Г. писалъ мнѣ, что онъ, повидимому, попалъ на слѣдъ одной не разысканной мною старопечатной книги. «Такая книга, говоритъ Ѳ. Г., есть будто бы въ Орлѣ, въ библіотекѣ втораго духовнаго училища. Это сказалъ мнѣ вчера черниговскій архіерей Веніаминъ, бывшій тамъ когда-то смотрителемъ училища. За давностью онъ не припомнитъ ни полнаго заглавія, ни года изданія, ни тѣмъ болѣе содержанія; но по разнымъ сообщеннымъ имъ примѣтамъ это можетъ быть искомая вами книга. Къ сожалѣнію, у меня нѣтъ знакомыхъ въ Орлѣ. Нѣтъ ли кого у васъ? Впрочемъ, поразспрошу и быть можетъ самъ кому-либо напишу. Сообщите, не сохранилось ли указаній на форматъ и объемъ книги». Въ другомъ письмѣ Ѳ. Г. уклонился отъ прямаго мнѣ содѣйствія, по слѣдующему благожелательному соображенію:

— «Хотя я и могъ бы вамъ найти въ Москвѣ человѣка, который сдѣлалъ бы нужныя для васъ выписки, но гораздо лучше съ этимъ подождать, чтобы вы сами туда съѣздили. Еще покойный Викторовъ мнѣ писалъ: «хотя бы вы кого нибудь прислали въ Румянцевскій музей—разсмотрѣть малорусскій отдѣлъ рукописей, а то лежатъ безъ пользы и движенія». Тамъ же въ Москвѣ и архивъ малороссійскихъ дѣлъ, до котораго только доторкнулся Н. И. Костомаровъ разъ пять. Самъ онъ говорилъ, что «сокровище неисчерпаемое».

Относясь вполнѣ доброжелательно ко мнѣ, при личномъ незнакомствѣ со мной, Ѳ. Г. въ то же время очень серіозно относился ко всѣмъ моимъ статьямъ, печатавшимся въ «Кіевской Старинѣ», писалъ мнѣ о нихъ, критиковалъ ихъ, очевидно интересуясь ихъ содержаніемъ съ безпристрастной точки зрѣнія человѣка науки. Въ доказательство приведу двѣ выдержки изъ писемъ Ѳ. Г. Напечатавъ въ «Кіев. Стар.» мою статью о коломійкахъ, Ѳ. Г. вскорѣ сообщилъ мнѣ, что у одного изъ кіевскихъ сотрудниковъ «Старины» нашлась цѣлая тетрадь коломіекъ, записанныхъ преимущественно въ лѣвобережной Малороссіи не позже 1840 г., причемъ Ѳ. Г. высказалъ свое мнѣніе о галицкихъ коломійкахъ, какъ поэтическихъ произведеніяхъ позднѣйшей формаціи. «Если образы и чувства въ нихъ живые, говоритъ Ѳ. Г., то языкъ сильно искаженъ и дубоватъ. Народнаго въ

нихъ ровно настолько, насколько творцы ихъ не порвали связи съ народомъ. Народъ тамъ (т. е. въ Галиціи) гораздо больше и гораздо раньше выучился грамотѣ, и весьма многіе изъ него прошли настоящую школу, просвѣтились вполнѣ наукою, но, не въ примѣръ нашей интеллигенціи, сохранили всю непосредственность чувства, а нерѣдко и міросозерцанія. Это исключительное явленіе мыслимо только въ Галиціи, гдѣ нѣтъ ни аристократіи, ни даже буржуазіи, а есть только народъ съ своею особенною интеллигенціею, изъ него вышедшею и съ нимъ живущею. Я много лѣтъ наблюдалъ ее, списывался, говорилъ, читалъ и могу сказать, что бо́льшая часть тамошнихъ коломіекъ издѣліе книжниковъ, хотя чувствующихъ, а подъ часъ и думающихъ по народному».

Позднѣе, по поводу одного моего замѣчанія въ сочиненіи объ апокрифахъ о народныхъ словопроизводствахъ, Ѳ. Г. писалъ: «Точь въ точь какъ въ лежащихъ передо мною спискахъ легенды о Кирикѣ, гдѣ слово въ Овручевскомъ повѣтѣ мѣняется въ Овруцькомъ, во Вруцькимъ, въ Обружскимъ, въ Обрубьскимъ и, наконецъ, Бобруйскимъ, или «тамъ-ки тече ричка» перешло въ «тамъ Китеча рѣчка», «тамъ ричка Китача тече». Въ дѣтствѣ въ домѣ отца моего слышалъ я колядниковъ, поющихъ: «Видитъ же Богъ, видитъ Творецъ, жомвиръ погибае», вмѣсто «же міръ».

Ѳ. Г. затрачивалъ на «Кіевскую Старину» много труда. «Только что окончилъ книжку, писалъ онъ 28 февраля 1886 г., и чувствую себя какъ-бы слѣзши съ полки въ банѣ. На масляной въ субботу былъ на балу въ дворянскомъ собраніи. Боже! какъ мнѣ страшнымъ все казалось. Вѣдь шибнетъ же этакая охота! А на эту субботу говѣю, отъ грѣховъ хочу очиститься—редакторскихъ, издательскихъ, сотрудническихъ, корректорскихъ, конторщицкихъ и по части корреспонденціи». Немного ранѣе, 29 марта 1885 г., Ѳ. Г. бодро еще писалъ мнѣ: «Я шесть разъ былъ за-границей, и вотъ плоды тамошней науки: ложусь въ 10—11 часовъ, встаю 5—6, послѣ обѣда никогда не сплю, ежедневно два часа на воздухѣ и въ движеніи бываю и каждый же день, вставши, обливаю голову холодною водою, а спину и поясницу мокрымъ полотенцемъ вытираю, а потомъ простыней до суха и тепла. Такъ и живу, давно забывъ о томъ, что называется гемороемъ. А ужъ я ли не сижу! Да еще съ моею комплекціею и лѣтами, которыхъ уже 57». Тяжелая болѣзнь однако уже стерегла Ѳ. Г—ча, и вскорѣ, въ концѣ 1886 года, въ его письмахъ появляются горькія жалобы на ревматизмъ и разстройство нервовъ. Въ концѣ 1886 года Ѳ. Г. подумывалъ уже о прекращеніи «Кіевской Старины»; но высокопреосвященный митрополитъ Платонъ, прослышавъ о томъ, пригласилъ

Ѳ. Г. къ себѣ и, какъ мнѣ потомъ писалъ Ѳ. Г., «воодушевилъ» его. Глубоко тронутый вниманіемъ и поддержкой со стороны досточтимаго митроп. Платона, Ѳ. Г. рѣшился продолжать изданіе. «Сказать откровенно, писалъ онъ по этому поводу, въ запасѣ нѣтъ ни одной статьи, кромѣ повѣстей Шевченка; за годъ истощилъ все, что было; осталась дрянь, которою и рукъ марать не слѣдуетъ. Сообщите немедленно, чего можно надѣяться изъ Харькова вообще и отъ васъ въ частности.... Всего болѣе заѣдаютъ меня рецензіи; не добудете ли тамъ»?—«Писать мнѣ очень трудно (по болѣзни), жаловался Ѳ. Г. въ апрѣлѣ 1887 года. Хотѣлъ въ Ярославль поѣхать на археологическій съѣздъ, да доктора настаиваютъ, чтобы на лиманъ ѣхалъ. Богъ знаетъ, что со мною будетъ»... Тревожное состояніе духа, вызванное болѣзнью, обнаруживается почти во всѣхъ остальныхъ письмахъ Ѳеофана Гавриловича. «Всѣ эти дни, писалъ онъ осенью 1888 года, я стоналъ, кричалъ и плакалъ отъ невыносимыхъ нервныхъ страданій, повергавшихъ меня въ то «изумленіе», въ какое приходилъ человѣкъ на дыбѣ или приводится дѣйствіемъ электромагнитной машины. До такого состоянія, по единогласному мнѣнію врачей, довело меня шести лѣтнее напряженное состояніе, а потому не удивляйтесь, что я объявилъ уже пріостановку изданія, предвѣстницу совершеннаго прекращенія, если не найдутся продолжатели. Я сдѣлалъ все, что могъ, истощилъ всѣ мои силы и средства и оставляю дѣло лишь тогда, когда уже ничего дѣлать не могу». Въ это время до Ѳ. Г. дошелъ слухъ, что въ Харьковѣ собираются издавать историческій журналъ, слухъ вполнѣ ложный. «Такъ ли?», спрашивалъ меня Ѳ. Г. «И кому это жизнь надоѣла, что ищетъ ее погубить? Не на шутку готовъ предложить сему храброму воину «Кіевскую Старину». Пусть назоветъ ее Южнорусскою, да и ведетъ съ Богомъ въ самомъ Харьковѣ. Программа хорошая; дѣло налажено; все отъ средствъ зависѣть будетъ. Два однородныхъ изданія идти рядомъ не могутъ, когда одно на ладанъ дышетъ».

Здоровье Ѳ. Г—ча все ухудшалось, и 30 сент. 1887 г. онъ писалъ:

«Прошло лѣто, а здоровье мое не улучшилось ни на іоту. Всякое леченье, кромѣ Маріенбадской воды, оказалось тщетнымъ. Доктора пришли къ заключенію, что у меня не ревматизмъ въ плечахъ, а нервное разстройство—какихъ-то узловъ, какого-то блуждающаго нерва. Что мнѣ дѣлать? Главное условіе леченія—свобода отъ книжныхъ занятій. Никогда я не былъ въ такомъ отчаянномъ положеніи. Невыносимая борьба въ душѣ; не знаю, что предпринять, на что рѣшиться».

Въ письмѣ 9 ноября 1887 г.: «Болѣзнь моя—болѣзнь плечевыхъ и позвоночныхъ нервовъ—самая ужасная».

Передавъ «Кіевскую Старину», въ концѣ 1887 года, А. С. Лашкевичу, Ѳ. Г. написалъ мнѣ любопытное письмо, въ которомъ сдѣлалъ общую оцѣнку журнала за первыя шесть лѣтъ его существованія. «Вы не повѣрите, говоритъ Ѳ. Г., какая грусть овладѣваетъ мною по мѣрѣ приближенія къ концу. Моя ли только лебединая пѣсня, или я ее пою надъ умершей «Стариной» въ широчайшемъ смыслѣ. Была «Основа», и съ какими великими силами! А долго ли она продержалась? Катенинъ далъ на нее 20,000 руб. сер. А гдѣ они? Потомъ «Метелики» пошли, точно пряничные пѣтушки... Явилась «Кіевская Старина»... Въ первый годъ подписка была до 800 чел., а расходъ до 10 тысячъ рублей. Каждый годъ подписка понижалась, и каждый годъ я уменьшалъ расходы, особливо на объявленія, а достоинство изданія не шло въ понижающейся степени, и на мой судъ—послѣдній годъ отнюдь не хуже перваго. Будь основной фондъ..., будь у меня помощникъ по редакціи, корректоръ, конторщикъ, будь публикацій въ четверо больше, а главное—готовыя деньги для сотрудниковъ, подписка не понижалась бы, а увеличилась бы вдвое, втрое, и изданіе не только окупало бы себя, но и возвращало затраченный капиталъ; но ex nihilo nihil fit; черезъ силу конь не попретъ; сухая ложка ротъ деретъ; подаяніемъ сытъ не будешь и, не сдѣлавъ затратъ, и прибыли не получишь.... Кругъ подписчиковъ самый разнообразный; кромѣ учителей, чиновниковъ, военныхъ, не мало графовъ, князей, высшихъ сановниковъ, архіереевъ, и все это постоянные, даже московскій и закаспійскій генералъ-губернаторы. Въ императорской публичной библіотекѣ за какой-то годъ самое большое число требованій было на «Кіевскую Старину». Въ печати никогда ни одного худаго отзыва, а сибирская газета поставила «Старину» нашу выше всѣхъ историческихъ журналовъ».

«Большинство статей было безплатно, а число сотрудниковъ увеличивалось съ каждымъ годомъ. Изъ 50 съ лишнимъ 15 такихъ, что съ ними одними можно вести изданіе».

«Кіевская Старина» за шесть лѣтъ не получила ни одного замѣчанія.... Страдала лишь буква і. Вычеркивалось только изъ моихъ статей или что добавлю».....

Ѳеофанъ Гавриловичъ скончался 12 марта 1888 года, наканунѣ выхода въ свѣтъ первой книжки «Кіевской Старины» подъ новой редакціей. На первой страницѣ этой книжки подъ большимъ чернымъ крестомъ было замѣчено, что «въ лицѣ покойнаго новая редакція понесла тяжелую утрату; она потеряла въ немъ дѣятельнаго,

талантливаго сотрудника и умудреннаго опытомъ благожелательнаго совѣтника». Имя Ѳ. Г. Лебединцева дорого всѣмъ любителямъ старины. Ѳ. Г. Лебединцевъ занялъ почетное мѣсто въ ряду дѣятелей русской исторической науки вообще, южнорусской въ особенности. Онъ оставилъ по себѣ хорошую память, какъ просвѣщенный и энергическій охранитель лучшихъ историческихъ преданій народа и выразитель лучшихъ культурныхъ стремленій роднаго края. Такіе люди, какъ Ѳ. Г. Лебединцевъ, всегда оставляютъ слѣдъ въ исторіи развитія общественнаго самосознанія и нравственной культуры. Воспоминаніе о нихъ сохраняется многіе и многіе годы, какъ благодарность прошедшему и надежда на лучшее будущее.

Вдвойнѣ было бы грустно, если бы со смертью Ѳ. Г. Лебединцева умерла и «Кіевская Старина»; весьма утѣшительно то обстоятельство, что изданіе это перешло въ хорошія руки, новая редакція съ честью и знаніемъ дѣла ведетъ это изданіе по пути усовершенствованія, проложенному настойчивостью покойнаго его редактора.

Н. Ѳ. Сумцовъ.

Харьковъ.
8 января 1889 г.

родился 15-го января 1826 г.
въ с. спасъ-уголъ, тверской губ.

МИХАИЛЪ ЕВГРАФОВИЧЪ САЛТЫКОВЪ

ЩЕДРИНЪ.

I: 1, 2 и 3. Автобіографическія его замѣтки 1874 и 1887 гг.—II. Очеркъ Редактора «Русской Старины» 1887-го года: М. Е. Салтыковъ.—III. Время начала литературной дѣятельности Салтыкова.—IV. Послѣднее свиданіе съ М. Е. Салтыковымъ.—V. Памяти М. Е. Салтыкова, 28-го апрѣля 1889 г.—VI. 2-е мая 1889 г.—день его погребенія—стихотвореніе В. Р. Щиглева.

скончался 28-го апрѣля 1889 г.
въ С.-Петербургѣ.

I.

Собственноручныя автобіографическія замѣтки Салтыкова.

1.

Салтыковъ, Михаилъ Евграфовичъ, род. 15-го января 1826 г., воспитывался въ императорскомъ Царскосельскомъ лицеѣ, оттуда вышелъ въ 1844 году. Началъ службу въ канцеляріи военнаго министерства, продолжалъ въ вятскомъ губернскомъ правленіи съ апрѣля 1848 г., возвратился въ Петербургъ въ январѣ 1856 г. Первая повѣсть въ „Отечественныхъ Записках“ въ 1847 г., № 11, „Противорѣчіе“. Умеръ... (28-го апрѣля 1889 г.) [1]).

1874 г.

(Альбомъ ред. «Русской Старины»: «Знакомые», изд. 1888 г., стр. 73).

2.

Салтыковъ, Михаилъ Евграфовичъ. Я родился 15-го января 1826 г., Тверской губерніи, Калязинскаго уѣзда, въ с. Спасъ-Уголъ. Десяти лѣтъ поступилъ въ московскій дворянскій институтъ, а оттуда въ 1838 году былъ переведенъ въ Царскосельскій лицей. Тамъ я началъ писать стихи, за которые былъ часто наказываемъ; тамъ же началъ и печатать ихъ. Сколько помнится, первое мое напечатанное стихотвореніе „Лира“ было помѣщено въ „Библіотекѣ для Чтенія“ 1841 или 1842 года; затѣмъ я печаталъ стихи въ „Современникѣ“ Плетнева. Послѣ выхода изъ лицея (въ 1844 г.) стиховъ больше не писалъ. Затѣмъ служилъ и писалъ, писалъ и служилъ вплоть до 1848 года, когда

---

[1]) Слова въ скобкахъ нами приписаны. Ред.

былъ сосланъ на службу въ Вятку за повѣсть „Запутанное дѣло“ [1]). Прожилъ тамъ почти 8 лѣтъ и служилъ, но не писалъ.

Въ 1856 г. возобновилъ литературную дѣятельность „Губернскими очерками“ и вплоть до 1868 г. писалъ и служилъ, служилъ и писалъ. Въ 1868 году совсѣмъ оставилъ службу и исключительно отдался литературѣ. Написалъ 22 названія книгъ. Въ настоящее время, одержимый жестокимъ недугомъ, ожидаю смерти. М. Салтыковъ.

21-го сентября 1887 г.

(Альбомъ ред. «Русской Старины» «Знакомые, стр. 208).

3.

Въ одномъ изъ писемъ М. Е. Салтыкова къ редактору „Русской Старины“ говорится, что онъ, еще въ бытность въ Александровскомъ лицеѣ, писалъ и печаталъ свои произведенія въ тогдашнихъ журналахъ; именно къ 1844 году относятся его стихотворенія, помѣщенныя имъ въ „Современникѣ“, издававшемся тогда бывшимъ другомъ Пушкина, П. А. Плетневымъ; равнымъ образомъ, М. Е. Салтыковъ помѣщалъ свои, тогда еще весьма юныя, произведенія (стихи) въ „Библіотекѣ для Чтенія“.

„Писалъ я, замѣчаетъ Салтыковъ въ одномъ изъ писемъ къ намъ, стихи и мелкія рецензіи, но съ какого именно времени, этого я и самъ опредѣлить не могу, но, вѣроятнѣе всего, около 1841 года. М. Салтыковъ“.

1-го апрѣля 1887 г.

См. журналъ «Русская Старина», изд. 1887 г., томъ LIV, апрѣль, стр. 244 и 562.

---

[1]) Въ мартовской книгѣ «Отечественныхъ Записокъ» 1848 г.; перепечатана въ сборникѣ «Невинные разсказы». М. С.

II.

Очеркъ редактора „Русской Старины“, февраль 1887 г.

Михаилъ Евграфовичъ Салтыковъ и графъ Левъ Николаевичъ Толстой—наиболѣе даровитые дѣятели въ ряду современныхъ русскихъ писателей. Многочисленныя ихъ произведенія, въ различныхъ сферахъ литературы и различнаго направленія, увѣковѣчили уже ихъ имена въ исторіи нашей словесности.

„Русская Старина“, съ самаго основанія этого изданія, — всегда выражала чувство глубокаго уваженія къ наиболѣе виднымъ отечественнымъ дарованіямъ на поприщахъ—наукъ, словесности и художествъ.

Мы глубоко чтимъ мощный талантъ М. Е. Салтыкова.

По силѣ и глубинѣ его сатиры, нѣтъ ему равнаго за послѣднія тридцать лѣтъ ни въ одной литературѣ.

По силѣ и глубинѣ своей сатиры, по художественной жизненности и правдѣ многихъ типовъ русскаго человѣка, выведеннаго этимъ писателемъ изъ самыхъ разнообразныхъ сферъ русскаго народа,—Щедринъ является Гоголемъ нашего времени, но вполнѣ своеобразнымъ, бичующимъ злобу и язвы общественныхъ пороковъ нашего чреватаго всякимъ зломъ времени.

М. Е. Салтыкову-писателю принадлежитъ слава общественнаго дѣятеля, оказавшаго громадныя заслуги отечеству.

Въ славный періодъ реформъ истинно незабвеннаго Государя-Освободителя, М. Е. Салтыковъ явился съ своими „Губернскими очерками“ и нанесъ ими рѣшительный ударъ одряхлѣвшему, насквозь проѣденному взяточничествомъ и казнокрадствомъ, міру русскаго чиновничества (мы говоримъ о чиновничествѣ до реформъ 1860-хъ годовъ).

Это было какъ разъ наканунѣ реформъ, даровавшихъ свободу отъ крѣпостныхъ узъ, новый судъ и земство.

Никто не станетъ отрицать того, что вліяніе, произведенное „Губернскими очерками“ Щедрина, было громадное и притомъ самое благотворное. Въ нихъ, точно въ зеркалѣ, отразилась вся провинціальная, дореформенная, чиновничья Россія.

Будущій историкъ славной эпохи 1856—1866 гг., пересоздавшей весь внутренній строй нашего отечества, отведетъ видное мѣсто вліянію русской литературы на реформы, тогда совершенныя; а въ этой литературѣ одно изъ первыхъ мѣстъ занималъ, безспорно, М. Е. Салтыковъ [1]).

Мы сказали: безспорно... Нѣтъ, эта истина, къ сожалѣнію, не всѣми еще усвоена: есть еще, и при томъ въ интеллигентныхъ кругахъ русскаго общества, лица, которыя не знали и не знаютъ Щедрина, которыя его не читали, не читаютъ, а быть можетъ,—и не поймутъ, если начнутъ читать.

Въ этомъ нѣтъ ничего страннаго.

Такъ было съ Гоголемъ при его жизни, такъ повторилось и съ Салтыковымъ.

Но умеръ Гоголь, прошли десятилѣтія, и ему созидаютъ памятники, его сочиненія сдѣлались предметомъ изученія въ учебныхъ заведеніяхъ по всему лицу русской земли,—его имя предметъ гордости русскаго, не только образованнаго, но просто грамотнаго человѣка.

Не надо быть пророкомъ: тоже повторится въ будущемъ и съ Михаиломъ Евграфовичемъ Салтыковымъ.

Грустно только, что дань уваженія, дань признательности къ лучшимъ нашимъ писателямъ воздается имъ лишь послѣ смерти.

Ѳ. М. Достоевскому довелось умереть въ убогой квартиркѣ Кузнечнаго переулка въ С.-Петербургѣ, и только послѣ его смерти его сочиненія стали расходиться во многихъ тысячахъ экземпляровъ по Россіи и сдѣлались извѣстными по всей Европѣ, на всѣхъ иностранныхъ языкахъ...

Но какъ ни заманчива посмертная слава, пожелаемъ, дабы нашъ единственный во всѣхъ смыслахъ этого слова сатирикъ-художникъ жилъ бы еще многіе, многіе годы и въ

---

[1]) Отмѣтимъ здѣсь, что Михаилъ Евграфовичъ въ тѣ годы трудился не только какъ писатель, но и какъ членъ одной правительственной комиссіи при министерствѣ внутреннихъ дѣлъ (въ 1860—1861 гг.), въ которой, подъ предсѣдательствомъ Н. А. Милютина и при участіи К. К. Грота, В. А. Арцимовича и другихъ государственныхъ дѣятелей,—выработана была административная реформа, отдѣлившая администрацію отъ суда и положившая основы земскихъ учрежденій. М. С.

сокровищницѣ своего мощнаго дарованія и глубокаго знанія всѣхъ слоевъ современнаго русскаго общества черпалъ бы новыя, высоко художественныя произведенія, прекрасно иллюстрирующія исторію русскаго общества второй половины XIX вѣка.

М. С.

8-го января 1887 г.
Висбаденъ (Германія).

Примѣчаніе: При февральской книгѣ «Русской Старины», изд. 1887 г., (стр. 529—531), въ которой напечатана выше приведенная статья, приложенъ портретъ Михаила Евграфовича Салтыкова, гравюра на мѣди, прекрасно исполненная талантливымъ художникомъ Ѳ. А. Мѣркинымъ; портретъ отличается замѣчательнымъ сходствомъ. М. С.

III.

Письмо М. Е. Салтыкова къ М. И. Семевскому.

„Многоуважаемый Михаилъ Ивановичъ, глубоко благодарю васъ за прекрасный портретъ мой, приложенный къ февральской книжкѣ „Русской Старины“ (изд. 1887 г.) [1]), а равно и за сочувственный обо мнѣ отзывъ, помѣщенный тамъ-же. Я вовсе не такъ высоко цѣню себя, какъ вы (меня цѣните), и отношу это лестное мнѣніе обо мнѣ исключительно вашей благосклонности.

„Что касается до начала моей литературной дѣятельности, то я самъ не могу его съ точностью опредѣлить. Во всякомъ случаѣ, болѣе 40 лѣтъ, потому что я писалъ стихи еще въ лицеѣ (вышелъ въ 1844 г.) и печаталъ ихъ въ „Современникѣ“ Плетнева и даже въ „Библіотекѣ для Чтенія“ Сенковскаго.

„Прошу васъ передать мой искренній привѣтъ глубоко уважаемой Елизаветѣ Михайловнѣ.

„Душевно вамъ преданный М. Салтыковъ“.

1-го февраля 1887 г.
(Альбомъ редактора „Русской Старины“ «Знакомые», стр. 338).

---

[1]) Этотъ самый портретъ, какъ вполнѣ одобренный покойнымъ Михаиломъ Евграфовичемъ, приложенъ при настоящей книгѣ во второмъ тисненіи, между прочимъ и потому, что «Русская Старина» 1887-го года давно разошлась по подпискѣ вся, до послѣдняго экземпляра. М. С.

IV.

Послѣднее свиданіе съ Салтыковымъ

Послѣдніе годы мы лишь изрѣдка посѣщали Михаила Евграфовича изъ опасенія его, больнаго, тревожить; но 19-го апрѣля 1889 года, въ среду, около полудня, я къ нему заѣхалъ и былъ немедля введенъ въ небольшой его кабинетъ.

Михаилъ Евграфовичъ, по обыкновенію, сидѣлъ въ халатѣ, у небольшаго столика. Онъ былъ привѣтливъ, въ духѣ и вообще я нашелъ его гораздо бодрѣе, чѣмъ то ожидалъ встрѣтить; одно, что возбудило во мнѣ тревогу, это то, что лицо его очень потемнѣло; такимъ же темнымъ я его нашелъ десять дней спустя въ гробу.

Разговоръ хотя и перемежался, но былъ довольно живой. Покойникъ говорилъ объ изданіи собранія его сочиненій и выражалъ сильныя опасенія, что оно не пойдетъ достаточно скоро. Я его разубѣждалъ и ссылался на показанія книгопродавцевъ (г. Цинзерлинга и друг.) о томъ, что подписка идетъ бойко.

— „Ну, что они знаютъ, возражалъ Салтыковъ, — у нихъ подпишутся на какіе нибудь 100 экземпляровъ, они и думаютъ, что это ни вѣсть какой успѣхъ! Вѣдь изданіе-то въ большомъ количествѣ экземпляровъ напечатано, когда-то оно разойдется [1])!

Далѣе бесѣдуя, я сказалъ, что уже поспѣшилъ и для себя заказать г. Цинзерлингу подписаться и уже получилъ по городской почтѣ квитанцію въ этой подпискѣ.

Михаилъ Евграфовичъ заволновался:

— „Какъ такъ подписались?! Да вѣдь это я вамъ послалъ билетъ на даровой экземпляръ собранія моихъ сочиненій! Какъ это вы и не посмотрѣли на подпись мою“...

Я сердечно поблагодарилъ дорогаго и сердечно любимаго писателя и спросилъ за что такое вниманіе:

— „Да вѣдь я читаю „Русскую Старину“, она всегда предо мною и доставляетъ мнѣ большое удовольствіе, — говорилъ Михаилъ Евграфовичъ своимъ нервнымъ прерывающимся голосомъ,

[1]) Сколько помню, М. Е. сказалъ мнѣ, что это изд. печатается въ 6000 экз.

за то и послалъ вамъ билетъ на даровой экземпляръ моихъ сочиненій... Какъ это вы и не взглянули на билетъ!"

Еще разъ поблагодарилъ я великаго писателя и навсегда сохраню въ памяти его, дорогія для меня и для труда всей моей жизни—„Русской Старины", слова. Разговоръ перешелъ на другіе предметы, но объ этомъ когда либо послѣ.

Вечеромъ, въ тотъ же день, 19-го апрѣля (1889 г.), я получилъ по городской почтѣ визитную карточку Михаила Евграфовича Салтыкова и на ней его рукою написано—какъ бы въ продолженіе его словъ о подаркѣ мнѣ:

И на билетѣ написано: „отъ автора".

Взглянулъ я на билетъ, данный мнѣ на полученіе девяти томовъ сочиненій М. Е. Салтыкова, билетъ за № 17 отъ 7 апрѣля 1889,—и на немъ написано:

„Отъ автора Михаилу Ивановичу Семевскому".

И билетъ и карточка—поступили отнынѣ въ реликвіи историческаго журнала „Русская Старина".

М. С.

V.

ПАМЯТИ М. Е. САЛТЫКОВА.

Салтыковъ-гражданинъ.

Въ Михаилѣ Евграфовичѣ Салтыковѣ Россія потеряла не только могучаго, по таланту, писателя,—она потеряла гражданина, сослужившаго великую службу горячо любимому имъ Отечеству: въ произведеніяхъ пера Салтыкова незабвенный Государь императоръ-Освободитель Александръ II съ самаго начала реформъ, обновившихъ весь внутренній строй Россіи, т. е. съ 1856 г.,—обрѣлъ великую себѣ помощь. Бичъ сатиры Щедрина-Салтыкова, направленный на все угнетавшее, на все мертвившее жизнь старой Россіи, въ теченіе всего царствованія государя — расчищалъ поле для преобразованій, въ особенности въ области прежняго строя администраціи. Щедринъ-Салтыковъ являлъ въ поразительно яркихъ образахъ бичуемыхъ имъ типовъ паразитовъ, которые въ дореформенной старой Россіи поглощали лучшіе

жизненные соки русскаго народа и затѣмъ являлись тормазами его возрожденія къ лучшей жизни.

Такіе дѣятели, какъ Некрасовъ, Тургеневъ и Салтыковъ не только высоко даровитые, прямо сказать, геніальные писатели, — они граждане - сподвижники истинно незабвеннаго Обновителя и Освободителя Россіи, они мощью своего творчества въ области словесности русской несомнѣнно являются участниками въ преобразованіяхъ всего внутренняго строя Россіи....

Имя Салтыкова-Щедрина отнынѣ одно изъ тѣхъ именъ, которое должно быть начертано, въ ряду именъ лучшихъ русскихъ людей, на памятникѣ Александра II - Освободителя, въ ряду тѣхъ его сподвижниковъ, которые потрудились вмѣстѣ съ нимъ для созданія новой, свободной Россіи.

Михаилъ Семевскій.
Издатель-Редакторъ «Русской Старины».

Въ день погребенія М. Е.Салтыкова 2-го мая 1889 г., въ газетѣ «Новости», 1889 г., № 119, помѣщено собраніе откликовъ и впечатлѣній нѣсколькихъ нашихъ писателей, вызванныхъ съ ихъ стороны утратою всей грамотной Россіи великаго сатирика. Въ группѣ этихъ небольшихъ статей, написанныхъ подъ живымъ впечатлѣніемъ общаго горя, помѣщенъ приведенный выше нашъ откликъ.

Воспроизводимъ его изъ летучаго листа газеты; да будутъ эти строки нашимъ вѣнкомъ на гробницу великаго писателя и славнаго гражданина нашего дорогаго отечества—М. Е. Салтыкова. Ред.

VI.

Къ массѣ вѣнковъ, возложенныхъ на гробъ знаменитаго нашего писателя — былъ присоединенъ вѣнокъ отъ „Общества любителей Россійской Словесности при Императорскомъ Московскомъ университетѣ“.

Михаилъ Евграфовичъ Салтыковъ былъ почетнымъ членомъ этого старѣйшаго въ Россіи литературнаго Общества, основаннаго, если не ошибаемся, въ 1811 году.

1-го мая 1889 г., т. е. наканунѣ погребенія Салтыкова, по телеграммѣ, полученной нами отъ предсѣдателя помянутаго общества, профессора Н. С. Тихонравова, нами переданъ роскошный

вѣнокъ изъ живыхъ цвѣтовъ и съ пальмовыми вѣтвями вдовѣ покойнаго писателя и ею возложенъ таковой на гробъ ея супруга. На лентахъ вѣнка напечатано: „Московское Общество Любителей Россійской Словесности своему почетному члену Михаилу Евграфовичу Салтыкову".

Равнымъ образомъ, нами передана вдовѣ покойнаго слѣдующая телеграмма, полученная нами изъ Астрахани: „Сегодня (7 мая) отслужена панихида по Михаилѣ Евграфовичѣ Салтыковѣ. Редакція и присутствовавшіе просятъ васъ передать вдовѣ покойнаго чувства безпредѣльной скорби. Астраханскій Вѣстникъ".

VII.

2-го мая 1888 г.

Опять толпа... опять могила!
Сатиры русской цвѣтъ и соль
Смерть безпощадная сразила—
И въ сердцѣ чувствуется боль...
Тоска утраты сердце гложетъ!
Упавшій бичъ — кому поднять!
И развѣ праздным быть онъ можетъ?
И развѣ нѣкого карать?
Какъ будто... но сильнѣе слова
Мысль страшно-ясная одна:
Среди живыхъ — нѣтъ Салтыкова,
Среди живыхъ — нѣтъ Щедрина!

В. Р. Щиглевъ.

МИХАИЛЪ ЕВГРАФОВИЧЪ САЛТЫКОВЪ

† 28-го апрѣля 1889 г.

Выходъ въ свѣтъ перваго тома полнаго собранія сочиненій покойнаго немногими днями предшествовалъ его смерти. Къ ней, конечно, давно надо было готовиться, и тѣмъ не менѣе она является преждевременною. Жаръ, не остывавшій въ покойникѣ до конца, почти наканунѣ смерти придалъ силу его дрожащей рукѣ и онъ набросалъ полторы страницы новаго задуманнаго имъ сочиненія: „Позабытыя слова". А какъ много у насъ позабытыхъ словъ, тѣхъ словъ, не помня которыхъ не сдѣлаешь никакого дѣла, а весь израсходуешься на однѣ только „мелочи"....

I.

Салтыковъ-Щедринъ—такая двойственность имени имѣетъ свой особый смыслъ. Салтыковъ—это говоритъ намъ о цѣломъ родѣ, о старой дворянской фамиліи, къ тому же, какъ нерѣдко у насъ въ дворянствѣ, еще и татарскаго происхожденія; это невольно говоритъ и о дворянскихъ преданіяхъ, о пошибѣ и привычкахъ, коренящихся въ той еще столь недавней „Пошехонской старинѣ", которая отличалась особымъ „пошехонскимъ раздольемъ". Щедринъ—это не историкъ-риторъ, не историкъ-панегиристъ, а правдивый бытописатель своей родной старины, родной по крови, но не по духу. Щедринъ—это тотъ, кто, рисуя намъ картины „пошехонскаго раздолья", постоянно останавливался передъ „человѣкомъ, ѣдящимъ лебеду", постоянно

желалъ ему „добрыхъ щей“, постоянно вооружался своимъ сатирическимъ бичомъ противъ всего того, что̀ даетъ и теперь возможность вырывать ихъ у него изъ рукъ новоявленному „чумазому“, какъ и противъ всѣхъ тѣхъ, кто злорадствуетъ наступленію этого новаго „чумазовскаго раздолья“.

М. Е. Салтыковъ, увидавъ свѣтъ въ родительскомъ имѣніи, селѣ Спасъ-Усольѣ, Калязинскаго уѣзда, Тверской губ., 15-го января 1826 г., получилъ обычное дворянское воспитаніе сперва (до 10 лѣтъ) дома, потомъ въ Московскомъ дворянскомъ институтѣ, наконецъ въ Царскосельскомъ лицеѣ, гдѣ въ часы досуга писалъ стихи; за нихъ, правда, ему доставалось (по его же собственному свидѣтельству) [1]), но это не мѣшало ему, подобно другимъ стихотворцамъ на школьной скамьѣ, печататься (въ „Библіотекѣ для Чтенія“ 1841 и 1842 гг. и „Современникѣ“ 1843 г. [2]). По выходѣ изъ лицея въ 1844 г., онъ опредѣлился на службу въ канцелярію военнаго министерства, совсѣмъ пересталъ грѣшить стихами, но вскорѣ началъ свое настоящее литературное поприще въ ноябрьской книжкѣ „Отечественныхъ Записокъ“ 1847 г. повѣстью (почти бы можно сказать романомъ): „Противорѣчія“. Тутъ онъ выступилъ подъ псевдонимомъ М. Непанова, а подъ своею второю повѣстью, появившеюся въ томъ же журналѣ въ мартѣ слѣдующаго 1848 г., выставилъ свои иниціалы (М. С.). Публика почему-то не обратила особеннаго вниманія на эти произведенія, хотя они уже были далеко не то, что̀ его стихи [3]); въ нихъ уже сказывалась оригинальность, въ нихъ зарождался уже будущій Щедринъ. Зато на вторую повѣсть („Запутанное дѣло“) обращено было вниманіе въ такой сферѣ, которая имѣла возможность распорядиться дальнѣйшею участью автора. Тогда какъ разъ возникло дѣло Петрашевскаго; въ связи съ этимъ учрежденъ былъ такъ называемый Бутурлинскій комитетъ, какъ высшее цензурное вѣдомство. Задѣтый за живое строгимъ замѣчаніемъ этого новаго учрежденія (за какія-то провинности) оффиціальной газетѣ военнаго министерства, „Русскому Инвалиду“, тогдашній военный министръ, гр. Чернышевъ, неблагосклонно

---

[1]) Въ Альбомѣ редактора «Русской Старины».

[2]) Выходившемъ тогда подъ редакціей П. А. Плетнева.

[3]) Довольно гладкіе и звучные, но съ очевидно навѣянными мотивами.

отнесся къ тому, что служащій у него чиновникъ пишетъ въ журналахъ. Докладъ о повѣстяхъ Салтыкова, который, говорятъ, поручено было составить одному изъ литераторовъ, враждебныхъ къ такъ называемой „натуральной школѣ“, вышелъ до того не въ пользу юнаго автора, что его уволили изъ военнаго министерства. Вслѣдъ же затѣмъ, по поступленіи этого доклада въ III-е отдѣленіе, Салтыковъ былъ немедленно отправленъ въ Вятку. Благодаря, надо думать, связямъ своихъ родственниковъ, ему однако же была предоставлена тамъ возможность служить сначала въ штатѣ губернскаго правленія, потомъ чиновникомъ особыхъ порученій при губернаторѣ, наконецъ, совѣтникомъ губернскаго правленія [1]).

Только въ 1855 г.—когда, съ наступленіемъ новаго царствованія, наступила и поворотная точка въ государственной и общественной жизни Россіи—для Салтыкова оказалось возможнымъ вернуться въ столицу. Съ этихъ поръ и до самаго 1868 г. онъ могъ безпрепятственно совмѣщать въ себѣ Салтыкова со Щедринымъ—чиновника, подвигавшагося по ступенямъ служилой лѣстницы, съ писателемъ такъ называемаго „обличительнаго“ направленія. Онъ занималъ довольно видные посты—сперва вице-губернатора въ Рязани и въ Твери, а затѣмъ управляющаго казенною палатою въ Пензѣ, Тулѣ и Рязани. Отставка, при которой получилъ онъ чинъ дѣйствительнаго статскаго совѣтника, сдѣлалась, надо думать, необходимою для него, когда, вслѣдствіе печальныхъ политическихъ обстоятельствъ, въ служилыхъ сферахъ значительно измѣнился взглядъ на писательство служащихъ лицъ, особенно же при томъ смѣломъ сатирическомъ направленіи, какимъ отличался „надворный совѣтникъ Н. Щедринъ“. Громкая извѣстность этого послѣдняго началась съ 1856 г., когда, въ только что основанномъ тогда „Русскомъ Вѣстникѣ“ покойнаго М. Н. Каткова, стали печататься его „Губернскіе Очерки“, гдѣ подъ именемъ Крутогорска является Вятка, надѣлившая прослужившаго въ ней цѣлыхъ восемь лѣтъ чиновника богатымъ запасомъ всевозможнаго рода типовъ [2]). Уже въ 1860 г. Щедринъ

---

[1]) Дальнѣйшія подробности обо всемъ этомъ можно найти въ статьѣ г. Скабичевскаго въ 216 № «Новостей».

[2]) Сотрудничая въ „Русскомъ Вѣстникѣ“, Щедринъ появлялся и на страницахъ „Библіотеки для Чтенія“ 1857 и 1858 гг.

изъ „Русскаго Вѣстника“ перешелъ въ „Современникъ“, какъ бы чуя то измѣненіе въ направленіи Катковскаго журнала, которое стало осязательнымъ образомъ обнаруживаться только значительно позже. Сотрудничество Щедрина въ „Современникѣ“, гдѣ онъ вскорѣ сдѣлался однимъ изъ соиздателей, продолжалось до 1866 г., т. е. до закрытія Некрасовскаго журнала [1]). Годъ вступленія Щедрина въ „Отечественныя Записки“, перешедшія въ аренду къ Некрасову, а именно 1868-й, былъ вмѣстѣ съ тѣмъ и годомъ выхода Салтыкова въ отставку. Серьезная болѣзнь, постигшая нашего писателя въ 1875 г., заставила его, не бывавшаго до тѣхъ поръ за границею, провести тамъ цѣлый годъ. Жизнь въ Германіи и Франціи, не смотря ни на какія свои преимущества, сопровождалась для него тою тоскою по родинѣ, которою болѣлъ онъ и потомъ, когда тѣ-же заботы о здоровьи заставляли его на время снова покидать Россію. Въ этомъ отношеніи онъ вполнѣ напоминалъ Бѣлинскаго, который такъ хандрилъ въ Парижѣ, и Некрасова, жившаго въ благодатной Италіи и слагавшаго пѣсни не ея небесамъ, а своей суровой и неказистой родинѣ.

Послѣ смерти Н. А. Некрасова, Салтыковъ-Щедринъ, въ 1878 г., самъ былъ утвержденъ отвѣтственнымъ редакторомъ „Отечественныхъ Записокъ“ и оставался имъ до прекращенія журнала въ 1884 г. Съ этихъ поръ, не имѣя болѣе своего собственнаго органа, онъ былъ обреченъ на участь сотрудника въ чужихъ изданіяхъ, въ «Русскихъ Вѣдомостяхъ» и по преимуществу въ «Вѣстникѣ Европы».

Сильная, до старости юношеская, впечатлительность Щедрина не могла не поколебать его нервной системы, не разстроить мало по малу всего его организма и не развить въ немъ болѣзни сердца,—этого недуга нашего времени по преимуществу. Семейная жизнь, начавшаяся для него въ 1856 г., когда онъ женился на Е. А. Болтиной, могла, разумѣется, лишь до извѣстной степени служить ему пристанью отъ общественныхъ треволненій. Настоящею поддержкою для его расшатаннаго организма служилъ его страстный жаръ, его непоколебимая энергія. Среди

[1]) Это не помѣшало Щедрину появиться и во «Времени» М. М. Достоевскаго (1862 г.). Только слѣдующій журналъ той же редакціи, «Эпоха», находился уже въ полемическихъ отношеніяхъ съ Щедринымъ.

сильнѣйшихъ страданій, весь уже, можно сказать, израненный, онъ не выпускалъ изъ рукъ своего славнаго писательскаго знамени.

II.

Конецъ 1840-хъ годовъ — вотъ то время, когда сталъ развиваться Щедринъ. На немъ сказалось тогда то же самое вѣяніе, которое производило такое сильное впечатлѣніе при чтеніи «Бѣдныхъ людей» Достоевскаго. Самъ Щедринъ указывалъ въ разныхъ своихъ трудахъ на эту точку отправленія своей литературной дѣятельности, а въ одномъ изъ послѣднихъ: „Мелочахъ жизни“ выставилъ себя остающимся и подъ старость вѣрнымъ своимъ молодымъ убѣжденіямъ. Уже въ повѣсти 1847 г.: „Противорѣчія“ ясно сказалась соціальная точка зрѣнія. Замѣчательное въ психологическомъ и даже философскомъ отношеніи, это произведеніе писателя, недавно только достигшаго совершеннолѣтія, вполнѣ бы заслуживало и вниманія тогдашней публики, и перепечатанія его теперь—хотя бы въ видѣ приложенія къ полному собранію его сочиненій, становящемуся посмертнымъ. Вторая повѣсть Щедрина, „Запутанное Дѣло“, была включена имъ въ составъ „Невинныхъ разсказовъ“ (изд. 1863 г) [1]). На нашъ взглядъ, въ ней менѣе психологической и философской глубины, но въ ней зато уже замѣтны значительные проблески сатиризма, котораго въ „Противорѣчіяхъ“ еще почти вовсе не было. Въ ней вмѣстѣ съ тѣмъ и ярче выступаетъ, притомъ въ сжатой и тѣмъ болѣе сильной формѣ, соціальная идея. „Россія — государство обширное, обильное и богатое—да человѣкъ-то глупъ, мретъ себѣ съ голоду въ обильномъ государствѣ“.—„Все голодные волки поѣли, мама? Да вотъ другія же дѣти сыты, другія дѣти играютъ... Я ѣсть хочу, мама! — „Это дѣти голодныхъ волковъ играютъ, это они сыты“. — „Когда же убьютъ голодныхъ волковъ?“—Вотъ подобныя-то мѣста повѣсти, конечно, и обратили

[1]) Она находится и въ только что вышедшемъ 1-мъ т. полнаго собранія его сочиненій. Желательно, чтобы въ это собраніе, въ видѣ дополнительнаго тома, вошло и то, что не включалось въ прежніе отдѣльные сборники произведеній Щедрина.

на себя вниманіе въ 1848 г. То же направленіе и позже постоянно сказывалось у Щедрина—въ цѣломъ рядѣ произведеній, рисовавшихъ съ такою любовью бѣднаго, обездоленнаго человѣка, начиная съ нѣкоторыхъ изъ „Губернскихъ очерковъ“ и кончая „23 сказками“ и „Мелочами жизни“ съ одной стороны и типами дворовыхъ людей въ „Пошехонской старинѣ“ съ другой. „Казалось бы, спрашивалъ Щедринъ въ одномъ изъ своихъ довольно раннихъ очерковъ [1]), что общаго между мною и этой случайно встрѣченной мной семьей (семьей изъ народа).... И между тѣмъ я несомнѣнно ощущалъ, что въ сердцѣ моемъ таится невидимая, но горячая струя, которая, безъ вѣдома для меня самого, пріобщаетъ меня къ первоначальнымъ и вѣчно бьющимъ источникамъ народной жизни“. И такія теплыя строки попадаются намъ даже въ той безпощадной характеристикѣ „Глупова“, которая была начата еще въ „Сатирахъ въ Прозѣ“, а закончена въ „Исторіи одного города“. Даже этотъ, такъ широко понимаемый авторомъ, „Глуповъ“ вызываетъ у него сквозь, такую жолчную брань, слезы живаго участія и состраданія. Сатирикъ заходитъ, конечно, слишкомъ далеко, выставляя „головотяпами“ и самыхъ основныхъ людей „Глупова“, самый народъ „глуповскій“, но въ сущности и тутъ слышится та досада, вытекающая изъ любви, которая вызывается горячимъ желаньемъ, чтобы дорогое намъ существо не давало себя оболванивать.

Въ „Губернскихъ очеркахъ“ рисуется еще передъ нами, въ образѣ Крутогорска, старый „Глуповъ“ — самый конецъ его дореформенной поры, ознаменованный уже страхомъ „грядущихъ впереди реформъ“. Но вѣдь именно то и озлобило такъ сатирика противъ Глупова, что и съ наступленіемъ новой поры въ немъ слишкомъ многое осталось по старому. Послѣ довольно кратковременнаго „конфуза“, происходившаго отъ того, что Улита, про которую говорили, что она „ѣдетъ, да когда-то будетъ“, наконецъ въ самомъ дѣлѣ пріѣхала и застала всѣхъ и все врасплохъ,—наступила пора, когда „глуповскіе“ воротилы—на это стало у нихъ ума—точно стакнулись въ томъ, чтобы свести пріѣздъ Улиты на нѣтъ. „Цѣлые мильоны ничтожнѣйшихъ шалопаевъ, говорилъ сатирикъ, рыскаютъ по градамъ и весямъ

[1]) «Развеселое житье» въ «Невинныхъ разсказахъ».

любезнаго отечества со спеціальною цѣлью явно и тайно уничтожать и подрывать дѣйствіе 19-го февраля"..., потому что „въ дурацкой ихъ головѣ нѣтъ ни одной мысли, кромѣ мысли объ обидѣ, нанесенной имъ этимъ ужаснымъ числомъ" („Письма о провинціи").

„Возродимся! возродимся"! стали они кричать въ запуски, у нѣкоторыхъ же изъ нихъ пошли въ ходъ толки объ англійскомъ Selfgovernement и о возможности соединить его съ libre initiative des poméschiks. Другіе утѣшались тѣмъ, что очамъ ихъ вскорѣ предсталъ „Ташкентъ", также очень широко понимаемый нашимъ сатирикомъ, какъ олицетвореніе всякаго рода „злачныхъ полей", гдѣ можно нажиться да и власть свою показать. „Ташкентцы", по толкованію Щедрина, — это люди, которые „вообще способны воспользоваться прогонами куда бы то ни было, т. е. взяться за все, что случится". Рядомъ съ болѣе или менѣе новымъ „ташкентствомъ", сатирикъ выставилъ, какъ извѣстно, только въ подновленныхъ формахъ, въ сущности старое „помпадурство" — выставилъ въ образѣ тѣхъ „шалуновъ возрождающейся Россіи", которые отъ „фрондерства преданнаго" вскорѣ перешли въ „фрондерство воинствующее", выѣзжающее на той „благонамѣренности", которая внушила имъ ихъ „подтягивательную систему" — съ грознымъ: „разнесу"! и веселымъ: „фюить!"

Между тѣмъ, съ другой стороны, передъ сатирикомъ выступили Деруновы съ ихъ преемниками Колупаевыми и Разуваевыми, вызывающіе негодованіе даже въ „отставномъ корнетѣ Прогорѣловѣ, нѣкогда крѣпостныхъ дѣлъ мастерѣ, впослѣдствіи оголтѣломъ землевладѣльцѣ, а нынѣ пропащемъ человѣкѣ". Но Прогорѣловъ хорошъ хоть тѣмъ, что не вторитъ своей собратіи, бывшимъ „крѣпостныхъ дѣлъ мастерамъ", приговаривающимъ ехидно: „пускай, дескать, знаютъ поганцы, каково сладка хваленая ихъ свобода!" На повѣрку, однако же, выходитъ, что и эти, когда-то слушавшіе Грановскаго, добродушные Прогорѣловы, способные и пожалѣть своихъ бывшихъ „подданныхъ", сами же сознаются, что они, гуманные господа, „ни за кого пальцемъ не шевельнули", хотя въ то же время умилялись и восклицали: „отечество — святыня!"

Но вотъ наступила и такая пора, воспроизведенная сатири-

комъ уже подъ конецъ его жизни, когда такъ называемое „подтягиванье“ смѣнилось болѣе откровеннымъ: „tout est à refaire“, когда владѣльцы различныхъ Монрепо очень бы ошиблись, если бы стали таить отъ различныхъ „сердцевѣдовъ“ свою „дворянскую обиду“, такъ какъ скорѣе именно „оказательство“ этой обиды и стало своего рода аттестатомъ на „благонамѣренность“, когда явилось съ другой стороны и казовое заигрываніе съ народомъ и съ такъ называемою „народностью“. Сатирикъ въ своихъ послѣднихъ произведеніяхъ побѣдоносно изобличаетъ эту фальшь, это приниманіе всуе такихъ святыхъ словъ, какъ—народъ, старина родная! Избытокъ негодованія довелъ его въ „Современной идилліи“ и въ „Пошехонскихъ разсказахъ“ до какого-то желанія позабыться, вдаваясь съ одной стороны въ своего рода шаржъ и каррикатурность, съ другой—въ фантастичность, среди которыхъ тѣмъ ярче выдѣляется въ „Пошехонскихъ разсказахъ“ такой правдиво-идеальный и такъ тепло обрисованный народный типъ, какъ Андрей Курзановъ.

Въ своемъ большомъ предсмертномъ произведеніи, „Пошехонской Старинѣ“, нашъ авторъ зато становится вполнѣ объективнымъ, какъ бы возвращаясь къ первой порѣ своей дѣятельности, когда сатирѣ предшествовали у него бытописательные очерки. „На склонѣ лѣтъ, поясняетъ онъ, охота къ преувеличеніямъ пропадаетъ и является непреодолимое желаніе высказывать правду, одну только правду“. Но какою же убійственною оказывается она подъ его перомъ, какою уликою служитъ она всѣмъ тѣмъ, которые не умѣютъ или не хотятъ оцѣнить великой поворотной точки въ нашей жизни—19 февраля, ссылаясь на неудачи въ его послѣдствіяхъ и не доискиваясь настоящихъ причинъ такихъ неудачъ.

„Пошехонская старина“—это своего рода оправдательные документы, pièces justificatives, къ величайшему изъ произведеній Щедрина—„Господамъ Головлевымъ“. Внимательное изученіе этого послѣдняго даетъ ключъ къ настоящему пониманію Щедрина—и его задушевнѣйшихъ идеаловъ, и того, противъ чего направлялась самая сущность его сатиры. Передъ нами—патріархальная семья крѣпостной поры, управляемая своею государынею-матушкою (такою положительно считаетъ себя Арина Петровна). Она, повидимому, всю себя посвятила своей

семьѣ, она только для того и живетъ, чтобы увеличивать ея матеріальныя средства, но она не видитъ въ членахъ этой семьи живыхъ людей съ свободной человѣческой душой; она никогда не говоритъ имъ о той „государынѣ совѣсти", съ которою и сама не справляется; никто изъ нихъ, уже взрослыхъ, не смѣй зато даже и пискнуть передъ ней, государыней-матушкой, она держитъ ихъ всѣхъ подъ постояннымъ гнетомъ, то карая, то милуя и выбрасывая провинившемуся кусокъ, она прибѣгаетъ къ подслушиванію и наушничанію, упражняя въ этомъ того, кто представляется ей любимцемъ, на самомъ же дѣлѣ она никого изъ нихъ не любитъ, а только ея властолюбіе польщено тѣмъ изъ нихъ, который къ ней подлащивается и ей холопски подслуживается, она систематически боится любви, отъ которой будто-бы только ослабятся вожжи въ ея рукахъ. И что же? она, наконецъ, видитъ крушеніе своей власти, она слагаетъ ее передъ своимъ «любимцемъ» и убѣждается въ томъ, каковъ этотъ ласковый теленокъ, обращающійся въ хищнаго волка цѣлой семьи. А читатель присутствуетъ и при окончательной гибели всей семьи—при ея вымираніи въ иносказательномъ и даже буквальномъ смыслѣ, какъ слѣдствіи того развращенія, которое вытекало изъ всей ихъ семейной системы. Стоитъ только перенести тѣ же руководящія начала въ другую сферу—болѣе широкую,—и для насъ сдѣлаются ясными причины той деморализаціи, въ силу которой и въ цѣломъ обществѣ можетъ „пропасть совѣсть" (о чемъ говорится въ одномъ изъ очерковъ Щедрина). Этою-то давнишнею деморализаціею, слѣдствіемъ давнишней ложной системы, и объясняется возможность крушенія самыхъ лучшихъ мѣропріятій, если къ нимъ обращаются слишкомъ поздно.

III.

Какъ относилась къ Щедрину критика? Она тепло привѣтствовала его въ лицѣ Добролюбова, вмѣнившаго ему, на основаніи его первыхъ произведеній, въ особенную заслугу то, что у него „выражается чрезвычайно живо сочувствіе къ неиспорченному простому классу народа, какъ и ко всему свѣжему, здоровому въ Россіи“. За то въ лицѣ Писарева критика отнеслась къ Щедрину совершенно иначе. Высказавъ нѣсколько вѣрныхъ замѣчаній на счетъ огульнаго осужденія Глуповцевъ и чрезмѣрнаго возвеличенія передъ ними Минервы, но въ то же время не оцѣнивъ теплыхъ очерковъ Щедрина изъ народнаго быта, Писаревъ просто обозвалъ произведенія нашего сатирика „цвѣтами невиннаго юмора“ и даже посовѣтовалъ ему оставить сатиру и сдѣлаться популяризаторомъ естественныхъ наукъ. Позже, уже въ 1871 г., основательныя возраженія противъ „Исторіи одного города“ сдѣланы были въ „Вѣстникѣ Европы“, въ статьѣ: „Историческая сатира“ [1]). Въ статьѣ этой вѣрно замѣчено, что тутъ у Щедрина не отличить сатирика отъ того архиваріуса, отъ имени котораго онъ ведетъ свою лѣтопись, и ведетъ „тономъ бюрократическаго презрѣнія къ народу“ (объясненіе этому дано у насъ выше). Въ общемъ статья исполнена уваженія къ сатирику и полнаго признанія его большаго таланта. Полемика, начатая противъ Щедрина въ „Эпохѣ“, отразилась и въ позднѣйшее время въ сужденіяхъ о немъ ея бывшаго сотрудника, Н. Н. Страхова, односторонность которыхъ справедливо указана К. К. Арсеньевымъ. Среди того немногаго о Щедринѣ въ нашей критикѣ, что̀ дѣйствительно заслуживаетъ вниманія, рѣзко выдается по своей добросовѣстной основательности именно разборъ его произведеній въ „Критическихъ этюдахъ о русской литературѣ“ К. К. Арсеньева. Мы съ своей стороны старались внимательно и вдумчиво отнестись къ Щедрину во 2-мъ томѣ нашихъ „Русскихъ писателей послѣ Гоголя“. Мы коснулись, вслѣдъ за другими, и слабыхъ сторонъ

[1]) Въ апрѣльской книжкѣ; подписана она не полнымъ псевдонимомъ.
О. М.

„Исторіи одного города“. Мы остановились на томъ, что, налегая на неудовлетворительность результатовъ эпохи преобразованій, зависѣвшую отъ нехватанія у насъ на то наличныхъ силъ, сатирикъ невольно подавалъ поводъ не довольно цѣнить то, что было однако же ею достигнуто, такъ какъ нѣкоторыя силы все же таки нашлись. Мы указывали и на то, что досада сатирика на ту непослѣдовательность, которая заставляла насъ робѣть передъ дальнѣйшими шагами или даже дѣлать нѣсколько шаговъ назадъ, заставляла его самого иногда проговариваться какъ будто бы въ пользу той эпохи, которая была уже черезъ-чуръ послѣдовательна въ иномъ смыслѣ, такъ какъ въ ту эпоху „только маршировали“. Мы старались намекнуть и на то, что сатирикъ напрасно оставлялъ въ сторонѣ пагубный взрывъ тѣхъ горючихъ матеріаловъ, которые накопились именно въ ту эпоху и достались въ видѣ тяжелаго наслѣдства эпохѣ, за ней послѣдовавшей,—взрывъ, которому мы окончательно обязаны систематическимъ стремленіемъ повернуть назадъ. Но мы вмѣстѣ съ тѣмъ налегали на то, и продолжаемъ налегать и теперь, что совокупность произведеній Щедрина ясно, однако же, говоритъ, въ чемъ настоящій корень зла, ясно доказываетъ, что зла этого никакъ не вылѣчить тѣмъ, отъ чего оно происходитъ. Если же корень зла въ томъ, что въ итогѣ всевозможныхъ запрещеній оказалось отсутствіе живой человѣческой души, а вмѣстѣ съ тѣмъ и „пропажа совѣсти“,—то и спасеніе въ томъ, чтобы она снова нашлась и заняла свое законное мѣсто. Только тогда, по словамъ Щедрина, „исчезнутъ всѣ неправды, коварства и насилія, потому что совѣсть будетъ не робкая и захочетъ распоряжаться всѣмъ сама“.

Ор. Ѳ. Миллеръ.

Примѣчаніе. Отмѣтимъ здѣсь, что вполнѣ прекрасная статья о Салтыковѣ по поводу выхода въ свѣтъ 1-го тома «Полнаго собранія сочиненій» появилась въ № 128 «Новостей,» 1889 г.; она принадлежитъ извѣстному критику-писателю Александру Михайловичу Скабичевскому.

Ред.

род. въ 1820 году
Спб

КОНСТАНТИНЪ ИВАНОВИЧЪ

ДОМОНТОВИЧЪ.

Очеркъ къ его біографіи

1820—1889.

† 28-го апрѣля
1889.

[«Русская Старина» изд. 1889 г., т. LXII іюнь].

КОНСТАНТИНЪ ИВАНОВИЧЪ ДОМОНТОВИЧЪ

† 28-го апрѣля 1889 г.

I.

Въ тотъ же день, когда скончался великій писатель нашъ, М. Е. Салтыковъ, нѣсколько часовъ спустя, смерть смежила очи другому человѣку, который успѣлъ государственною дѣятельностью своею и высокими нравственными качествами стяжать общее уваженіе въ русскомъ обществѣ: умеръ первоприсутствующій 4-го департамента правительствующаго сената Константинъ Ивановичъ Домонтовичъ. Въ лицѣ его сошелъ въ могилу одинъ изъ главнѣйшихъ дѣятелей великой реформы освобожденія крестьянъ 19-го февраля 1861 года, еще одинъ изъ сподвижниковъ Государя-Освободителя Александра II. „Русская Старина“, хранительница, между прочимъ, всего, что относится къ славѣ незабвеннаго преобразователя, его дѣлъ и сподвижниковъ, съ чувствомъ глубокой скорби заноситъ на свои страницы имя почившаго вѣчнымъ сномъ смерти Константина Ивановича Домонтовича.

Покойный былъ представителемъ старинной малороссійской фамиліи Домонтовичей. Фамилія эта происходитъ отъ св. князя Довмонта, славнаго вождя земли псковской. Потомки князя переселились сперва на родину князя въ Литву, а затѣмъ въ Малороссію. Во время присоединенія Малороссіи при Богданѣ Хмельницкомъ къ Великой Россіи, особенное участіе въ этомъ дѣлѣ принималъ служившій въ Черниговскомъ полку, впослѣдствіи генеральный судья войска Запорожскаго, Иванъ Михайловичъ

Домонтовичъ. Онъ былъ, между прочими, въ числѣ депутатовъ къ царю Алексѣю Михайловичу въ 1659 и 1666 годахъ, каковому царю они били челомъ о подтвержденіи и огражденіи правъ Запорожскаго войска. Иванъ Михайловичъ былъ въ числѣ подписавшихъ утвержденныя по этому предмету статьи. Подъ тѣми-же статьями мы видимъ подпись и другаго Домонтовича—Петра. По жалованной грамотѣ 1672 года, генеральный судья Иванъ Михайловичъ получилъ отъ царя Алексѣя Михайловича въ награду за вѣрную службу нѣсколько помѣстій и, въ томъ числѣ, село Кудровку, Черниговской губерніи. Умеръ онъ въ преклонной старости, въ 1683 году, пожертвовавъ часть своихъ владѣній Крупицкому, близь г. Батурина, монастырю, гдѣ онъ по временамъ проживалъ и гдѣ похороненъ. Типичная фигура Ивана Михайловича, въ костюмѣ его времени, изображена на большомъ живописномъ портретѣ, находящемся у одного изъ его потомковъ, извѣстнаго и уважаемаго гласнаго С.-Петербургской Думы (съ 1868 г.), тайнаго совѣтника Ивана Ивановича Домонтовича (род. 1814 г.). Къ этой же фамиліи принадлежитъ умершій на Кавказѣ артиллеріи генералъ-маіоръ Василій Васильевичъ Домонтовичъ, кавказскій воинъ-поэтъ; многія стихотворенія его имѣются въ архивѣ „Русской Старины“.

II.

Умершій нынѣ Константинъ Ивановичъ былъ младшій братъ Ивана Ивановича; родился К. И. въ 1820 г., въ С.-Петербургѣ. Образованіе онъ получилъ въ петербургскомъ университетѣ и затѣмъ слушалъ курсы въ гейдельбергскомъ и другихъ заграничныхъ университетахъ; учился и завершилъ онъ свое образованіе съ блестящимъ успѣхомъ.

Выйдя въ 1840 г. изъ университета со степенью кандидата юридическаго факультета, Константинъ Ивановичъ въ 1842 г. поступилъ на службу въ министерство государственныхъ имуществъ [1]). Извѣстно, что въ этомъ министерствѣ и въ особенности въ его

[1]) Однимъ изъ товарищей К. И. по выпуску изъ университета, также кончившій курсъ со степенью кандидата, былъ кн. А. М. Дондуковъ-Корсаковъ, славный впослѣдствіи кавказскій воинъ и нынѣ стоящій во главѣ управленія этою страною. Ред.

департаментѣ сельскаго хозяйства, подъ высшимъ просвѣщеннымъ руководствомъ графа П. Д. Киселева, одного изъ даровитѣйшихъ и умнѣйшихъ министровъ императора Николая Павловича, постоянно зрѣла и развивалась мысль объ освобожденіи крестьянъ; а такъ какъ обстоятельства далеко не благопріятствовали еще этой мысли, то заботы всей группы просвѣщенныхъ, ближайшихъ сотрудниковъ графа Киселева направляемы были на улучшеніе быта крестьянъ государственныхъ. Въ числѣ этихъ лицъ, яркой звѣздой горитъ имя незабвеннаго общественнаго дѣятеля и очень умнаго человѣка Андрея Парфеновича Заблоцкаго-Десятовскаго (впослѣдствіи статсъ-секретарь, членъ государственнаго совѣта). Цѣлый рядъ работъ, имѣвшихъ конечнымъ результатомъ своимъ улучшеніе быта русскаго крестьянина, выпалъ на долю Константина Ивановича Домонтовича, служба котораго началась 1-го іюля 1842 года. Перечислимъ, слѣдуя показанію формулярнаго о службѣ его списка,—тѣ должности, которыя пройдены имъ: членъ Пензенской комиссіи для уравненія денежныхъ сборовъ съ государственныхъ крестьянъ; членъ таковой-же комиссіи для предварительныхъ изслѣдованій въ Курской губерніи (1844 г.); командированъ въ Маріинскую колонію, Саратовской губерніи, для производства оцѣнки доходовъ этой колоніи (1846 г.); членъ комиссіи уравненія денежныхъ сборовъ съ государственныхъ крестьянъ Курской же губерніи; правитель дѣлъ центральной комиссіи уравненія денежныхъ сборовъ съ государственныхъ крестьянъ (1848, 1850 гг.); членъ ученаго комитета министерства государственныхъ имуществъ (1856 г.); исполняя прежнія свои обязанности, К. И. является членомъ центральной комиссіи по разсмотрѣнію работъ по соглашенію оцѣнокъ между губерніями и членомъ же комиссіи для соглашенія постановленій, по предмету узаконенныхъ на душу пропорцій поземельнаго надѣла (1856 и 1857 гг.); начальникъ статистическаго отдѣленія при министерствѣ госуд. имуществъ, съ оставленіемъ при прочихъ своихъ должностяхъ (янв. 1858 г.) и совѣщательный членъ центральнаго статистическаго комитета министерства внутреннихъ дѣлъ; дѣятельный участникъ въ изданіи матеріаловъ для статистики Россіи (1858 г.) [1]).

[1]) Отмѣтимъ здѣсь, что, во время службы въ министерствѣ госуд. имуществъ, Конст. Иванов. помѣщалъ въ періодическихъ изданіяхъ статьи свои по сель-

Во все время нахожденія своего на службѣ въ министерствѣ государственныхъ имуществъ, Константинъ Ивановичъ былъ однимъ изъ самыхъ твердыхъ стойкихъ сторонниковъ дѣйствительнаго улучшенія быта сельскаго населенія, какъ основнаго слоя русскаго государства. Но когда на посту министра графа П. Д. Киселева явился Михаилъ Николаевичъ Муравьевъ, задавшійся прежде всего мыслью значительно увеличить въ пользу государства доходы съ государственныхъ крестьянъ, положеніе сторонниковъ дѣйствительнаго улучшенія быта сельскаго населенія, а именно А. П. Заблоцкаго-Десятовскаго, директора департамента сельскаго хозяйства, и нѣкоторыхъ его сотрудниковъ сдѣлалось довольно тяжело. Извѣстно, что Муравьевъ былъ въ то время пылкій противникъ выше и выше поднимавшагося вопроса объ освобожденіи крестьянъ въ Россіи. Завязалась глухая борьба между министромъ и группой тѣхъ его чиновниковъ, которые съ радостью шли на встрѣчу освободительнымъ идеямъ государя Александра II. Борьба эта кончилась тѣмъ, что для удаленія Заблоцкаго-Десятовскаго Муравьевъ прибѣгнулъ къ упраздненію департамента сельскаго хозяйства. Это упраздненіе совершено было какъ разъ на столько времени, чтобъ удалить Заблоцкаго-Десятовскаго изъ министерства. Но въ высшихъ правящихъ сферахъ и въ высшихъ законодательныхъ учрежденіяхъ въ то время былъ большой запросъ на людей, именно закала и убѣжденій А. П. Заблоцкаго-Десятовскаго, К. И. Домонтовича, Я. А. Соловьева и имъ подобныхъ. Оставившій министерство государственныхъ имуществъ, Заблоцкій-Десятовскій является статсъ-секретаремъ государственнаго совѣта; въ канцелярію того же совѣта и тогда же приглашенъ перейти, въ званіи помощника статсъ-секретаря, Константинъ Ивановичъ Домонтовичъ (23-го мая 1859 г.) [1]). То было дѣло государственнаго секре-

---

скому хозяйству и, при особенномъ его содѣйствіи, было предпринято и первое время снабжаемо почти исключительно его статьями ежегодникъ сего министерства: «Памятная книжка для сельскихъ хозяевъ». Этотъ ежегодникъ продолжается подъ вѣдѣніемъ мин-ства госуд. имуществъ и нынѣ; въ подражаніе ему появились потомъ подобныя же частныя изданія. Ред.

[1]) Достойно, однако, вниманія, что М. Н. Муравьевъ настолько успѣлъ замѣтить замѣчательныя способности и усердіе къ службѣ К. И. Домонтовича, что никакъ не хотѣлъ выпустить его изъ министерства и заявилъ К. И., что

таря В. П. Буткова, которому надо отдать полную справедливость въ томъ, что онъ былъ необыкновенный мастеръ привлекать и окружать себя людьми труда, людьми замѣчательныхъ дарованій. Довольно вспомнить, что по мудрымъ предначертаніямъ Державнаго вождя Россіи, именно при особенно дѣятельномъ участіи государственной канцеляріи, совершены были величайшія преобразованія того времени, каковы: дѣло освобожденія крестьянъ, земская и судебная реформы, питейная, при чемъ рухнули зловѣщей памяти откупа, реформы податная, воинская и многія другія, составившія славу царствованія Государя-Освободителя.

Въ іюнѣ 1859 г. Константинъ Ивановичъ назначенъ для временнаго замѣщенія уѣхавшаго въ отпускъ члена Редакціонныхъ комиссій для составленія проектовъ положеній о крестьянахъ А. П. Заблоцкаго-Десятовскаго; въ сентябрѣ того же 1859-го года, по возвращеніи Заблоцкаго, К. И. Домонтовичъ своими работами уже сдѣлался настолько необходимымъ, что, по всеподданнѣйшему докладу І. И. Ростовцева, былъ назначенъ членомъ Редакціонныхъ Комиссій. Колосальный трудъ былъ поднятъ и исполненъ этими комиссіями доброй, славной памяти, и исполненъ не болѣе, какъ въ полтора года. На Константина Ивановича выпала значительная доля этого труда.

Семнадцатилѣтняя дѣятельная служба въ министерствѣ государственныхъ имуществъ была прекрасной подготовительной школой, изъ которой во всеоружіи опыта и знанія вышелъ этотъ энергическій работникъ. Трудолюбіе и даровитость Домонтовича были такъ велики, что его товарищи, большинство которыхъ и сами были работники весьма способные, относились съ большимъ довѣріемъ и уваженіемъ къ его трудамъ. Бывало Домонтовичу одной ночи достаточно для редакціи самыхъ сложныхъ докладовъ; при этомъ онъ трудился не только самъ, но и руководилъ еще работами ближайшихъ своихъ помощниковъ; такъ, напр., въ бытность членомъ Редакціонныхъ комиссій, онъ руководилъ обширнымъ трудомъ М. П. Щепкина по предмету составленія свѣдѣній о помѣщичьихъ имѣніяхъ; этотъ большой,

---

будетъ просить Государя Императора объ оставленіи Домонтовича въ министерствѣ государственныхъ имуществъ; только при содѣйствіи Е. И. В. Великаго Князя Константина Николаевича состоялся переводъ К. И. Домонтовича въ канцелярію Государственнаго Совѣта. Ред.

въ семи вышедшихъ выпускахъ, сборникъ таблицъ оказался чрезвычайно важнымъ при всѣхъ дальнѣйшихъ работахъ по освобожденію крестьянъ, а затѣмъ необходимымъ справочнымъ изданіемъ для Главнаго комитета объ устройствѣ сельскаго состоянія, когда таковой возникъ въ одинъ день съ объявленіемъ освобожденія крестьянъ, 19-го февраля 1861 года, и когда ему, между прочимъ, доводилось рѣшать многочисленные споры о землѣ между крестьянами и помѣщиками. Кончилась работа Редакціонныхъ комиссій осенью 1860 года; труды эти были внесены въ Государственный совѣтъ, въ учрежденный при немъ, еще въ январѣ 1858 года, Главный Комитетъ по крестьянскому дѣлу; здѣсь тотъ же Константинъ Ивановичъ Домонтовичъ, вмѣстѣ съ статсъ-секретаремъ Степаномъ Михайловичемъ Жуковскимъ и немногими другими чиновниками, буквально зарылись въ громадный трудъ по разсмотрѣнію проектовъ Редакціонныхъ Комиссій.

Во главѣ помянутаго Комитета стоялъ тогда полный силъ, энергіи и всегда бывшій готовымъ съ самоотверженнымъ усердіемъ выполнить какъ можно лучше волю Государя, его августѣйшій братъ и ближайшій сподвижникъ Е. И. В. Великій Князь Константинъ Николаевичъ.

Засѣданіе за засѣданіемъ слѣдовали въ Главномъ Комитетѣ, и все, что вырабатывалось имъ, получало изложеніе подъ перомъ Жуковскаго и Домонтовича. Общій журналъ длиннаго ряда этихъ засѣданій (съ октября 1860 г. по февраль 1861 г. включительно),—журналъ, при которомъ внесены проекты освобожденія крестьянъ изъ Главнаго Комитета въ общее собраніе Государственнаго Совѣта, составилъ обширный печатный томъ in folio, и большая доля въ составленіи этого превосходнаго труда принадлежала Константину Ивановичу Домонтовичу.

III.

19-е февраля 1861 года было величайшимъ праздникомъ для всей Россіи и, разумѣется, лучшимъ днемъ жизни для непосредственныхъ участниковъ великой реформы, въ первыхъ рядахъ которой стоялъ названный нами государственный дѣятель.

Въ тотъ же день, 19-го февраля, былъ учрежденъ для упроченія, охраны и развитія дѣла освобожденія и устроенія на новыхъ началахъ быта сельскаго населенія Главный Комитетъ объ устройствѣ сельскаго состоянія (вмѣсто бывшаго Главнаго Комитета по крестьянскому дѣлу, 1858—1861 гг.). Помощникомъ статсъ-секретаря, управляющаго дѣлами этого Комитета, Степана Михайловича Жуковскаго, назначенъ былъ К. И. Домонтовичъ. Лучшаго назначенія не могло быть: въ этихъ двухъ лицахъ Августѣйшій предсѣдатель Главнаго Комитета, Е. И. В. Великій Князь Константинъ Николаевичъ, нашелъ вполнѣ свѣдущихъ, самыхъ преданныхъ и безпредѣльно усердныхъ сотрудниковъ. Золотая медаль на Александровской лентѣ за труды по освобожденію крестьянъ 19 февраля 1861 г. была вещественнымъ знакомъ благодарности (23-го апрѣля 1861 года) Царя-Освободителя своимъ сотрудникамъ.

Не успѣвъ даже отдохнуть отъ громадныхъ трудовъ по крестьянской реформѣ, К. И. въ государственной канцеляріи отдается всецѣло ежедневной и неустанной работѣ; выполняетъ онъ ее съ необыкновенною добросовѣстностью; дѣло доходитъ до того, что, независимо отъ усиленныхъ занятій во время сессій Государственнаго Совѣта въ зимнее время, Константинъ Ивановичъ каждое лѣто, когда статсъ-секретари Государственнаго Совѣта отправляются на отдыхъ, заступаетъ мѣсто то того, то другого, то по отдѣленію дѣлъ государственнаго секретаря, то въ департаментѣ экономіи, то въ Главномъ Комитетѣ объ устройствѣ сельскаго состоянія, то нерѣдко одновременно во всѣхъ трехъ отдѣленіяхъ государственной канцеляріи, и это ежегодно, въ теченіе пяти лѣтъ, каждый разъ не менѣе какъ по четыре мѣсяца! Конечно, въ это время, какъ вакаціонное, засѣданій департаментовъ и Главнаго Комитета или не было, или бывали таковыя гораздо рѣже, чѣмъ во время зимняго сезона, тѣмъ не

менѣе текущія дѣла поступали въ изобиліи, и только при энергіи и необыкновенной быстротѣ въ работѣ Домонтовича возможно было одолѣвать всю эту груду дѣлъ, при чемъ шла подготовка къ зимнимъ трудамъ государственной канцеляріи и совѣта.

Мы лично застали К. И. Домонтовича какъ разъ среди всей этой громады дѣлъ въ 1864-мъ году, когда пишущій эти строки поступилъ (въ январѣ 1864 г.), въ государственную канцелярію. Живо помнимъ, какъ Домонтовичъ отличался необыкновенной быстротою въ работѣ: чтобы онъ ни взялъ съ собой на домъ для обработки — на другое же утро присылалась эта работа вполнѣ готовою, нерѣдко на многихъ листахъ написанная его связнымъ, съ трудомъ разбираемымъ писцами, почеркомъ, сколько помнится, всегда карандашемъ, и все это являлось въ такой законченной и мастерски исполненной формѣ, что статсъ-секретарямъ ничего не оставалось въ трудахъ К. И. исправлять и передѣлывать.

Понятно, что въ годы кипучей законодательной дѣятельности, каковыми были 1860-е года, такимъ человѣкомъ чрезвычайно дорожили въ правящихъ сферахъ. И въ самомъ дѣлѣ: уже 2-го марта 1861-го года, по приглашенію министра финансовъ, К. И. Домонтовичъ назначенъ членомъ учрежденной при этомъ министерствѣ комиссіи для начертанія проекта положенія объ акцизѣ съ питей въ имперіи. Въ 1863 году мы видимъ К. И. участникомъ въ трудахъ комиссіи по пересмотру системы податей и сборовъ, а равно при разсмотрѣніи въ Государственномъ Совѣтѣ положеній о губернскихъ и уѣздныхъ земскихъ учрежденіяхъ (1863 г.).

Въ апрѣлѣ 1863-го года Домонтовичъ получаетъ знакъ отличія въ память введенія въ дѣйствіе положеній о крестьянахъ, вышедшихъ изъ крѣпостной зависимости, и, въ томъ же году, — медаль по поводу окончанія составленія положенія о крестьянахъ, водворенныхъ на земляхъ имѣній государевыхъ, дворцовыхъ и удѣльныхъ, каковое положеніе высочайше утверждено 26-го іюня 1863-го года. Впослѣдствіи К. И. получилъ таковой же знакъ за труды по устроенію государственныхъ крестьянъ, какъ равно медаль за труды по крестьянскому дѣлу въ Царствѣ Польскомъ. Мы упоминаемъ объ этихъ знакахъ и медаляхъ потому, что ими К. И. Домонтовичъ, какъ и другіе участники крестьянской реформы, всю жизнь чрезвычайно дорожили и дорожатъ.

Есть однако предѣлъ возможнаго и для самыхъ неутомимыхъ и энергическихъ тружениковъ.

Силы К. И. до того, наконецъ, оказались надорванными трудами, что, по требованію докторовъ, онъ вынужденъ былъ, въ январѣ 1865 г., поспѣшить изъ Петербурга за границу, такъ какъ былъ охваченъ тяжкимъ недугомъ—переутомленіемъ нервной системы. „Я до того тогда заработался, впослѣдствіи разсказывалъ намъ К. И. (4-го сентября 1885 г.), что голова моя совершенно помутилась: я не могъ спать цѣлыми недѣлями, мнѣ приходили разныя грезы, всевозможныя видѣнія, галюцинаціи; упадокъ духа былъ такъ великъ, что я постоянно думалъ о самоубійствѣ. Но вотъ выѣхалъ я изъ Россіи, доѣхалъ до дивной Италіи, и съ перваго же дня пребыванія моего въ Римѣ точно пелена какая-то свалилась съ моего мозга. Прекрасный воздухъ, отдыхъ отъ работы, новизна впечатлѣній,—все это быстро стало освѣжать и возстановлять мои надорванныя силы“.

Отпускъ этотъ продлился, однако, не долго, всего лишь съ января до мая мѣсяца 1865 г.

По возвращеніи изъ за-границы, служба въ государственной канцеляріи окончилась для Домонтовича: въ іюнѣ 1865-го года онъ былъ назначенъ директоромъ департамента окладныхъ сборовъ. Только тогда, между прочимъ, онъ оставилъ должность члена ученаго комитета министерства государственныхъ имуществъ, въ каковомъ министерствѣ обширные статистическіе труды навсегда остались дорогимъ памятникомъ его служебно-ученой дѣятельности. Въ 1866-мъ г. онъ является членомъ въ комиссіи о финансовыхъ разсчетахъ между имперіей и Царствомъ Польскимъ; въ слѣдующемъ году — членомъ особо учрежденной комиссіи для составленія проекта правилъ о мѣрѣ участія казны въ отправленіи дорожной повинности; въ 1868-мъ году онъ трудится въ комиссіи для составленія предположеній о замѣнѣ подушной системы сборовъ болѣе правильными налогами; тогда же мы его видимъ помощникомъ предсѣдателя податной комиссіи, при исполненіи имъ же всѣхъ прочихъ обязанностей. По приглашенію министерства внутреннихъ дѣлъ К. И. сдѣланъ членомъ комиссіи для пересмотра узаконеній о переселеніяхъ крестьянъ (сентябрь 1868 г.). Къ слѣдующему году относится вполнѣ успѣшное окончаніе имъ смѣты и раскладокъ земскихъ повинностей на трехлѣтіе

съ 1869-го года, и если намъ не измѣняетъ память, то именно этотъ обширный трудъ былъ увѣнчанъ признательностью, выраженною К. И. Домонтовичу отъ лица всего Государственнаго Совѣта, о чемъ было занесено въ журналъ общаго собранія совѣта и испрошено выраженіе Высочайшаго Его Императорскаго Величества благоволенія. Даже вопросъ о постройкѣ казармъ для всѣхъ частей арміи, такъ какъ онъ являлся вопросомъ новаго обложенія сельскаго населенія, не обошелся безъ участія К. И. Домонтовича: онъ былъ назначенъ въ іюнѣ 1869-го года членомъ въ комиссію по сему предмету, состоявшую при военномъ министерствѣ. Опуская участіе его въ нѣкоторыхъ другихъ комиссіяхъ, мы считаемъ однако вполнѣ необходимымъ упомянуть, что въ январѣ 1870-го года К. И. является членомъ въ комиссіи по пересмотру проекта положенія о городскомъ общественномъ управленіи. Такимъ образомъ, весьма важная реформа городскаго самоуправленія, подобно другимъ реформамъ 1860—1870 гг., не обошлась безъ участія, и при томъ весьма дѣятельнаго, Константина Ивановича Домонтовича. Кстати, отмѣтимъ здѣсь, что положительно во всѣхъ поименованныхъ комиссіяхъ Домонтовичъ былъ не номинальнымъ только членомъ, напротивъ, всегда такъ случалось, что крупная доля труда въ каждой комиссіи, куда бы только его ни назначали, именно выпадала на него, и результаты этихъ трудовъ являлись въ формѣ тѣхъ или другихъ выходившихъ затѣмъ законоположеній.

Такъ высоко цѣнились результаты его трудовъ потому, что они всегда отличались и здравымъ обсужденіемъ вопроса, и полною добросовѣстностью: онъ вкладывалъ въ дѣло свою душу. Отъ юности дней своихъ врагъ угодливости, онъ всегда готовъ былъ мужественно отстаивать свои убѣжденія и во многихъ случаяхъ своей жизни выходилъ изъ борьбы преній счастливымъ побѣдителемъ.

Одновременно съ выработкой городоваго положенія въ 1870 году, въ особой комиссіи, подъ предсѣдательствомъ министра внутреннихъ дѣлъ, пересматривалось дѣло о губернскихъ и уѣздныхъ учрежденіяхъ. Домонтовичъ и сюда призванъ какъ совершенно необходимый участникъ и въ этомъ сложномъ трудѣ.

Вообще во время десятилѣтней службы въ министерствѣ финансовъ (1865—1874 гг.) Константинъ Ивановичъ былъ однимъ изъ

ближайшихъ сотрудниковъ тогдашняго министра М. Х. Рейтерна въ лучшую пору его финансоваго управленія. Вмѣстѣ съ нимъ работали тогда К. К. Гротъ, А. П. Неболсинъ, С. А. Грейгъ, князь Д. А. Оболенскій, А. И. Бутовскій, А. К. Гирсъ, Е. И. Ламанскій, Д. Ѳ. Кобеко и другіе, имена которыхъ будутъ современемъ помянуты вполнѣ добрымъ словомъ въ исторіи русскихъ финансовъ.

Многолѣтняя труженическая жизнь вполнѣ государственнаго человѣка Конст. Иван. Домонтовича завершается назначеніемъ его, 31-го января 1874 года, къ присутствованію въ Правительствующемъ Сенатѣ.

IV.

Въ сенатѣ К. И. Домонтовичъ, какъ и во всю свою жизнь, явился не сановникомъ, опочившимъ отъ дѣлъ, а труженикомъ неустаннымъ и энергическимъ, чѣмъ и объясняется, что его и здѣсь не забыли господа министры, привлекавшіе его къ трудамъ, не входившимъ въ область сенаторской дѣятельности; такъ, напримѣръ, въ 1879 году, К. И. Домонтовичъ назначенъ членомъ комиссіи, учрежденной подъ предсѣдательствомъ министра финансовъ, для замѣны подушныхъ сборовъ другими налогами; такимъ образомъ онъ трудился въ великомъ дѣлѣ, блистательно довершенномъ министромъ финансовъ Н. Х. Бунге. Въ 1882 году Константинъ Ивановичъ назначенъ первоприсутствующимъ 4-го департамента правительствующаго сената. 1-го января 1885 года, уже кавалеръ Александра Невскаго, Домонтовичъ произведенъ за отличіе по службѣ въ дѣйствительные тайные совѣтники.

Необходимо сказать о службѣ К. И. Домонтовича въ сенатѣ.

Дѣятельность К. И. во главѣ IV департамента сената не прошла безслѣдно и безцвѣтно. Департаментъ этотъ стоитъ особнякомъ между другими департаментами сената. Ему подчинены всѣ коммерческіе суды имперіи—и его рѣшенія направляютъ и руководятъ дѣятельность этихъ судовъ. Но суды эти, да и самый IV департаментъ,—учрежденія стараго устройства, работа копхъ происходитъ среди выполненія ряда формальностей канце-

лярскаго производства. А дѣло торговое, коммерческое—дѣло живое, чуткое къ явленіямъ жизни, къ колебаніямъ рынка, къ вновь возникающимъ экономическимъ потребностямъ. Вводя его въ область канцелярскихъ формальностей — можно пойти въ разрѣзъ съ требованіями жизни, можно втиснуть живое содержаніе въ мертвыя формы. К. И. слишкомъ много послужилъ обновленію русской жизни, чтобы отдать формѣ преимущество предъ содержаніемъ и мы слышали, что глубокое вниманіе, съ которымъ онъ относился къ дѣламъ и вопросамъ торговаго права, доходившимъ до его разрѣшенія, всегда бывало обращено не на узкую формальную сторону дѣла, а на житейскую, на тѣ общіе интересы экономическаго быта, которые могли быть затронуты или такъ или иначе направлены судебнымъ рѣшеніемъ, съ каковыми интересами онъ былъ отлично знакомъ и научно и практически.

Вотъ и весь очеркъ многосложной государственной дѣятельности этого честнаго, даровитаго и полнаго величайшаго усердія сподвижника незабвеннаго государя Александра II; за все это время К. И. съумѣлъ вызвать къ себѣ высокое уваженіе и признательность тѣхъ лицъ, которыя стояли во главѣ государственныхъ тружениковъ того времени. Это всего лучше видно изъ той телеграммы, которою осчастливилъ вдову покойнаго К. И. Домонтовича бывшій предсѣдатель Государственнаго Совѣта и Главнаго Комитета объ устройствѣ сельскаго состоянія, Его Императорское Высочество Великій Князь Константинъ Николаевичъ, при первомъ же извѣстіи, полученномъ, 3-го мая 1889 г., въ Крыму, Его Высочествомъ о кончинѣ сенатора К. И. Домонтовича. Вотъ эта телеграмма:

— „Сегодня только прочиталъ въ газетахъ совершенно неожиданное для меня извѣстіе о кончинѣ вашего почтеннаго мужа. Не могу вамъ сказать, какъ это глубоко меня потрясло и опечалило; въ теченіе нашего, почти тридцатилѣтняго, знакомства я привыкъ такъ моего тезку искренно любить, цѣнить и уважать, что мнѣ невыразимо тяжело знать, что его уже больше нѣтъ. Да подкрѣпитъ васъ Господь. Константинъ“.

V.

Нашъ очеркъ былъ бы неполонъ, если бы мы не пріобщили къ нему нѣсколько чертъ для характеристики нравственнаго образа Константина Ивановича. Этотъ, какъ его называли нѣкоторые—„рѣдкій человѣкъ“,—рѣдкій по уму и характеру, съ необыкновеннымъ трудолюбіемъ и талантомъ къ самой серьезной работѣ, соединялъ замѣчательную скромность; отнюдь никогда не выставлялся онъ своими трудами, никогда не рисовался ими, что уже было бы совершенно противно его въ высшей степени сдержанной, спокойной, крайне скромной природѣ. Трудъ давалъ ему наслажденіе; на полѣ труда онъ нашелъ себѣ и друзей. Всѣ эти лица, каковы Н. А. и Д. А. Милютины, И. С. Тургеневъ, Ю. Ѳ. Самаринъ, кн. В. А. Черкаскій, С. М. Жуковскій, Я. А. Соловьевъ, К. К. Гротъ, В. А. Арцимовичъ, А. П. Заблоцкій-Десятовскій, М. Х. Рейтернъ, Н. Х. Бунге, М. Н. Любощинскій, П. П. Семеновъ, Н. И. Стояновскій, Д. Ѳ. Кобеко, И. П. Арапетовъ, въ особенности же А. А. Абаза, и нѣкоторыя другія были лучшими, ближайшими его друзьями, и чувство дружбы къ нимъ Константинъ Ивановичъ сохранялъ во всю свою жизнь.

Усердный участникъ, въ теченіи 26 лѣтъ, обѣдовъ 19-го февраля, онъ на этихъ дружескихъ трапезахъ въ рѣчахъ умныхъ, прочувствованныхъ дѣлалъ превосходные очерки нравственныхъ качествъ и заслугъ нѣкоторыхъ изъ сошедшихъ въ могилу его товарищей, людей государственныхъ. Нѣкоторыя изъ рѣчей Константина Ивановича на этихъ обѣдахъ были напечатаны въ „Русской Старинѣ“ (см. изд. 1885—1888 гг.).

Въ 1881-мъ году К. И. сочетался бракомъ съ Агладидой Константиновной Мравинской, дочерью ген.-маіора.

Прекрасный мужъ, весьма внимательный, добрый и мягкій по характеру, Константинъ Ивановичъ явился нѣжнымъ отцомъ своихъ двухъ прекрасныхъ малютокъ, сына и дочери; нѣжность и любовь его къ нимъ не имѣли предѣловъ; довольно сказать, что онъ находилъ время каждый день разсказывать имъ особо придуманные самимъ дѣтскіе разсказы, игралъ, самъ устраивалъ для нихъ игрушки и проч. Вообще въ немъ было такъ много добраго отъ

самой его природы, такъ много сердечнаго, что всѣ эти качества, во всей полнотѣ, особенно обнаружились въ теченіи его восьмилѣтней семейной жизни.

Еще одну черту, и весьма рельефную, отмѣтимъ въ нашемъ дорогомъ покойникѣ. Какъ ни велики были труды Константина Ивановича, но онъ во всю жизнь, а послѣднія 15 лѣтъ въ особенности, каждый день находилъ время для того, чтобы читать и слѣдить за всѣмъ, что выходило въ нашихъ лучшихъ журналахъ или отдѣльныхъ книгахъ мало-мальски замѣчательнаго. Всѣ вопросы, въ особенности внутренней политики, все, что касалось до самыхъ жизненныхъ сторонъ въ бытіи и развитіи дорогаго нашего отечества,—все увлекало и занимало К. И. Домонтовича. Фактъ чрезвычайно знаменательный: наше чиновничество, по крайней мѣрѣ громаднѣйшая его часть, гдѣ бы оно ни получило образованіе, въ училищѣ ли правовѣдѣнія, въ лицеѣ-ли, въ университетахъ-ли, чѣмъ выше поднимается по степенямъ гражданской іерархіи, тѣмъ менѣе и менѣе находитъ времени для того, чтобы слѣдить за произведеніями отечественной, а тѣмъ болѣе иностранной серьезной печати; въ большинствѣ русскіе „дѣловые люди“ какъ-то начинаютъ считать себя выше и умнѣе книгъ.....

Домонтовичъ и въ отношеніи постояннаго, до конца дней своихъ, стремленія расширять свои знанія, свое, такъ сказать, самообразованіе, былъ въ высшей степени достойнымъ представителемъ людей поколѣнія 1840-хъ годовъ и государственныхъ дѣятелей 1860-хъ годовъ, незабвенныхъ, славныхъ годовъ въ жизни русскаго народа....

Имѣвъ удовольствіе знать К. И. Домонтовича въ теченіе двадцати пяти лѣтъ (съ янв. 1864 г.), мы долгомъ своимъ признали, въ качествѣ гласнаго с.-петербургской городской Думы, почтить славную память этого государственнаго и общественнаго дѣятеля добрымъ словомъ. Выписываемъ изъ газеты „Новое Время“ № 4731, изъ отчета засѣданія Думы, нашу небольшую рѣчь и вызванное ею постановленіе общаго собранія с.-петербургской городской Думы 1-го мая 1889 г.

„Одновременно съ утратою нашего великаго писателя М. Е. Салтыкова, — сказали мы, — русское общество понесло другую потерю въ лицѣ одного изъ замѣчательныхъ государственныхъ дѣятелей Россіи, сенатора К. И. Домонтовича. Въ на-

чалѣ 1860-хъ годовъ петербургская городская дума видѣла его въ средѣ своихъ сочленовъ, гласныхъ Думы, хотя, впрочемъ, весьма короткое время. Занятый, въ сильной степени, участіемъ въ трудахъ Редакціонныхъ комиссій и, затѣмъ, Главнаго комитета по крестьянскому дѣлу, К. И. долженъ былъ оставить Думу, за то, въ помянутыхъ учрежденіяхъ, онъ сослужилъ великую службу дорогому нашему отечеству, какъ одинъ изъ наиболѣе дѣятельныхъ участниковъ въ трудѣ по обработкѣ и разсмотрѣнію проектовъ Положеній 19-го февраля. Когда эти проекты подверглись всестороннему, въ теченіе весьма многихъ засѣданій, разсмотрѣнію въ главномъ комитетѣ по крестьянскому дѣлу, К. И. редактировалъ громаднѣйшій трудъ—журналъ этого комитета и затѣмъ, въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ, неутомимо трудился въ области того же крестьянскаго дѣла въ Главномъ комитетѣ и въ Государственномъ совѣтѣ. Далѣе мы его видимъ въ сенатѣ, гдѣ онъ и скончался, занимая высокій постъ предсѣдательствующаго 4-го департамента. Государственныя заслуги К. И. и его высоконравственныя качества, доставившія ему всеобщее уваженіе, вызываютъ меня на предложеніе нашему предсѣдателю, не признаетъ ли онъ справедливымъ обратиться къ Думѣ съ предложеніемъ выразить чувства глубокаго соболѣзнованія семейству покойнаго, а также нашему уважаемому и старѣйшему гласному И. И. Домонтовичу по поводу тяжкой потери, понесенной ими съ кончиною К. И. Домонтовича. Вмѣстѣ съ симъ прошу городскаго голову предложить собранію выразить нынѣ же уваженіе къ памяти опочившаго обычнымъ, въ таковыхъ случаяхъ, вставаніемъ всего собранія".

Предложенія эти приняты собраніемъ Думы единогласно.

На гробъ почившаго, въ числѣ другихъ, возложены были цѣнные вѣнки, одинъ съ надписью: „Константину Ивановичу Домонтовичу отъ чиновъ канцеляріи 4-го департамента правительствующаго сената", а другой съ надписью:

— „Вѣрному другу отъ кружка друзей".

Сослуживцы его по департаменту окладныхъ сборовъ, въ которомъ онъ былъ почти десять лѣтъ директоромъ (1865—1874), предположили помѣстить тамъ его портретъ. Въ этомъ же департаментѣ 2-го мая и въ церкви правит. сената 11-го мая 1889 г. почтили память покойнаго отправленіемъ по немъ панихидъ.

Вѣчная, добрая и славная память, въ лицѣ К. И. Домонтовича, еще одному изъ сподвижниковъ императора Александра II Освободителя. Съ каждымъ годомъ рѣдѣютъ ряды этихъ тружениковъ и участниковъ великихъ реформъ, и съ каждымъ годомъ все выше и выше будутъ подниматься имена ихъ въ благодарной памяти русскаго народа, по мѣрѣ того, какъ будутъ выясняться заслуги ихъ и степень участія въ исполненіи благихъ предначертаній незабвеннаго Царя-Освободителя.

Примѣчанія. I. Въ слѣдующей книгѣ «Русской Старины» мы помѣстимъ портретъ Константина Ивановича Домонтовича, исполненный граверомъ И. И. Матюшинымъ съ хорошаго фотографическаго снимка, относящагося ко времени 19-го февраля 1886 г., когда, по случаю 25 лѣтней годовщины освобожденія крестьянъ, всѣ наличные участники въ трудахъ по этой реформѣ имѣли счастіе поднести альбомъ съ своими портретами Его Императорскому Высочеству в. к. Константину Николаевичу, бывшему предсѣдателю главнаго комитета по крестьянскому дѣлу (1860—1861), а затѣмъ и главнаго комитета объ устройствѣ сельскаго состоянія въ Россіи (1861—1882 гг.).

II. Считаемъ необходимымъ сказать еще нѣсколько словъ. Перечитавъ нашъ очеркъ, посвященный памяти К. И. Домонтовича, мы при всемъ томъ, что все въ немъ переданное изложено нами вполнѣ вѣрно и самый характеръ этой благородной личности очерченъ въ самомъ почтенномъ видѣ, тѣмъ не менѣе признаемъ, что общее впечатлѣніе не удовлетворяетъ насъ и едвали удовлетворитъ его друзей. Константинъ Ивановичъ Домонтовичъ является въ нашемъ очеркѣ лишь весьма способнымъ и необыкновенно усерднымъ труженикомъ; между тѣмъ онъ стоялъ гораздо выше и только скромные его пріемы не всякому позволяли это видѣть. Недостатокъ матеріаловъ, однако, не позволяетъ намъ выполнить нашу задачу такъ, какъ бы это хотѣлось и какъ бы это слѣдовало... Усердно просимъ ближайшихъ друзей покойнаго сообщить намъ таковые матеріалы въ видѣ ли документовъ, въ видѣ ли личныхъ воспоминаній и замѣтокъ по поводу настоящаго нашего бѣглаго очерка и характеристики дорогаго покойника. Будетъ-ли, однако, услышанъ нашъ призывъ? Сомнѣваемся, и имѣемъ право сомнѣваться въ виду того равнодушія, съ которымъ пріобыкли у насъ относиться къ лицамъ, много потрудившимся для блага нашей великой родины. Много ли, напримѣръ, было сказано въ русской печати друзьями и почитателями Н. А. Милютина послѣ его кончины?—почти ничего, а ужъ онъ ли ни былъ первой величины государственный дѣятель въ исторіи новой и свободной Россіи!

Михаилъ Семевскій.

28 апрѣля / 21-го мая. 1889 г. С.-Петербургъ.

КНЯЗЬ НИКОЛАЙ ЧЕРНОГОРСКІЙ ВЪ С.-ПЕТЕРБУРГѢ

въ маѣ мѣсяцѣ 1889 г.

Тостъ Государя Императора.—18-го мая, послѣ парада, въ Большомъ Дворцѣ, въ Петергофѣ, былъ завтракъ, къ которому были приглашены лица свиты, командиры и офицеры лейбъ-гвардіи конно-гренадерскаго и уланскаго полковъ. За завтракомъ Государь Императоръ, поднявъ бокалъ, провозгласилъ тостъ въ честь князя Черногорскаго, въ слѣдующихъ выраженіяхъ:

«Пью за здоровье князя Черногорскаго, единственнаго искренняго и вѣрнаго друга Россіи».

— 15-го сего мая его высочество князъ Черногорскій Николай I назначенъ шефомъ 15-го стрѣлковаго полка, коему Высочайше повелѣно именоваться впредь 15-мъ стрѣлковымъ его высочества Князя Черногорскаго Николая I полкомъ.

13-го мая 1889 г., въ Зимнемъ дворцѣ, имѣли счастье представляться его высочеству Николаю князю Черногорскому и его наслѣднику князю Даніилу предсѣдатель славянскаго общества графъ Николай Павловичъ Игнатьевъ, секретарь совѣта В. И Аристовъ, казначей совѣта В. Г. Чубинскій, члены совѣта: М. Ѳ. Мирковичъ, А. А. Кирѣевъ и пр., А. А. Лебедевъ и члены общества: намѣстникъ Александро-Невской лавры, архимандритъ Иннокентій, М. И. Семевскій, Н. К. Шведовъ, князь Ю. Н. Гагаринъ и А. А. Папковъ, вмѣстѣ съ нѣсколькими представителями петербургскаго купечества, съ товарищемъ старшины купеческаго общества Л. Ѳ. Абатуровымъ.

Графъ Н. П. Игнатьевъ привѣтствовалъ его высочество оживленнымъ, полнымъ глубокаго чувства, словомъ и отъ имени славянскаго общества поднесъ его высочеству, для наслѣдника его престола князя Даніила, св. Евангеліе, переплетенное въ бархатъ, а архиманд-

ритъ Иннокентій и Л. Ѳ. Абатуровъ съ товарищами—богатые эмальпированные образа св. Николая.

Пожизненный членъ славянскаго общества М. И. Семевскій представляя экземпляръ издаваемаго имъ журнала, сказалъ:

— «Ваше высочество! Издавая въ теченіе 20 лѣтъ журналъ «Русскую Старину», всецѣло посвященный изученію отечественной исторіи, я многократно имѣлъ и, конечно, буду имѣть случаи украшать страницы его сказаніями о великой борьбѣ Россіи въ союзѣ съ славянскими ей братскими народами за независимость сихъ послѣднихъ. Въ челѣ славянскихъ братій нашихъ издревле стоитъ народъ черногорскій—по своимъ доблестямъ и самоотверженной любви къ отечеству и свободѣ. Мы, члены славянскаго общества, считаемъ себя весьма счастливыми, что привѣтствуемъ верховнаго вождя Черной Горы, олицетворяющаго въ себѣ всѣ высокія качества своего народа и соединяющаго безстрашіе воина съ мудростью законодателя и высокимъ даромъ лучшаго выразителя поэзіи своего народа».

Кромѣ своего журнала, поднесеннаго его высочеству, каковое изданіе князь Черногорскій благосклонно изволилъ принять, М. И. Семевскій представилъ его высочеству, князю Даніилу, наслѣднику черногорскаго престола, принадлежащее «Русской Старинѣ» изданіе большой гравюры, портретъ императора Александра II Освободителя, гравюры, исполненной покойнымъ граверомъ его величества, академикомъ Сѣряковымъ. М. И. Семевскій принесъ въ даръ черногорскимъ училищамъ 200 экземпляровъ этой превосходной гравюры.

Гг. Шведовъ и Панковъ поднесли князю свои сочиненія. Князь Черногорскій горячо благодарилъ членовъ славянскаго общества за ихъ всегдашнюю готовность идти на помощь нуждающимся черногорцамъ и затѣмъ долго бесѣдовалъ отдѣльно съ высокоуважаемымъ предсѣдателемъ славянскаго общества, графомъ Н. П. Игнатьевымъ [1]).

---

[1]) Газета «Свѣтъ», 1889 г., 14-е мая.

„РУССКАЯ СТАРИНА“ въ изд. 1889 г.

ТОМЪ ШЕСТЬДЕСЯТЪ ВТОРОЙ.

АПРѢЛЬ, МАЙ, ІЮНЬ.

Записки и Воспоминанія.

стр.

I. Жизнь Андрея Болотова, описанная самимъ имъ для своихъ потомковъ. Часть тридцать пятая, 1799 — 1800 гг. Сообщ. В. А. и А. В. Болотовы. . 535—576

II. Записки Александра Михайловича Тургенева, 1796—1800 гг. Глава LXV . . . . . 183—220

III. Дневникъ проф. академика Александра Васильевича Никитенко, 1827—1829 гг. . . 107—130, 577—598

IV. Бородинская годовщина. Изъ воспоминаній Теобальда. 1838—1839 гг. . . . . 43—58

V. Воспоминанія стараго студента. Сообщ. В. М. Сорокинъ. (См. „Русскую Старину“ изд. 1888 г., томъ LX, декабрь, стр. 617—647).

Замѣтка по поводу Воспоминаній В. М. Сорокина. Сообщ. В. Н. Распоповъ . . . . . 480—481

VI. Иванъ Алексѣевичъ Шестаковъ, 1820—1888 г. Воспоминанія Л. И. Шестаковой, рожд. Глинка . 161—182

стр.

VII. Воспоминанія художника В. В. Верещагина: Михаилъ Дмитріевичъ Скобелевъ въ 1870—1882 гг. 389—410

VIII. Воспоминанія художника В. В. Верещагина: Алексѣй Ивановичъ Шадринъ, странникъ-богомолецъ въ его собственномъ разсказѣ. . . . . 661—681

Историческіе и біографическіе очерки. —Переписка, разсказы, матеріалы, замѣтки.

I. О кончинѣ царевича Симеона Алексѣевича и о саняхъ, употреблявшихся при погребеніи царствовавшихъ на Руси особъ. Сообщ. съ тремя рисунками членъ археографической коммиссіи А. Н. Труворовъ. . . . 451—457

II. Графъ Готлобъ-Куртъ-Генрихъ Тотлебенъ въ 1715—1763 гг. Матеріалы для біографіи. Главы IV—V. Сообщ. Г. К. Рѣпинскій. . . . . 513—534

III. Генералъ фельдцейхмейстеръ Минихъ: два его распоряженія по артиллерійскому вѣдомству, 1730 г. Сообщ. А. И. Савельевъ. 458

IV. Два указа о военныхъ наказаніяхъ въ 1734 г. Сообщ. А. И. Савельевъ. . . . . 701—702

V. Русскіе на Шпицбергенѣ въ 1747—1748 гг. Сообщ. С. Ѳ. Огородниковъ. . . . . 703—706

VI. Княгиня Іоанна (Жанета) Антоновна Ловичъ, супруга цесаревича Константина Павловича, род. 1795, † 1831 г. Сообщ. П. П. Исаевичъ . . . . . 707—716

VII. Михаилъ Шумскій, мнимый сынъ графа Аракчеева. Сообщ. М. Марксъ . . . . . 473—474

VIII. Алексѣй Ивановичъ Лакомте въ 1812—1842 гг. Сообщ. М. А. Лакомте . . . . . 471—472

IX. Михаилъ Кирилловичъ Бобровскій. Историко-біографическій очеркъ, 1784—1848 гг. Главы III—V (окончаніе). Сообщ. П. О. Бобровскій . . 325—356, 599—622

X. Литовскій митрополитъ Іосифъ Сѣмашко въ 1839—1844 гг. Сообщ. о. В. И. Жмакинъ . . . . 313—324

стр.

XI. Братья В. В. и К. В. Сикорскіе, ординарцы генерала Хрулева. Сообщ. М. Вроченскій и В. В. Сикорскій 696—700

XII. Студенческія исторіи въ казанскомъ университетѣ, продолженіе, 1859—1861 гг. Сообщ. профессоръ Н. А. Өирсовъ . . . . . 85—106, 623—640

XIII. Россія на Черномъ морѣ и въ Палестинѣ въ 1856—1860 гг. Очеркъ М. . . . . 717—723

XIV. Николай Онуфріевичъ Сухозанетъ въ 1860—1861 гг. Сообщ. В. Д. Философовъ. . . . . 131—133

XV. Николай Онуфріевичъ Сухозанетъ въ 1861 г. Пѣсня-шутка. Сообщ. г. Агафоновъ. . . . . 477—479

XVI. М. В. Буташевичъ-Петрашевскій, † 7-го декабря 1866 г. Сообщ. М. Марксъ . . . . . 475—476

XVII. Къ новѣйшей исторіи монастырей. Записка архимандрита Игнатія Малышева, по поводу проекта устава объ учрежденіи епархіальныхъ общинъ сестеръ милосердія, составлен. игуменіей Митрофаніей въ 1869 г. . 683—695

XVIII. Графъ Николай Ивановичъ Евдокимовъ, 1804—1873 гг. Историко-біографическій очеркъ по бумагамъ фамильнаго его архива и прочимъ матеріаламъ. Главы IV—V. Сост. И. И. Ореусъ . . . 357—387, 641—660

XIX. Болгарское ополченіе и его сформированіе въ 1875—1879 гг. Замѣтки и воспоминанія И. С. Иванова 135—159

Поправки. Сообщ. И. С. Ивановъ 512

XX. Послѣдній бой за Шипку. По поводу воспоминаній В. В. Верещагина. Очеркъ ген.-м. Л. Н. Соболева. 1877—1878 гг. . . . . 411—450

XXI. Александръ Васильевичъ Головнинъ въ его заботахъ о религіозно-нравственномъ просвѣщеніи въ родовомъ селѣ Гулынки, Пронскаго уѣзда, Рязанской губерніи. (Окончаніе). Очеркъ состав. и сообщ. Н. Н. Куликовъ. 1—34

XXII. Путевые очерки, замѣтки и наброски М. И. Семевскаго. Поѣздка по Россіи въ 1888 г.: II. Москва. III. Троице-Сергіева лавра . . . . 221—262, 489—511

Замѣтка къ «Пут. очеркамъ»: Домъ М. П. Погодина въ Москвѣ. Сообщ. А. Д. Погодинъ 511

стр.

XXIII. Дворянскій полкъ. 82-я годовщина его учрежденія. 1807 г.—14-го марта—1889 г. Сообщ. Ю. С. Лось-Рошковскій. . . . . 263—272

XXIV. Константинъ Ивановичъ Домонтовичъ, † 28-го апрѣля 1889 г. Очеркъ къ его біографіи. Сообщ. Ред. 755—772

XXV. Князь Николай Черногорскій въ С.-Петербургѣ 13-го мая 1889 г. . . . . 773—774

XXVI. Трехсотлѣтіе города Саратова. Сообщ. кн. Л. Голицынъ 512

XXVII. Замѣтки и поправки. Сообщ. В. И. Шенрокъ . . . 481

Исторія русской литературы.

I. Матеріалы для исторіи цензуры 1809—1815 гг. 459—465

II. Александръ Семеновичъ Шишковъ, 1824 г. Сообщ. А. В. Смирновъ . . . . . 466—467

III. Мысли и замѣчанія сельскаго жителя на стихи неизвѣстнаго сочинителя, подъ названіемъ «Домъ сумасшедшихъ», 1825 г. Сообщ. Н. П. Барсуковъ . 468—470

IV. Осипъ Ивановичъ Сенковскій (баронъ Брамбеусъ). Воспоминанія о немъ и его письма. Сообщ. Е. Н. Ахматова. . . . . 273—312

V. Сорока-воровка. Повѣсть А. И. Герцена. Подлинная рукопись автора, 1846 г. Сообщ. Т. П. Пассекъ. 59—84

VI. Николай Платоновичъ Огаревъ. Его стихотворенія, 1838—1839 гг. Сообщ. Н. А. Огарева-Тучкова 134, 160, 388, 682

VII. Поэтъ Цедлицъ. Сообщ. В. И. Шенрокъ. 474

VIII. Историко-литерат. матеріалы и письма въ 1853—1855 гг.: в. к. Константинъ Николаевичъ, Даль, Шевыревъ. 35—42

IX. Ѳеофанъ Гавриловичъ Лебединцевъ. Очеркъ къ его біографіи. Сообщ. профессоръ Н. Ѳ. Сумцовъ . 725—732

X. Николай Михайловичъ Пржевальскій. Сообщ. П. Н. Якоби. . . . . 482—484

XI. Татьяна Петровна Пассекъ, † 24-го марта 1889 г. Рѣчь на ея могилѣ и замѣтка. Ред. . . . . 485—488

XII. Михаилъ Евграфовичъ Салтыковъ, † 28 апрѣля 1889 г.

1. Біографическо-критическій очеркъ. Сообщ. профессоръ Ор. Ѳ. Миллеръ. . . . . 744—754

стр.
2. Автобіографическія замѣтки М. Е. Салтыкова 735—736
3. Замѣтка о значеніи М. Е. Салтыкова въ отечественной литературѣ (1887 г.). Ред. . . . 737—739
4. Письмо М. Е. Салтыкова къ редактору «Русской Старины», мартъ 1887 г. 739
5. Послѣднее свиданіе, 19 апрѣля 1888 г. Ред. . 740
6. Въ день кончины М. Е. Салтыкова, 28-го апрѣля 1889 г. Ред. 741
7. День погребенія М. Е. Салтыкова 2-го мая 1889 г.: стихотвореніе. Сообщ. В. Р. Щиглевъ. 742

Портреты и рисунки.

I. Портретъ Михаила Кирилловича Бобровскаго, греко-уніатскаго каноника, — профессора виленскаго университета въ 1814 - 1832 гг. Гравировалъ художникъ И. И. Матюшинъ.
(При стр. 345).

II. Портретъ адмирала Ивана Алексѣевича Шестакова, гравировалъ художникъ В. В. Маттэ.
(При стр. 1).

III. Портретъ Михаила Евграфовича Салтыкова, гравировалъ на мѣди художникъ Ѳ. А. Мѣркинъ, второе тисненіе.
(При стр. 513).

IV. Рисунки къ очерку А. Н. Труворова о саняхъ, употреблявшихся при погребеніи въ древней Руси.
(Стр. 455—457).

V. Чертежи къ очерку Л. Н. Соболева: „Бой за Шипку“.
448—449

Библіографическій листокъ русско-историческихъ книгъ.

1. Наша жизнь. Стихотворенія П. А. Кускова. Спб., 1889 г., въ м. 8 д., стр. X+250. (На оберткѣ IV-й книги «Русской Старины» пзд. 1889 г.).
2. Письма великой княгини Екатерины Павловны. Изданіе Тверскаго Историческаго Музея. Тверь, 1888 г., въ 8 д., стр. 74. (Тамъ-же).
3. Описаніе Тверскаго Музея. Археологическій отдѣлъ. А. К. Жизневскаго. Съ примѣчаніями гр. А. С. Уварова. Москва, 1888 г. въ большую 4 д., стр. II+242+XVIII.
4. Историческій каталогъ С.-Петербургскаго Артиллерійскаго Музея. Части: I (XV—XVII стол.); одинъ выпускъ части II (первая половина XVIII в.) и часть III (приложеніе). Составилъ завѣдующій музеемъ Н. Е. Бранденбургъ. Спб., 1889 г., въ 8 д. (Тамъ-же).

5. С. И. Зарудный и судебная реформа. Историко-біографическій эскизъ. Гр. Джаншіева. Москва, 1889 г., въ м. 8 д., стр. 170. («Русск. Стар.» кн. VI).
6. Сергѣй Ал. Бѣлокуровъ. Матеріалы для русской исторіи. Москва, 1888 г., въ 8 д., стр. 574. (Тамъ-же).
7. Рейнгольдъ Гейденштейнъ. Записки о Московской войнѣ (1578—1582). Переводъ съ латинскаго. Изд. Археографич. комиссіи. Спб., 1889 г., въ 8 д., стр. LXXXVI+309+29. (На оберткѣ V-й книги «Русской Старины» изд. 1889 г.).
8. Новые матеріалы и труды о патріархѣ Никонѣ, ордин. проф. В. С. Иконникова. Кіевъ, 1888 г., въ 8 д., стр. 78. (Тамъ-же).
9. Кубанское казачье войско 1696—1888 гг. Сборникъ свѣдѣній о войскѣ. Изд. Е. Д. Фелицынъ. Воронежъ, 1888 г., въ 8 д., стр. 438, съ иллюм. красками картою города Екатеринодара, портретами и политипажами. (Тамъ-же).
10. Описаніе документовъ и бумагъ, хранящихся въ Московскомъ Архивѣ Министерства Юстиціи.—Книга пятая Москва, 1888 г., въ б. 8 д., стр. XIII+508+156. (Тамъ-же).
11. Подробный словарь русскихъ гравированныхъ портретовъ. Составилъ Д. А. Ровинскій. Изданіе съ 700 фототипными портретами. Спб., четыре тома, въ б. 8 д., 1886—1889 гг. (Тамъ-же).
12. Сборникъ свѣдѣній о настоящемъ состояніи городскаго хозяйства въ главнѣйшихъ городахъ Россіи. Составили П. Алабинъ и П. Коноваловъ. Самара, 1889 г., въ 8 д., стр. IV+910. (На оберткѣ VI книги «Русской Старины» изд. 1889 г.).
13. Описаніе документовъ и бумагъ, хранящихся въ Московскомъ архивѣ Министерства Юстиціи. Книга шестая. Москва, 1889 г., въ 8 д. (Тамъ-же).
14. Труды Саратовской ученой архивной комиссіи. 1889 годъ. Томъ II, выпускъ I. Подъ редакціей С. С. Краснодубровскаго, съ приложеніемъ трехъ картъ Саратова. 1889, въ 8 д., стр. 245. (Тамъ-же).
15. Воспоминанія о русско-турецкой войнѣ 1877—1878 г. и М. Д. Скобелевѣ ординарца его Петра Дукмасова. Спб., 1889 въ 8 д., стр. XXI+465, съ двумя снимками писемъ и двумя картами. (Тамъ-же).
16. Путеводитель по дачнымъ мѣстностямъ, водолечебнымъ заведеніямъ и морскимъ купаніямъ въ окрестностяхъ С.-Петербурга и по желѣзнымъ дорогамъ: Финляндскимъ и Балтійской. Составилъ и изд. Н. П. Федотовъ. Спб., 1889 г., стр. 300. (Тамъ-же).
17. Карта и 19 подробныхъ плановъ дачныхъ мѣстностей въ раіонѣ Финляндскихъ желѣзныхъ дорогъ съ ихъ дачными окрестностями. Спб. 1889 г. Состав. и изд. Н. П. Федотовъ. (Тамъ-же).
18. Дачныя мѣстности по Финляндской желѣзной дорогѣ: Терріоки; Тюресева; Ваммельсуу; Черная рѣчка; Метякюля Съ двумя планами. Спб., 1889 г. Изд. второе. Состав. Н. П. Федотовъ. (Тамъ-же).
19. Описаніе и подробный планъ дачной мѣстности Райвало. Спб., 1889 г., второе изд. Состав. Н. П. Федотовъ. (Тамъ-же).
20. Великая княгиня Екатерина Павловна, четвертая дочь императора Павла I, герцогиня Ольденбургская, королева Виртембергская, 1788—1818. Біографическій очеркъ. Состав. И. И. Божерянов, Спб., 1888 г., въ 8 д., стр. VII+87.

Журнальный фонд
Московской обл. библиотеки

ВЪ МАГАЗИНѢ АВГ. ѲЕД. **ЦИНЗЕРЛИНГА** МОЖНО ПОЛУЧИТЬ

НОВЫЯ КНИГИ:

I.

ЗАПИСКИ НИКИТЫ ИВАНОВИЧА ТОЛУБѢЕВА

(1780—1809)

россійскаго дворянина и военно-служилаго человѣка.

Спб., 1888 года, изд. «Русской Старины», въ 8 долю, стр. 168.

Рукопись изъ собранія А. А. Титова.

Записки Толубѣева, при рѣдкости вообще у насъ мемуаровъ русскихъ людей XVIII-го вѣка, составляютъ интересный вкладъ въ собраніе записокъ и сказаній о временахъ минувшихъ. Написаны Записки Толубѣева съ добродушнымъ юморомъ и заключаютъ въ себѣ любопытныя подробности о бытѣ дворянъ-помѣщиковъ; много въ нихъ подробностей и о бытѣ крестьянъ конца XVIII-го вѣка, объ ихъ увеселеніяхъ, предразсудкахъ и повѣрьяхъ русскаго народа; о магнатахъ южной Россіи, о всѣхъ тягостяхъ военно-служилаго быта конца прошлаго и первыхъ лѣтъ текущаго столѣтій, много интересныхъ данныхъ о кровавой кампаніи противъ французовъ 1806—1807-хъ годовъ, участникомъ которой былъ Толубѣевъ, и проч., и проч. Записки Толубѣева впервые являются въ печати.

Цѣна книги **ДВА** рубля съ пересылкой.

Для подписчиковъ на «Русскую Старину» цѣна книги: «Записки Толубѣева» **ОДИНЪ** рубль съ пересылкой.

II.

ТРЕТІЙ ТОМЪ

„ИЗЪ ДАЛЬНИХЪ ЛѢТЪ“,

Воспоминанія Т. П. Пассекъ.

Съ портретомъ автора.

Главный складъ этой книги, только что вышедшей изъ печати и составляющей посмертное изданіе извѣстной писательницы,—въ Петербургѣ, Троицкій переулокъ, книжный магазинъ Бортневскаго. Цѣна 2 р. Выписывающіе изъ главнаго склада за пересылку не платятъ.

Цѣна за всѣ три тома записокъ Т. П. Пассекъ 5 р. За пересылку особо. Книгопродавцамъ уступка.

СПРАВОЧНЫЙ И ОБЪЯСНИТЕЛЬНЫЙ

СЛОВАРЬ КЪ НОВОМУ ЗАВѢТУ

Удостоенъ полной преміи митрополита Макарія.

Отзывъ редакціи «Русской Старины» см. октябрьскую книгу изд. 1887 года, стр. 243—244, и ноябрьскую кн. 1888 г., стр. 547—548.

ИХЪ ИМПЕРАТОРСКІЯ ВЕЛИЧЕСТВА Всемилостивѣйше повелѣли включить Свои Августѣйшія Имена въ число подписчиковъ на «Словарь». ГОСУДАРЬ ВЕЛИКІЙ КНЯЗЬ НАСЛѢДНИКЪ ЦЕСАРЕВИЧЪ и другіе члены Императорской Фамиліи также изволили подписаться на это изданіе.

СВЯТѢЙШІЙ ПРАВИТЕЛЬСТВУЮЩІЙ СѴНОДЪ и Г. Оберъ-Прокуроръ рекомендовали «Словарь» вниманію Епархіальныхъ Архіереевъ.

Императорское Общество Любителей Древней Письменности признало этотъ «Словарь» — «необходимымъ пособіемъ для ближайшаго изученія Церковно-Славянскаго текста Новаго Завѣта, могущимъ служить настольною книгою въ семьѣ и школѣ и вообще у каждаго образованнаго православнаго христіанина, для справокъ при чтеніи и изученіи Новозавѣтной части Библіи».

ШЕСТЬ КНИГЪ (всего: 2520 печатныхъ страницъ). ИЗДАНІЕ ОКОНЧЕНО. **ЦѢНА**: на обыкновенной бумагѣ — **ПЯТНАДЦАТЬ** (15) рублей; на веленевой—**ДВАДЦАТЬ** (20) рублей; на слоновой (**осталось 5 экземпляровъ**) 55 рублей за экземпляръ. Требованія на «Словарь», вмѣстѣ съ деньгами (**БЕЗЪ ДЕНЕГЪ «СЛОВАРЬ» НЕ ВЫСЫЛАЕТСЯ НИ ЛИЦАМЪ, НИ УЧРЕЖДЕНІЯМЪ**), должны быть адресованы **ИСКЛЮЧИТЕЛЬНО:**

ПЕТРУ АНДРЕЕВИЧУ ГИЛЬТЕБРАНДТУ,

Петербургъ, Кабинетская, 13.

NB. Вслѣдствіе весьма значительнаго повышенія (съ апрѣля 1889 г.) платы за пересылку книгъ по почтѣ, лица, живущія за 2000 верстъ отъ Петербурга и выписывающія «Словарь», приплачиваютъ на каждую тысячу верстъ (т. е. 2001—3000 в., 3001—4000 в. и т. д.) 1 р. за одинъ экземпляръ «Словаря» на обыкновенной бумагѣ и 1 р. 50 к. на веленевой.

ПРОДАЕТСЯ НОВАЯ КНИГА:

ТРЕТЬЕ СОБРАНІЕ

ПОРТРЕТЫ ДОСТОПАМЯТНЫХЪ РУССКИХЪ ДѢЯТЕЛЕЙ.

ГРАВЮРЫ ЛУЧШИХЪ РУССКИХЪ ХУДОЖНИКОВЪ

[НА ДЕРЕВѢ].

Цѣна **ЧЕТЫРЕ** руб. съ пересылкою.

Содержаніе вышедшаго **третьяго** сборника гравюръ „Русской Старины“:

Владиміръ св. — П. Еропкинъ. — Графъ Тотлебенъ. — Кн. М. Щербатовъ. — А. Фигнеръ. — А. Сеславинъ. — М. Муравьевъ-Апостолъ. — Гр. В. Панинъ — Гр. С. Строгановъ. — Я. Соловьевъ. — С. Зарудный. — Гр. Н. Евдокимовъ. — П. Зотовъ. — К. Брюлловъ, М. Глинка, Н. Кукольникъ. — М. Глинка. — М. Каченовскій. — Д. Бантышъ-Каменскій. — В. Нарѣжный. — А. Бестужевъ. — М. Лермонтовъ. — И. Аксаковъ. — Гр. Л. Толстой. — М. Розенгеймъ. — С. Макарова. — Г. Ломакинъ. — Э. Стоговъ. — Отшельникъ Ѳедоръ. — Памятникъ и барельефъ на общей могилѣ Волынскаго, Еропкина и Хрущова. — Памятникъ Славы.

Получить эту книгу можно въ редакціи «Русской Старины», С.-Петербургъ, Большая Подьяческая ул., д. № 7, и во всѣхъ ея конторахъ.

Цѣна этого собранія гравюръ для подписчиковъ «Русской Старины» *1889 года* **ДВА** рубля съ пересылкою (вмѣсто 4 р.).

Въ **С.-Петербургѣ**, въ книжномъ магазинѣ **Авг. Ѳед. Цинзерлинга** (Невскій проспектъ, д. № 46),

ПРОДАЮТСЯ СЛѢДУЮЩІЯ КНИГИ:

СИСТЕМАТИЧЕСКАЯ РОСПИСЬ СОДЕРЖАНІЯ „РУССКОЙ СТАРИНЫ"

изд. 1870—1884 гг.

Съ прилож. портретовъ русскихъ дѣятелей. Спб. 1885, 8 д., стр. 300.

Цѣна **ТРИ** руб. съ перес.

Все изданіе этой книги принадлежитъ магазину Августа Ѳедоровича Цинзерлинга (Спб., Невскій пр., д. № 46).

Первое прибавленіе

КЪ

СИСТЕМАТИЧЕСКОЙ РОСПИСИ СОДЕРЖАНІЯ „РУССКОЙ СТАРИНЫ"

изд. 1885—1886—1887 гг.

Спб., 1888 г., 8 д., стр. 80, съ приложеніемъ двѣнадцати портретовъ русскихъ замѣчательныхъ дѣятелей, гравюры на мѣди и на деревѣ.

Цѣна **ОДИНЪ** рубль съ перес.

АЛЬБОМЪ М. И. СЕМЕВСКАГО

ИЗДАТЕЛЯ-РЕДАКТОРА ИСТОРИЧЕСКАГО ЖУРНАЛА

„РУССКАЯ СТАРИНА".

Книга автобіографическихъ собственноручныхъ замѣтокъ 850 извѣстныхъ лицъ, государ. и общественныхъ дѣятелей. — Воспоминанія.—Стихотворенія.—Шутки.— Подписи.

Спб., въ 8 д., xxx + 416 стр. Цѣна **ДВА** руб. съ пересылкою.

1867—1888.

☞ **Весь доходъ отъ продажи этой книги, за покрытіемъ издержекъ по ея изданію, поступаетъ въ пользу «Общества для пособія бѣднымъ учащимся въ начальныхъ городскихъ училищахъ въ С.-Петербургѣ» въ распоряженіе каковаго Общества и передано 6-го февраля 1889 г. 450 экземпляровъ.**

Къ очерку Л. Н. Соболева: «Русская Старина» 1889 г., т. LXII, май, стр. 448—449.

Схематическій чертежъ, изображающій движеніе обходныхъ колоннъ отъ 24 дек. по 27 дек. 1877 г.

Дорога отъ Габрова до Казанлыка чрезъ Шипку хорошо была извѣстна. Занятіе Шипки въ іюлѣ 1877 г. окончательно познакомило русскія войска съ свойствами этого пути.

Дорога отъ Трявны къ сел. Шипкѣ чрезъ Селци и Гузово изслѣдована полковн. Соболевымъ въ половинѣ іюля 1877 г. Эта карта переваловъ чрезъ Балканы составлена имъ же, 11-го августа 1877 г., на Шипкинскомъ перевалѣ; пути, выключая двухъ вышесказанныхъ, нанесены по показанію извѣстнаго болгарина Славейкова-отца.

Л. С.

шоссе

тропа, по которой слѣдовала колонна генерала князя Святополкъ-Мирскаго.

тропы

тропа, по которой слѣдовала колонна генерала М. Д. Скобелева.

Схематическій разрѣзъ той части Балканскаго хребта, по которой, въ концѣ декабря 1877 г., слѣдовала лѣвая обходная колонна генер.-адъютанта князя Святополка-Мирскаго.

Отъ Крестца до Пидицы 5½ верстъ.
» » » с. Селци 12 верстъ.

Примѣчаніе для переплетчика: При переплетѣ LXII-го тома «Русской Старины» карта эта должна быть помѣщена къ стр. 448—449 этого тома.

Труды Саратовской ученой архивной комиссіи. 1889 годъ. Томъ II, выпускъ I. Подъ редакціей С. С. Краснодубровскаго, съ приложеніемъ трехъ картъ Саратова, 1889, въ 8 д., стр. 245.

Сборникъ этотъ, съ изящной мѣстнаго, производства, виньеткой, въ которую входитъ видъ Саратова 1633 г., вмѣщаетъ въ себѣ, кромѣ протоколовъ комиссіи: проектъ кн. Л. Л. Голицына и г. Краснодубровскаго программы обширнаго «Саратовскаго историческаго сборника»; г. Чекалина: «Саратовское поволжье въ XIV вѣкѣ», Минха «Матеріалы для исторіи заселенія Саратовскаго уѣзда»; почтенный трудъ г. Харизоменова: «Матеріалы по исторіи заселенія Саратовской губерніи» (продолж.); сообщенія Голомбіевскаго: о дѣлахъ московскаго архива м—ства юстиціи, до Саратов. края относящихся; Смирнова: Архивъ вольскаго нижняго зем. суда и проч. Вообще сюда вошли сообщенія двѣнадцати лицъ изъ членовъ мѣстной уч. архивной комиссіи, которая, такимъ образомъ, вполнѣ проявляетъ свою научную дѣятельность, посвященную изученію старины саратовскаго края.

Воспоминанія о русско-турецкой войнѣ 1877—1878 гг. и М. Д. Скобелевѣ ординарца его Петра Дукмасова. Спб., 1889, въ 8 д., стр. XXI+465, съ двумя снимками писемъ и двумя картами. Цѣна 1 р. 50 к.

Бывшій въ 1877—1878 гг. хорунжій войска Донскаго, одинъ изъ храбрѣйшихъ ординарцевъ доблестнаго М. Д. Скобелева, Петръ Архиповъ Дукмасовъ, десять лѣтъ спустя въ незатѣйливомъ, но бойкомъ и искреннемъ разсказѣ изложилъ свои воспоминанія о минувшихъ событіяхъ этой войны. Не мудрствуя лукаво, г. Дукмасовъ повѣствуетъ только о томъ, что видѣлъ своими глазами, и то, въ чемъ лично участвовалъ; видѣлъ же онъ многое, такъ какъ являлся въ самомъ пылу боя, былъ участникомъ перваго забалканскаго вторженія славнаго генерала Гурко, а затѣмъ неизмѣннымъ сопутникомъ Скобелева. Воспоминанія г. Дукмасова, если не представляютъ крупнаго явленія въ обширной уже литературѣ военно-историческихъ сказаній и очерковъ о минувшей кампаніи, то для жизнеописанія нашего народнаго героя М. Д. Скобелева составляютъ положительно цѣнный матеріалъ; во всякомъ случаѣ, разсказъ этотъ представляетъ живую, весьма искренно написанную и весьма интересную книгу, тѣмъ болѣе, что въ ней мы видимъ Скобелева не только на поляхъ битвъ, но и послѣ войны, между прочимъ видимъ въ Скобелевѣ землевладѣльца, въ его имѣніи.

Путеводитель по дачнымъ мѣстностямъ, водолечебнымъ заведеніямъ и морскимъ купаньямъ въ окрестностяхъ С.-Петербурга и по желѣзнымъ дорогамъ: Финляндскимъ и Балтійской, съ указаніемъ цѣнъ и размѣровъ дачъ, двумя подробными картами, многими рисунками и другими приложеніями. Составилъ и издалъ Н. П. Федотовъ. Спб., 1889 г., стр. 300. Цѣна 1 руб. 50 коп.

Карта и 19 подробныхъ плановъ дачныхъ мѣстностей въ раіонѣ Финляндскихъ желѣзныхъ дорогъ съ ихъ дачными окрестностями. Спб. 1889 г. Состав. и изд. Н. П. Федотовъ. Цѣна 1 руб. 50 коп.

Дачныя мѣстности по Финляндской желѣзной дорогѣ: Терп-Іоки; ТюРесева; Ваммельсуу; Черная рѣчка; Метякюля. Съ двумя планами. Спб. 1889 г. Изд. второе. Состав. Н. П. Федотовъ. Цѣна 25 коп.

Описаніе и подробный планъ дачной мѣстности Райвало. Спб., 1889 г., второе изд. Состав. Н. П. Федотовъ. Цѣна 15 коп.

Всѣ эти путеводители и карты составлены и изданы съ большою заботливостью, очень точны и мы рекомендуемъ ихъ обитателямъ этихъ мѣстностей и направляющимся туда туристамъ и дачникамъ какъ необходимые для нихъ книги и планы.

Великая княгиня Екатерина Павловна, четвертая дочь императора Павла I, герцогиня Ольденбургская, королева Виртембергская, 1788—1818. Біографическій очеркъ, съ приложеніемъ портрета и автографа. Составилъ И. Н. Божерянновъ. Спб., 1888 г., въ 8 д., стр. VII+87. Книга посвящена его высочеству принцу Александру Петровичу Ольденбургскому.

Очеркъ достаточно полно, хорошо составленъ по печатнымъ источникамъ.

Ред.

ПРОДОЛЖАЕТСЯ ПОДПИСКА НА ЖУРНАЛЪ

„РУССКАЯ СТАРИНА“

1889 г.

ДВАДЦАТЫЙ ГОДЪ ИЗДАНІЯ.

Цѣна за 12 книгъ, съ гравированными лучшими художниками портретами русскихъ дѣятелей, **ДЕВЯТЬ** руб., съ пересылкою.

Подписка принимается: для городскихъ подписчиковъ: въ С.-Петербургѣ—въ конторѣ „Русской Старины“, Невскій просп., противъ Гостиннаго двора, д. № 46, книжный магазинъ г. **ЦИНЗЕРЛИНГА.**

Въ Москвѣ — въ отдѣленіяхъ конторы, при книжныхъ магазинахъ: А. Л. Васильева (Страстной бульваръ, д. кн. Горчакова), Н. П. Карбасникова (Моховая, д. Коха), Н. И. Мамонтова (Кузнецкій мостъ, д. Фирсанова), Н. Печковской (Петровская линія). Въ отдѣленіяхъ конторы при книжн. магазинахъ: въ Казани — А. А. Дубровина (Воскресенская ул., Гостинный дворъ, № 1). Въ Саратовѣ — при книжн. магаз. Ф. В. Духовникова (Нѣмецкая ул.). Въ Кіевѣ—при книжн. магаз. Н. Я. Оглоблина.

☞ Гг. **Иногородные** обращаются исключительно: въ С.-Петербургъ, въ Редакцію журнала „Русская Старина“, на Большую Подъяческую, близъ Екатерининскаго канала, домъ № 7.

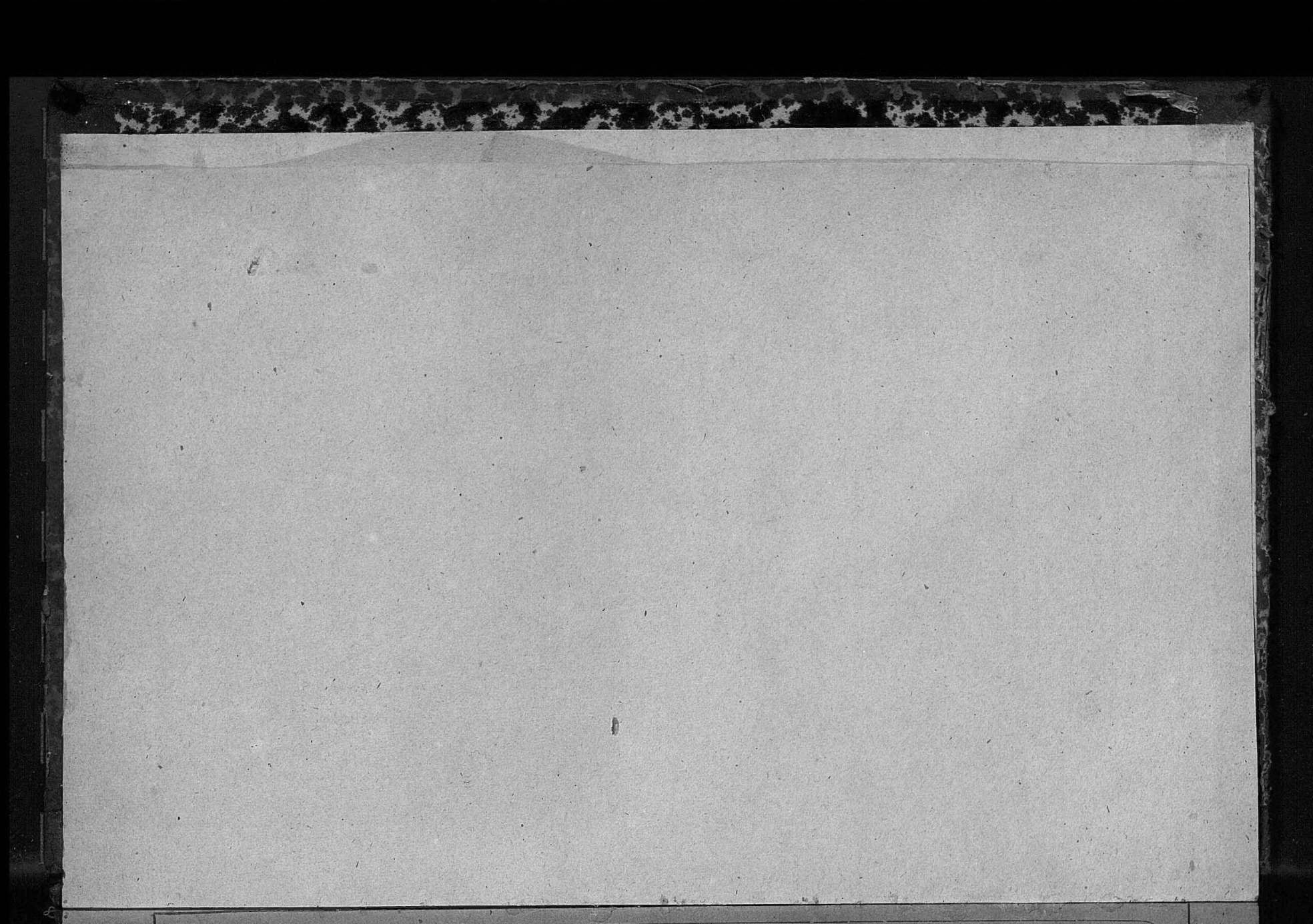
Въ „РУССКОЙ СТАРИНѢ“ помѣщаются:

I. Записки и Воспоминанія.—II. Историческія изслѣдованія, очерки и разсказы о цѣлыхъ эпохахъ и отдѣльныхъ событіяхъ русской исторіи, преимущественно XVIII-го и XIX-го вв.—III. Жизнеописанія и матеріалы къ біографіямъ достопамятныхъ русскихъ дѣятелей: людей государственныхъ, ученыхъ, военныхъ, писателей духовныхъ и свѣтскихъ, артистовъ и художниковъ. — IV. Статьи изъ исторіи русской литературы и искусствъ; переписка, автобіографіи, замѣтки, дневники русскихъ писателей и артистовъ. — V. Отзывы о русской исторической литературѣ.—VI. Историческіе разсказы и преданія.—Челобитныя, переписка и документы, рисующіе бытъ русскаго общества прошлаго времени.—VII. Народная словесность.— VIII. Родословія.

Можно получить въ конторахъ редакціи слѣдующія изданія журнала:

„Русская Старина“ 1870 г., третье изд., (*50 экз.*), съ портретами, 8 руб.
„Русская Старина“ 1876 г., второе изд., 12 кн., съ портретами, 8 руб.
„Русская Старина“ 1877 г., 12 книгъ (*55 экз.*), съ портретами, 8 руб.
„Русская Старина“ 1878 г., 12 книгъ (*52 экз.*), съ портретами, 8 руб.
„Русская Старина“ 1879 г., 12 книгъ (*33 экз.*), съ 12 портрет., 8 руб.
„Русская Старина“ 1880 г., второе изд., 12 книгъ, съ 12 портрет., 8 руб.
„Русская Старина“ 1881 г., 12 книгъ (*43 экз.*), съ портретами, 8 руб.
„Русская Старина“ 1883 г. 12 книгъ (*7 экз.*), съ 17 портрет., 9 руб.
„Русская Старина“ 1884 г., 12 кн., изд. второе, (*89 экз.*) съ портр., 9 руб.
„Русская Старина“ 1885 г., двѣнадцать книгъ, съ портретами, 9 руб.
„Русская Старина“ 1886 г., 12 книгъ (*10 экз.*), съ портретами, 9 руб.
„Русская Старина“ 1888 г., двѣнадцать книгъ съ портретами, 9 руб.

Издатель-редакторъ **Мих. Ив. Семевскій.**



Центральная Рабочая
Библиотека-Читальня
Московского Совета
Профессиональных Союзов.

ВОЗВРАТИТЕ КНИГУ НЕ ПОЗЖЕ
ОБОЗНАЧЕННОГО ЗДЕСЬ СРОКА.

1113 - 17				
4138 - 28				
313 - 29				